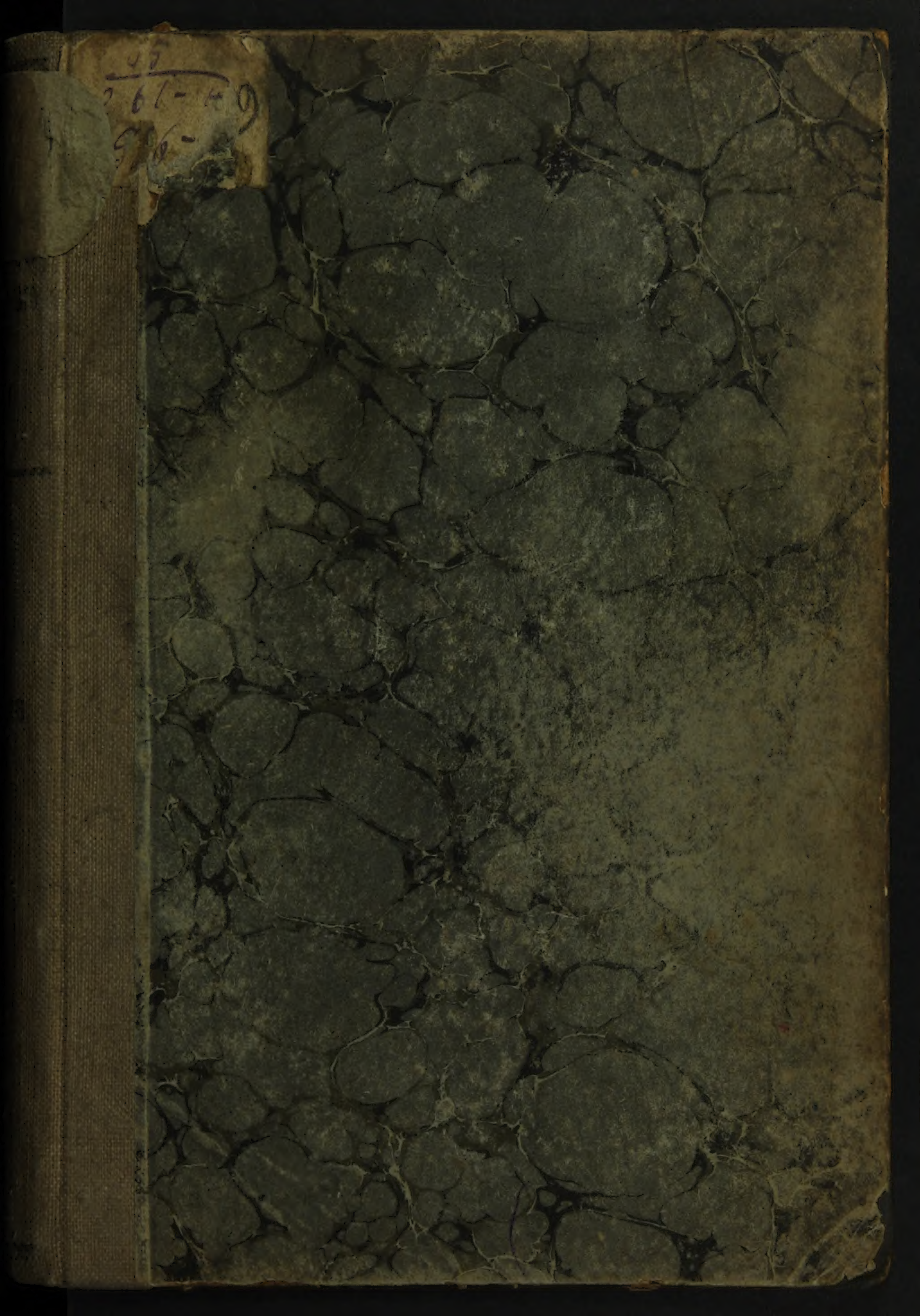
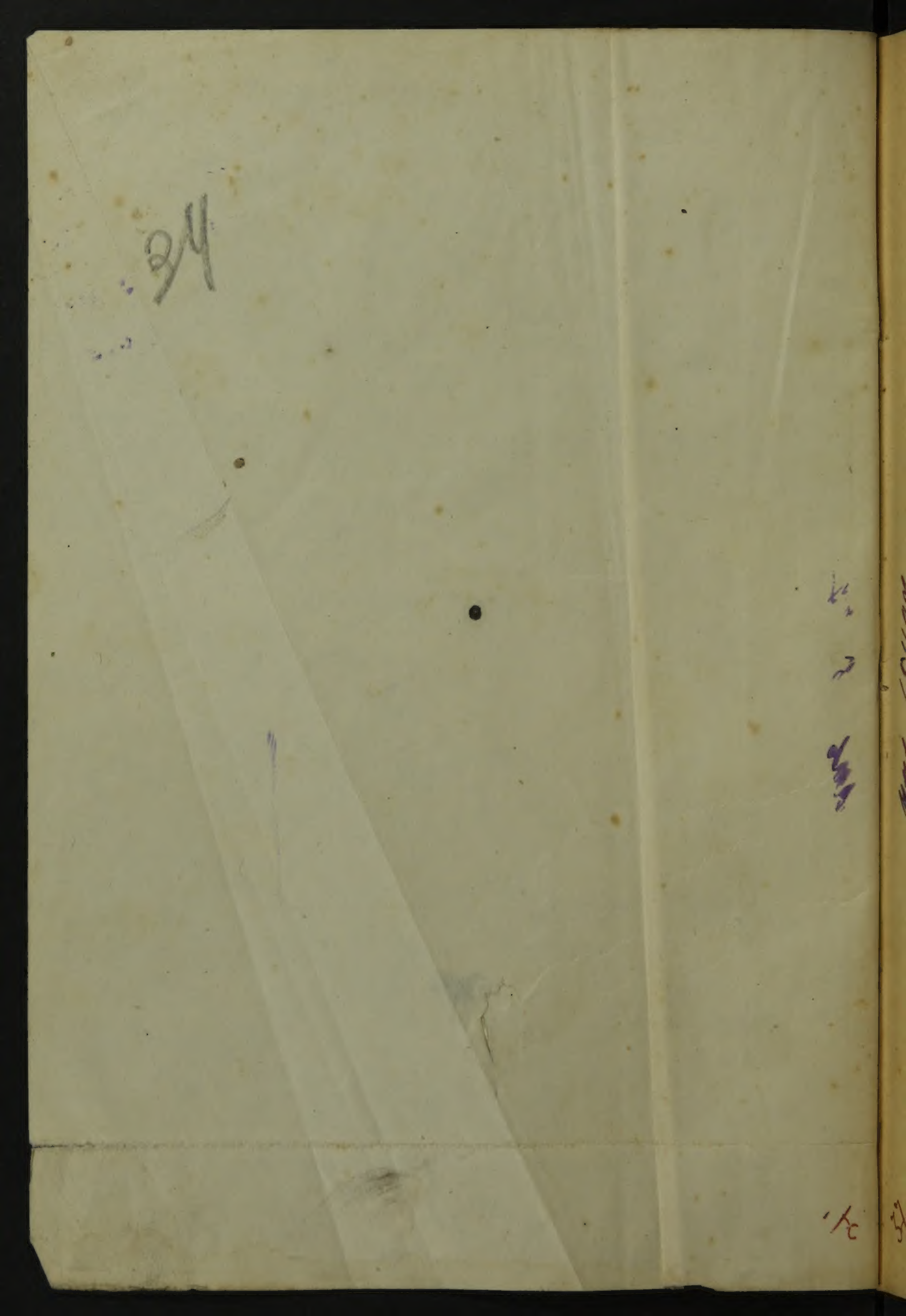

24

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

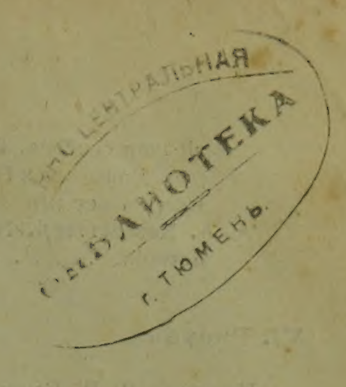
(Годъ изданія IV)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 1. Январь. 1916

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бульваръ, Путинковскій переулокъ, с. д.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

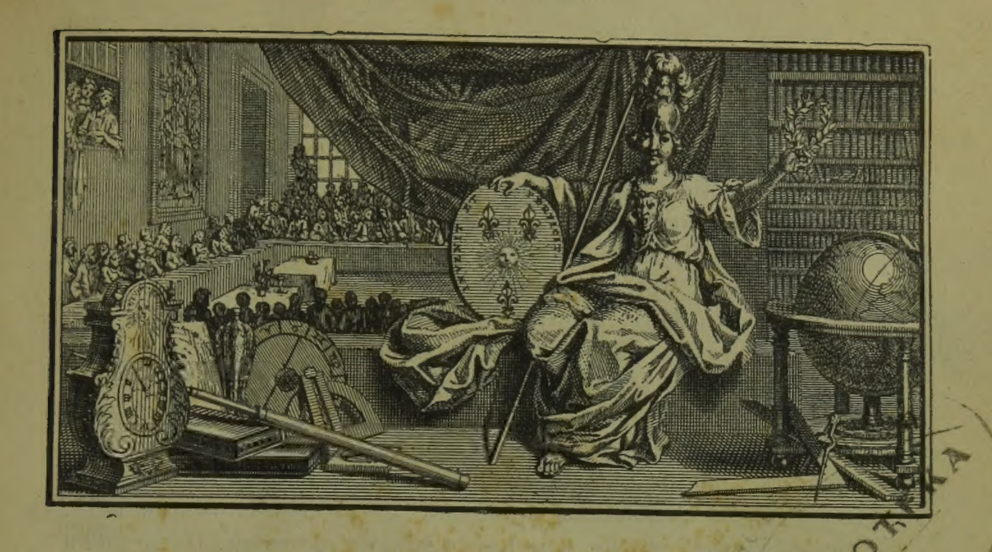
I. Стать

II. Воспоминанія:

III. Матеріалы:

IV. Романъ.

V. Критика и библіографія.

Н. Г. Чернышевскій и его диссертація объ искусствѣ.

(Изъ біографическихъ очерковъ по неизданнымъ матеріаламъ[1]*).*

Въ грустномъ раздумьѣ подъѣзжалъ Николай Гавриловичъ къ Петербургу 13 мая 1853 года. Онъ везъ съ собою молодую жену, счастье которой было для него предметомъ самой горячей заботы. Позади, въ Саратовѣ, оставалась молчаливая, безутѣшная скорбь отца, впереди была неизвѣстность, томившая душу.

Чернышевскіе остановились у И. Г. Терсинскаго, который принялъ молодыхъ супруговъ по-родственному, чрезвычайно радушно. Николай Гавриловичъ былъ очень тронутъ гостепріимствомъ Терсинскаго и, подъ впечатлѣніемъ встрѣчи, писалъ отцу: «Иванъ Григорьевичъ дѣйствительно, а не на словахъ только, истинный родственникъ и человѣкъ благородный и деликатный».

Незадолго передъ тѣмъ Терсинскій овдовѣлъ, но продолжалъ жить въ той же маленькой квартирѣ, въ домѣ Бородиной, въ 1-мъ кварталѣ Петербургской части. На мѣсто тихой, вѣчно-болѣзненной Любиньки ворвалась съ Ольгой Сократовной новая молодая жизнь, внесшая въ общую однообразную атмосферу привычнаго быта Терсинскаго стихію оживленія и веселья.

Вниманіе и родственное участіе со стороны Терсинскаго ока-

---

[1]) Въ біографическомъ повѣствованіи настоящій очеркъ примыкаетъ къ очеркамъ, помѣщеннымъ въ «Современникѣ», 1912, №№ IX—XII и 1913, №№ I—II, гдѣ разсказана исторія любви и женитьбы Н. Г. Чернышевскаго.

зали и въ самомъ дѣлѣ большую услугу Чернышевскому въ его новомъ положеніи: Ольга Сократовна сразу входила въ условія семейной обстановки. Устроиться самостоятельно, на своей квартирѣ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, было бы крайне затруднительно; гостепріимство Терсинскаго давало Ольгѣ Сократовнѣ возможность осмотрѣться и освоиться со всѣми особенностями петербургскаго быта. Вначалѣ такое устройство на особой квартирѣ было бы и преждевременно: Николаю Гавриловичу предстояло отыскать болѣе или менѣе постоянную работу.

Получить такую работу удалось Чернышевскому не особенно скоро. Конечно, онъ прежде всего посѣтилъ И. И. Введенскаго и И. И. Срезневскаго, которыхъ имѣлъ основаніе считать дружески къ себѣ расположенными. Оба они приняли его чрезвычайно ласково, съ такой пріязнью, какой онъ даже не ожидалъ, и обѣщали ему свою помощь въ пріисканіи педагогическихъ занятій. Но такія занятія могли открыться только съ осени. Поддержка Введенскаго оказывала въ этомъ случаѣ Чернышевскому существенную услугу, такъ какъ Введенскій былъ тогда главнымъ наставникомъ-наблюдателемъ за преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Въ то же время Срезневскій горячо убѣждалъ Чернышевскаго немедленно приступить къ подготовкѣ на ученую степень. Предполагаемая преподавательская дѣятельность по предмету русскаго языка и словесности, которую намѣревался продолжать Чернышевскій, должна была только выиграть отъ шедшихъ съ ней рука-объ-руку филологическихъ изученій. Измаилъ Ивановичъ говорилъ теперь тоже самое, что говорилъ и прежде, когда рекомендовалъ Чернышевскому сосредоточить свои научные интересы на филологіи, въ частности—на исторіи славянскихъ нарѣчій. Совѣты Срезневскаго были столь же благоразумны, какъ и благожелательны: они открывали передъ Чернышевскимъ опредѣленный путь къ профессурѣ, гдѣ онъ впослѣдствіи могъ бы стать достойнымъ преемникомъ своего учителя.

Чернышевскій молчаливо выслушивалъ убѣжденія Измаила Ивановича, но имъ овладѣвало сильное сомнѣніе, не явятся ли строго академическія занятія филологіей слишкомъ далекими отъ его иныхъ, болѣе близкихъ къ дѣйствительности стремленій.

Перспектива ожиданія до осени платныхъ уроковъ мало улыбалась Чернышевскому, но хлопотать надо было теперь же, такъ какъ распредѣленіе уроковъ между преподавателями намѣчалось обыкновенно весной. Въ данномъ случаѣ задача нѣсколько осложнялась тѣмъ, что необходимо было не только пріискать себѣ уроки, но и опредѣлиться въ одно изъ казенныхъ

учебныхъ заведеній на службу. Онъ уѣхалъ изъ Саратова, не взявъ увольненія изъ саратовской гимназіи и только получивъ временный отпускъ. Зачисленіе на службу по петербургскому округу могло состояться лишь путемъ служебнаго перевода, на что требовалось прежде всего согласіе попечителя округа. Чернышевскій отправился къ нему. М. Н. Мусинъ-Пушкинъ внимательно выслушалъ его и обѣщалъ назначить на первую же вакансію, какая откроется въ округѣ. Въ то же время, при содѣйствіи Введенскаго, Чернышевскій поставилъ свою кандидатуру и въ военно-учебныя заведенія.

Онъ хлопоталъ о «казенномъ мѣстѣ» далеко не по доброй волѣ. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, ему не хотѣлось огорчать старика-отца, сосредоточившаго на немъ, послѣ смерти Евгеніи Егоровны, всѣ свои помыслы: Гаврiилу Ивановичу, въ его заботахъ о сынѣ, государственная служба попрежнему представлялась единственнымъ средствомъ обезпеченнаго и вообще достойнаго существованія.

Чернышевскій подалъ прошенія и попечителю, и въ управленіе военно-учебными заведеніями, и офиціальная переписка началась. Одновременно, чувствуя себя теоретически подготовленнымъ, онъ просилъ университетъ допустить его къ испытаніямъ на степень магистра по исторіи русскаго языка и славянскихъ нарѣчій. Началась длинная волокита съ назначеніемъ срока испытаній, сильно огорчавшая нетерпѣливаго магистранта.

Онъ жилъ тогда двойной, равно волновавшей его жизнью. Съ одной стороны, въ заботахъ о матеріальномъ обезпеченіи Ольги Сократовны, онъ готовъ былъ итти на всякія жертвы, не щадя времени и силъ, съ другой стороны, ему важно было проложить путь къ общенію съ молодыми силами Россіи.

Университетская каѳедра открывала передъ Чернышевскимъ возможность вліять на аудиторію живымъ словомъ; другой путь къ той же цѣли идейнаго воздѣйствія, манившій его съ юности, приводилъ его къ журнальной работѣ. Эту работу онъ не упускалъ ни на минуту въ своихъ предположеніяхъ и потому, въ первые же дни по пріѣздѣ въ Петербургъ, возобновилъ свои прежнія литературныя знакомства. Съ А. А. Краевскимъ у него скоро создались опредѣленныя журнальныя отношенія, которыя весьма быстро обнаружили, что редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» по достоинству оцѣнилъ разносторонность свѣдѣній и идейную широту молодого сотрудника. Но Краевскій былъ не изъ тѣхъ людей, которые могли открыть Чернышевскому полную возможность установить свое вліяніе на журналъ, какъ то представлялось бы ему желательнымъ, и «Отечественныхъ Записокъ»

однѣхъ было слишкомъ мало для литературнаго темперамента Николая Гавриловича. Онъ отправился къ Некрасову, который глубокимъ чутьемъ поэта и гражданина сразу угадалъ въ Чернышевскомъ публициста-мыслителя. Ихъ первое свиданіе, разсказанное впослѣдствіи самимъ Чернышевскимъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ не только біографіи ихъ обоихъ, но и всей исторіи нашей журналистики. Эпизодъ этотъ уже разсказанъ нами[1]), и если мы упоминаемъ здѣсь о немъ, то лишь затѣмъ, чтобы напомнить читателю общій колоритъ основного настроенія Чернышевскаго въ ту пору.

Занятый пересмотромъ научной литературы къ магистерскимъ экзаменамъ и первыми литературными работами, Чернышевскій могъ удѣлять сравнительно мало времени заботамъ о своемъ матеріальномъ благосостояніи. Между тѣмъ его письма къ Гавріилу Ивановичу именно въ ранній періодъ петербургскаго быта могли бы легко ввести въ заблужденіе: такъ много въ нихъ докучливой внѣшней заботы о «казенномъ» мѣстѣ, о предполагаемомъ содержаніи, о возможности получить то или иное количество уроковъ и такъ мало сообщеній о томъ, что составляло тогда истинную сущность духовныхъ стремленій Николая Гавриловича. Пусть насъ не удивляетъ, что эти письма лишь косвенно отражаютъ его внутреній міръ въ то время: мы знаемъ, какъ умѣлъ онъ скрывать глубокія переживанія подъ ровнымъ теченіемъ спокойныхъ и утѣшительныхъ словъ. Увѣренный въ себѣ и бодро смотрѣвшій впередъ, онъ тѣмъ не менѣе все время чувствовалъ издалека устремленный на себя испытующій и скорбный взглядъ отца, и это заставляло больно сжиматься его сердце. Осиротѣвшаго старика было безконечно жаль, хотѣлось въ чемъ-то увѣрить его, что-то пообѣщать, чѣмъ-то утѣшить. Но о чемъ утѣшительномъ могъ писать Николай Гавриловичъ? Дѣлиться овладѣвшими имъ снова мыслями о профессорахъ, объ этихъ, въ преобладающемъ большинствѣ, сухихъ, съ его точки зрѣнія, и невѣжественныхъ педантахъ? Его критическое отношеніе къ ученой коллегіи было бы непонятно Гавріилу Ивановичу, его жалобы на формализмъ и равнодушіе къ судьбамъ молодой нарастающей науки были бы приняты Гавріиломъ Ивановичемъ, какъ строптивое неуваженіе къ волѣ свыше поставленныхъ начальниковъ. Оставалось одно—успокаивать отца относительно полученія мѣста. И онъ сообщалъ Гавріилу Ивановичу обо всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ возможности осуществленія этого.

---

[1]) См. «Современный Міръ» 1911 г., №№ 9, 10, 11.

«Дѣла мои въ Петербургѣ идутъ пока такъ, какъ надобно желать,—писалъ Чернышевскій отцу 25 мая. Просьбу о магистерскомъ экзаменѣ подалъ я въ пятницу, потому что попечитель велѣлъ прежнюю мою просьбу переписать, поставивши вмѣсто четырехмѣсячной отсрочки моему отпуску шестимѣсячную. Онъ вообще со мною очень ласковъ и хотѣлъ представить министру, чтобы не прекращалось жалованье» [1]).

Николай Гавриловичъ писалъ часто, но мало, и самъ чувствовалъ, что письма его бывали слишкомъ кратки и, сравнительно съ прежними, мало содержательны. Иногда онъ испытывалъ приливы грустныхъ воспоминаній и тогда посылалъ отцу нѣжныя и ласковыя слова, застѣнчиво облекая ихъ въ латинскія формы. «Дорогой отецъ,—писалъ онъ 1-го іюня,—хотѣлъ обо многомъ написать тебѣ, чтобы ты зналъ, насколько цѣню я твою глубокую любовь ко мнѣ. Но у меня мало времени, и бываетъ много такого, что мѣшаетъ. Напишу въ ближайшее время»[2]).

Къ половинѣ іюня обстоятельства начали выясняться. Появилась дѣйствительная увѣренность въ возможности полученія уроковъ во второмъ кадетскомъ корпусѣ, что позволяло подумать о собственной квартирѣ, гдѣ было бы удобно заниматься, такъ какъ въ небольшомъ помѣщеніи Ивана Григорьевича приходилось жить, какъ «на бивуакахъ», стѣсняя себя и хозяина. «Въ корпусахъ наберется у меня уроковъ по приблизительному счету на тысячу рублей серебромъ»,—писалъ онъ отцу 21 іюня и тутъ же добавлялъ нѣсколько словъ, которыя показывали, что въ дѣйствительности полученіе уроковъ не всегда одинаково сильно заботило его: «но я ни у кого изъ людей, отъ которыхъ зависитъ въ корпусахъ раздача уроковъ, не былъ и не буду съ просьбою объ урокахъ, не хочу напрашиваться, пусть сами приглашаютъ, кому угодно. Вѣроятно, тѣ уроки, которые теперь остались за мною, теорія поэзіи во второмъ корпусѣ и половина уроковъ, которые были у Ввведенскаго по разнымъ корпусамъ, принесутъ мнѣ больше тысячи рублей серебромъ, въ которые оцѣниваю ихъ я. Вѣроятно, во второмъ корпусѣ принуждены будутъ просить меня взять еще часть уроковъ по исторіи всеобщей литературы».

Гавріила Ивановича трудно было успокоить одними обѣщаніями и планами. Ему приходила на память поговорка о синицѣ въ рукахъ и журавлѣ въ небѣ. «Синицей въ рукахъ»—была сара-

---

[1]) Т.-е. жалованье, получавшееся изъ саратовской гимназіи, гдѣ Чернышевскій продолжалъ числиться на службѣ.

[2]) Optime pater! multa tibi scribere volebam, ut scias, a me comprehensam esse tuam summam in me benevolentiam; sed spatium temporis deest; accidunt plurima, quae impediunt. Insequenti scribam tempore.

товская гимназія, гдѣ его сынъ уже пріобрѣлъ репутацію талантливаго и дѣльнаго преподавателя. Всѣ же увѣренія Николая Гавриловича въ возможности создать для себя такое же положеніе въ Петербургѣ, какое онъ имѣлъ въ Саратовѣ, уже по одному тому не доходили до сердца Гавріила Ивановича, что они разрушали его родительскую мечту увидѣть «Николю» возлѣ себя, подъ роднымъ кровомъ своего осиротѣлаго, со смертью жены, дома. «Работы много и у меня, любезный, милый мой сынокъ,—писалъ Гавріилъ Ивановичъ 10 іюля,—да пользы для жизни нѣтъ. Если и у тебя, мой сынокъ, такая же работа, т.-е. не приносящая въ житіе ваше довольства, то жалкіе мы жильцы міра сего, просто поденщики»...

Но Николай Гавриловичъ твердо шелъ по намѣченному пути. Онъ былъ увѣренъ въ себѣ и зналъ, что при его работоспособности въ деньгахъ не будетъ недостатка. Къ тому же, кромѣ перспективы уроковъ, стали набѣгать и другія работы. «Поручили мнѣ,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ,—между прочимъ, корректуру и исправленіе записокъ высшей исторической грамматики русскаго и церковно-славянскаго языка, которыя теперь литографируются для разсылки по корпусамъ, какъ пособіе (не какъ руководство)». Было ясно: до полученія уроковъ Чернышевскій не отказывался ни отъ какой работы.

Въ письмахъ Чернышевскаго къ отцу замѣтна большая спѣшность и отрывочность. Не то, вѣроятно, чтобы онъ не находилъ времени для нихъ,—скорѣе, къ нему не приходило то состояніе духа, въ которомъ ему было бы легко и свободно писать Гавріилу Ивановичу. Среди своей лихорадочной работы Чернышевскій словно отписывался не о томъ, что владѣло всѣми его помыслами, но о томъ, что тогда болѣе всего заботило старика,—о государственной службѣ, о деньгахъ, о всей матеріальной сторонѣ жизни. Общій тонъ, царившій въ душѣ Чернышевскаго, крайне необходимо имѣть въ виду, иначе въ представленіи читателя нарушится связь между постояннымъ, важнымъ, господствовавшимъ въ характерѣ и умственныхъ интересахъ Николая Гавриловича въ ту пору и тѣмъ, что было случайнымъ, внѣшнимъ элементомъ сложной жизни его жизненныхъ переживаній.

Съ Введенскимъ,—сообщалъ онъ отцу,—ему было очень важно видѣться... Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ удастся получить, вѣроятно, столько уроковъ, сколько пожелаетъ... Одно мѣсто ему уже предложили, но, по совѣту Введенскаго, онъ не нашелъ нужнымъ принять его... Онъ познакомилъ Ольгу Сократовну съ Срезневскими, и она была принята ими чрезвычайно радушно. «Семейство Срезневскаго, особенно самъ онъ и его мать,

также понравились Ольгѣ Сократовнѣ. Срезневскій даже бѣгаетъ съ нею въ перегонки по Павловскому парку. На-дняхъ мы поѣдемъ къ нимъ опять въ Павловскъ гостить на нѣсколько дней...»[1]) Письмо заканчивалось указаніемъ, что и всѣ прочія отношенія Николая Гавриловича были хороши, и, кромѣ пріятнаго, онъ ничего пока не встрѣчалъ.

Живая и веселая Ольга Сократовна, дѣйствительно, пользовалась успѣхомъ въ кругу своихъ новыхъ знакомыхъ[2]).

И въ то время, какъ Ольга Сократовна была беззаботна и весела и мечтала объ удобномъ и уютномъ устройствѣ дома, Николай Гавриловичъ, расчищая для себя путь къ дальнѣйшей дѣятельности, которая была ему по душѣ, долгіе часы проводилъ надъ скучными филологическими занятіями. Но въ своей семейной жизни онъ былъ счастливъ, онъ радовался всякому случаю, дававшему возможность въ полнотѣ и свободѣ развернуться индивидуальнымъ свойствамъ характера Ольги Сократовны, и отдыхалъ на мысли, что въ своей личной жизни онъ можетъ послужить счастью одной изъ тѣхъ многихъ, горькая судьба которыхъ такъ трогала его сердце въ юношескіе годы, тѣхъ, для кого онъ ждалъ въ будущемъ такого широкаго, свѣтлаго пробужденія.

II.

Но, въ какую бы сторону ни клонились идейные интересы Чернышевскаго, работа его по Словарю къ Ипатьевской лѣтописи ждала своего окончательнаго завершенія.

Онъ принялся за нее не безъ значительнаго усилія воли. Выборка словъ и пересмотръ всего словарнаго матеріала заставляли его глубоко вникать въ поразительныя для истиннаго филолога красоты лѣтописной рѣчи. Подобное изученіе столь замѣчательнаго памятника должно было явиться, по мысли Срезневскаго, прекраснымъ методологическимъ введеніемъ къ познанію историческихъ основъ русскаго языка. Естественно вытекалъ при этомъ, по первоначальному плану, и предметъ задуманной еще

---

[1]) Письмо отъ 21 іюня 1853 г.

[2]) Съ отраднымъ чувствомъ вспоминалъ Чернышевскій много лѣтъ спустя («Чернышевскій въ Сибири», т. III, стр. 212), какъ любилъ ея появленія тотъ же Срезневскій, который, по выраженію Николая Гавриловича, «не охотникъ былъ покидать свой кабинетъ». Запомнилось Чернышевскому и то, съ какимъ удовольствіемъ просиживали у нихъ цѣлые дни и вечера въ бесѣдахъ съ Ольгой Сократовной П. П. Пекарскій и А. А. Котляревскій. «Мало вечеровъ каждую недѣлю просиживалъ Пекарскій въ разговорахъ съ тобой?»—спрашивалъ Чернышевскій Ольгу Сократовну въ томъ же сибирскомъ письмѣ. «А другой—изъ немногихъ пользовавшихся моимъ уваженіемъ и радушнымъ пріемомъ ученыхъ, Котляревскій... онъ, когда живалъ въ Петербургѣ, неотступно сидѣлъ подлѣ тебя, или нѣтъ?—Кажется неотступно...»

два года назадъ магистерской диссертаціи Чернышевскаго: сравнительное изслѣдованіе лексическихъ особенностей Ипатьевской лѣтописи. Живя въ Саратовѣ, Чернышевскій дѣлалъ обширныя выписки изъ лѣтописей и даже обрабатывалъ отдѣльныя части будущаго изслѣдованія. Но уже тогда эта работа тяготила его. Онъ велъ ее съ перерывами, безъ воодушевленія, отвлекаемый столько же другими мыслями и планами, сколько влюбленностью въ Ольгу Сократовну. Первыя поэтическія грезы и притупляющая механическая работа... Одно исключало другое: напрасно пытался онъ установить какую-нибудь гармонію въ чередованіи этихъ началъ. Напомнимъ одну изъ записей его дневника, столь чутко и вѣрно отражавшаго лучи и тѣни его переживаній. «Работалъ весьма мало,—записывалъ онъ, напримѣръ, 18 марта 1853 г., въ своемъ дневникѣ т.-е. еще въ Саратовѣ,—потому что безпокойство нѣкоторое отъ моей любви...» Неудивительно, что въ тѣхъ настроеніяхъ, которыя онъ тогда переживалъ въ эти мѣсяцы высшаго подъема его жизнеощущенія, предметъ навязанной ему диссертаціи казался ему нестерпимо скучнымъ. Но и помимо этого, въ его душѣ, повидимому, недоставало того усидчиваго консерватизма, который образовывалъ «истыхъ филологовъ», работниковъ кропотливыхъ, но, въ большинствѣ, односторонних и узкихъ спеціалистовъ. Порою и въ Саратовѣ мелькала передъ Чернышевскимъ мысль взяться за другую тему, если «варварская» работа не дастся ему скоро; одной изъ такихъ темъ представлялось ему изслѣдованіе о заслугахъ Гумбольдта въ исторіи сравнительнаго языкознанія. Но тогда ему словно неловко было отказаться отъ темы, о которой онъ при окончаніи университетскаго курса такъ много говорилъ со Срезневскимъ, и, скрѣпя сердце, онъ довелъ свой словарь, какъ скучный урокъ, до конца.

То же настроеніе скуки и разочарованія испытывалъ Чернышевскій и теперь въ Петербургѣ, пересматривая и подготовляя свою работу къ печати.

«Словарь мой къ Ипатьевской лѣтописи скоро начнетъ печататься,—писалъ онъ Гавріилу Ивановичу 25 мая.—Это будетъ самое скучное, самое неудобочитаемое, но вмѣстѣ едва ли не самое труженическое изо всѣхъ ученыхъ твореній, какія появлялись на свѣтѣ въ Россіи».

Мѣсяцъ спустя, словарь былъ уже сданъ въ Академію. Чернышевскій въ это время относился къ факту его напечатанія съ глубокой ироніей, которой онъ не могъ скрыть даже отъ Гавріила Ивановича. «Съ будущей недѣли, или, лучше сказать, съ субботы, начнется печатаніе моего словаря къ Ипатьевской лѣтописи въ

Извѣстіяхъ второго отдѣленія Академіи. Денегъ, конечно, это не доставитъ. Дадутъ только отдѣльные оттиски, которыхъ, разумѣется, никто не купитъ. Безкорыстный трудъ на пользу науки и своей ученой репутаціи. Есть у меня еще кое-какія другія дѣла. Но такъ какъ они еще тянутся и до конца дотянутся не раньше двухъ недѣль, то пока не пишу ничего о нихъ. Это дѣла доставляющія нѣсколько денегъ...»[1]). Письмо это снова заканчивалось нѣжнымъ изліяніемъ по-латыни: «Не могу выразить словами, какъ много думаю о тебѣ, какъ сильно люблю тебя. Будь здоровъ, дорогой отецъ, достойный лучшаго сына, чѣмъ я. Возсылаю мольбы къ Богу, чтобы онъ ниспослалъ тебѣ за твое ко мнѣ величайшее благорасположеніе доброе здоровье и всяческую радость»...[2]).

Словарь закончился печатаніемъ въ сентябрѣ, и Чернышевскій тотчасъ же послалъ отцу свѣжую книжку академическихъ «Извѣстій»[3]). «Сверхъ ожиданія» Академія уплатила ему гонораръ—60 рублей. Онъ предполагалъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ «Извѣстій» помѣстить и статью объ Ипатьевской лѣтописи.

Чернышевскій былъ чрезвычайно радъ завершенію работы по словарю. Такъ или иначе онъ закончилъ дѣло, на которое положилъ не мало труда, и формально исполнилъ обѣщаніе, данное Срезневскому. По существу онъ не былъ удовлетворенъ филологической стороной своей работы. Онъ самъ видѣлъ ясно, что изслѣдованіе языка Ипатьевской лѣтописи не могло замкнуться въ кругу фактовъ, представляемыхъ только этой лѣто-

---

[1]) Намекъ на начинавшееся сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ».

[2]) Verbis exprimere non possum, quantum de Te cogito, quantum Te amo. Valeas, Pater optime, meliore, quam ego, filio dignus. At Deum preces mitto, ut Te, pro tua in me summa benignitate, bona valetudine et omni gaudio condonet...

[3]) «Опытъ словаря къ Ипатьевской лѣтописи», Прибавленія къ Извѣстіямъ Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. VII, вып. 2, Спб., 1853.

Какъ указалъ Чернышевскій въ письмѣ къ сыновьямъ отъ 21 апрѣля 1877 г. («Чернышевскій въ Сибири», вып. II, стр. 142), то, что появилось въ «Извѣстіяхъ», было лишь небольшой частью всей предпринятой имъ работы. Понятіе о послѣдней даютъ слѣдующія строки его письма: «Вообрази, въ немъ (словарѣ), т.-е. въ полной его рукописи, были перечислены всѣ мѣста лѣтописи, въ которыхъ попадается слово «идти» или слово «ѣхать» или слово «земля»—можно вѣрить такой невообразимой глупости?—Такъ этого еще мало, другъ, было тамъ еще и не то: тамъ были перечислены всѣ мѣста, гдѣ употреблено слово «ты», слово «я»,—и даже—о, ужасъ!—слово «и». А слово «и» попадается почти во всякой строкѣ!—а на иной строкѣ, разъ десять,—ты знаешь, каковъ слогъ лѣтописей: и пошелъ воинъ, и пришелъ воинъ, и звали его Иванъ, и пришелъ другой воинъ, и звали его Павелъ, и пришли Степанъ, и Петръ и Сидоръ и... и... и... ...и И всѣ эти «и» были у меня собраны и перечислены съ такою старательностью, какъ жемчужины по орѣху величиною заботливо нанизываются на нитку, чтобы не затерялась ни одна изъ такихъ драгоцѣнныхъ рѣдкостей».

писью; оно должно было вывести изслѣдователя на путь широкаго сравнительнаго изученія. Мало того, Чернышевскій такъ спѣшилъ съ окончаніемъ словаря, что у него не хватило терпѣнія снабдить его всѣми необходимыми указаніями. Замѣчались имъ и другіе недочеты; нѣкоторые изъ нихъ онъ могъ бы исправить въ процессѣ печатанія. Но душа его была уже такъ далека отъ словаря, что онъ рѣшилъ развязаться съ нимъ, какъ можно скорѣе, не затрачивая ни одной лишней минуты на добавленіе или переработку. Онъ ограничился тѣмъ, что помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»[1]) исполненную внутренней ироніи рецензію на словарь, гдѣ отмѣтилъ его важнѣйшіе недостатки. Рецензія начиналась словами: «Опытъ Словаря къ Ипатьевской лѣтописи, г. Чернышевскаго,—первый послѣ словаря къ «Остромірову Евангелію» трудъ такого рода въ русской литературѣ. Потому обратимъ вниманіе на планъ и исполненіе этого труда, предполагая, что авторъ не оскорбится нашими замѣчаніями»... Авторъ не страдалъ ложнымъ самолюбіемъ... Напротивъ, сообщая 14 сентября отцу объ имѣющейся появиться рецензіи, онъ замѣчалъ: «Здѣсь, не говоря худо ни о комъ (потому что нельзя говорить), сколько возможно побранилъ свой Словарь».

Даже спустя много лѣтъ, Чернышевскій не могъ вспоминать безъ горькой ироніи свои филологическія упражненія какъ въ университетѣ, при изученіи славянскихъ нарѣчій, такъ и надъ словаремъ. «И я въ твои годы былъ настолько наивенъ,—писалъ онъ 21 апрѣля 1877 г. изъ Сибири одному изъ своихъ сыновей,—что копался въ какомъ-то Шафариковскомъ мелкословіи, и, убивши на славянскія нарѣчія страшно много времени, остался не знающимъ ни одного славянскаго нарѣчія. По-польски, по-чешски, по-сербски я не зналъ ровно ничего, а переписывалъ какую-то пустяковщину изъ какихъ-то харатейныхъ драгоцѣнностей Румянцовскаго музеума. Такъ велика была моя славянская ученость, что печатныхъ книгъ ужъ не доставало для ея насыщенія, и дошло дѣло до пожиранія пергамента»...[2])

III.

Еще въ маѣ того же 1853 г. Чернышевскій подалъ прошеніе о допущеніи его къ испытаніямъ по предмету русскаго языка и славянскихъ нарѣчій, но, съ наступленіемъ каникулъ, вопросъ объ этихъ испытаніяхъ самъ собою передвинулся на осень.

[1]) 1854 г., т. XCII (январь—февраль). Полное собраніе соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2, стр. 82—83.

[2]) «Чернышевскій въ Сибири», вып. II, стр. 142.

Пока прошеніе лежало въ канцеляріи университета, Чернышевскій дѣлилъ свое время между научными работами и подготовкою къ журнальнымъ статьямъ. Между тѣмъ, повидимому, теряя надежду на возвращеніе сына въ Саратовъ, Гавріилъ Ивановичъ писалъ ему и Ольгѣ Сократовнѣ 7 августа: «Вы утверждаетесь жить въ Питерѣ. Это хорошо, но я все-таки до тѣхъ поръ буду безпокоиться, пока ты, Николенька, не поступишь на должность казенную». Тѣ же настаиванія и вопросы повторялъ Гавріилъ Ивановичъ и въ слѣдующемъ своемъ письмѣ—31 августа: «Въ августѣ начинаются почти во всѣхъ гражданскихъ училищахъ курсы ученія. Пріискалъ ли, милый мой Николенька, ты себѣ мѣсто въ какомъ-либо учебномъ заведеніи? Частная служба не полезна въ будущемъ. Пожалуй,—пристройся гдѣ-нибудь въ казенномъ мѣстѣ, чтобы лѣта и силы не истощались даромъ. Съ нетерпѣніемъ жду этой вѣсти.

«Еще не изнуряй себя излишне: всего, что плаваетъ или плыветъ по житейскому морю, не перехватишь и не усвоишь. Хорошо писать въ изданіе Краевскаго, но это должно быть второстепенное твое занятіе—отъ бездѣлья не безъ дѣла».

Наконецъ, 30 августа Николай Гавріиловичъ получилъ возможность сообщить отцу болѣе или менѣе положительныя свѣдѣнія о своемъ опредѣленіи на службу на должность преподавателя во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ: «Служба моя, конечно, будетъ считаться казенною,—писалъ онъ,—а не частною. Скоро ли дождемся мы приказа о моемъ опредѣленіи, будетъ зависѣть отъ того, скоро ли кончится дѣло о переводѣ[1]); отношеніе о немъ уже послано изъ 2-го корпуса къ попечителю казанскаго округа. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мнѣ говорили, что подавать въ отставку мнѣ не нужно. Не знаю, такъ ли это устроится, какъ сказали мнѣ тамъ, или нѣтъ»...

Опредѣленіе Чернышевскаго на государственную службу въ Петербургѣ состоялось только въ началѣ 1854 года. 24 января онъ былъ переведенъ изъ саратовсокй гимназіи во второй кадетскій корпусъ на должность учителя третьяго разряда[2]).

---

[1]) Изъ саратовской гимназіи.

[2]) Къ исторіи перевода Чернышевскаго на службу въ Петербургъ относится слѣдующая бумага попечителя казанскаго учебнаго округа къ директору училищъ Саратовской губерніи отъ 2 декабря за № 3959: «На представленіе отъ 19-го минувшаго ноября нужнымъ считаю увѣдомить васъ, Милостивый Государь, что причина просрочки старшаго учителя, Чернышевскаго, по всей вѣроятности происходитъ отъ того, что онъ ожидаетъ перемѣщенія своего во 2-й кадетскій корпусъ. Впрочемъ, это не останавливаетъ васъ къ принятію въ отношеніи къ Чернышевскому въ свое время законныхъ мѣръ, а именно: 1) въ случаѣ прибытія его къ прежней должности вытребовать отъ него объясненіе о причинахъ просрочки въ отпуску и съ мнѣніемъ своимъ, находите ли вы ихъ удовлетво-

Гаврiилъ Ивановичъ желалъ, чтобы сынъ его получилъ уроки также въ одномъ изъ учебныхъ заведенiй министерства народнаго просвѣщенiя и продолжалъ бы, такимъ образомъ, числиться и по этому вѣдомству. Но Николай Гавриловичъ былъ объ этомъ другого мнѣнiя. Недаромъ онъ въ своихъ отвѣтахъ уклончиво ссылался на свой «характеръ», помѣшавшiй ему воспользоваться многими случаями въ этомъ направленiи. Такъ 22 ноября 1854 г. онъ прямо указывалъ на причину, по которой служба въ учебныхъ заведенiяхъ была для него не только малопрiятной, но и недостаточно полезной. Въ этомъ письмѣ онъ, наконецъ, признавалъ, что мало заботился объ обезпеченiи себя уроками, и вотъ почему: по прiѣздѣ въ Петербургъ онъ убѣдился, что ему приходилось искать заработка не въ однихъ лишь учебныхъ заведенiяхъ,—послѣднiя могли бы дать ему, во всякомъ случаѣ, слишкомъ мало, притомъ же уроки надолго отвлекали бы его изъ дому, «чего вовсе не хочу я,—прибавлялъ Чернышевскiй,—потому что Оленька скучаетъ безъ меня, да и я постоянно желалъ бы быть подлѣ нея»...

«Теперь,—говорилъ онъ,—я сижу въ корпусѣ почти только для того, чтобы считаться на службѣ. Жалованье не доставляетъ мнѣ столько, сколько я теряю времени на уроки. Конечно, можно бы было за то же количество часовъ получать вдвое болѣе,—но для этого нужно или наступать на горло, или интриговать и льстить. У меня недостаетъ характера ни на то, ни на другое. Учительская служба, какъ и всякая другая, не въ моемъ характерѣ. Единственныя мѣста, которыя занималъ бы я съ удовольствiемъ и о которыхъ былъ бы готовъ просить,—профессора въ университетѣ или библiотекаря въ Публичной Библiотекѣ. На первое трудно разсчитывать; послѣднее надѣюсь получить черезъ годъ, черезъ два. До того времени буду служить въ корпусѣ, чтобы не пропадало время безъ службы».

Чернышевскiй долго однако не сообщалъ отцу ни о своемъ охлажденiи къ занятiямъ филологiей, ни о своемъ намѣренiи избрать другой предметъ для спецiальнаго изученiя. Прежде этимъ предметомъ были, какъ мы знаемъ, славянскiя нарѣчiя, въ связи съ сравнительнымъ изученiемъ исторiи русскаго языка. Теперь его вниманiе останавливалось на русской словесности.

рительными, представить ко мнѣ; 2) все жалованье, слѣдующее со времени прекращенiя дозволеннаго ему 28-дневнаго отпуска, до явки къ должности удержать; и 3) если бы онъ не явился къ должности въ теченiе 4 мѣсяцевъ, со времени окончанiя отпуска, дозволеннаго ему г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя, то, на основанiи Св. Зак. т. 3, Уст. о служб. по опред. отъ Прав., изд. 1842, представить къ увольненiю отъ службы за неявку изъ отпуска».

Его рѣшеніе подвергнуться испытаніемъ на степень магистра по этому предмету стояло въ зависимости отъ согласія А. В. Никитенки, занимавшаго каѳедру русской литературы, и отъ утвержденія имъ новой темы для диссертаціи. Эта новая тема намѣчалась у Чернышевскаго въ связи съ обѣщанными имъ для «Отечественныхъ Записокъ» статьями по эстетикѣ. Онъ вспомнилъ, что Никитенко предлагалъ когда-то для кандидатскаго сочиненія тему о взаимоотношеніяхъ между дѣйствительностью и искусствомъ, и Николай Гавриловичъ задумалъ воспользоваться ею теперь для магистерской диссертаціи. Выразивъ согласіе на испытаніе Чернышевскаго по своей каѳедрѣ, Никитенко одобрилъ тему, и, такимъ образомъ, рѣшилъ вопросъ о направленіи будущей профессорской работы Чернышевскаго.

Это выяснилось окончательно въ сентябрѣ, и только тогда Николай Гавриловичъ рѣшился написать объ этомъ отцу. «Я, кажется, еще не писалъ вамъ, милый папенька,—осторожно сообщалъ онъ 21 сентября 1853 г.,—что, разсмотрѣвъ обстоятельства ближе и посовѣтовавшись кое съ кѣмъ, я увидѣлъ, что лучше держать экзаменъ по словесности, нежели по славянскимъ нарѣчіямъ».

Въ августѣ у Чернышевскаго была надежда быстро провести магистерскіе экзамены.

«Хотѣлось бы мнѣ кончить ихъ въ половинѣ октября,—писалъ онъ 30 августа.—Можетъ быть и успѣю. Магистерскій экзаменъ продолжается четыре засѣданія; потомъ еще одно засѣданіе назначается для «приватнаго» защищенія диссертаціи и потомъ еще надобно защищать ее публично. Факультетъ собирается обыкновенно одинъ разъ въ недѣлю, потому экзамены довольно длинная исторія».

Исторія эта вышла, однако, гораздо длиннѣе, чѣмъ того ожидалъ Чернышевскій. Онъ еще разъ убѣдился при этомъ, что факультетскіе порядки отличались сухимъ формализмомъ едва ли не въ большей мѣрѣ, чѣмъ сама факультетская ученость.

IV.

Трудно и хлопотливо проходила эта осень для Николая Гавриловича. Домашній бытъ еще не былъ налаженъ—приходилось все еще жить у Терсинскаго—«на бивуакѣ». Много времени уходило на посѣщеніе профессоровъ, на бесѣды съ родственниками и знакомыми, которые охотно отзывались на приглашенія радушной и веселой Ольги Сократовны. «Между тѣмъ я не имѣю ни времени, ни охоты развлекаться чѣмъ бы то ни было. У меня

со времени женитьбы нѣтъ никакихъ мыслей и желаній, кромѣ тѣхъ, какія бываютъ у пятидесятилѣтнихъ людей; я рѣшительно сталъ немолодымъ человѣкомъ по мыслямъ, и отъ молодости остается во мнѣ одна неопытность, больше ничего. Мнѣ скучны даже разговоры, какіе бы то ни было, кромѣ дѣловыхъ разговоровъ; у меня нѣтъ охоты видѣться съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ нужныхъ для меня людей. Ко всему, кромѣ семейной жизни, у меня пропало расположеніе. А времени пропадаетъ понапрасну— чрезвычайно много. Плохо я умѣю распоряжаться временемъ. Это досадуетъ меня чрезвычайно».

Такъ жаловался Чернышевскій отцу на самого себя, выдавая тѣмъ свое недовольство и неопредѣленностью своего положенія, и медлительностью университетскихъ порядковъ, мѣшавшихъ ему приступить къ «настоящему» дѣлу. Магистерскіе экзамены, которые онъ могъ бы сдать въ теченіе самаго короткаго времени и которые въ общей сложности не заняли и двухъ часовъ, собственно «испытанія», растянулись, вмѣстѣ съ защитой диссертаціи, на цѣлыхъ полтора года. Начались они, вмѣсто сентября, какъ предполагалъ Чернышевскій,—только въ концѣ ноября, и то послѣ усиленныхъ просьбъ. «Уже наскучило мнѣ ждать»,— писалъ Чернышевскій.

Наконецъ, въ среду 25-го ноября 1853 г. состоялся первый, основной экзаменъ Чернышевскаго по русской словесности. Никитенко экзаменовалъ его только «для формы», и весь экзаменъ продолжался не болѣе четверти часа, при чемъ экзаминаторъ то и дѣло отвлекался общими разсужденіями и, видимо, считалъ испытаніе Чернышевскаго простой формальностью. «Если Устряловъ будетъ экзаменовать такъ же,—писалъ Николай Гавриловичъ отцу 29 ноября,—то мой экзаменъ будетъ очень длиненъ въ протоколахъ засѣданій, но не на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, я готовился и готовлюсь больше, нежели предполагалъ, и вѣроятно гораздо больше, нежели требовалось бы».

Экзаменъ по русской исторіи состоялся въ понедѣльникъ 7 декабря. Чернышевскій не ошибся, и Устряловъ отнесся къ нему, какъ къ ученому, для котораго экзаменъ является лишь поводомъ выслушать, въ тонѣ товарищеской бесѣды, много лестныхъ и ободряющихъ словъ.

Но самое сильное «испытаніе» еще предстояло Чернышевскому: то было испытаніе не познаніямъ его, но терпѣнію, которое измѣнило бы всякой иной натурѣ, менѣе приспособленной къ преодолѣнію нравственныхъ трудностей.

«Я плохо умѣю дѣйствовать въ свою пользу,—писалъ онъ Гавріилу Ивановичу 14 декабря 1853 г.,—иначе могъ бы устро-

ить уже давно свои дѣла довольно порядочно. Но и безъ моей помощи они мало-по-малу устраиваются, хотя, признаюсь, медленно. Такъ, экзаменъ свой думалъ я окончить въ ноябрѣ, а онъ протягивается до генваря, а если считать защищеніе диссертаціи, то протянется и до февраля».

Дѣло съ послѣднимъ экзаменомъ затянулось. Экзаменъ по церковно-славянскому языку и главнымъ славянскимъ нарѣчіямъ состоялся 18 января 1854 г. 1-го марта Чернышевскій письменно отвѣчалъ на вопросъ о словопроизводствѣ въ русскомъ языкѣ, а 4-го марта письменно же отвѣчалъ на тему—«Русскіе трагики: Сумароковъ, Княжнинъ и Озеровъ». Такимъ образомъ, экзамены Чернышевскаго протянулись до самой весны 1854 года[1]).

---

[1]) Приводимъ документы, извлеченные нами изъ архива Петербургскаго университета («Дѣло Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета о допущеніи Николая Чернышевскаго къ экзамену на степень магистра Русской Словесности», № 83; нач. 9 ноября 1853 г.; конч. 11 февраля 1859 г.).

№ 1041.

9 ноября 1853 г.

«Его превосходительству Господину Ректору С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному Статскому Совѣтнику Петру Александровичу Плетневу.

Кандидата С.-Петербургскаго Университета Николая Чернышевскаго

Прошеніе.

Въ 1850 году окончивъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по филолого-историческому отдѣленію со степенью кандидата, теперь я имѣю желаніе подвергнуться въ томъ же университетѣ экзамену на степень магистра Русской Словесности. Почему имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство о назначеніи времени для этого испытанія. Мой дипломъ на степень кандидата буду имѣть честь представить въ Совѣтъ университета по окончаніи моего экзамена. Кандидатъ С.-Петербургскаго университета Николай Чернышевскій.

Жительство имѣю: Петербургской части, 1-го квартала, въ домѣ Бородиной».

23 ноября *опредѣлено*: о результатѣ испытанія отписать донесеніе г. декану.

Ректоръ препроводилъ прошеніе Чернышевскаго къ декану факультета Н. Г. Устрялову при бумагѣ:

№ 1538,
16 ноября 1853 г.
Его Превосходительству
Николаю Герасимовичу
Устрялову.

«Ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, свидѣтельствуя совершенное почтеніе Николаю Герасимовичу, имѣетъ честь покорнѣйше просить Его Превосходительство сдѣлать распоряженіе о допущеніи кандидата СПБ. университета Николая *Чернышевскаго*, согласно прошенію, къ экзамену на степень магистра Русской Словесности, и о послѣдующемъ увѣдомить».

О результатахъ магистерскихъ испытаній Чернышевскаго приводимъ относящуюся сюда часть «донесенія» декана историко-филологическаго факультета въ Совѣтъ университета:

«26 мая 1855 года. Въ Совѣтъ С.-Петербургскаго университета Историко-филологическаго факультета. Донесеніе. По отношенію г. ректора отъ 16 ноября 1853 года за № 1538 кандидатъ Чернышевскій допущенъ

V.

Съ окончаніемъ экзаменовъ выступалъ на ближайшую очередь вопросъ о магистерской диссертаціи. Новая тема, избранная Чернышевскимъ, была задумана такимъ образомъ, чтобы отвѣтить двумъ основнымъ требованіямъ: она должна была имѣть хотя бы внѣшнее отношеніе къ новому предмету его научныхъ занятій—русской словесности и въ то же время взять у него для своего исполненія наименьшее количество рабочихъ часовъ. Первое требованіе удовлетворить было нетрудно. Припомнимъ, что Никитенко предлагалъ Чернышевскому разсмотрѣть, въ качествѣ кандидатской работы, отношенія искусства къ дѣйствительности, не стѣсняясь тѣмъ, что задача эта носила скорѣе философскій, чѣмъ историко-литературный характеръ, но—то были суровые годы для судебъ философской мысли въ Россіи: она жестоко преслѣдовалась въ университетскомъ преподаваніи, и на сторонѣ Никитенки была, несомнѣнно, большая заслуга, что онъ вносилъ въ атмосферу формальныхъ изученій и преподавательской схоластики такія живыя и глубокія по содержанію темы. Труднѣе было удовлетворить второму требованію: представить въ непродолжительномъ времени работу, которая и по внѣшности своей призводила бы впечатлѣніе солидной и ученой,—снабдить ее множествомъ цитатъ, ссылокъ на литературу предмета, обнаруживъ при этомъ глубину критической проницательности и большую или меньшую неосвѣдомленность предшественниковъ по данному вопросу. Чернышевскій рѣшилъ сдѣлать попытку обойтись безъ этихъ внѣшнихъ признаковъ учености и представить факультету сочиненіе, въ которомъ почти не было бы цитатъ и ссылокъ, и тогда же началъ разыскивать книги по

къ испытанію на степень магистра русской словесности. Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета 25 ноября 1853 г. происходило испытаніе изъ исторіи русской словесности и русскаго языка въ филологическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Предложены профессоромъ Никитенко слѣдующіе вопросы: 1) состояніе образованія и литературы въ Россіи въ вѣкѣ Александра I; 2) историческое обозрѣніе русскихъ баснописцевъ; 3) исторія русскаго языка съ XVII столѣтія. На эти вопросы Чернышевскій отвѣчалъ удовлетворительно. Въ засѣданіи 18 января 1854 г. происходило испытаніе изъ русской исторіи. Предложены профессоромъ Устряловымъ вопросы: 1) о малороссіи и 2) о присоединеніи малороссіи къ Россіи. Отвѣчалъ удовлетворительно. Въ засѣданіи 18 января 1854 г. происходило испытаніе изъ церковно-славянскаго языка и главныхъ славянскихъ нарѣчій. Предложены профессоромъ Срезневскимъ вопросы: 1) о древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго языка и ихъ достоинствахъ; 2) о видоизмѣненіяхъ языка древняго славянскаго по нарѣчіямъ, обозначивъ главные признаки ихъ. Въ засѣданіи 1-го марта письменно рѣшенъ вопросъ: о словопроизводствѣ въ русскомъ языкѣ. Въ засѣданіи 4-го марта письменно рѣшенъ вопросъ—русскіе трагики Сумароковъ, Княжнинъ и Озеровъ. Испытаніе во всѣхъ трехъ засѣданіяхъ признано удовлетворительнымъ»...

эстетикѣ. Особенно заинтересовало его вычитанное въ нѣмецкихъ журналахъ сообщеніе объ «эстетикѣ» Фридр. Фишера, которую онъ и поторопился выписать. Фишеръ былъ ученикъ и послѣдователь Гегеля, воззрѣнія котораго на природу искусства и были положены въ основу его «Эстетики». Вѣроятно, Чернышевскій прочелъ въ какомъ-либо спеціальномъ изданіи изложеніе взглядовъ Фишера, потому что его отношеніе къ нимъ установилось ранѣе, чѣмъ получены были книги [1]). 20-го іюля (1853 г.) Чернышевскій еще не приступалъ къ писанію диссертаціи. «На-дняхъ примусь за свою диссертацію,—писалъ онъ въ этотъ день Гавріилу Ивановичу,—теперь дожидаюсь книгъ (нѣмецкихъ), чтобы начать статьи объ эстетикѣ. Ихъ нужно будетъ писать съ большой осторожностью, чтобы онѣ могли явиться въ печати». Книги, вѣроятно, скоро пришли, Чернышевскій быстро ознакомился съ ними и съ такимъ жаромъ принялся за работу, что уже въ началѣ сентября у него была готова для передачи Никитенкѣ значительная часть рукописи. «Половина или, лучше сказать, $^3/_5$ моей диссертаціи готовы; въ пятницу отдамъ ее по принадлежности, чтобы увѣриться впередъ, годится ли она. Она будетъ невелика, всего отъ 80 до 100 страницъ, хотя легко было бы и даже нужно было бы придать ей гораздо большій объемъ...» Затѣмъ Чернышевскій добавлялъ, что онъ воздерживается отъ выводовъ, «слѣдствій и приложеній», потому что, по его подсчету, эта работа заняла бы по меньшей мѣрѣ два тома, листовъ по 15 печатныхъ, на изданіе которыхъ у него не было средствъ. И теперь его весьма озабочивало изданіе диссертаціи въ ея сжатомъ видѣ, которое должно было обойтись около 60—70 рублей. «Думаю напечатать въ долгъ въ той типографіи, гдѣ печатается «Мода», если не согласится напечатать въ долгъ типографія Академіи Наукъ»...

Недѣлю спустя невполнѣ еще законченная дисертація, заключавшая въ себѣ, по выраженію Чернышевскаго, «критику нѣкоторыхъ положеній Гегелевской эстетики», была уже въ рукахъ Никитенки. Послѣдній согласился просмотрѣть ее «частнымъ образомъ», чтобы своевременно указать, еще до напечатанія, что необходимо было бы измѣнить въ угоду цензурнымъ требованіямъ.

VI.

Перелиставъ рукопись и едва ли вникнувъ въ ея содержаніе, Никитенко не нашелъ въ ней ничего опаснаго въ цензурномъ отношеніи и сказалъ Чернышевскому, что онъ ничего не будетъ

---

[1]) *Dr. Friedrich Theodor Vischer.* Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen. 3 Bände, Stuttgart 1837—58.

имѣть противъ ея напечатанія. Успокоившись въ этомъ смыслѣ, Чернышевскій приступилъ къ окончанію диссертаціи. Въ зависимости отъ этого былъ рѣшенъ, какъ мы знаемъ, и вопросъ о замѣнѣ основного предмета на магистерскихъ испытаніяхъ.

Если прежде у Чернышевскаго могли быть сомнѣнія, не доберется ли Никитенко до истиннаго характера его сочиненія, то теперь эти сомнѣнія должны были совершенно исчезнуть: просвѣщеннѣйшій изъ профессоровъ не увидѣлъ въ его философской оцѣнкѣ дѣйствительности ничего опаснаго. Оставалось только ту же неясность философскаго освѣщенія послѣдовательно провести до конца. Не безъ чувства затаенной ироніи долженъ былъ разрѣшать Чернышевскій свою странную и двойную задачу: облечь ясно ощущаемое настроеніе туманной, легко колеблемой формой философскаго умствованія съ одной стороны, съ другой стороны высказать истинныя, съ извѣстной точки зрѣнія, сужденія о жизни, которой должно служить искусство. До какой степени сознательно шелъ онъ къ намѣченной цѣли, можно судить по одному изъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ отношеніи писемъ его къ отцу 21 сентября:

«Диссертацію свою пишу объ эстетикѣ.—Если она пройдетъ черезъ университетъ въ настоящемъ своемъ видѣ, то будетъ оригинальна между прочимъ въ томъ отношеніи, что въ ней не будетъ ни одной цитаты и всего только *одна* ссылка[1]). Если же найдутъ это не довольно ученымъ, то я прибавлю нѣсколько сотъ цитатъ въ три дня. По секрету можно сказать, что г.г. здѣшніе профессора словесности совершенно не занимались тѣмъ предметомъ, который взялъ я для своей диссертаціи, и потому едва ли увидятъ, какое отношеніе мои мысли имѣютъ къ общеизвѣстному образу понятій объ эстетическихъ вопросахъ. Имъ показалось бы даже, что я приверженецъ тѣхъ философовъ, которыхъ мнѣніе оспариваю, если бы я не сказалъ объ этомъ ясно. Потому я не думаю, чтобы у насъ поняли, до какой степени важны тѣ вопросы, которые я разбираю, если меня не принудятъ прямо объяснить этого. Вообще у насъ очень затмилось понятіе о философіи съ тѣхъ поръ, какъ умерли или замолкли люди, понимавшіе философію и слѣдившіе за нею».

Рукопись диссертаціи надолго залежалась у Никитенки безъ движенія. Никитенко не видѣлъ причинъ торопиться: пока Чернышевскій будетъ держать экзамены, времени для прочтенія

[1]) Это не вполнѣ точно: диссертація заключаетъ довольно значительную цитату, представляющую собой переводъ цѣлой страницы изъ упомянутаго сочиненія Фишера объ эстетикѣ (Чернышевскій, полн. собр. соч., т. X, ч. 2-я, стр. 109. Спб. 1906).

хватитъ. Недѣли шли за недѣлями, Никитенко былъ занятъ многочисленными другими работами, къ тому же прихварывалъ, и когда весной 1854 г., уже закончивъ свои экзамены, Чернышевскій обратился къ нему съ вопросомъ о диссертаціи, оказалось, что Никитенко не прикасался къ ней послѣ перваго бѣглаго просмотра.

Это было чрезвычайно досадно Николаю Гавриловичу. Онъ былъ тогда въ разгарѣ журнальной работы. Былъ полонъ силъ и надеждъ. Ему хотѣлось скорѣе установить общеніе съ университетской молодежью, и путемъ живого слова внести научно-философскій элементъ въ пониманіе тѣхъ сторонъ дѣйствительности, которыя въ реалистической художественной литературѣ сказывались неполно, ярко отражая зоркую наблюдательность художниковъ, но не раскрывая передъ читателями возможной глубины философскаго постиженія жизни. Журнальная дѣятельность въ ту пору еще не давала Чернышевскому достаточнаго простора въ указанномъ направленіи; кромѣ цензурныхъ ограниченій, въ журнальныхъ статьяхъ необходимо было примѣняться къ среднему уровню читательскаго пониманія.

Никитенко все тянулъ съ прочтеніемъ диссертаціи, несмотря на частыя напоминанія и просьбы Чернышевскаго. Онъ отговаривался недосугомъ, но была, позволительно думать, и другая причина: Никитенко плохо разбирался въ существѣ представленнаго ему разсужденія. Предлагая нѣсколько лѣтъ назадъ своимъ слушателямъ эту тему для студенческой работы, онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду вызвать обобщеніе своихъ замѣчаній объ искусствѣ, которыя онъ дѣлалъ при критическихъ разборахъ произведеній Пушкина и Гоголя. Самое большое, чего онъ могъ ожидать въ настоящемъ случаѣ, это извѣстной комбинаціи или согласованія существовавшихъ въ университетскомъ обиходѣ представленій объ искусствѣ съ общими началами эстетической теоріи Гегеля или критики этихъ представленій; возможенъ былъ, наконецъ, и разборъ господствовавшихъ сужденій, но исключительно съ указанной точки зрѣнія. Теоретическія построенія автора, который взялся бы отвѣчать на предложенную тему объ отношеніи искусства къ дѣйствительности, должны были бы опираться на разсмотрѣніе произведеній, являвшихся художественнымъ отраженіемъ жизни,—при подобномъ разсмотрѣніи можно было бы ожидать установленія связи между философскимъ обоснованіемъ этихъ темъ и предметомъ русской словесности.

Никитенко не могъ не замѣтить, что такой связи въ разсужденіи Чернышевскаго не оказалось. Вчитываясь теперь въ диссер-

тацію, онъ почувствовалъ присутствіе въ ней какого-то новаго, чуждаго ему, начала и долгое время, видимо, самъ не могъ уяснить себѣ, что было въ ней ново для него и каково было ея отношеніе къ задачамъ литературы, какъ искусства. Никитенкѣ не хотѣлось сознаться въ этомъ передъ своимъ бывшимъ слушателемъ, и въ то же время онъ, видимо, затруднялся представить диссертацію въ факультетъ со своимъ одобреніемъ.

Прождавъ около года, Чернышевскій уже не могъ говорить о диссертаціи безъ раздраженія. Даже получивъ принципіальное согласіе на право ея напечатанія, онъ не былъ увѣренъ въ скоромъ назначеніи срока защиты. «Дѣло о моемъ магистерствѣ, такъ несносно тянувшееся, опять подвигается,—сообщаетъ онъ отцу 14 сентября 1854 г.,—скоро начну печатать свою диссертацію. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы конецъ былъ уже близокъ: хорошо было бы, если бы диспутъ былъ назначенъ черезъ два мѣсяца. Я на это не разсчитываю, и сочту себя счастливымъ даже тогда, когда это несносное дѣло покончится къ Рождеству. Всѣ обращаются съ нимъ, какъ бы это была одна формальность, но легче ли оттого мнѣ, что, не думая подвергать дѣла сомнѣнію, оставляютъ его лежать отъ одной недѣли до другой».

Наконецъ, 28 сентября, Николай Гавриловичъ могъ радостно сообщить отцу, что диссертація его переписывается, послѣ чего немедленно будетъ представлена въ совѣтъ университета. «Никитенко, наконецъ, удосужился прочитать ее и нѣсколько дней тому назадъ уполномочилъ меня пустить ее въ дѣло».

Чернышевскій былъ правъ. Представить диссертацію въ совѣтъ еще далеко не значило сильно подвинуть дѣло къ окончанію. Пока деканъ препроводилъ ее офиціально Никитенкѣ, пока Никитенко представилъ свой отзывъ прошло еще около двухъ мѣсяцевъ, и только 21 декабря Чернышевскій сообщилъ отцу полученное имъ отъ декана свѣдѣніе, что диссертація вскорѣ будетъ утверждена совѣтомъ къ напечатанію. Въ дѣйствительности это утвержденіе состоялось значительно позже.

Наступилъ 1855 годъ. Въ напряженной журнальной работѣ, Чернышевскій терпѣливо пережидалъ январь, февраль, мартъ. Никитенко «изучалъ» диссертацію, а совѣтъ университета все не могъ получить отъ него надлежащаго отзыва. Въ обычныхъ случаяхъ подобные отзывы бывали лишь формальной отпиской, представленію которой перемежавшееся нездоровье профессора не могло бы помѣшать... 4 апрѣля Николай Гавриловичъ писалъ отцу: «Я надѣюсь скоро напечатать свою несчастную диссертацію, которая столько времени лежала и покрывалась пылью. Эта жалкая исторія такъ долго тянулась, что мнѣ и смѣшно,

и досадно. И тогда я думалъ, и теперь вижу, что все была только формальность, но формальность, которая должна была бы кончиться въ два мѣсяца, заняла полтора года. Это очень досадно. Конечно, если бы можно было предвидѣть, что Никитенко, отъ котораго зависѣло движеніе дѣла, будетъ безпрестанно боленъ— только въ послѣднее время онъ поправился,—то можно бы было держать экзаменъ по другому предмету. Но кто-жъ это зналъ? И вотъ въ результатѣ оказывается, что всѣ были ко мнѣ добры въ высшей степени, а дѣло все-таки тянулось невыразимо долго. Но теперь оно ужъ дотянулось до окончанія».

Наконецъ, только 11 апрѣля состоялось утвержденіе диссертаціи совѣтомъ.

Скупой на сообщенія Пыпинъ вкратцѣ извѣщалъ 19 апрѣля саратовскихъ родныхъ о томъ, что—«Николя, наконецъ, получилъ свою диссертацію отъ декана и уже отдалъ ее въ типографію. Недѣли черезъ двѣ, если она напечатается къ тому времени, будетъ, вѣроятно, и диспутъ его».

Съ необыкновенной энергіей принялся Чернышевскій за печатаніе. Онъ сдалъ рукопись въ типографію Праца и сталъ убѣдительно просить не медлить наборомъ. И наборъ, и чтеніе корректуръ пошли съ такой быстротой, что уже черезъ двѣ недѣли послѣ утвержденія, 26 апрѣля, былъ отправленъ въ типографію послѣдній листъ корректуры. 3 мая книга была готова, и первый экземпляръ ея былъ предназначенъ, конечно, для Гавріила Ивановича. «Диссертація напечатана,—писалъ Чернышевскій въ этотъ день,—и экземпляръ, назначенный для васъ, милый папенька, теперь переплетается. Черезъ недѣлю, вѣроятно, буду имѣть радость прислать его вамъ...»

О книгѣ своей Чернышевскій говорилъ въ томъ же письмѣ: «Диссертація для сокращенія времени и издержекъ напечатана мною въ большомъ форматѣ и очень убористымъ шрифтомъ; кромѣ того и для тѣхъ же цѣлей я значительно сократилъ ее (хотя цензура университетская не зачеркнула ни одного слова), когда рукопись была уже одобрена къ печати. Потому вышло всего только $6^1/_2$ печатныхъ листовъ, вмѣсто 20-ти, которые были бы наполнены ею безъ сокращеній и при обыкновенномъ разгонистомъ печатаніи. Внѣшность брошюрки очень прилична, шрифтъ и бумага хороши. Напечаталъ только 400 экз., изъ которыхъ, за удовлетвореніемъ университетскихъ требованій (100 экз.) и раздачею разнымъ знакомымъ, остается у меня около 250. Не знаю, успѣю ли сбыть ихъ въ книжныя лавки, на что, впрочемъ, и не разсчитывалъ.

«Въ внѣшнемъ отношеніи,—вторично писалъ онъ объ этомъ

отцу,—она имѣетъ ту особенность, что нѣтъ въ ней ни одной цитаты—наперекоръ общей замашкѣ шарлатанить этою дешевою ученостью. Къ числу особенностей принадлежитъ и то, что она писана мною прямо набѣло...»

VII.

Приблизился, наконецъ, и давно жданный день диспута 10 мая (1855 г.).

«Нынѣ у меня назначенъ диспутъ,—писалъ онъ въ этотъ день отцу,—не думаю, чтобы онъ былъ интересенъ, потому что предметъ, о которомъ я писалъ, почти совершенно не знакомъ у насъ. Вѣроятно, будутъ ограничиваться мелочными замѣчаніями о словахъ, или будутъ говорить что-нибудь, требующее въ отвѣтъ не опроверженій, а просто назиданій».

Наканунѣ Чернышевскій хотѣлъ подготовить и просмотрѣть кое-что для диспута, но это ему не удалось. Ему прислали изъ редакціи $9^1/_2$ листовъ корректуры, которыя необходимо было спѣшно прочитать. Чтеніе этихъ корректуръ заняло у Чернышевскаго весь вечеръ 9-го и утро 10-го мая. Въ промежуткахъ онъ писалъ письмо отцу.—«Если окончу до 12 часовъ корректуру,—говорилъ онъ здѣсь,—прочитаю еще нѣсколько страничекъ для диспута; если не успѣю, такъ и быть: убытка отъ этого никому не будетъ. Нынѣ посылаю, для курьеза, пригласительные билеты на диспутъ».

Диспутъ начался въ 2 часа пополудни. Торжественно заняли свои мѣста члены факультета. Предсѣдательствовалъ ректоръ П. А. Плетневъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ попечитель гр. М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. Публика въ подавляющемъ большинствѣ состояла изъ молодежи, изъ недавно окончившихъ университетъ и студентовъ, немало было офицеровъ и дамъ. Особую группу составляли друзья и знакомые Чернышевскаго; здѣсь были, между прочимъ, П. В. Анненковъ, И. И. Введенскій, А. А. Краевскій, В. И. Ламанскій, Ѳ. Е. Коршъ, Л. А. Мей, И. И. Панаевъ, П. П. Пекарскій, И. В. Писаревъ, А. Н. Пыпинъ, А. Ѳ. Раевъ, А. Н. Струговщиковъ, Н. В. Шелгуновъ [1]). Присутствовали на диспутѣ также Ольга Сократовна и И. Г. Терсинскій.

Въ настроеніи аудиторіи было замѣтно общее сочувственное отношеніе къ Чернышевскому; къ тому времени онъ былъ извѣстенъ въ кругахъ, близкихъ къ университету и журналистикѣ.

---

[1]) Кромѣ этихъ лицъ получили именныя приглашенія на диспутъ, по просьбѣ Чернышевскаго, еще: О. П. Захаровъ, Е. Е. Поповъ, Н. С. Степановъ, П. З. Тарасевичъ, А. Ѳ. Тюринъ и А. А. Шишкинъ.

Уже создавалось какое-то духовное сродство между этой публикой и авторомъ диссертаціи, и чувствовалось въ то же время, что между нимъ и профессорской ученой коллегіей развернется борьба не столько отцовъ и дѣтей, сколько двухъ міровоззрѣній, по существу, непримиримыхъ. «Небольшая аудиторія, отведенная для диспута,—разсказывалъ Н. В. Шелгуновъ,—была биткомъ набита слушателями... Тѣсно было очень, такъ, что слушатели стояли на окнахъ. Я тоже былъ въ числѣ этихъ, а рядомъ со мной стоялъ Сѣраковскій...» [1]). Спокойно, безъ малѣйшихъ признаковъ волненія, занялъ свое мѣсто на каѳедрѣ Николай Гавриловичъ. Послѣ обычныхъ вступительныхъ словъ, которыми предсѣдательствовавшій открылъ собраніе, и краткаго изложенія тезисовъ, сдѣланнаго диспутантомъ, всталъ и началъ говорить А. В. Никитенко. Онъ привѣтствовалъ появленіе такой диссертаціи, которая ставила широкіе вопросы въ области искусства, разрѣшеніе которыхъ во многомъ уяснило бы ходъ современной литературы, отмѣченной яркими и разнообразными дарованіями. Нѣтъ необходимости подвергать критикѣ ту систему философскихъ воззрѣній, которой держится авторъ: искусство, благодаря многообразію его видовъ и формъ, допускаетъ истолкованіе съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія,—важно только, чтобы диссертація была шагомъ впередъ сравнительно съ предыдущимъ ходомъ работъ въ этой области, и чтобы методъ логическаго построенія былъ правиленъ, т.-е. наученъ. Диспутантъ обнаружилъ, говорилъ далѣе Никитенко, большую эрудицію, но въ исполненіи его работы замѣтна извѣстная поспѣшность, которая была причиною двухъ наиболѣе существенныхъ недостатковъ: неясности основной точки зрѣнія и недостаточнаго количества примѣровъ и литературныхъ «приложеній». Въ философскомъ отношеніи аргументація диспутанта представлялась Никитенкѣ не вполнѣ убѣдительной, такъ какъ существующая эстетическая теорія незыблемо установила идеальныя цѣли искусства, поднимающія его надъ дѣйствительностью на недосягаемую высоту и обезпечивающія за нимъ то превосходство, которое имѣетъ духъ надъ матеріей.

Чернышевскій возражалъ сначала сдержанно, но потомъ все съ большимъ и большимъ воодушевленіемъ. Онъ признавалъ, что его диссертація слабо аргументирована, но слабость этой аргументаціи зависѣла не отъ него. Въ нашемъ обществѣ, говорилъ онъ, господствуетъ рабское преклоненіе предъ старыми, давно пережившими себя мнѣніями, которыя пріобрѣтаютъ характеръ непогрѣшимыхъ авторитетовъ. Насъ слишкомъ пу-

[1]) *Шелгуновъ, Н. В.* «Воспоминанія», т. II, стр. 685. Изд. Поповой, Спб., безъ года.

гаетъ духъ свободнаго изслѣдованія и свободной критики, которая по природѣ своей не знаетъ преградъ для своего дѣйствія. Между тѣмъ въ Россіи свободная критика наталкивается на цѣлый рядъ предметовъ, которые она должна обходить молчаніемъ, хотя эти предметы представляютъ собой не что иное, какъ предразсудки и заблужденія. Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить, что въ нашемъ образованномъ и ученомъ обществѣ держатся до сихъ поръ устарѣлыхъ и давно уже ставшихъ ненаучными эстетическихъ понятій, въ то время, какъ на Западѣ получили широкое распространеніе идеи иного порядка, прямо противуположныя нашимъ. Наши понятія объ идеальномъ значеніи искусства — отжили, и ихъ надо отбросить вмѣстѣ со многими аналогичными идеями о другихъ предметахъ [1]).

Возраженія Чернышевскаго, произносившіяся имъ увѣреннымъ и даже рѣзкимъ тономъ, вызвали замѣтное движеніе на профессорскихъ креслахъ,—впечатлѣніе было явно неблагопріятное. «На диспутѣ,—вспоминаетъ одинъ изъ присутствовавшихъ,— Чернышевскій своимъ тонкимъ, звонкимъ голосомъ, съ легкой иронической улыбкой на губахъ, живо отражалъ нападенія своихъ непосильныхъ оппонентовъ. Никитенко попытался было задать вопросъ объ асболютномъ значеніи идеала, но съ наивнымъ испугомъ отшатнулся отъ прямыхъ и рѣзкихъ отвѣтовъ диспутанта...» [2]). Зато иначе отнеслась аудиторія къ сужденіямъ Чернышевскаго. Сѣраковскій, натура горячая и страстная, приходилъ въ самый шумный восторгъ и «увлекался до невозможности» [3]). Твердость непоколебимаго убѣжденія, съ какой Чернышевскій отстаивалъ свои мнѣнія, передавалась аудиторіи и заражала ее энтузіазмомъ молодыхъ кипучихъ силъ и смѣлой мысли, обращенной къ будущему.

Пыпинъ, передававшій намъ многія подробности этой защиты, замѣчалъ: «чувствовалось глубокое уваженіе Николая Гавриловича къ дѣятелямъ европейской науки, и академическая серьезность его возраженій смягчала рѣзкость его тона и потому, въ сущности, была необидна для профессоровъ».

Кромѣ Никитенко, Чернышевскому возражалъ М. И. Сухомлиновъ, назначенный офиціальнымъ оппонентомъ; онъ указалъ на отсутствіе въ диссертаціи литературныхъ примѣровъ. Чернышевскій поспѣшилъ согласиться съ нимъ. Послѣ Сухомлинова высказалъ нѣсколько критическихъ соображеній Плетневъ. Они

---

[1]) Общую оцѣнку диссертаціи, сдѣланную Никитенкомъ, и возраженія Чернышевскаго излагаемъ на основаніи сообщенія А. Н. Пыпина.

[2]) Анонимъ въ «Колоколѣ», № 190.

[3]) Шелгуновъ, см. выше.

были такъ неопредѣленны и такъ мало шли къ дѣлу, что Чернышевскій оставилъ ихъ безъ отвѣта.

Когда, за отсутствіемъ возраженій, диспутъ кончился и профессора поднялись со своихъ мѣстъ, попечитель довольно долго говорилъ съ Никитенко, укоризненно качая головой. Плетневъ подошелъ къ Чернышевскому и сказалъ ему сухо: «Не этому, помнится, я васъ училъ на своихъ лекціяхъ»... При этомъ ректоръ не выразилъ обычнаго поздравленія со стороны университета. Чернышевскій едва ли обратилъ на это вниманіе: множество лицъ окружило его, и привѣтствіямъ ихъ не было конца.

«И дѣйствительно Плетневъ читалъ не то,—разсказывалъ Шелгуновъ, слышавшій неодобрительный отзывъ Плетнева,— а то, что онъ читалъ, было бы не въ состояніи привести публику въ такой восторгъ, въ который ее привела диссертація. Въ ней все ново и заманчиво: и новыя мысли, и аргументація, и простота и ясность изложенія».

Тѣмъ не менѣе, по окончаніи защиты, ни у кого не являлось сомнѣнія, что, съ научной точки зрѣнія, профессора признаютъ ее удовлетворительной. Вскорѣ стали извѣстны и мнѣнія нѣкоторыхъ профессоровъ: самый фактъ принятія вреднаго, по образу мыслей, сочиненія въ качествѣ магистерской диссертаціи признавался крупной ошибкой, но никто не возбуждалъ сомнѣнія въ ея научномъ достоинствѣ.

Черезъ нѣсколько дней Чернышевскій торопливо и отрывочно, словно нехотя, сообщалъ Гавріилу Ивановичу о диспутѣ: «Диспутъ мой былъ во вторникъ 10 мая,—какъ я вамъ писалъ по утру въ этотъ день. Закончился онъ обыкновеннымъ концомъ, т.-е. поздравленіями, потому что диспутъ—чистая формальность. Никитенко возражалъ очень умно, другіе [1]), въ томъ числѣ Плетневъ, ректоръ, очень глупо. Впрочемъ,—продолжалъ Чернышевскій,—и Никитенко повторялъ тѣ сомнѣнія, которыя приведены и уже отвергнуты въ моемъ сочиненьишкѣ, которое, какъ ни плохо, все же основано на знакомствѣ съ предметомъ, почти никому у насъ неизвѣстномъ, потому и не можетъ имѣть серьезныхъ противниковъ, кромѣ развѣ двухъ-трехъ лицъ, къ числу которыхъ не принадлежитъ ни одинъ изъ людей, мнѣ извѣстныхъ. Диспутъ продолжался очень недолго, всего $1\frac{1}{2}$ часа, потому что присутствовалъ попечитель, Мусинъ-Пушкинъ, который добрый человѣкъ, но не совсѣмъ благовоспитанный въ обращеніи и поэтому всегда стѣсняетъ своимъ присутствіемъ. Я думалъ, что придется мнѣ говорить что-нибудь дѣльное въ отвѣтъ на воз-

[1]) Кто были эти «другіе», кромѣ упомянутыхъ выше,—намъ не удалось выяснить. *Евг. Л.*

раженія, или по крайней мѣрѣ по поводу ихъ,—но они были такъ далеки отъ сущности дѣла, что и отвѣты мои должны были касаться только пустяковъ. Однимъ словомъ, диспутъ могъ для нѣкоторыхъ показаться оживленъ, но въ сущности былъ пустъ, какъ я, впрочемъ, и предполагалъ. Не предполагалъ я только, чтобы онъ былъ пустъ до такой степени.

«Теперь буду готовить мало-по-малу, сколько позволяетъ время, котораго у меня очень немного, диссертацію на доктора, о чемъ, однако, не намѣренъ распускать здѣсь слуховъ, пока она будетъ. Надобно бы приготовить ее къ ближайшему позволительному сроку представленія, т.-е. къ слѣдующему маю мѣсяцу. Тогда у меня будутъ средства напечатать и большую книгу, если только буду здоровъ».

Пыпинъ въ свою очередь сообщалъ роднымъ, въ письмѣ отъ 23 мая, о томъ, какъ прошла защита диссертаціи. «Теперь вы уже знаете, конечно, что 10 мая былъ Николинъ диспутъ. На него собралось довольно много его знакомыхъ; оппонентами были назначены Никитенко и Сухомлиновъ, но Николя очень хорошо отъ нихъ отдѣлывался. Вообще, диспутъ былъ очень оживленный, что случается у насъ рѣдко. Продолжался онъ часа полтора. Новостей у насъ никакихъ нѣтъ, кромѣ этого».

Радость въ Саратовѣ была очень велика. Возведеніе Николая Гавриловича въ ученую степень являлось событіемъ, выходившимъ за предѣлы семейнаго круга Чернышевскихъ и Пыпиныхъ. О немъ много говорили въ городѣ, въ средѣ духовенства и въ гимназическомъ кругу. Гавріилу Ивановичу приходилось выслушивать много поздравленій по этому поводу, и самъ онъ, тотчасъ же по полученіи извѣстія, послалъ привѣтствіе и «подарокъ», который очень тронулъ Чернышевскаго.

Но радость Гавріила Ивановича смѣнилась глубокимъ раздумьемъ, когда онъ вчитался въ присланное сочиненіе. Онъ сразу ощутилъ въ немъ присутствіе тѣхъ началъ философской мысли, которыя дѣлали духовный міръ его сына все болѣе и болѣе ему далекимъ и какимъ-то для него неуловимымъ. «О содержаніи твоей книжечки не мое дѣло судить,—уклончиво писалъ ему Гавріилъ Ивановичъ 8 іюля,—на это есть другіе люди, на все новое точащіе ножи критики. Мнѣ она дорога потому, что доставила мнѣ много удовольствія и утѣшенія и какъ сочиненіе моего сына».

Николай Гавриловичъ могъ прочесть въ этихъ краткихъ, но для него выразительныхъ строкахъ, отказъ въ душевномъ сочувствіи его образу мыслей.

VIII.

26-го мая 1855 г., за подписью декана Устрялова и секретаря Сухомлинова, поступило въ совѣтъ петербургскаго университета «донесеніе», гласившее: «По окончаніи испытанія, Чернышевскій представилъ разсужденіе подъ заглавіемъ «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Разсужденіе было разсматриваемо членами факультата, а письменный разборъ онаго представленъ профессоромъ Никитенко. Въ засѣданіи 10 мая 1855 года происходило публичное защищеніе разсужденія. Оппонентами были: профессоръ Никитенко и адъюнктъ Сухомлиновъ. Защищеніе признано удовлетворительнымъ.—Такъ какъ словесные и письменные отвѣты и защищеніе диссертаціи признаны удовлетворительными, то Историко-Филологическій факультетъ опредѣлилъ: кандидата Чернышевскаго удостоить степени магистра русской словесности и донести о семъ Совѣту Университета».

9-го іюня ректоръ, отъ имени совѣта университета, доносилъ попечителю петербургскаго учебнаго округа отношеніемъ за № 778:

«Историко-Филологическій факультетъ представилъ Совѣту Университета протоколъ испытанія, произведеннаго кандидату С.-Петербургскаго Университета Николаю Чернышевскому на степень Магистра Русской Словесности.

«Разсмотрѣвъ протоколъ испытанія и находя, что словесные и письменные отвѣты кандидата Чернышевскаго, равно и публично защищенная имъ диссертація подъ заглавіемъ «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» удовлетворяютъ своей цѣли, Совѣтъ Университета призналъ его достойнымъ ученой степени Магистра Русской Словесности.

«Донося объ этомъ Вашему Превосходительству, Совѣтъ Университета, на основаніи § 36 положенія о производствѣ въ ученыя степени, имѣетъ честь испрашивать ходатайства Вашего на утвержденіе кандидата Чернышевскаго въ степени Магистра Русской Словесности».

Попечитель гр. Мусинъ-Пушкинъ представилъ ходатайство совѣта университета, при своемъ благопріятномъ заключеніи, на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, каковымъ въ то время былъ А. С. Норовъ, но послѣдній оставилъ представленіе попечителя безъ движенія. Въ обществѣ тотчасъ заговорили о томъ, что министръ не утвердилъ Чернышевскаго въ степени магистра. Фактически это было невѣрно: офиціальнаго неутвержденія не послѣдовало, да и трудно было бы подыскать тому формальныя основанія.

Норовъ просто прибѣгнулъ къ пріему, издавна выработанному практикой лукавыхъ или слишкомъ трусливыхъ людей,—онъ приказалъ дѣло Чернышевскаго «положить подъ сукно», и оно пролежало тамъ долго—до октября 1858 года. Напрасно справлялись въ министерствѣ лица, расположенныя къ Чернышевскому,—не было силы, которая могла вывести это дѣло изъ состоянія вынужденной летаргіи.

Казалось несомнѣннымъ, что вокругъ имени Чернышевскаго образовалась интрига, цѣлью которой было преградить ему доступъ къ профессорской каѳедрѣ. Пыпинъ назвалъ ее въ своихъ воспоминаніяхъ «темной исторіей»; къ сожалѣнію, она остается неразъясненной и до сихъ поръ. Тогда же говорили, что послѣ защиты диссертаціи отношенія между Никитенкой и Чернышевскимъ испортились, и до извѣстной степени это было такъ. Но по характеру своему Никитенко былъ прямой и честный человѣкъ, и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы онъ сталъ мстить своему ученику за непріятности, испытанныя имъ отчасти по собственной винѣ. Говорили, что бывшій профессоръ, И. И. Давыдовъ, въ то время директоръ педагогическаго института, извѣстный своимъ обскурантизмомъ, возмутился вольнодумнымъ характеромъ диссертаціи и напугалъ министра, который не рѣшился открыто воспользоваться своимъ правомъ не утвердить Чернышевскаго безъ объясненія причинъ, но съ трусливымъ лукавствомъ отложилъ его утвержденіе на неопредѣленное время. Не забудемъ, что къ концу 1855 г. Чернышевскій пользовался уже репутаціей извѣстнаго писателя, перо котораго не питало уваженія къ высокимъ рангамъ и чиновнымъ отличіямъ.

Этимъ слухамъ не противорѣчитъ разсказъ Ѳ. Н. Устрялова, сына тогдашняго декана историко-филологическаго факультета. Наканунѣ диспута Норовъ, встрѣтивъ Н. Г. Устрялова въ поѣздѣ изъ Павловска въ Петербургъ, набросился на него за диссертацію Чернышевскаго.

«Николай Герасимовичъ, что вы надѣлали! воскликнулъ министръ, увидѣвъ моего отца. Какъ могли вы пропустить диссертацію Чернышевскаго? Вчера, ложась спать, я просмотрѣлъ ее. Вѣдь это вещь невозможная. Вѣдь это полнѣйшее отрицаніе искусства и изящнаго!.. Помилуйте!.. Сикстинская Мадонна и Форнарина—итальянка—натурщица. Къ чему же сводится искусство? Это невозможно, невозможно?!

«Отецъ замѣтилъ, что диссертація одобрена совѣтомъ, что экзаменъ выдержанъ магистрантомъ; диссертація невозможна, и все это дѣло слѣдуетъ окончить.

«Абрамъ Сергѣевичъ былъ очень добрый, знающій и даже,

въ нѣкоторыхъ случаяхъ, передовой человѣкъ. Но онъ отличался крайнею слабостью характера. Очень можетъ быть, что кто-нибудь изъ «приверженцевъ» какъ его, такъ и существовавшаго въ то время порядка, нарочно обратилъ его вниманіе на диссертацію Чернышевскаго. Такимъ образомъ, вышелъ престранный и доселѣ небывалый казусъ». [1]).

Поглощенный литературной работой Чернышевскій быстро пережилъ чувство личнаго разочарованія и досады, но ему было въ высшей степени тяжело, что неутвержденіе его магистромъ отзывалось въ сердцѣ Гавріила Ивановича горечью и болью. Чернышевскій не могъ не знать, что его отецъ связывалъ постигшую его неудачу съ идеями «вреднаго» направленія, которыя сдѣлали диссертацію чуждой душѣ Гавріила Ивановича. Чернышевскій зналъ также, что отецъ его вращался исключительно въ той средѣ, которая была равнодушна ко всякимъ инымъ успѣхамъ, кромѣ успѣховъ на служебномъ поприщѣ, что тѣ же самыя лица въ Саратовѣ, которыя сегодня искренно будутъ поздравлять Гавріила Ивановича съ какимъ-либо казеннымъ успѣхомъ сына, завтра готовы наносить его любящему сердцу уколы и огорченія. Поэтому «темная исторія» тяжело отозвалась въ душѣ обоихъ Чернышевскихъ. Гавріилъ Ивановичъ не переставалъ скорбѣть о непристроенности Николая Гавриловича къ казенному мѣсту и давалъ ему совѣты—посѣтить для этой цѣли генералъ-адъютанта С. А. Юрьевича, который,—по словамъ письма Гавріила Ивановича,—былъ «уважаемъ покойнымъ Царемъ и близокъ къ Царствующему Императору...» [2]). Надо замѣтить, что весной 1855 г. прекратилась и служба Николая Гавриловича по вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, о чемъ Гавріилъ Ивановичъ узналъ изъ приказа... Очевидно, у Николая Гавриловича не было рѣшимости оповѣстить объ этомъ отца. Всѣ совѣты Гавріила Ивановича пропадали даромъ, но чтобы смягчить свое нежеланіе прибѣгнуть къ покровительству генерала Юрьевича, Чернышевскій выдвигалъ съ своей стороны другую «протекцію»—Некрасова, который будто бы обѣщалъ ему мѣсто по военному министерству или въ департаментѣ удѣловъ.

Прошло цѣлыхъ три года. Къ осени 1858 г. исторія съ диссертаціей была уже пережита и забыта даже лицами, ближайшимъ образомъ въ ней заинтересованными. Прежде всего самъ Черны-

---

[1]) *Устряловъ, Ѳ. И.* «Университетскія воспоминанія», «Историческій Вѣстникъ», 1884, іюнь, стр. 588.

[2]) «... съ коимъ онъ былъ въ Саратовѣ, когда сей былъ еще Наслѣдникомъ (1837 г.). Юрьевичъ впослѣдствіи ослѣпъ, но все-таки остался близокъ къ покойному царю и нынѣ Царствующему Воспитаннику Своему, числясь на службѣ, а при воцареніи Александра II почтенъ званіемъ генералъ-адъютанта»...

шевскій «махнулъ рукой» и старался не вспоминать ни о своихъ надеждахъ, связанныхъ съ профессурой, ни о своей диссертаціи. Неожиданно, однако, вспомнили о ней въ департаментѣ народнаго просвѣщенія и рѣшили дать дѣлу Чернышевскаго законное завершеніе. Совѣтъ университета получилъ отъ попечителя, которымъ въ то время былъ уже И. Д. Деляновъ, увѣдомленіе за № 3950. «Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія,—писалъ въ этомъ увѣдомленіи попечитель,—по докладу Департамента Народнаго Просвѣщенія дѣла, начавшагося въ 1855 году по представленію бывшаго Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, объ утвержденіи кандидата С.-Петербургскаго Университета Чернышевскаго, согласно удостоенію Совѣта сего Университета, въ степени Магистра Русской Словесности, не находя причинъ останавливать утвержденіе Чернышевскаго въ ученой степени, такъ какъ изъ представленныхъ въ Министерство по сему предмету свѣдѣній видно, что онъ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1844 года положенія о производствѣ въ ученыя степени, въ предложеніи отъ 29 минувшаго октября за № 8475, утвердилъ Чернышевскаго въ степени Магистра Русской Словесности. Увѣдомляя объ этомъ Совѣтъ С.-Петербургскаго Университета въ отвѣтъ на представленіе онаго, отъ 9-го іюня 1855 года за № 778, имѣю честь возвратить при семъ дипломъ Чернышевскаго на степень кандидата».

Заслушавъ это сообщеніе, совѣтъ профессоровъ опредѣлилъ 24 ноября того же 1858 г.: «О выдачѣ г. Чернышевскому диплома на степень Магистра сообщить правленію университета и донести въ департаментъ Народнаго Просвѣщенія».

Согласно этому опредѣленію, Чернышевскій былъ приглашенъ въ университетъ за полученіемъ диплома. Повидимому, онъ не спѣшилъ воспользоваться своимъ правомъ, такъ какъ изъ его собственноручной расписки видно, что онъ явился за дипломомъ только 11 февраля 1859 года [1]). Запоздалому утвержденію своему въ магистры онъ придалъ столь малое значеніе, что ничего не сообщилъ своимъ домашнимъ, и даже Пыпинъ ничего не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ и до конца дней думалъ, что магистерская диссертація Чернышевскаго такъ и не получила утвержденія.

Не достигнувъ университетской каѳедры, Чернышевскій жалѣлъ впослѣдствіи только о потерѣ времени: въ концѣ 50-хъ годовъ передъ нимъ была уже такая аудиторія, которой не могъ бы вмѣстить въ своихъ стѣнахъ ни одинъ университетъ.

Евг. Ляцкій.

---

[1]) См. дѣло Чернышевскаго въ университетскомъ архивѣ.

Тоска по чужбинѣ у Пушкина.

«Съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою», говоритъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзерумъ»...

5 апрѣля 1823 г. изъ Кишинева онъ пишетъ кн. П. А. Вяземскому: «Говорятъ что Чаадаевъ ѣдетъ за границу—давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма—любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать—теперь Богъ знаетъ, когда свидимся» (Ак. изд. Переписки т. I, стр. 69). Передъ этимъ Пушкинъ дѣлалъ попытки вырваться изъ своей ссылки хотя бы въ Петербургъ, куда онъ просился въ отпускъ мѣсяца на два, на три (см. прошеніе Пушкина гр. К. В. Нессельроде отъ 13 января 1823 г., ак. изд. Переписки т. I, стр. 64), но получилъ отказъ, ясно показывавшій, что легальнымъ путемъ онъ ничего не добьется. Поэтому у Пушкина является мысль покончить съ ссылкой, смѣнивъ ее на добровольное изгнаніе. Тоска по свободной жизни и мечты о побѣгѣ прекрасно выражены въ стихотвореніи «Узникъ» (Кишиневъ, 1822 г.). «Вскормленный на волѣ орелъ молодой» зоветъ изъ темницы сырой узника взглядомъ и крикомъ своимъ и вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ... да я!...».

Опредѣленнѣе объ этомъ же говоритъ поэтъ въ L-ой строфѣ I-й главы «Евгенія Онѣгина» (Одесса, октябрь 1823 г.).

Придетъ ли часъ моей свободы
Пора, пора!—взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ...»,

а въ январѣ 1824 г. объ этихъ же планахъ бѣгства за-границу пишетъ брату: «Ты знаешь, что я дважды просилъ Ивана Ивановича (т. е. государя) о своемъ отпускѣ чрезъ его министровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости,—не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становиться не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынь-трава, братцы! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться...» (Ак. изд. пер. I). Наконецъ, въ стих. «Къ морю», написанномъ передъ отъѣздомъ изъ Одессы 30 іюля 1824 г., въ обращеніи къ «свободной стихіи» поэтъ опять говоритъ объ этомъ завѣтномъ умыслѣ «бѣжать» изъ Россіи и тутъ же объясняетъ, почему ему не удалось его выполнить:

«...Я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ
У береговъ остался я...».

Но не только любовь къ женщинѣ не позволила Пушкину осуществить «поэтическій побѣгъ». Была и другая причина—прозаическая—безденежье, въ которомъ онъ пребывалъ въ Одессѣ. «Живя поэтомъ—безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ», могъ ли Пушкинъ серьезно думать о путешествіи въ Италію (XLIX стр. I гл. «Евг. Онѣг».), Константинополь (письмо къ брату), Африку (L стр. I гл. «Ев. Он.»)? Все это были романтическія мечты, отголоски увлеченія Байрономъ [1]).

Скоро суровая проза ссылки въ Михайловскомъ заставила Пушкина бросить эти неосуществимые замыслы и серьезно заняться планами бѣгства изъ Россіи. Обращеніе отъ романтизма къ реализму сказалось и въ этомъ.

30 Іюля 1824 г., вмѣсто южныхъ странъ, столь милыхъ сердцу романтика, поэтъ долженъ былъ уѣхать съ «береговъ Эвксинскихъ водъ» «въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ—въ далекій сѣверный уѣздъ», или, говоря языкомъ прозы, «по данному отъ г-на Одесскаго Градоначальника маршруту безъ замедленія отправиться изъ Одессы къ мѣсту назначенія въ Губернскій городъ Псковъ, не

[1]) Впрочемъ, кое-что предпринималъ поэтъ для осуществленія своихъ замысловъ. Пріятель гр. М. С. Воронцова, А. Я. Булгаковъ, спустя годъ послѣ высылки Пушкина изъ Одессы, лѣтомъ 1825 г., писалъ брату: «Воронцовъ очень сердитъ на графиню (жену свою) и княгиню Вяземскую (жену писателя кн. П. А. Вяземскаго), особливо на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и подѣломъ. Вяземская хотѣла покровительствовать его побѣгу изъ Одессы, искала ему денегъ, гребное судно»... («Рус. Арх.» 1901 г., № 6, стр. 187).

останавливаясь нигдѣ на пути по своему произволу, а по прибытіи въ Псковъ явиться лично къ г-ну Гражданскому Губернатору» (подписка, данная Пушкинымъ 29 іюля 1824 г. въ Одессѣ).

Съ тяжелымъ чувствомъ, вопреки данной имъ подпискѣ минуя Псковъ, пріѣхалъ 9-го августа Пушкинъ въ Михайловское, гдѣ тогда жили его родители, братъ и сестра. Впослѣдствіи поэтъ вспоминалъ о своемъ тогдашнемъ настроеніи: «Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ

Измѣнника—въ товарищѣ минутномъ,
И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
И ненависть, и грезы мести блѣдной...»

На первыхъ порахъ отецъ, очевидно еще не зная истинныхъ причинъ неожиданнаго пріѣзда сына, принялъ его ласково (см. письмо Пушкина Жуковскому № 103 ак. изд.). Но скоро ихъ отношенія рѣзко измѣнились. Дѣло въ томъ, что Воронцовъ, добившись высылки изъ Одессы Пушкина, постарался «предувѣдомить» псковскія власти, какой опасный членъ общества высылаемый къ нимъ исключенный со службы коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ. Предписавъ 24 іюля одесскому градоначальнику Гурьеву отобрать подписку отъ Пушкина объ отъѣздѣ изъ Одессы въ Псковъ и увѣдомить объ этомъ псковскаго губернатора, Воронцовъ, съ своей стороны, въ этотъ же день посылаетъ Адеркасу, псковскому губернатору, бумагу о Пушкинѣ, характеризуя его, какъ человѣка, «къ несчастію не только не перемѣнившаго поведенія и дурныхъ правилъ, кои ознаменовали первые шаги общественной его жизни, но даже распространяющаго въ письмахъ своихъ предосудительныя и вредныя мысли», извѣщаетъ, что Пушкинъ по Высочайшему повелѣнію исключенъ изъ списка чиновниковъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и, дабы отвратить, по возможности, отъ молодого человѣка всю строгость законовъ, коей бы онъ, оставаясь въ совершенной независимости, могъ легко подвергнуться при ненадежности своего поведенія, Государь Императоръ изъявилъ свою волю, дабы онъ немедленно былъ отправленъ на жительство въ Псковской губерніи и въ помѣстьѣ родителей своихъ, гдѣ будетъ состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства»[1].

Кромѣ этого сообщенія Воронцова, Адеркасъ получилъ отъ прибалтійскаго генералъ-губернатора Паулуччи предписаніе (отъ 15 іюля) «снестись съ Г. Предводителемъ Дворянства о избраніи имъ одного изъ благонадежныхъ дворянъ для наблюденія за поступками и поведеніемъ Пушкина, дабы сей по прибытіи въ

---

[1]) «Псковскія Губернскія Вѣдомости» 1868 г., № 10, стр. 68.

Псковскую губернію и по взятіи отъ него подписки въ томъ, что онъ будетъ вести себя благонравно, не занимаясь никакими неприличными сочиненіями и сужденіями, находился подъ бдительнымъ надзоромъ...»[1]) Къ этому предписанію Паулуччи приложилъ еще копію отношенія министра иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде къ гр. М. С. Воронцову (отъ 11-го іюля) аналогичнаго содержанія съ приведеннымъ нами сообщеніемъ гр. Воронцова Адеркасу.

На основаніи всѣхъ этихъ предписаній Адеркасъ, по соглашенію съ губернскимъ предводителемъ дворянства, полковникомъ Львовымъ, для наблюденія за поступками и поведеніемъ Пушкина назначилъ новоржевскаго помѣщика колл. сов. Ив. Матв. Рокотова.

Послѣдній подъ предлогомъ болѣзни отказался отъ этого назначенія, и тогда Адеркасъ съ предложеніемъ быть соглядатаемъ поэта обратился къ отцу его, какъ къ человѣку «извѣстному въ губерніи какъ по его благонравію, такъ и честности», и Сергѣй Львовичъ имѣлъ слабость принять это предложеніе, завѣривъ губернатора, что онъ будетъ имѣть бдительное смотрѣніе и попеченіе за сыномъ своимъ, а уѣздному предводителю дворянства Пещурову далъ въ томъ же подписку [2]).

Что получилось изъ этого, узнаемъ изъ письма Пушкина Жуковскому отъ 31-го октября, которое ярко рисуетъ ту нравственную атмосферу, въ которой поэту пришлось жить въ первые мѣсяцы своего пребыванія подъ родительскимъ кровомъ. «Милый, прибѣгаю къ тебѣ», пишетъ Пушкинъ. «Посуди о моемъ положеніи. Пріѣхавъ сюда былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше, но скоро все перемѣнилось: отецъ, испуганный моей ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь; Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпіономъ; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня касающуюся. Наконецъ желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу, прошу его позволенія объясниться откровенно... Отецъ осердился [въ чернов. «заплакалъ, закричалъ»]. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils denaturé... (Жу-

---

[1]) «Русская Старина» 1908 г., октябрь, стр. 111—112.

[2]) «Русская Старина» 1908 г. октябрь, стр. 112—114 и «Псковскія Губернскія Вѣдомости» 1868 г., № 10, стр. 68.

ковскій, думай о моемъ положеніи и суди). Голова моя закипѣла. Иду къ отцу, нахожу его съ матерью и высказываю все, что имѣлъ на сердцѣ цѣлыхъ 3 мѣсяца. Кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользуясь отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, *что я его билъ, хотѣлъ бить, замахнулся, могъ прибить.*—Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ своимъ обвиненіемъ? рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести. Спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ.—Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра—еще разъ спаси меня. А. П. 31 октября. Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться—дойдетъ до Правительства, посуди, что будетъ. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi. P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу Губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ.—П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь мнѣ немного на себя досадно, да душа моя—голова кругомъ идетъ». (Ак. изд. Переписки, т. I, № 103.).

Въ бумагѣ къ губернатору Пушкинъ проситъ Государя, «какъ послѣдней милости» для спокойствія отца и своего собственнаго, соизволенія перевести его въ одну изъ крѣпостей. П. А. Осипова, принимавшая близкое участіе въ Пушкинѣ, посылая Жуковскому копію этого страннаго прошенія, проситъ его помочь Пушкину въ надвигающейся на него грозѣ. (Рус. Арх. 1872 г., стр. 2358). Получивъ эти письма, добрѣйшій Жуковскій, естественно, заволновался и началъ было хлопотать за своего молодого друга, но къ счастью посланный съ прошеніемъ Пушкина не нашелъ губернатора въ Псковѣ и черезъ недѣлю возвратился, никому не отдавъ его. (Письмо Осиповой Жуковскому отъ 22 ноября 1824 г. въ Русс. Арх. 1872 г., стр. 2360). Была ли эта счастливая случайность выдумкой Осиповой и Пушкина, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Жуковскаго, какъ думаетъ Анненковъ («Пушкинъ въ Ал. эп.» 1874 г. стр. 272), или дѣйствительно «Puschkine fut plus heureux, que sage», какъ писала Осипова Жуковскому, какъ бы то ни было, ссора съ отцомъ не имѣла тѣхъ серьезныхъ послѣдствій, какихъ ожидалъ и боялся Пушкинъ. Тѣмъ не менѣе разрывъ съ отцомъ оставилъ тяжелый осадокъ въ его душѣ. «Чѣмъ далѣе живу, пишетъ Пушкинъ Жуковскому, вспоминая эту ссору, тѣмъ болѣе стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, что разнеслась недавно обо мнѣ (и еще не застрѣл.). Глупо часъ отъ часу далѣе вязнуть въ жизненной

грязи». (Ак. изд. Переписки, т. I, № 111 чернов.). Но на этихъ мрачныхъ мысляхъ недолго останавливался великій поэтъ, и интересно отмѣтить, что онъ не внесъ фразъ о самоубійствѣ въ бѣловой текстъ письма: мысли о смерти смѣнились планами бѣгства изъ Россіи.

Къ этому времени, вѣроятно, нужно отнести набросокъ стихотворенія, «очень неразборчивый, особенно въ концѣ, теряющемся среди множества поправокъ и недописанныхъ строкъ» (Ак. изд. Соч. П. т. III, стр. 454 прим.). П. О. Морозовъ читаетъ его:

«Презрѣвъ и шопотъ укоризны
И зовъ (обманутыхъ) надеждъ,
Иду въ чужбину, прахъ отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолкни, сердца шопотъ сонный,
Привычки и довольства гласъ!
Прости предѣлъ неблагосклонный,
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тиши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивыхъ души...
(А ты—въ опасный день разлуки)
(Забылъ для брата о себѣ!)
Соединимъ же братски руки
И покоримся мы судьбѣ.
Благослови побѣгъ поэта...
. . . .
Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнымъ,
Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ... [1]).

Такъ просто, безъ жалобъ и упрековъ, прощался поэтъ съ родиной, готовясь къ бѣгству. Изъ стихотворенія видно, что въ планы побѣга былъ посвященъ братъ Левъ Сергѣевичъ. Кромѣ него, объ этомъ знала и Пр. Ал. Осипова, писавшая иносказательно, изъ опасенія перлюстраціи, Жуковскому 22 ноября 1824 г.: «Я живу въ двухъ верстахъ отъ с. Михайловскаго, гдѣ теперь А. П. (Александръ Пушкинъ), и онъ бываетъ у меня всякій день. Желательно бы было, чтобъ ссылка его сюда скоро кончилась; иначе я боюсь быть нескромною, но желала бы, чтобы вы, милостивый государь Василій Андреевичъ, меня угадали. Если Алекс. долженъ будетъ оставаться здѣсь долго, то прощай для насъ русскихъ его талантъ, его поэтическій геній, и обвинить его не можно будетъ. Нашъ Псковъ хуже Сибири, а здѣсь пылкой головѣ не усидѣть. Онъ теперь такъ занятъ своимъ положеніемъ, что безъ дальняго размышленія изъ огня вскочитъ въ полымя;—а тамъ поздно будетъ размышлять о слѣдствіяхъ. Все здѣсь сказанное не пустая догадка, но прошу васъ, чтобы и Левъ Серг. не зналъ того, что я вамъ сіе пишу. Если вы

[1]) Ак. изд. соч. П., т. III, стр. 276. См. еще стр. 454—455 прим.

думаете, что воздухъ и солнце Франціи или близъ лежащихъ къ ней черезъ Альпы земель полезенъ для русскихъ орловъ,— и оный не будетъ вреденъ нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчной тайной... Когда же вы другаго мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлетъ». (Рус. Арх. 1872 г., стр. 2360—2361). Хотя Осипова и проситъ Жуковскаго ничего не говорить объ этихъ планахъ Льву Сергѣевичу, онъ былъ уже посвященъ въ это, какъ мы видѣли, самимъ Пушкинымъ, который писалъ ему (вторая половина декабря 1824 г.): «Вульфъ здѣсь; я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хоть съ П. А. (вѣроятно П. А. Плетневымъ), хоть съ Дельвигомъ; переговорить нужно непремѣнно... Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ [1]). За чѣмъ мнѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо! Когда будешь у меня, то станемъ трактовать *о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чаадаева.* Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться». (Ак. изд. Переписки, т. I, № 117). Анненковъ («Пушкинъ въ Алекс. эпоху» 1874 г., стр. 286) разъясняетъ эти намеки о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чаадаева. Рѣчь идетъ объ устройствѣ правильной пересылки денегъ и корреспонденціи за-границу, вмѣстѣ съ означеніемъ мѣста, куда они должны были отправляться: Чаадаевъ тогда путешествовалъ по Европѣ [2]).

Ни на Рождество, ни позднѣе весной 1825 г. Левъ Сергѣевичъ въ Михайловское не пріѣхалъ. Какъ можно думать по нѣкоторымъ фразамъ въ письмахъ къ нему поэта, его не пустили. Въ письмѣ № 128 (Ак. изд.) Пушкинъ пишетъ: «Твои опасенія на счетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе несправедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдств., вовсе не въ духѣ нашего времени, ни...», а въ № 132: «Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоемъ отношеніи»[3]).

А. Н. Вульфъ, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату, былъ третьимъ, кого Пушкинъ посвятилъ въ свои замыслы. Старшій сынъ П. А. Осиповой, Алексѣй Николаевичъ, былъ тогда студентомъ Дерптскаго университета и на рождественскія и лѣтнія каникулы пріѣзжалъ въ Тригорское. Пушкинъ очень скоро съ нимъ близко сошелся, и они вмѣстѣ стали сочинять

---

[1]) Объ этихъ слухахъ писалъ Л. С. Пушкинъ Вяземскому въ январѣ 1825 г. См. сборникъ *П. Бартенева* «Пушкинъ», в. II, стр. 28.

[2]) П. Я. Чаадаевъ, пріѣхавъ изъ Лондона въ Парижъ въ концѣ 1823 г., прожилъ тутъ до осени 1824 г., когда поѣхалъ въ Швейцарію. См. *М. Гершензонъ.* П. Я. Чаадаевъ. С.-Пб. 1908, стр. 52.

[3]) Вѣроятно, объ этомъ писалъ Л. С. брату въ письмѣ, приложенномъ къ письму къ Осиповой отъ 16 февраля 1825 г. См. «Русск. Стар.» 1907 г., январь, стр. 85.

проекты бѣгства. Вульфъ собирался лѣтомъ за границу (см. приписку Осиповой въ письмѣ Пушкина № 133) и предлагалъ Пушкину увезти его съ собой, подъ видомъ слуги. «Дошло ли бы у насъ дѣло до исполненія этого юношескаго проекта, говорилъ впослѣдствіи М. И. Семевскому А. Н. Вульфъ, не знаю; я думаю, что все кончилось бы на словахъ»[1]). Оставивъ этотъ смѣлый планъ, Пушкинъ рѣшилъ добиться разрѣшенія отъ властей поѣхать лѣчиться въ Дерптъ, а оттуда за-границу. Еще въ Одессѣ Пушкинъ, желая подать въ отставку, писалъ управляющему канцеляріей намѣстника А. И. Казначееву: «Вы можетъ быть не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ уже 8 лѣтъ какъ я ношу съ собою смерть. Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится» (Ак. изд. Переписки № 75). Теперь этотъ же аневризмъ былъ выдвинутъ какъ предлогъ для поѣздки въ Дерптъ. Левъ Сергѣевичъ долженъ былъ разсказать о болѣзни брата Жуковскому, чтобы тотъ взялся хлопотать у дерптскаго хирурга, мужа племянницы Жуковскаго М. А. Протасовой (тогда уже умершей) Мойера, о пріѣздѣ Пушкина для операціи въ Дерптъ.

Планъ Пушкина съ Вульфомъ, по разсказамъ Анненкова, состоялъ въ томъ, чтобы «согласить Мойера взять на себя ходатайство передъ правительствомъ о присылкѣ къ нему Пушкина въ Дерптъ, какъ интереснаго и опаснаго больного, а впослѣдствіи, можетъ быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся пробраться изъ Дерпта заграницу, подъ тѣмъ же предлогомъ безнадежнаго состоянія своего здоровья. Конечно, дѣло было не легкое, потому что въ основаніи его лежалъ все-таки подлогъ (Пушкинъ физически ничѣмъ не страдалъ), на который и слѣдовало согласить прямого и честнаго профессора, но друзья наши не остановились передъ этимъ затрудненіемъ. Они положили учредить между собою символическую переписку, основаніемъ которой должна была служить тема о судьбѣ коляски, будто бы взятой Вульфомъ для переѣзда. Положено было такъ: въ случаѣ согласія Мойера замолвить слово передъ маркизомъ Паулуччи о Пушкинѣ, студентъ Вульфъ долженъ былъ увѣдомить Михайловскаго изгнанника, по почтѣ, о своемъ намѣреніи выслать безотлагательно коляску обратно во Псковъ. Наоборотъ, если бы Вульфъ заявилъ рѣшимость удержать ее въ Дерптѣ, это означало бы, что успѣхъ порученнаго ему дѣла оказывается сомнительнымъ. Кромѣ этого,

[1]) «Прогулка въ Тригорское» *М. С.*, т.-е. М. Семевскаго, въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1866 г., № 146.

Вульфъ долженъ былъ въ Дерптѣ, гдѣ тогда ѣхавшіе изъ Россіи за границу путешественники подолгу останавливались, сообщая знакомымъ свѣжія столичныя новости, слѣдить за всѣмъ, что относилось въ этихъ новостяхъ до Пушкина собственно, и передавать ихъ по принадлежности, принявъ за условную тему корреспонденціи проектъ изданія полныхъ сочиненій Пушкина въ Дерптѣ. По этому плану, слова главнаго цензора выражали бы настроеніе высшей правительственной власти относительно Михайловскаго плѣнника; замѣтки перваго, второго и т. д. наборщика—мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ и проч.»[1]).

Разсказы Льва Сергѣевича и матери поэта объ его болѣзни встревожили Жуковскаго, и онъ пишетъ Пушкину письмо (вторая половина мая 1825 г. № 162 Ак. изд.), въ которомъ умоляетъ «милаго друга обратить на здоровье свое то вниманіе, котораго требуютъ отъ него его друзья и его будущая прекрасная слава», проситъ написать ему немедленно объ аневризмѣ, чтобы начать хлопотать у Паулуччи, съ которымъ онъ уже имѣлъ разговоръ объ опальномъ поэтѣ. «Сюда (т.-е. въ Петербургъ) перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надѣюсь, сдѣлать, чтобы ты переѣхалъ на житье и леченье въ Ригу». Жуковскій, очевидно, не подозрѣвалъ, что аневризмъ лишь предлогъ получить позволеніе выѣхать изъ Михайловскаго, гдѣ было душно поэту.

Получивъ письмо Жуковскаго, Пушкинъ почти признается ему, что дѣло не въ аневризмѣ. Онъ пишетъ: «Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божіей помощью могу прожить еще года 3. Слѣдств. дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Если бы Царь меня до излѣченія отпустилъ за границу (въ Евр.), то это было бы благодѣяніе, за которое бы я вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ... Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по-франц., потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ да будетъ Воля Твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня». (№ 166 Ак. изд.).

Въ черновомъ прошенія (бѣлового текста до сихъ поръ не опубликовано) Пушкинъ пишетъ, что здоровье его было подорвано еще въ первой молодости и что до сихъ поръ онъ не имѣлъ возможности лѣчиться. Аневризмъ же, которымъ онъ страдаетъ лѣтъ десять, требуетъ немедленной операціи, въ чемъ легко

---

[1]) Анненковъ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху» 1874 г., стр. 288—289) разсказываетъ это, очевидно, со словъ Вульфа. М. И. Семевскому объ этомъ планѣ А. Н. Вульфъ такъ подробно не разсказывалъ.

убѣдиться. Поэтому онъ умоляетъ Его Величество позволить ему удалиться въ какую-нибудь часть Европы, гдѣ онъ не былъ бы лишенъ всякой помощи (№167 ак. изд. вторая редакція).

Жуковскій съ Карамзинымъ рѣшили, что, вмѣсто этого прошенія, лучше обратиться къ Государю матери Пушкина, и въ концѣ мая—началѣ іюня 1825 г. Надежда Осиповна подала на имя Государя прошеніе, которое до сихъ поръ не появлялось въ печати[1]). Даемъ его въ переводѣ:

«Государь,

Со всей тревогой уязвленнаго материнскаго сердца осмѣливаюсь припасть съ мольбой къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества о благодѣяніи для моего сына. Моя материнская нѣжность, встревоженная его болѣзненнымъ состояніемъ, позволяетъ мнѣ надѣяться, что Ваше Величество соблаговолитъ простить меня за то, что я утруждаю Его просьбой о благодѣяніи. Государь, вопросъ идетъ объ его жизни. Мой сынъ страдаетъ уже около 10 лѣтъ аневризмомъ ноги. Вначалѣ онъ слишкомъ мало обращалъ вниманія на эту болѣзнь, и теперь она угрожаетъ его жизни каждую минуту, въ особенности потому, что онъ живетъ въ Псковской губерніи, въ мѣстѣ, гдѣ совершенно отсутствуетъ врачебная помощь. Государь, не отнимайте у матери предмета ея нѣжной любви! Благоволите разрѣшить моему сыну поѣхать въ Ригу или въ какой-нибудь другой городъ, какой угодно будетъ Вашему Величеству приказать, чтобы подвергнуться операціи, которая одна даетъ мнѣ еще надежду сохранить его. Смѣю увѣрить, что поведеніе его тамъ будетъ безупречно. Милосердіе Вашего Величества—вѣрнѣйшее въ этомъ ручательство, какое я могу предложить» [2]).

---

[1]) Объ этомъ писалъ Пушкину кн. П. А. Вяземскій 28 августа 1825 г.: «Твоя мать узнаетъ, что у тебя аневризмъ въ ногѣ, она совѣтуется съ людьми, явно въ твою пользу расположенными: Карамзинымъ и Жуковскимъ. Опредѣляютъ, что ей должно писать къ Государю...» (Ак. изд. пер. П., № 204).

[2]) Подлинное хранится въ отдѣленіи рукописей Имп. Румянц. Музея (№ 1254) и находится вмѣстѣ съ другимъ проектомъ прошенія, о которомъ рѣчь дальше, въ качествѣ «приложенія» въ книгѣ писемъ А. С. Пушкина къ брату Льву Сергѣевичу. Черновикъ этого (перваго) прошенія помѣщенъ послѣ второго, чѣмъ и объясняется надпись на поляхъ: «Еще проектъ письма Надежды Осиповны къ Императору. Вѣроятно сочинено А. Пушкинымъ». Подлинникъ написанъ неизвѣстной намъ рукой на листикѣ бумаги съ водянымъ знакомъ: I. Whatman Turkey Mill 1822 г. и читается:

Sire

C'est avec toute la sollicitude du coeur ulceré d'une Mere que j'ose implorér aux pieds de V : M : J. un bienfait pour mon fils! ma tendresse maternelle allarmée par sa situation douloureuse peut seule me faire éspérer que V : M : daignera me pardonnér de sollicitér Sa bienfaisance. Sire, il s'agit de sa vie. Mon fils est attaqué depuis près de 10 ans de l'anevrisme à la jambe (mon fils) ayant trop neglige ce mal dès son principe ses jours en sont ménacés à tout moment, surtout se trouvant dans le gouvernement

Въ ожиданіи отвѣта на это прошеніе Пушкинъ пишетъ П. А. Осиповой:

«Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньѣ мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней.
Когда померкнетъ ясный день,

Одна, изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильный».

И на этотъ разъ поэтъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Не суждено было ему смѣнить «изгнанье мирное» на чужіе края... 25-мъ іюня 1825 г. помѣчаетъ приведенное стихотвореніе Пушкинъ, а 26-го іюня въ Псковѣ было получено Высочайшее повелѣніе, по которому поэту было позволено пріѣхать въ г. *Псковъ* и имѣть тамъ пребываніе до излѣченія отъ болѣзни съ тѣмъ, чтобы псковскій гражданскій губернаторъ имѣлъ наблюденіе за поведеніемъ и разговорами г. Пушкина [1]).

Таковъ былъ результатъ патетическаго прошенія матери Пушкина.

Всѣ планы поэта рухнули, и онъ, получивъ извѣстіе объ этой новой царской «милости», пишетъ полное яда письмо Жуковскому: «Неожиданная милость Его Величества тронула меня несказанно, тѣмъ болѣе что здѣшній Губернаторъ предлагалъ уже имѣть жительство во Псковѣ; но я строго придерживался повелѣнія высшаго начальства.—Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по Ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ лѣченіи лошадей. Несмотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ, тѣмъ не менѣе чувствуя отеческую снисходительность Его Величества. Боюсь чтобъ медленность мою пользоваться Монаршей милостію не

de Pskov dans un lieu dénué de tout secours. Sire, ne privez pas une mere de l'objet de toute sa tendresse! Daignez permettre à mon fils de se rendre à Riga ou dans quelque autre Ville qu'Elle daignera ordonnér pour subir une Operation qui seule me donne encore l'espoir de pouvoir le conserver. J'ose l'assurér que sa conduite y sera irréprochable. La Clemence de V. M. en est le garant le plus sur que je puisse lui en offrir.

[1]) «Псковскія Губернскія Вѣдомости» 1868 г., № 10, стр. 68. Въ связи съ прошеніемъ Н. О. Пушкиной находится запросъ 21 іюня о Пушкинѣ канцеляріи начальника главнаго штаба и отвѣтъ (22-го) на запросъ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ. См. *Лернеръ* «Труды и дни Пушкина», 1910 г., стр. 119.

почли за небреженіе или возмутительное упрямство.—Но можно-ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность? Дѣло въ томъ что 10 лѣтъ не думавъ о своемъ Аневризмѣ, не вижу причины вдругъ объ немъ расхлопотаться.—Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца Императора, авось-либо позволитъ онъ мнѣ со временемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства». (Ак. изд. Переписки № 173).

Раздосадованный Пушкинъ рѣшилъ въ Псковъ не ѣхать [1]). Рѣшеніе это испугало друзей, хлопотавшихъ за него, и, обезкураженные такимъ результатомъ своихъ хлопотъ, они рѣшили поднять вопросъ о передокладѣ, о чемъ писалъ Пушкину Плетневъ (18 іюля П. № 176). Противъ этого рѣшительно возсталъ поэтъ. П. А. Осиповой онъ пишетъ «Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную новость: опредѣленіе Его Величества показалось имъ недоразумѣніемъ, и они рѣшили снова ему доложить. Мои друзья добьются, наконецъ, того, что меня посадятъ въ Шлиссельбургскую крѣпость...» (П. № 180 отъ 25 іюля). Объ этомъ же Дельвигу: «Мнѣ пишетъ П. А. (Плетневъ), что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ конечно есть лѣкаря—чего-жъ мнѣ болѣе?... За чѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное, письмомъ моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность?... Ошибка важная! Въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость» (П. отъ 23 іюля № 178).

На то, что дѣйствительно проектъ обратиться вторично къ Государю существовалъ, указываетъ другой черновикъ прошенія. Въ этомъ второмъ прошеніи, также на французскомъ языкѣ, Надежда Осиповна пишетъ: «Несчастная мать, проникнутая добротой и милосердіемъ Вашего Величества, рѣшается еще разъ повергнуть къ стопамъ Своего Августѣйшаго Монарха свою покорнѣйшую просьбу. По свѣдѣніямъ, которымъ боюсь и вѣрить, болѣзнь моего сына идетъ быстрыми шагами. Псковскіе доктора отказались сдѣлать необходимую для него операцію, и онъ вернулся въ деревню, гдѣ находится безъ всякой помощи въ безвыходномъ положеніи. Благоволите, Государь, разрѣшить ему переѣхать въ другое мѣсто, гдѣ онъ смогъ бы найти болѣе знающаго врача. Соблаговолите простить мать, трепещущую за жизнь

---

[1]) Н. О. Лернеръ (въ книгѣ «Труды и дни Пушкина» 1910 г., стр. 487) ошибается, утверждая, что Пушкинъ ѣздилъ въ Псковъ въ іюнѣ—іюлѣ 1825 г.

своего сына, за то, что она осмѣлилась во второй разъ молить Васъ объ этой милости Вашего Милосердія. Несчастная мать несетъ Вамъ свое горе какъ отцу своихъ подданныхъ. Только отъ Государя можетъ она надѣяться на все, только отъ его доброты ждетъ она окончанія своимъ опасеніямъ и мукамъ». [1]).

По всей вѣроятности это прошеніе не было подано государю; по крайней мѣрѣ ни въ перепискѣ самого Пушкина, ни въ письмахъ его друзей мы не нашли указаній на то, чтобы Надежда Осиповна подавала два прошенія. Поводомъ вторичнаго обращенія къ государю Н. О. Пушкина (въ черновикѣ) выставляетъ безрезультатную поѣздку Пушкина въ Псковъ. Но это—неправда, такъ какъ Пушкинъ, наоборотъ, лѣтомъ не воспользовался разрѣшеніемъ съѣздить въ Псковъ. Увѣрять въ своей нѣжной любви къ сыну и въ страхѣ за его жизнь, чего на самомъ дѣлѣ не было, Надежда Осиповна, конечно, могла, но утверждать въ прошеніи государю, что ея сынъ ѣздилъ въ Псковъ, когда онъ отказался туда поѣхать, она не рѣшилась, а кромѣ этого нечѣмъ было мотивировать второе обращеніе къ государю. Поэтому, какъ мы думаемъ, второе прошеніе матери поэта такъ и осталось лишь проектомъ.

Жуковскій, очевидно, не придавъ значенія словамъ Пушкина, что онъ въ Псковъ не поѣдетъ, написалъ Мойеру, чтобы онъ пріѣхалъ въ Псковъ для совершенія операціи Пушкину. Испуганный этимъ извѣстіемъ Пушкинъ пишетъ Мойеру 29 іюля письмо, въ которомъ «умоляетъ» его «ради Бога» не пріѣзжать и не безпокоиться, такъ какъ «операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія» (Ак. изд. № 182).

---

[1]) Этотъ проектъ находится тамъ же, гдѣ и первый. На поляхъ этого прошенія неизвѣстной намъ рукой карандашемъ написано: «проектъ письма матери Пушкина къ Государю», а чернилами: «Проектъ письма Надежды Осиповны Пушкиной къ Императору. Вѣроятно сочинено А. Пушкинымъ». Письмо написано (неизвѣстной намъ рукой) на листикѣ бѣлой тонкой бумаги съ золотымъ обрѣзомъ безъ водяныхъ знаковъ.

Sire.

C'est une Mere malheureuse, mais penétrée des bontés, et de la Clemence de V : M : I : qui ose se jettér encore aux pieds de son Auguste Souverain pour réiterér sa très humble prière. D'aprés les renseignemens que je crins de recevoir, la Maladie de mon fils fuit des progrés rapides, les medecins de Pskow se sont refuses a lui faire l'operation neccessaire, et il est retourné à la Campagne ou il se trouve sans secours et dans un étât de deperissement total. Daignez Sire lui permettre d'aller dans un autre lieu ou il puisse trouver un medecin plus habile, daignez pardonner à une Mere tremblante pour les jours de son fils d'avoir osé une seconde fois implorer cette grace de votre Clemence. C'est dans le soin du Pere de ses sujets qu'une mère infortunée épenche sa douleur, c'est de son souverain qu'elle ose tout éspérér, c'est de sa bonté illimitée, qu'elle attend la fin de ses craintes et des ses angoisses.

А. Н. Вульфу, который, какъ мы видѣли, принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ побѣгу, Пушкинъ, ликвидируя теперь все это, писалъ на условленномъ языкѣ: «Я не успѣлъ благодарить Васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ, чортъ съ ними и съ Цензоромъ и съ наборщикомъ и съ tutti quanti—дѣло теперь не о томъ.—Друзья мои и родители вѣчно со мною проказятъ. Теперь послали мою коляску къ Моэру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ и опять прислалъ назадъ эту бѣдную коляску.—Вразумите его—. Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ сдѣлайте милость напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc.—» [1]).

Въ неудачѣ, такъ, казалось, тонко придуманнаго, плана бѣгства Пушкинъ винилъ друзей и родныхъ и свою досаду по этому поводу излилъ въ рѣзкомъ письмѣ къ сестрѣ, получивъ которое, она цѣлый день плакала (письмо это не сохранилось; см. ак. изд. Переп. т. I, стр. 277). Съ братомъ Пушкинъ въ это время тоже разсорился. Выше мы видѣли, какъ трогательно прощался съ нимъ поэтъ въ стихотвореніи «Презрѣвъ и шопотъ укоризны», говоря, что онъ «въ опасный день разлуки забылъ для брата о себѣ». Но братъ не оправдалъ этихъ словъ. У Пушкина въ Михайловскомъ, какъ и на югѣ, не было денегъ на поѣздку за границу, и Левъ Сергѣевичъ долженъ былъ добыть ихъ, издавъ сочиненія поэта. Но беззаботный Левушка оказался никуда негоднымъ коммиссіонеромъ въ такихъ дѣлахъ. Получивъ тетрадь стихотвореній для изданія, онъ не только не потрудился въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ переписать ихъ для представленія въ цензуру (см. письма №№ 140, 178 и 181), но вмѣсто этого читалъ стихотворенія на ужинахъ и украшалъ ими альбомъ Воейковой, полученныя же на уплату долговъ брата деньги тратилъ на себя (письма №№ 181, 202 и 207); наконецъ, онъ же вѣроятно разболталъ пріятелямъ о планѣ брата бѣжать за границу. Та же Воейкова, альбомъ которой онъ украшалъ произведеніями Александра Серг., писала Жуковскому: «Плетневъ думаетъ, что Пушкинъ хочетъ имѣть 15 тысячъ, чтобы имѣть способы *бѣжать* съ ними въ Америку или Грецію. Слѣдственно не надо ихъ доставлять ему. Онъ проситъ тебя какъ единственнаго человѣка, который можетъ на него имѣть вліянія, написать къ Пуш. и доказать ему, что не нужно терять вѣрные 40 тысячъ—съ терпѣніемъ». («Пушк.

[1]) Какъ уже указалъ Анненковъ, условленныя выраженія въ этомъ письмѣ лишь «сочиненія», «Цензоръ», «наборщикъ», «коляска» же не мнимая.

и его совр.» в. VIII, стр. 86). О замыслѣ Пушкина бѣжать изъ Россіи Плетневъ могъ слышать только отъ Льва Сергѣевича. Такимъ образомъ вслѣдствіе непростительной халатности и болтливости легкомысленнаго брата Пушкинъ въ нужную минуту вмѣсто 15000 руб., на которые онъ разсчитывалъ, не имѣлъ ни копѣйки (п. № 181).

Между тѣмъ Жуковскій, побуждаемый друзьями удерживать «неуимчиваго» Пушкина отъ выходокъ, которыя могли бы повредить ему, продолжаетъ настаивать на поѣздкѣ Пушкина въ Псковъ (п. № 192). Вяземскій, проведшій лѣто въ Ревелѣ вмѣстѣ съ Пушкиными (отцомъ, матерью и дочерью), пріѣхавъ въ Петербургъ 21 августа, 28-го августа—6 сент. пишетъ Пушкину громадное письмо, въ которомъ убѣждаетъ его «плыть по водѣ», такъ какъ онъ «довольно боролся съ теченіемъ» (самъ Вяземскій въ это время уже начиналъ «плыть по теченію»), «покориться силѣ обстоятельствъ и времени», потому что «ты ли одинъ терпишь, и на тебѣ ли одномъ обрушилось бремя невзгодъ, сопряженныхъ съ настоящимъ положеніемъ не только нашимъ, но вообще европейскимъ». «Положимъ, пишетъ дальше Вяземскій, что поѣздка въ Псковъ не улучшитъ твоего политическаго положенія, но она улучшитъ твое здоровье—это положительный барышъ, а въ барышахъ будетъ и то, что ты уважилъ заботы друзей, не отвергнулъ, изъ упрямства и прихоти, милости Царской и не былъ снова на ножахъ съ общимъ желаніемъ, съ общимъ мнѣніемъ» [1]).

Пушкинъ еще до полученія этого письма сдался и обѣщалъ Жуковскому съѣздить въ Псковъ (ак. изд. Переп. № 198), а получивъ письмо Вяземскаго, пишетъ ему 13 сентября 1825 г. въ болѣе спокойномъ тонѣ, какъ бы подводя итоги всей этой исторіи: «Очень естественно, что милость Царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться—а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ покрайней мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи. Вамъ легко на досугѣ укорять меня въ неблагодарности, а были бы вы (чего Боже упаси) на моемъ мѣстѣ, такъ можетъ быть пуще моего взбѣлѣнились. Друзья обо мнѣ хлопочутъ, а мнѣ хуже да хуже. Сгоряча ихъ проклинаю, одумаюсь, благодарю за намѣреніе, какъ Езуитъ, но все же мнѣ не легче. Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію ultima ratio libertatis [2]) — и вдругъ послѣдняя моя надежда

---

[1]) Письмо это чрезвычайно интересно для характеристики не только Вяземскаго, но и вообще того направленія, въ какомъ вліяли петербургскіе друзья на Пушкина. Черезъ полгода онъ напишетъ Жуковскому, что «ненамѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости» (ак. изд., т. I, № 243).

[2]) Любопытно отмѣтить, что мысль воспользоваться аневризмомъ, какъ предлогомъ къ освобожденію, явилась у Пушкина еще въ 1820 г., т.-е. въ самомъ началѣ ссылки.

разрушена проклятымъ дозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, по неволѣ голова кругомъ пойдетъ.—Они заботятся о жизни моей; благодарю—но чортъ-ли въ эдакой жизни. Гораздо ужъ лучше отъ не-леченія умереть въ Михайловскомъ.— По крайней мѣрѣ могила моя будетъ живымъ упрекомъ, и ты бы могъ написать на ней пріятную и полезную эпитафію.—Нѣтъ, дружба входитъ въ заговоръ съ тиранствомъ, сама берется оправдать его, отвратить негодованіе; выписываютъ мнѣ Моера, который, конечно, можетъ совершить операцію и въ сибирскомъ рудникѣ; лишаютъ меня права жаловаться (не въ стихахъ, а въ прозѣ, дьявольская разница!), а тамъ не велятъ и бѣситься.— Какъ не такъ! Я знаю, что право жаловаться ничтожно, какъ и всѣ прочія, но оно есть въ природѣ вещей. Погоди. Не демонствуй Асмодей: мысли твои объ общемъ мнѣніи, о суетѣ гоненія и страдальчества (положимъ) справедливы,—но помилуй... Это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще набоженъ. Не отнимай у схимника надежду рая и страхъ ада». Въ заключеніе Пушкинъ дѣлаетъ такое, какъ онъ самъ называетъ, «resumé»: «Вы находите, что позволеніе ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ, а я думаю что шагъ назадъ,—но полно объ Аневризмѣ,—онъ мнѣ надоѣлъ, какъ наши журналы». (№ 208).

Итакъ, планы бѣгства изъ Россіи потерпѣли полное фіаско, и Пушкинъ, которому надоѣла вся эта исторія съ прошеніемъ матери, аневризмомъ, коляской, какъ будто примирился съ своей ссылкой. 22 сентября онъ пишетъ А. П. Кернъ: «Вашъ совѣтъ писать къ Его Величеству тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы думали обо мнѣ; на колѣняхъ благодарю тебя за него, но не могу ему послѣдовать. Пусть сама судьба распоряжается моею жизнью; я ни во что не хочу вмѣшиваться». (Оригиналъ по-французски; № 209).

Но недолго поэтъ былъ въ этомъ состояніи фаталистическаго отношенія къ своему положенію. Получивъ письмо отъ Жуковскаго опять съ настойчивой просьбой съѣздить въ Псковъ (п. № 210), Пушкинъ, «увидя въ окошко осень, сѣлъ въ телѣжку и прискакалъ во Псковъ». Губернаторъ принялъ его «очень мило» и обѣщался отнестись, что лѣчиться во Псковѣ Пушкину невозможно (П. № 215 отъ 6 октября). Это обѣщаніе снова даетъ надежду поэту на измѣненіе его положенія, и онъ уже пишетъ: «и такъ погодимъ авось-ли Царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу... Милый мой, посидимъ у моря подождемъ погоды; я не умру; это невозможно; богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедія искупитъ меня...» (п. № 215 отъ 6 октября).

Эта же, столь характерная для Пушкина, увѣренность въ томъ, что «день веселья» настанетъ, хотя «настоящее уныло», выражена въ «Лицейской годовщинѣ 1825 г.», написанной въ это время. Въ ней есть строфа:

«Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье
Запомните-жъ поэта предсказанье
Промчится годъ и съ вами снова я
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ— и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!»

А пока «затворникъ опальный» въ «забытой сей глуши, въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада» предлагаетъ:

«О други съ мѣстъ вторую наливайте
Полнѣй, полнѣй—и сердцемъ возгоря
Опять до дна, до капли выпивайте!...
Но за кого-жъ? о други! угадайте...
Ура нашъ Царь!—такъ выпьемъ за Царя.
Онъ человѣкъ: имъ властвуетъ мгновенье,
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей.—
Но такъ и быть простимъ ему (не правое) гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей».

Истинно «не помня зла», поэтъ прощаетъ царю «неправое гоненье» и ждетъ такого же великодушнаго отношенія и къ себѣ. Вѣроятно въ это же время Пушкинъ набрасываетъ вчернѣ на первый взглядъ очень странное по содержанію прошеніе Александру I. Черновикъ этотъ (ак. изд. № 167) всѣми издателями писемъ Пушкина разсматривается, какъ первоначальная редакція прошенія Александру I, приложеннаго къ письму къ Жуковскому (Ак. изд. № 166) [1]. Но это безусловно невѣрно, такъ какъ въ наброскѣ есть мѣсто: «la ville qui m'en etait assignée ne peut me procurer aucun secours».

Слѣдовательно *этотъ* проектъ прошенія былъ написанъ послѣ того, какъ Пушкину былъ назначенъ для лѣченія Псковъ. Даемъ текстъ прошенія въ переводѣ: «(Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 г.) [2]. Необдуманныя обмолвки, сатирическіе стихи (мнѣ поставили на видъ, что я ихъ распространяю въ публикѣ). Разнесся слухъ,

---

[1]) Черновикъ находится въ тетради Пушкина № 2370 (Румянц. Муз.), стр. 69 об.—70. Впервые отрывокъ изъ него въ переводѣ напечаталъ Анненковъ въ книгѣ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» (стр. 142—143). Полный текстъ по-французски далъ В. Е. Якушкинъ въ описаніи тетради («Русск. Старина» 1884 г., іюль, стр. 33—34). П. О. Морозовъ въ собр. соч. Пушкина изд. Литератури. Фонда счелъ этотъ набросокъ за первую редакцію прошенія, посланнаго къ Жуковскому (см. т. VII, стр. 131 назв. собр.), съ чѣмъ согласились П. А. Ефремовъ (соч. П. изд. Суворина. т. VII, стр. 185), и В. И. Саитовъ (Ак. изд. переписки П., т. I, стр. 223),

[2]) Въ скобкахъ зачеркнутое въ подлинникѣ.

будто я былъ отвезенъ и высѣченъ въ тайной канцеляріи [1]. Я былъ послѣднимъ, узнавшимъ этотъ слухъ, который сталъ общимъ. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ. Я былъ въ отчаяніи; дрался на дуэли, мнѣ было 20 лѣтъ. Я размышлялъ, не прибѣгнуть ли мнѣ къ самоубійству или умертвить Васъ [2]. Въ первомъ случаѣ я самъ бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ; во второмъ я не мстилъ бы за себя, такъ какъ никакого оскорбленія не было: я только совершилъ бы преступленіе и пожертвовалъ бы общественному мнѣнію, которое презиралъ, человѣкомъ, отъ котораго все зависѣло и ..... которому я противъ моей воли удивлялся. На этихъ размышленіяхъ я остановился.

«Таковы были мои размышленія. Я сообщилъ ихъ другу, кокоторый вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ мнѣ совѣтовалъ какъ-нибудь попытаться оправдать себя передъ властью. Я почувствовалъ безполезность этого. Я рѣшился выказать столько негодованія и наглости въ своихъ рѣчахъ и своихъ писаніяхъ, чтобы, наконецъ, власть вынуждена была обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести.

«Великодушное и либеральное поведеніе власти меня глубоко тронуло, уничтоживъ окончательно смѣшную клевету. Съ тѣхъ поръ, если иной разъ вырывались у меня жалобы на установившійся порядокъ вещей, если иногда предавался я молодымъ разглагольствованіямъ, то все-таки я смѣло утверждаю, что всегда, на словахъ и съ перомъ въ рукахъ уважалъ особу Вашего Величества.

«Государь, меня обвиняютъ, что я разсчитывалъ на великодушіе вашего характера; я вамъ сказалъ истину съ откровенностью, которая была бы невозможна по отношенію ко всякому другому властителю въ мірѣ.

«Нынѣ прибѣгаю къ этому великодушію. Здоровье мое съ раннихъ лѣтъ сильно потрясено; аневризмъ сердца требуетъ скорой операціи, продолжительнаго лѣченія; городъ, который мнѣ для этого назначенъ, не можетъ мнѣ доставить никакой врачебной помощи. Умоляю Ваше Величество разрѣшить мнѣ пребываніе въ одной изъ нашихъ столицъ или лучше назначить мнѣ мѣсто въ Европѣ, гдѣ могъ бы я позаботиться о моемъ существованіи».

---

[1] Въ подлинникѣ: Le bruit se répandit, que j'avais été traduit et f. à la ch. s. (т.-е. et fouetté à la chancellerie secrète). См. Анненковъ. Пушкинъ въ Александр. эпоху, стр. 141—144.

[2] В. Е. Якушкинъ это мѣсто печатаетъ: «ou d'assassiner V», П. О. Морозовъ: «ou d'assassiner Votre Majesté»,В.И. Саитовъ: «ou d'assassiner Vor.», П. В. Анненковъ, давшій только переводъ: «или...»

Выше мы видѣли, что Пушкинъ замѣну своего прошенія Государю, «дѣльнаго и благоразумнаго», прошеніемъ матери, разсчитаннымъ на то, чтобы разжалобить Александра I, считалъ ошибкой. По мнѣнію Пушкина, Государь въ подачѣ прошенія матерью, а не самимъ поэтомъ могъ увидѣть «хитрость и неуклончивость» [1]) нераскаявшагося преступника. Теперь въ этомъ проектѣ прошенія исключительной откровенностью поэтъ хочетъ обезоружить Государя, дѣйствуя на его чувство великодушія. Поэтъ какъ бы хочетъ сказать: «Будьте, Государь, со мной столь же великодушны, какъ я откровененъ съ вами». Вотъ, по нашему мнѣнію, смыслъ этого необычнаго прошенія, въ которомъ подданный пишетъ своему государю, что онъ хотѣлъ его убить.

Но посылать свое прошеніе Александру I Пушкину не пришлось, такъ какъ 19 ноября 1825 г. государь умеръ. Узнавъ объ этомъ, поэтъ воспрянулъ духомъ и, надѣясь, что при новомъ правительствѣ измѣнится къ лучшему и его положеніе, снова шлетъ въ письмахъ къ друзьямъ просьбы вызволить его изъ ссылки и добиться разрѣшенія о въѣздѣ въ столицы или въ чужіе края (письма къ Плетневу №№ 224, 231, 242). Не ограничиваясь этими просьбами, Пушкинъ пишетъ Жуковскому письмо «въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ», гдѣ вкратцѣ излагаетъ исторію своей опалы (п. отъ 7 марта 1826 г. № 243). Это письмо Жуковскій долженъ былъ показать, кому нужно. Но обращаться Пушкину къ Николаю I съ просьбой объ освобожденіи и даже о позволеніи выѣхать за границу, пока велось слѣдствіе надъ декабристами, было по меньшей мѣрѣ преждевременно. Объ этомъ и писалъ Пушкину Жуковскій: «Въ теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности ничего сдѣлать въ твою пользу. Всего благоразумнѣе для тебя остаться покойно въ деревнѣ, не напоминать о себѣ и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени. Я никакъ не умѣю изъяснить, для чего ты написалъ ко мнѣ послѣднее письмо свое. Есть ли оно только ко мнѣ, то оно странно. Есть ли жъ для того, что бы его показать, то безразсудно. Ты ни въ чемъ не замѣшанъ—это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ» (п. № 248 отъ 12 апрѣля; см. еще письмо Плетнева отъ 14 апрѣля № 249). Несмотря на это, Пушкинъ скоро получаетъ отъ петербургскихъ друзей совѣтъ подать прошеніе на Высочайшее имя (Анненковъ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху стр. 315). Для этого онъ ѣдетъ

---

[1]) Письмо Пушкина Дельвигу отъ 23 іюля, № 178 ак. изд. Слово «неуклончивость» здѣсь очевидно нужно понимать въ смыслѣ «непреклонность», «закоренѣлое упрямство».

въ маѣ въ Псковъ, гдѣ и подаетъ черезъ губернатора Адеркаса прошеніе, въ которомъ, ссылаясь опять на аневризмъ, проситъ позволенія ѣхать для лѣченія въ Москву или въ Петербургъ или въ чужіе края (Анн. П. въ А. э. стр. 315—316). Къ прошенію были приложены подписка о непринадлежности къ тайному обществу и медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы, въ которомъ сказано, что «по предложеніи гражданскаго губернатора за № 5497, ею освидѣтельствованъ былъ коллежскій секретарь А. С. Пушкинъ, и оказалось, что онъ дѣйствительно имѣетъ на нижнихъ конечностяхъ, а въ особенности на правой голени повсемѣстное расширеніе крововозвратныхъ жилъ (Varicositas totius cruris dextri), отъ чего г. коллежскій секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи вообще» (Анненковъ П. въ А. э. стр. 316—317). Какъ бы въ дополненіе къ этому свидѣтельству Вяземскому Пушкинъ писалъ: «во Псковѣ молодой докторъ спьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ— Не забавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ».

Теперь, казалось, все было учтено и сдѣлано для полученія желаннаго разрѣшенія. Время для просьбы по совѣту друзей было выбрано самое подходящее: прошенію былъ данъ ходъ въ іюлѣ, по окончаніи суда надъ декабристами и передъ коронаціей, въ день которой ожидали амнистіи; при прошеніи было представлено авторитетное медицинское свидѣтельство, а въ приложенной къ прошенію подпискѣ и въ самомъ прошеніи Пушкинъ опредѣленно выражалъ свои вѣрноподданническія чувства.

Естественно, что поэтъ почти не сомнѣвался въ томъ, что его просьбу удовлетворятъ, и мыслью былъ уже въ Западной Европѣ. Вяземскому онъ пишетъ: «Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если Царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, Англ. журналы или Парижскіе театры и ...... то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-ой пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его, и спросишь съ милою улыбкой; гдѣ жъ мой поэтъ? въ немъ дарованіе примѣтно—Услышишь милая въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится—ай да умница!» (п. № 257 отъ 27 мая 1826 г.).

Теперь мы знаемъ, какъ наивны были эти мечты Пушкина. Вмѣсто Запада ему можно было собираться въ поѣздку на Востокъ, болѣе или менѣе дальній.

Уже ген.-губ. Паулуччи, пересылая гр. К. В. Нессельроде прошеніе Пушкина, «полагалъ мнѣніемъ не позволять Пушкину

выѣзда за границу». (Анненковъ. П. въ А. э. 319—320). Но Николай I не нуждался въ такомъ совѣтѣ, какъ какъ именно въ это время Пушкинъ его интересовалъ какъ авторъ распространявшихся въ рукописномъ видѣ стиховъ, якобы сочиненныхъ на событія 14 декабря, и, конечно, Государь и не думалъ отпускать такого «сочинителя» за границу. По Высочайшему повелѣнію (отъ 28 августа) Пушкинъ долженъ былъ прибыть въ Москву прямо къ Государю «въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта» для дачи объясненій по дѣлу о стихахъ «Андрей Шенье» [1]).

«Свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта», такъ въ сущности живетъ Пушкинъ съ сентября 1826 г. до самой смерти. «Обласканный» государемъ поэтъ не имѣлъ полной свободы передвиженія даже внутри имперіи. 30 сентября 1826 г. Бенкендорфъ пишетъ Пушкину: «Государь Императоръ, не только не запрещаетъ пріѣзда Вамъ въ Столицу (Петербургъ), но предоставляетъ совершенно на Вашу волю съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшеніе чрезъ письмо» (п.№274). Когда Пушкинъ во исполненіе этого условія 24 апрѣля 1827 г. «пріемлетъ смѣлость просить» у Бенкендорфа разрѣшенія на поѣздку въ Петербургъ «по семейнымъ обстоятельствамъ» (п.№317), то шефъ жандармовъ считаетъ нужнымъ сообщить ему: «Его Величество, соизволяя на прибытіе Ваше въ С.-Петербургъ, Высочайше отозваться изволилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ Государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано» (п. отъ 3 мая 1827 г. № 318).

Этотъ отвѣтъ давалъ ясно понять Пушкину, что его «благонадежность» въ глазахъ Государя очень сомнительна. И тѣмъ не менѣе черезъ день-два по полученіи письма Бенкендорфа поэтъ пишетъ брату изъ Москвы: «Завтра ѣду въ П. Б. увидѣться съ дрожайшими родителями, comme on dit, и устроить свои денежныя дѣла. Изъ П. Б. поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во-свояси, т. е. въ Псковъ, но вѣроятнѣе—въ Грузію....» (п. отъ 8 мая 1827 г. № 319).

За границу Пушкинъ собирался съ своимъ пріятелемъ С. А. Соболевскимъ. Объ этомъ агенты Бенкендорфа донесли ему 23 августа 1827 г.: «Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы

[1]) Мы считаемъ доказанной П. Е. Щеголевымъ («Императоръ Николай I и Пушкинъ» въ книгѣ «Пушкинъ» 1912 г., стр. 258—260) связь увоза Пушкина изъ Михайловскаго съ дѣломъ о стихахъ на 14 декабря.

жаль. Пушкина надобно беречь какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ...» [1]).

Соболевскій ни въ деревню къ Пушкину, ни за границу въ 1827 г. не поѣхалъ, и совмѣстное путешествіе туда съ Пушкинымъ такъ и осталось въ области однихъ предположеній: поэтъ въ этомъ году даже и не просился у Бенкендорфа за границу...

Въ апрѣлѣ 1828 г. Пушкинъ съ Вяземскимъ просятъ разрѣшеніе у Бенкендорфа объ опредѣленіи въ дѣйствующую противъ турокъ армію, но получаютъ 20 апрѣля отказъ «поелику всѣ мѣста въ оной заняты» (п. № 357). Причина отказа ясна изъ письма вел. кн. Константина Павловича къ Бенкендорфу. «Повѣрьте мнѣ, любезный генералъ, пишетъ великій князь, что въ виду прежняго поведенія, какъ бы они (Пушкинъ и Вяземскій) ни старались выказать теперь свою преданность службѣ Его Величества, они не принадлежатъ къ числу тѣхъ, на кого можно бы было въ чемъ-либо положиться...». Въ другомъ письмѣ Константинъ Павловичъ пишетъ: «Повѣрьте мнѣ, что въ своей просьбѣ они не имѣли другой цѣли, какъ найти новое поприще для распространенія съ большимъ успѣхомъ и съ большимъ удобствомъ своихъ безнравственныхъ принциповъ, которые доставили бы имъ въ скоромъ времени множество послѣдователей среди молодыхъ офицеровъ» [2]). Съ этимъ, конечно, былъ согласенъ и государь съ Бенкендорфомъ, и Пушкина въ армію не пустили.

Отказъ этотъ сильно обидѣлъ Пушкина, и онъ отъ огорченія даже заболѣлъ. На другой же день по полученіи письма Бенкендорфа съ отказомъ, поэтъ, какъ бы не желая еще вѣрить, что онъ на такомъ плохомъ счету у государя, пишетъ Бенкендорфу письмо: «Искренне сожалѣя, что желанія мои не могли быть исполнены, съ благоговѣніемъ пріемлю рѣшеніе Государя Императора и приношу сердечную благодарность Вашему Превосходительству за снисходительное Ваше обо мнѣ ходатайство. Такъ какъ слѣдующіе 6 или 7 мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы я провести сіе время въ Парижѣ, что, можетъ быть, впослѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если Ваше Превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ Государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе...» (п. № 358).

---

[1]) *М. И. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія, т. II, стр. 391. Вѣроятно, на эту же совмѣстную поѣздку Пушкинъ намекаетъ въ письмѣ къ Соболевскому отъ 15 іюля 1827 г. «Пріѣзжай въ П. Б., если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ» (П. № 327).

[2]) См. «Русскій Архивъ» 1884 г., № 6, стр. 319, 322 и *Лемке* «Николаевскіе жандармы», стр. 488—489.

Какъ отнесся къ этой просьбѣ Бенкендорфъ, видно изъ разсказа его подчиненнаго А. А. Ивановскаго, который былъ знакомъ съ Пушкинымъ [1]). «На другой день по полученіи письма Пушкина, разсказываетъ Ивановскій, Бенкендорфъ, готовясь отправиться въ Зимній дворецъ и отдавая мнѣ это письмо Пушкина, сказалъ:

— Вѣдь ты, mon cher, хорошо знакомъ съ Пушкинымъ? Онъ заболѣлъ отъ отказа въ опредѣленіи его въ армію, и вотъ чего теперь захотѣлъ... Пожалуйста, повидайся съ нимъ; постарайся успокоить его и скажи, что онъ самъ, размысливъ получше, не одобритъ своего желанія, о которомъ я не хочу доводить до свѣдѣнія государя. Впрочемъ пусть онъ повидается со мною, когда здоровье его позволитъ.»

«Не безъ удивленія прочелъ я письмо Пушкина», замѣчаетъ Ивановскій. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія жандармовъ, просьба поэта пустить его въ Парижъ послѣ того, какъ не позволили ему поѣхать на Балканы, была дикой, нелѣпой выходкой.

Во время свиданія съ Пушкинымъ Ивановскій высокопарно доказывалъ поэту, что отказъ въ просьбѣ отправиться въ Турцію не означаетъ немилости государя, что, наоборотъ, государь, цѣня жизнь «царя скуднаго царства родной поэзіи и литературы, для пользы и славы этого царства» не хотѣлъ «бросить поэта въ дремучій лѣсъ русской рати и предать на произволъ случайностей войны, не знающихъ различія между исполинами и пигмеями..»

Пушкинъ уже готовъ былъ повѣрить всей этой жандармской лжи и уже ухватился за мысль, поданную Ивановскимъ, проситься въ Персію.

«Итакъ, теперь можно быть увѣрену, что вы рѣшительно отказались отъ намѣренія своего ѣхать въ Парижъ?» закончилъ свои тирады Ивановскій.

«Здѣсь печально-угрюмое облако пробѣжало по его челу», разсказываетъ Ивановскій.

«Да, послѣ неудачи моей», сказалъ Пушкинъ, «я не зналъ, что дѣлать мнѣ съ своею особой, и рѣшился на просьбу о поѣздкѣ въ Парижъ».

«Замѣтивъ мою улыбку», онъ спросилъ: «А вы что думаете объ этомъ намѣреніи?»

«Александръ Христофоровичъ (Бенкендорфъ) увѣренъ, что вы сами не одобрите этого намѣренія. Что же касается до меня, я думаю, что оно, выраженное прежде просьбы вашей объ опредѣленіи въ армію, не имѣло бы ничего особеннаго и, такъ сказать,

---

[1]) См. «Русская Старина» 1874 г., № 2, 393—399.

не бросалось бы въ глаза; но послѣ... Впрочемъ, зачѣмъ теперь заводить рѣчь о томъ, что уже не существуетъ»...

Какъ видимъ, данное Бенкендорфомъ Ивановскому порученіе—убѣдить Пушкина отказаться отъ его намѣренія ѣхать въ Парижъ—было исполнено прекрасно. Жандармскій чиновникъ «заговорилъ», даже растрогалъ поэта, который послѣ этого свиданія не настаивалъ на докладѣ государю своей просьбы.

Посѣщеніе Ивановскимъ Пушкина было 23 апрѣля 1828 г., а 9 мая поэтъ провожалъ на пароходъ до Кронштадта одного знакомаго, уѣзжавшаго за границу. Объ этой поѣздкѣ есть интересная запись въ дневникѣ Смирновой: «Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ Пушкинъ и разсказывалъ, что онъ только-что передъ этимъ едва устоялъ противъ сильнѣйшаго искушенія: онъ провожалъ въ Кронштадтъ одного пріятеля, и ему неудержимо захотѣлось спрятаться гдѣ-нибудь въ каютѣ и просидѣть тамъ до тѣхъ поръ, пока корабль не выйдетъ въ открытое море. Но онъ таки устоялъ противъ этого страстнаго желанія—отправиться за границу безъ паспорта» [1]).

Почти черезъ годъ послѣ этого, 9 марта 1829 года Пушкинъ, не испросивъ разрѣшенія Бенкендорфа, выѣхалъ изъ Петербурга въ Тифлисъ, откуда поѣхалъ въ дѣйствующую армію. Узнавъ объ этой самовольной поѣздкѣ, государь положилъ 20 іюля рѣзкую резолюцію: «Потребовать отъ него объясненій. Кто ему разрѣшилъ отправиться въ Арзрумъ, во-первыхъ это за границей, а во-вторыхъ, онъ забылъ, что обязанъ предупреждать меня обо всемъ, что онъ дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, касательно своихъ путешествій. Дойдетъ до того, что послѣ перваго же случая ему будетъ опредѣлено мѣсто жительство» [2]). Сообщая Пушкину это Высочайшее повелѣніе, Бенкендорфъ прибавляетъ: «Я же съ своей стороны покорнѣйше прошу Васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили Вы сдержать даннаго мнѣ слова и отправились въ закавказскія страны не предувѣдомивъ меня о намѣреніи вашемъ сдѣлать сіе путешествіе» (п. отъ 14 октября 1829 г. № 389). Въ отвѣтъ на это Пушкинъ объясняетъ свою поѣздку однимъ лишь легкомысліемъ, такъ какъ не допускаетъ мысли, чтобы его поведеніе можно было объяснить другими мотивами. «Я скорѣе хотѣлъ бы подвергнуться самой строгой немилости, чѣмъ прослыть неблагодарнымъ въ глазахъ того, кому я всѣмъ обязанъ, которому я готовъ пожертвовать жизнью, и это не фразы» (п. отъ 10 ноября № 391).

[1]) «Записки А. О. Смирновой». 1895 г., стр. 33.

[2]) Подлинное написано рукой Бенкендорфа на французскомъ языкѣ. См. «Дѣла III Отдѣл. объ А. С. Пушкинѣ». Изд. Балашева. С.-Пб. 1906, стр. 91.

Не проходитъ и двухъ мѣсяцевъ послѣ этого письма, какъ «легкомысленный» поэтъ пишетъ «элегическій отрывокъ»:

«Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли, наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,—
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... Но, друзья,
Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
. . . .

23 декабря 1829 г.

«Надменная», «гордая дѣва» это—Н. Н. Гончарова, за которую Пушкинъ въ это время сватался, но получилъ отказъ, не рѣшительный и дававшій надежду. Влюбленный поэтъ теряетъ спокойствіе духа, переходитъ отъ надежды къ отчаянію, томимый тоскою ѣдетъ изъ Москвы на Кавказъ. Вернувшись съ Кавказа въ Москву, онъ встрѣчаетъ холодный пріемъ у Гончаровыхъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ «со смертью въ душѣ». «Въ Петербургѣ тоска, тоска», пишетъ поэтъ Киселеву 15 ноября, 23 декабря написано стихотвореніе «Поѣдемъ я готовъ», а 7 января 1830 г. письмо къ Бенкендорфу.«Пока я не женатъ и не занятъ службою, пишетъ въ немъ Пушкинъ, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію: въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостивого дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ...» (п. № 400). Такимъ образомъ намѣреніе ѣхать въ Китай или Парижъ и Италію, выраженное въ стихахъ, не было поэтическимъ вымысломъ. Поэтъ дѣйствительно думалъ заглушить тоску любви впечатлѣніями путешествія по Западной Европѣ и даже въ Китай [1]).

Но и на этотъ разъ Пушкину, конечно, отказали. 17 января Бенкендорфъ писалъ: «Государь Императоръ не изволилъ снизойти къ Вашей просьбѣ о разрѣшеніи посѣтить иностранныя земли, думая, что это слишкомъ разстроитъ Ваши денежныя дѣла и въ то же время отвлечетъ Васъ отъ Вашихъ занятій. Ваше желаніе сопровождать нашу миссію въ Китай точно также не можетъ осуществиться, такъ какъ всѣ чиновники уже назначены, и никто изъ нихъ не можетъ быть замѣщенъ безъ увѣ-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что ни теперь, ни раньше, какъ мы видѣли, Пушкинъ не намѣревается ѣхать въ Германію. Франція, Италія, Англія— вотъ куда стремится поэтъ.

доомленія о томъ Пекинскаго двора» (п. № 404; подлинное по-французски).

Послѣ этого отказа Пушкинъ, хотя уже и не дѣлалъ болѣе попытокъ получить разрѣшеніе на поѣздку за границу, но разстаться съ мечтой побывать въ Западной Европѣ онъ не могъ. Мысль о бѣгствѣ изъ Россіи незадолго до смерти искушаетъ поэта такъ же, какъ и въ молодости, въ Одессѣ. Въ 1836 г. А. О. Смирнова-Россетъ съ мужемъ уѣзжала за границу. «Сегодня утромъ, записываетъ она въ дневникѣ, я встрѣтила бѣднаго Пегаса Пушкина въ англійскомъ магазинѣ, куда ѣздила купить себѣ дорожный мѣшокъ. Онъ сказалъ мнѣ: «Увезите меня въ одномъ изъ вашихъ чемодановъ, вашъ же бояринъ Николай (мужъ Смирновой, пріятель Пушкина) меня соблазняетъ. Не далѣе какъ вчера онъ совѣтовалъ мнѣ поговорить съ Государемъ, сообщить ему обо всѣхъ моихъ невзгодахъ, просить у него заграничнаго отпуска. Но все семейство (Гончаровы) подниметъ гвалтъ. Я смотрю на Неву и мнѣ безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароходъ...» [1]).

Наконецъ, этой же тоскѣ по чужбинѣ поэтъ посвятилъ замѣчательныя строки въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ» (глава вторая):

«Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи».

М. Цявловскій.

---

[1]) «Записки Смирновой», часть I, стр. 340.

Вильгельмъ Обερданъ.

(Изъ исторіи итальянскаго ирредентизма).

Міровая война воскресила и придала силу итальянскому ирредентизму. Она оживила въ памяти образы мучениковъ этого движенія. Однимъ изъ нихъ наиболѣе яркимъ является образъ римскаго студента Вильгельма Обердана, ирредентиста-революціонера, подготовлявшаго въ 1882 г. покушеніе на жизнь императора Франца-Іосифа. Еще совсѣмъ недавно, два—три года тому назадъ, объ Оберданѣ вспоминали только въ экстренныхъ случаяхъ. Итальянскій ирредентизмъ казался тогда чѣмъ-то искусственнымъ, а образъ Обердана, бывшаго въ числѣ мучениковъ ирредентизма, оставался покрытымъ завѣсой прошлаго. О немъ еще знали и помнили на сѣверѣ Италіи, вблизи порабощенныхъ Австріей «ирредентскихъ» земель. Но остальная Италія была глуха къ этимъ реликвіямъ прошлаго, и даже передовыя партіи, какъ напримѣръ, соціалисты, смотрѣли на ирредентистскую пропаганду, какъ на помѣху для своей непосредственной работы по улучшенію соціальнаго быта итальянскаго народа [1]). Такъ было еще недавно. Теперь, напротивъ, ирредентизмъ сдѣлался очередной злобой дня, а Оберданъ сразу воскресъ изъ историческаго забвенія. О немъ сейчасъ говорятъ повсюду. На домъ, гдѣ онъ жилъ въ Римѣ, студенты-волонтеры, прежде чѣмъ отправиться на фронтъ, возложили вѣнокъ. Газеты одна за другой печатаютъ его портреты, статьи о немъ, документы по его дѣлу. Именемъ

---

[1]) Объ отношеніи итальянскихъ соціалистовъ къ ирредентизму см., между прочимъ, въ протоколахъ Штутгардскаго интернаціональнаго конгресса «Rapports soumis au Congrès Socialiste International de Stutgart»; Volume II, pages 32—33. Требованіямъ ирредентистовъ итальянскіе соціалисты противопоставляли тогда совмѣстно съ австрійскими соціалистами—«агитацію за автономію Трентино и борьбу за защиту національностей Австріи». Замѣчательно также, что теперь, во время войны, въ Тріестѣ издается только *одна* итальянская газета — соціалистическій «Lavoratore». Остальныя итальянскія газеты тамъ закрыты, а редакціи разгромлены австрійской черной сотней въ союзѣ съ полиціей. Въ свое время противъ этого разгрома протестовали представители нейтральныхъ странъ, находившихся въ Тріестѣ.

Обердана называютъ улицы и площади городовъ. И, быть можетъ, недалеки тѣ дни, когда въ Тріестѣ, въ томъ самомъ Тріестѣ, гдѣ Оберданъ былъ казненъ по приказанію Франца-Іосифа, будетъ воздвигнутъ ему памятникъ.

Вильгельмъ Оберданъ умеръ очень молодымъ. Когда его казнили въ Тріестѣ, ему было всего 24 года. Очень молодымъ было и все ирредентистское движеніе, представителемъ котораго явился Оберданъ. Душой нарождавшагося ирредентизма былъ тогда, вмѣстѣ съ Гарибальди, одинъ изъ его сподвижниковъ, впослѣдствіи депутатъ крайней лѣвой парламента, неутомимый патріотъ,—Маттео Ренато Имбріяни [1]). Въ концѣ 1870-хъ гг., когда жизнь новаго итальянскаго королевства вошла уже въ свое русло, когда героическій періодъ національнаго объединенія остался весь въ прошломъ, и Италія была уже наканунѣ своего вступленія въ союзъ съ ненавистной ея народу Австріей,—Имбріяни основалъ Ассоціацію: «Pro Italia irredenta», главной задачей которой было окончательное объединеніе отечества. Ни Гарибальди, ни его сподвижники отнюдь не считали свою задачу оконченной. Австрія попрежнему въ ихъ глазахъ оставалась ихъ главнымъ врагомъ. Разрушеніе австрійской имперіи и освобожденіе порабощенныхъ ею національностей, въ томъ числѣ итальянцевъ,—такова была ихъ очередная задача. Тренто и Тріестъ для Италіи сдѣлались тѣмъ же, чѣмъ Эльзасъ и Лотарингія для Франціи. И какъ во Франціи вся ненависть выливалась на Германію, такъ въ средѣ итальянскихъ ирредентистовъ—на Австрію. Каждый изъ нихъ навѣрное повторилъ бы съ полнымъ воодушевленіемъ извѣстныя слова Бакунина въ его письмѣ къ Герцену изъ Санъ-Франциско отъ 15 октября 1861 года. Бакунинъ въ этомъ письмѣ, извѣщая Герцена о своемъ побѣгѣ изъ Сибири, такъ формулировалъ свою будущую или вѣрнѣе начинавшуюся работу:

«Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ, не говорю дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбивымъ; для служенія этому великому дѣлу я готовъ итти въ барабанщики или даже прохвосты, и если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду счастливъ. А за нимъ является славная вольная славянская федерація,—единственный исходъ для Россіи, Украины, Польши и вообще всѣхъ славянскихъ народовъ» [2])...

Несомнѣнно такимъ же настроеніемъ, а отчасти, какъ мы увидимъ дальше, разбирая программу итальянскихъ ирреден-

---

[1]) Умеръ въ 1901 году.

[2]) См. письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Съ примѣчаніями М. П. Драгоманова. Женева 1896 г., стр. 75—76.

тистовъ 70-хъ гг., такими же взглядами руководился Имбріани, ихъ тогдашній вождь и вдохновитель. Основанная имъ ассоціація для достиженія своихъ цѣлей рѣшила развить усиленную агитацію, чтобъ поднять настроеніе въ общественныхъ кругахъ и въ то же время оказывать нѣкоторое давленіе на правительственныя рѣшенія.

Въ одной изъ своихъ прокламацій комитетъ Ассоціаціи писалъ слѣдующее: «Мы не требуемъ отъ нашего правительства, чтобы оно объявило войну Австріи, мы вовсе не желаемъ необдуманно толкать къ войнѣ итальянскую націю; борьба, которая вызывается благородствомъ, все равно должна быть начата въ нужный моментъ; но мы хотимъ одного: когда настанетъ этотъ моментъ, чтобы итальянское правительство оказалось на высотѣ своей задачи, чтобы оно держалось на-готовѣ и не пропустило его» [1]).

Ассоціація, основавшись въ Неаполѣ, довольно быстро организовала комитеты по Италіи, а также предприняла изданіе еженедѣльнаго органа «L'Italia degli Italiani». Первымъ предсѣдателемъ Ассоціаціи былъ Авеццана [2]). Члены Ассоціаціи имѣли значокъ (медаль), на одной сторонѣ котораго была вырѣзана карта Италіи въ ея старыхъ границахъ, на другой трофей изъ лавра, окруженный надписью «Associazione Pro Italia irredenta.—Pro Patria»; а на ребрѣ девизъ: «Безъ Альпъ и Адріатики не можетъ существовать Италія».

Послѣ Берлинскаго конгресса 1878 г. Ассоціація, встревоженная за будущее Италіи, постановила черезъ Авеццана сдѣлать запросъ въ парламентѣ. Запросъ касался, во-первыхъ, поведенія итальянскихъ представителей на этомъ конгрессѣ относительно занятія Австріей Босніи и Герцеговины и, во-вторыхъ, желалъ выяснить, что они сдѣлали для возстановленія правъ Италіи относительно ея провинцій. Это былъ первый запросъ въ парламентѣ объ ирредентскихъ земляхъ.

Въ 1882 г. Имбріани основалъ еще одинъ ирредентистскій органъ «Pro Patria»; программа его была выработана самимъ Гарибальди, а сотрудниками состояли выдающіеся люди того времени, какъ Саффи, поэтъ и депутатъ Феличе Каваллоти и многіе другіе. Особенное распространеніе этотъ органъ получилъ въ концѣ 1882 г., послѣ казни Вильгельма Обердана.

---

[1]) См. «Giornale d'Italia» 1915 г., № 183.

[2]) Генералъ Авеццана—большой патріотъ, жизнь его была полна приключеній. Онъ служилъ въ почетной гвардіи Наполеона, затѣмъ былъ однимъ изъ тріумвировъ въ Генуѣ во время революціи 1848 г. Во время римской республики былъ назначенъ военнымъ министромъ. Послѣ паденія ея бѣжалъ въ Америку, вернулся въ 1860 г., вмѣстѣ съ Гарибальди бился подъ Вольтурно, а также участвовалъ и въ другихъ кампаніяхъ Гарибальди. Наконецъ, былъ депутатомъ крайней лѣвой парламента.

Планы Ассоціаціи «Pro Italia irredenta» не останавливались только на судьбахъ неосвобожденныхъ итальянскихъ провинцій: они развертывались болѣе широко, и Гарибальди въ «L'Italia degli Italiani», въ номерѣ отъ 20 марта 1882 г., намѣтилъ программу, которая во многихъ пунктахъ какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ современному моменту. Въ переживаемое нами время она находится наканунѣ своего осуществленія. Опираясь на принципъ національностей, Гарибальди мечталъ основать своего рода бакунинскую федерацію народовъ или, какъ онъ называлъ ее, «Lega dei popoli irredenti». Гарибальди не былъ узкимъ националистомъ и передъ нимъ рисовалось освобожденіе цѣлой семьи порабощенныхъ народовъ. На первомъ планѣ, конечно, стояла Италія, затѣмъ шла Румынія, порабощенная той же Австріей, далѣе: «неосвобожденные славяне. Великая славянская конфедерація». Еще далѣе: «Венгрія неосвобожденная. Венгрія единая, но ослабленная (impotente), должна, какъ неславянская, сдѣлаться центромъ Великой Славянской Конфедераціи». Наконецъ, кромѣ Италіи, Венгріи, Румыніи, славянъ, Гарибальди обращалъ свое вниманіе на Грецію: «удовлетвореніе всѣхъ справедливыхъ греческихъ стремленій, безъ нарушенія румынскихъ интересовъ». Выполненіе этой программы задѣвало сразу даже двѣ имперіи, а не одну, какъ у Бакунина, такъ какъ Гарибальди имѣлъ въ виду разложеніе не только австрійской, но и турецкой имперіи. По его мнѣнію, онѣ не могли существовать, такъ какъ вся ихъ сила основывалась на отрицаніи національныхъ принциповъ, на отрицаніи современнаго публичнаго права и цивилизаціи. Безъ свободы же національностей, безъ права и цивилизаціи государство не могло существовать съ точки зрѣнія Гарибальди, какъ не можетъ существовать отдѣльный человѣкъ безъ воздуха и пищи. Изъ территорій двухъ распадающихся имперій должны были, по мнѣнію Гарибальди, отойти:

1 къ Италіи—Альпы центральные и восточные.

2 къ Румыніи—Банатъ, Трансильванія и Буковина.

3 Богемія, Моравія, Венгрія, Штирія, Кроація, Боснія и Герцеговина, Сербія, Черногорія—автономныя, но организованныя въ одну Великую Конфедерацію.

4 Верхняя долина Зальца и 2-й бассейнъ Инна, а также эрцгерцогство Австрійское—къ Германіи.

5 Архипелагъ—къ Греціи; все остальное къ Румыніи и Греціи.

Таковы были взгляды и политическія задачи итальянскихъ ирредентистовъ. Такова была та идейная атмосфера и тѣ настроенія, въ средѣ которыхъ вращался, жилъ и воспитывался мученикъ итальянскаго ирредентизма Вильгельмъ Оберданъ. Къ

описанію его жизни, его неосуществившагося покушенія противъ императора Франца-Іосифа, къ посильной характеристикѣ его личности мы теперь и перейдемъ.

Вильгельмъ Оберданъ росъ въ обстановкѣ тяжелаго гнета австрійцевъ надъ страной. Онъ родился въ Истріи, въ небольшой деревушкѣ, отецъ его скоро умеръ, а мать переселилась въ Тріестъ. Здѣсь съ маленькимъ сыномъ ей пришлось жить исключительно на свой заработокъ. Она работала, не покладая рукъ. Много безсонныхъ ночей провела она за шитьемъ подлѣ постельки сына. Мать обожала ребенка. Когда онъ подросъ, она его отдала въ школу. Бѣдная женщина находила время каждое утро провожать Вильгельма до школы. Въ Тріестѣ, спустя долгое время послѣ смерти Обердана, указывали ту школу, которую посѣщалъ онъ. Въ праздничные дни мать уводила мальчика за городъ, и тамъ на лугу онъ игралъ. Разъ во время прогулки они забрели на кладбище; недалеко отъ него былъ оврагъ, гдѣ хоронили казненныхъ.

Какъ тогда далека была мать Обердана отъ мысли, что черезъ много лѣтъ ей придется бродить въ безумномъ отчаяніи надъ этой «ямой злодѣевъ», какъ назывался оврагъ на офиціальномъ языкѣ, вызывая образъ замученнаго сына!

Несомнѣнно отзывчивый и впечатлительный Оберданъ полюбилъ свой городъ и свою притѣсняемую страну. Все кругомъ него горѣло ненавистью къ Австріи и немудрено, что юноша и самъ возненавидѣлъ ее и мечталъ о борьбѣ съ нею. Насколько сильна была ненависть къ Австріи въ сердцахъ искреннихъ патріотовъ того времени, можно судить по тому, что все австрійское являлось для нихъ синонимомъ жестокости и подлости. «Поступлено по-австрійски, естественно», писалъ потрясенный казнью Обердана итальянскій поэтъ Кардуччи. «Ты подлъ, какъ австрійскій солдатъ», сказалъ Оберданъ начальнику сопровождавшаго его конвоя. «Процессъ велся чудовищнымъ образомъ», пишетъ Имбріяни, «или проще in modo austriaco». Олицетвореніемъ австрійскаго гнета, жестокости и низости являлся для ирредентистовъ самъ Францъ-Іосифъ, и естественно противъ него направились впослѣдствіи замыслы Вильгельма Обердана.

Въ 1878 г. Оберданъ былъ призванъ на военную службу. Могъ ли служить онъ въ рядахъ австрійскаго войска, въ рядахъ угнетателей своего народа? Онъ предпочелъ бѣжать. Въ Римѣ Вильгельмъ Оберданъ поступилъ въ университетъ. Здѣсь онъ быстро завоевалъ симпатію своихъ товарищей, но въ своихъ

стремленіяхъ къ борьбѣ съ Австріей онъ оставался одинокимъ. Ирредентистское движеніе только начиналось.

Пропаганда ирредентистовъ въ то время еще не принесла своихъ плодовъ, и въ Италіи царило утомленное, подавленное настроеніе. Характеризуя тогдашнее состояніе общества, Кардуччи негодующе восклицалъ въ письмѣ къ Виктору Гюго по адресу индифферентности итальянцевъ: «Позоръ на васъ и на вашихъ дѣтяхъ». «На вопли мученій, которые доносятся до насъ, революціонеры отвѣчаютъ: «мы не желаемъ разсѣивать свои силы, мы не хотимъ никакой другой войны, кромѣ войны съ монархіей, и бережемъ наше оружіе для баррикадъ». А пока, прибавляетъ Кардуччи, они только пишутъ углемъ на заборахъ: «Viva la Republica!». Монархисты же правые и лѣвые вмѣсто отвѣта аплодируютъ австрійскому гимну, раздающемуся на площади Колонна въ Римѣ».

Но въ Вильгельмѣ Обериданѣ жила увѣренность, что «не могутъ такъ заглохнуть благородные инстинкты; они усыплены, но они пробудятся», говорилъ Оберданъ въ своемъ завѣщаніи итальянскимъ братьямъ. Мысль о самопожертвованіи, какъ о способѣ пробудить итальянскую молодежь отъ апатіи и поднять ее на борьбу противъ Австріи, родилась у Обердана задолго до его ареста. Такъ Имбріяни въ годовщину казни Обердана въ номерѣ «L'Italia degli Italiani», 20 декабря 1883 г., писалъ: «я помню три года тому назадъ въ Римѣ смѣлаго юношу, который говорилъ объ Италіи и Тріестѣ, сѣтуя на бездѣйственныя патріотическія мечтанія, и еслибъ, воскликнулъ этотъ юноша, для того, чтобы встряхнуть уснувшія души необходимъ былъ примѣръ самопожертвованія и тотъ, кто страстно любитъ жизнь, показалъ бы, какъ должно умирать, о какое счастье, еслибъ я могъ быть однимъ изъ нихъ!». И это счастье высокаго самопожертвованія для идеи выпало на долю Вильгельма Обердана.

«Я иду выполнить актъ торжественный и важный», писалъ въ своемъ «Политическомъ завѣщаніи братьямъ итальянцамъ» самъ Оберданъ. «Торжественный, такъ какъ я намѣренъ совершить жертвоприношеніе; важный—потому что онъ принесетъ свои плоды.

«Необходимо, чтобы подобные акты потрясали постыдную духовную вялость молодежи—освобожденной и неосвобожденной.

«Слишкомъ долгое время молчатъ благородныя чувства, слишкомъ долгое время склоняютъ подло голову предъ всякаго рода оскорбленіями чужеземцевъ. Дѣти забываютъ отцовъ: итальянское имя угрожаетъ сдѣлаться синонимомъ низости или равнодушія. Но не могутъ такъ заглохнуть благородныя чувства!

«Они усыплены, но они пробудятся снова. При первомъ при-

зывѣ къ тревогѣ поспѣшать откликнуться юноши Италіи, поспѣшать, съ именами нашихъ Великихъ на устахъ, свергнуть навсегда изъ Тріеста и Трента ненавистнаго иностранца (чужеземца), который столько времени угрожаетъ намъ и насъ угнетаетъ.

«О, еслибъ могъ этотъ мой актъ повести Италію къ войнѣ противъ врага!

«Спасеніе только въ войнѣ, она—единственная плотина, которая можетъ остановить постоянно растущее нравственное разложеніе нашей молодежи.

«Къ войнѣ, юноши, сражаясь, какъ львы, у насъ еще есть время смыть постыдность настоящаго поколѣнія!

«Вонъ чужеземца! И мы—побѣдители, сильные еще великой любовью къ своему настоящему отечеству, мы двинемся въ битву за побѣду той великой идеи, которая поднимала всегда сильныхъ людей къ кровавой борьбѣ, къ борьбѣ за идею республики.

«Сначала независимые, потомъ освобожденные (свободные).

«Братья Италіи! Отмстите за Тріестъ, отмстите за самихъ себя!

Удино, сентябрь, 1882 г. *Вильгельмъ Оберданъ»* [1]).

Для выполненія своего замысла Вильгельмъ Оберданъ рѣшилъ воспользоваться поѣздкой Франца-Іосифа въ Тріестъ. Мѣсто для покушенія было выбрано очень удачно. Убійство императора въ Тріестѣ, какъ разъ въ то время, когда его посѣщеніе какъ бы должно было показать Италіи, что австрійцы увѣрены въ полной преданности и покорности этого, по выраженію Кардуччи, «нѣмецкаго Гамбурга», каковымъ они стремились сдѣлать Тріестъ, заставило бы дрогнуть самоувѣренность побѣдителей и придало бы бодрость угнетаемому населенію. Несмотря на сильныя притѣсненія, населеніе этихъ областей, по свидѣтельству того же Кардуччи, «оказывало сопротивленіе чужеземному господству болѣе энергичное и болѣе безкорыстное, чѣмъ то было въ Ломбардіи и Венеціи, и болѣе отважное и непреклонное, чѣмъ то, которое мы видѣли въ Эльзасѣ и Лотарингіи»...

Предо мной пожелтѣвшія страницы номера «L'Italia degli Italiani» за 1883 г., посвященнаго памяти Обердана. Въ немъ есть разсказъ объ его арестѣ и казни.

Вильгельму Обердану удалось незамѣтно пробраться черезъ границу. И въ тотъ моментъ, когда авангардъ императорскаго кортежа переправился черезъ Изонцо и слѣдовалъ по дорогѣ въ Монфальконе, со стороны Италіи туда же спѣшилъ Оберданъ. Въ виду пріѣзда императора жандармы и сыщики свирѣпство-

---

[1]) «Giornale d'Italia» 1915 г., № 149.

вали на итальянской границѣ и въ окрестностяхъ Тріеста. Хозяева дома въ Монфальконе, гдѣ остановился для отдыха Оберданъ, подавленные царящимъ терроромъ, выдали его жандармамъ. Обердана застали врасплохъ, онъ спалъ. Все-же онъ успѣлъ схватить револьверъ. Дверь въ его комнату была выломлена, и туда ввалилась ватага сыщиковъ и жандармовъ. О происшедшей борьбѣ нѣтъ другихъ разсказовъ, кромѣ разсказа жандармовъ. Оберданъ ранилъ одного изъ нихъ, но былъ раненъ и самъ. Его связали и отправили въ тюрьму. Въ комнатѣ нашли два готовыхъ снаряда. Оберданъ шелъ, зная, что и успѣхъ, и неудача одинаково принесутъ ему смерть, но онъ шелъ съ готовностью на жертву, поэтому и на допросѣ не пытался маскировать своихъ намѣреній.

«Я, отвѣтилъ онъ на первомъ же допросѣ, Вильгельмъ Оберданъ—итальянецъ изъ Тріеста. Я дезертировалъ въ 1878 г. изъ-подъ ненавистнаго чужеземнаго знамени для того, чтобы не запятнать моихъ рукъ въ крови неповиннаго народа. Я пріѣхалъ изъ Рима одинъ и направлялся въ Тріестъ, чтобы привѣтствовать *«милостивѣйшаго императора»* [1]). Я стрѣлялъ въ жандарма, такъ какъ онъ носитъ позорнѣйшій австрійскій мундиръ, а я поднялся на борьбу съ ними, чтобъ присоединить мою родную землю къ ея великой матери Италіи».

Изъ Монфальконе Обердана повезли въ Тріестъ. Вся эта мѣстность, по которой Оберданъ совершилъ свой крестный путь, сдѣлалась теперь театромъ военныхъ дѣйствій, и какъ бы на послѣдній призывъ Обердана къ борьбѣ съ Австріей много лѣтъ спустя отозвался итальянскій народъ.

По дорогѣ въ Тріестъ жандармы обращались съ Оберданомъ жестоко, его били. Онъ держалъ себя гордо и разъ, обернувшись къ жандармскому капитану, сказалъ уже цитированную мною фразу: «ты подлъ, какъ настоящій австрійскій солдатъ!»

Началось надъ Оберданомъ слѣдствіе, а затѣмъ и судъ. Судъ былъ военный. Говорятъ, что было распоряженіе объ обязательномъ смертномъ приговорѣ. Въ томъ же номерѣ «L'Italia degli Italiani» цитируется письмо изъ Тріеста, написанное однимъ изъ друзей къ редактору: «Вся императорская фамилія,—пишетъ этотъ корреспондентъ,—желала казни. Особенно же на этомъ настаивали эрцгерцогъ Альбертъ и наслѣдный герцогъ Рудольфъ [2]). Единственный отвѣтъ Италіи, говорили въ Австріи, немедленно бросить въ лицо ей этотъ трупъ». И судъ, и казнь были совершены съ нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ законовъ юстиціи, словомъ

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Впослѣдствіи трагически погибшій вмѣстѣ съ Маріей Вечерой.

«по-австрійски». Обвиняемый былъ лишенъ возможности защищаться—все было тайно. Чтобы добиться отъ него именъ соучастниковъ, его пытали, но кромѣ заявленія: «мои соучастники—всѣ итальянцы», больше ничего не услышали палачи отъ Обердана. Онъ спокойно съ улыбкой принялъ приговоръ, который, какъ бы въ насмѣшку надъ его патріотизмомъ, былъ прочитанъ *итальянцемъ*, главнымъ судьей Фонгаролли. «Благодарю», сказалъ ему осужденный на объявленіе смертнаго приговора, «это было мое желаніе».—«Смертная казнь черезъ повѣшеніе», продолжалъ читать главный прокуроръ, на что улыбаясь юноша отвѣтилъ: «все равно—это мое освобожденіе».

Я приведу полностью текстъ приговора надъ Оберданомъ, чтобы читатель могъ яснѣе себѣ представить мотивировку, на которую опирались судьи въ своемъ суровомъ приговорѣ.

Приговоръ Верховнаго Военнаго Суда.

1882 г. ноябрь, 4, Вѣна.

Императорскій Королевскій Верховный Военный Судъ, согласно слѣдствію, произведенному Тріестинскимъ гарнизоннымъ судомъ противъ солдата пѣхоты, присудилъ: Вильгельма Обердана, родившагося въ Литоралѣ, 24-хъ лѣтъ, католика, холостого-солдата пѣхоты, принявшаго присягу на основаніи военныхъ законовъ, принадлежавшаго ко второму пѣхотному батальону Вебера, согласно его собственному признанію, подтвержденному фактами отъ 16-го іюля 1878 г., онъ, оставивъ всѣ казенные предметы, бѣжалъ, нарушивъ присягу, со станціи Тріестъ; онъ же 16-го сентября 1882 г., перейдя австро-итальянскую границу, направился въ Тріестъ, гдѣ намѣревался,повинуясь возложенному на него Комитетомъ молодежи свободнаго Тріеста порученію, совершить покушеніе 17-го сентября 1882 г. въ этомъ городѣ на жизнь Его Апостольскаго Величества императора и короля посредствомъ взрыва двухъ бомбъ и тѣмъ открыть дорогу отдѣленію Тріеста отъ государства; также онъ 16-го сентября, согласно заявленію, сдѣланному однимъ штатскимъ, былъ арестованъ съ помощью трехъ частныхъ лицъ и одного жандарма, которымъ онъ оказалъ вооруженное сопротивленіе и ранилъ одного изъ нихъ; затѣмъ у него былъ обнаруженъ револьверъ и два снаряда, каковые принадлежатъ къ запрещенному оружію.

Слѣдовательно онъ, за преступный замыселъ противъ Его Величества, за сопротивленіе военной стражѣ, а не только за дезертирство въ мирное время, за отсутствіе разрѣшенія на пріобрѣтеніе оружія, въ силу параграфа 335, литеры В 97 и 45 литеры А, Военнаго Уголовнаго Кодекса, соединеннаго съ исключеніемъ изъ императорской королевской арміи, пригова-

ривается къ *смерти черезъ повѣшеніе* [1]), въ силу же параграфовъ 208 литеры Д Военнаго Уг. Кодекса, параграфа 36 патентовъ на разрѣшеніе оружія, онъ, лишаясь оружія, обязуется къ уплатѣ штрафа въ 24 флорина [2]), раздѣленныхъ на равныя части межъ пятью лицами, его арестовавшими.

Императорскій Королевскій Верховный Военный Судъ. Вѣна 4 ноября 1882 г. Подпись Кнебель (намѣстникъ фельдмаршалъ).

Кончился судъ, впереди приговореннаго ожидало болѣе тяжелое испытаніе, чѣмъ пытка въ застѣнкѣ палача. Къ нему допустили мать. Одинокая, беззавѣтно его любящая, она стала умолять его подписать прошеніе о помилованіи. Она плакала, упала ему въ ноги, прося сжалиться надъ ней. Для Обердана это была утонченная пытка. Послѣ этого онъ отказался больше видѣть мать, даже въ свой послѣдній часъ.

А смерть приближалась къ Обердану быстрыми шагами. Приговоръ былъ предрѣшенъ надъ нимъ заранѣе. Насколько въ его дѣлѣ все противорѣчило самымъ примитивнымъ законамъ справедливости, можно судить потому, что изъ судей трое отказались подписать приговоръ суда. Пришлось прислать изъ Вѣны болѣе уступчивыхъ и сговорчивыхъ чиновниковъ. Даже австрійская пресса того времени въ лицѣ «Wiener Allgemeiner Zeitung» пыталась протестовать: «у насъ нѣтъ никакой гарантіи, что судъ происходилъ на полныхъ юридическихъ основаніяхъ. Допросы, обвиненіе и приговоръ прошли при закрытыхъ дверяхъ. Намъ неизвѣстны обвинительные документы противъ подсудимаго, и мы не знаемъ, какія доказательства были добыты противъ него»...

Приговоръ былъ утвержденъ 18-го декабря, а на 20-е назначена казнь. Приговореннаго перевезли въ камеру, предъ окномъ которой воздвигли висѣлицу. 48 часовъ агоніи Обердана были использованы австрійскими властями, чтобъ сломить стойкость юноши. Предъ нимъ снова предсталъ прокуроръ. «Палачъ уже выѣхалъ изъ Вѣны», доложилъ онъ осужденному, «но вы не отчаявайтесь. Милость императора велика. Я имѣю относительно васъ распоряженія и гарантирую вамъ помилованіе, если вы назовете мнѣ соучастниковъ». Юноша задрожалъ отъ оскорбленія и вмѣсто отвѣта плюнулъ прокурору въ лицо. Въ послѣднія минуты на вопросъ, не надо ли ему чего, Оберданъ отвѣтилъ: «нѣтъ», но, подумавъ немного, прибавилъ: «развѣ чашку кофе съ молокомъ и булку». Потомъ къ нему явился священникъ. Онъ отказался отъ

---

[1]) Курсивъ подлинника.
[2]) Флоринъ—2 лиры 50 с.

него: «Благодарю, я умираю за отечество и не нуждаюсь въ утѣшеніи». Священникъ долго настаивалъ, пытаясь именемъ матери воздѣйствовать на Обердана. Приговоренный же стоялъ, пристально разглядывая висѣлицу. «Я не хочу», воскликнулъ онъ наконецъ, раздраженный увѣщаніями священника, «и не позволю наемникамъ Австріи профанировать святую скорбь матери!»...

Казнь была назначена на раннее утро 20-го декабря. Она должна была происходить въ маленькомъ дворикѣ солдатскихъ казармъ, гдѣ находилась тюрьма, въ которой былъ заключенъ Обердапъ. Въ это утро казарма была окружена большой толпой народа, но никому изъ постороннихъ не удалось проникнуть въ мѣсту казни. Тамъ присутствовали въ полномъ составѣ члены суда на случай, еслибъ послѣдовало помилованіе, и одна рота венгерскаго батальона Альбрехта, въ то время какъ двѣ другія были на ученьѣ въ большомъ дворѣ той же казармы.

Въ камеру приговореннаго доносились послѣдніе удары молотка подлѣ висѣлицы. Вдругъ въ утренней тишинѣ раздался чистый молодой голосъ. Осужденный пѣлъ. Было шесть часовъ утра. Палачъ захотѣлъ посмотрѣть въ глазокъ свою жертву. «Когда увидитъ меня, замѣтилъ палачъ, онъ не будетъ такъ спокоенъ. Эти типы въ послѣдній моментъ всегда теряютъ присутствіе духа». Но на этотъ разъ, несмотря на свою большую опытность, палачъ ошибся.

«Въ шесть съ четвертью утра», говоритъ неаполитанская газета «Roma»», въ камеру Обердана вошелъ военный прокуроръ и снова прочиталъ приговоренному приговоръ суда. Въ шесть съ половиной вошелъ палачъ. Обердапъ поднялся, и всѣ они двинулись изъ камеры. Черезъ желѣзную дверь во дворикъ вошелъ юноша, бѣлокурый, худощавый и блѣдный, съ яснымъ взглядомъ ребенка. Маленькая бородка, отросшая въ тюрьмѣ, обрамляла его лицо. Онъ шелъ легкой, окрыленной походкой. Вильгельмъ поднялъ на висѣлицу свой ясный взглядъ. Раздраженный и разочарованный палачъ бормоталъ ругательства. Обердапъ шутливо пустилъ ему въ лицо клубъ дыма отъ папироски, которую онъ курилъ. На половинѣ дороги Обердапъ остановился и, обратившись къ солдатамъ, началъ: «Солдаты»..., но прокуроръ сдѣлалъ знакъ, и барабанный бой заглушилъ голосъ Вильгельма. У подмостокъ эшафота Фонгаролли снова прочиталъ приговоръ, на этотъ разъ по-итальянски. Помощники палача приблизились къ Обердану, чтобы схватить и раздѣть его, онъ жестомъ возмущенія оттолкнулъ ихъ. Самъ снялъ солдатскую куртку 22-го батальона Вебера, изъ котораго когда-то дезертировалъ, и которую на него одѣли въ тюрьмѣ. Онъ отбросилъ ее и твердымъ шагомъ поднялся

на три ступеньки висѣлицы. Уже съ петлей на шеѣ, Обердану удалось сказать: «Умираю радостный, такъ какъ надѣюсь, что моя смерть ускоритъ присоединеніе моего дорогого Тріеста къ его madre patria!». Снова барабанный бой покрылъ его голосъ, который все-таки былъ услышанъ всей Италіей. Его слова передалъ потомъ солдатъ-венгерецъ, присутствовавшій при казни и хорошо знавшій итальянскій языкъ. Потомъ осужденный успѣлъ еще воскликнуть «Evviva Trieste libera! Evviva L'Italia! Viva L'Ita.....» Послѣднее слово онъ не успѣлъ договорить, узкая петля уже тѣсно стянула шею. Палачъ былъ пьянъ, и жертва умерла не сразу: еще нѣкоторое время можно было видѣть, какъ конвульсивно поднималась и опускалась грудь повѣшеннаго. Въ этотъ моментъ палачъ прокричалъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Нѣкоторые изъ солдатъ плакали, а одинъ изъ офицеровъ, потрясенный происходившей предъ его глазами сценой, не сдержавшись, воскликнулъ: «такъ умираютъ герои!»... Въ шесть часовъ сорокъ минутъ раздался похоронный благовѣстъ въ тюремной церкви, возвѣщавшій населенію Тріеста о новомъ покойникѣ». Трупъ Обердана безъ гроба былъ зарытъ въ томъ самомъ оврагѣ, надъ которымъ въ раннемъ дѣтствѣ онъ безпечно игралъ. «Похоронили безъ гроба,» писалъ Имбріани, «лучше такъ: тебя цѣликомъ возвратили родной матери-землѣ; изъ нея ты вышелъ,—въ нее возвратился».

Такъ прервалась полная силъ жизнь молодого патріота.

Трагическую судьбу Вильгельма Обердана трогательно оплакивалъ Кардуччи въ своихъ письмахъ къ Виктору Гюго [1]):

«Сегодня во мракѣ Италіи, писалъ Кардуччи за два дня до казни надъ Оберданомъ, есть еще уголокъ на полуостровѣ, который свѣтитъ какъ маякъ: это твоя австрійская тюрьма, о братъ!

«Всѣ воспоминанія, всѣ славныя воспоминанія, всѣ жертвы, всѣ страдальцы, всѣ лучшія стремленія и надежды, все окружило тебя и все звучитъ тамъ, въ холодной тьмѣ, надъ твоей обреченной головой для того, чтобы утѣшить тебя, о сынокъ, сынокъ Италіи!»

По поводу же казни Обердана съ горечью писалъ Имбріани, обращаясь къ Манчини [2]), «что же остается вамъ теперь дѣлать, одѣ-

---

[1]) Два письма Кардуччи къ Виктору Гюго по поводу дѣла Обердана не вошли въ собраніе его сочиненій; теперь они опубликованы въ «Giornale d'Italia». Въ свое время эти письма появлялись въ «Don Chisciotte» (Болонья).

[2]) Манчини, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ германофилъ и противникъ ирредентистскаго движенія, такъ какъ находилъ въ немъ сильныя республиканскія стремленія. Въ 1883 г. онъ заявилъ въ парламентѣ о томъ, что если требовать присоединенія Трента и Тріеста, то почему не поступить также по отношенію къ Франціи изъ-за Ниццы, по отношенію къ Англіи изъ-за Мальты, или почему-либо въ такомъ случаѣ и Германіи не за-

вайте вашу ливрею, бѣгите во дворецъ Киджи (австрійское посольство въ Римѣ), поздравьте австрійскаго посла. Ну, впередъ же, полковникъ... отдайте честь! Италія низкая!» гнѣвно восклицаетъ Имбріани. «О, нѣтъ, итальянское правительство подлое, подлое!»..

Дѣло Обердана вызывало живѣйшій интересъ и сочувствіе въ Италіи, за нимъ слѣдили съ большимъ интересомъ, и были попытки со стороны нѣкоторыхъ организацій хлопотать о смягченіи участи заключеннаго. Такъ студенты Болоньи обратились къ посредничеству Виктора Гюго въ хлопотахъ предъ императоромъ Австріи. Относительно попытки Виктора Гюго сохранились письма къ нему Кардуччи. Частью мы уже цитировали эти письма. Въ одномъ изъ нихъ, въ день приговора, Кардуччи пишетъ: «Нѣтъ, императоръ не помиловалъ! Нѣтъ, прости великій поэтъ, императоръ Австріи никогда не совершитъ ничего благороднаго, никогда не совершитъ ничего справедливаго. Молодая жизнь Вильгельма Обердана будетъ прервана висѣлицей: и тогда еще разъ... да будетъ проклятъ императоръ!»

Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ, проникнутомъ горемъ и ненавистью, Кардуччи, сообщая Виктору Гюго о совершившейся казни надъ Оберданомъ, говоритъ: «Императоръ поспѣшилъ такъ отвѣтить французскому поэту, который надѣялся на его милость». И далѣе въ томъ же письмѣ итальянскій поэтъ-патріотъ дѣлаетъ предсказаніе Францу-Іосифу, которое въ наше время звучитъ почти пророчески: «въ крови ты купался въ молодости, въ крови ты состаришься, въ крови, надѣемся мы, ты и утонешь, но пусть будетъ послѣдняя твоей собственной кровью!»

Память Обердана тогда же была увѣковѣчена Кардуччи. Онъ сдѣлалъ надпись для будущаго памятника Вильгельму Обердану.

«*Вильгельмъ Обердань свято умеръ за Италію, страшный предостерегающій упрекъ тиранамъ внѣ и негодяямъ внутри*» [1]).

Эти строки Кардуччи были вскорѣ вырѣзаны на мраморной доскѣ, въ лѣвомъ углу которой высѣченъ также портретъ Обердана, обрамленный бронзовой пальмовой вѣткой.

явить притязаній на балтійскія провинціи. Все это повело бы къ страшной войнѣ, но въ сущности ирредентисты вовсе не о томъ заботятся, чтобы пріобрѣсти южную часть Тироля и Тріеста, ихъ планъ—замѣнить монархію—своей республикой. (*Карѣевъ*. Исторія Западной Европы, т. VI, ч. II, стр. 269).

[1]) Guglielmo Oberdan
morto santamente per l'Italia,
terrore ammonimento rimprovers
ai tiranni di fuori
ai vigliacchi di dentro.

Но въ мрачные дни 80-хъ годовъ, когда царствовала реакція въ Италіи и начала процвѣтать дружба съ Австріей, не представлялось возможности выставить это воспоминаніе объ Обердан̂ѣ въ какомъ-либо публичномъ мѣстѣ. Только черезъ четыре года Болонскому обществу рабочихъ удалось вдѣлать эту доску въ стѣну одной изъ своихъ залъ. Кардуччи, вручая этотъ памятникъ Рабочему Обществу на храненіе, сопроводилъ его завѣщаніемъ, по которому общество «обязуется возвратить этотъ памятникъ итальянскому народу, когда будетъ возвращена та земля и то итальянское населеніе Италіи, которое до сихъ поръ находится подъ владычествомъ австрійцевъ».

И вотъ, черезъ тридцать лѣтъ моментъ, о которомъ писалъ Кардуччи, приблизился, Италія двинулась на освобожденіе ирредентскихъ земель.

Память Обердана была прославлена двумя гимнами, написанными въ честь его. Одинъ изъ нихъ, который сопровождается припѣвомъ: «Morte a Franz, Viva Oberdan!»—распѣвается по всей Италіи, особенное распространеніе онъ получилъ въ дни антиавстрійскихъ демонстрацій предъ самымъ моментомъ выступленія Италіи.

Существуетъ еще второй, менѣе извѣстный, но также продиктованный ненавистью къ Австріи. Онъ начинается словами: «Петлей Обердана задушимъ императора и тебя, близкій сердцу Тріестъ, мы прійдемъ освободить!» Кончается же онъ такъ: «Смерть нѣмцу Францу-Іосифу, Evviva Гарибальди, мы хотимъ свободы!»

В. Коляри.

Англія и Германія

(ихъ экономическія и политическія взаимоотношенія на протяженіи послѣдняго полувѣка).

Если бы кто-нибудь хотѣлъ отыскать наиболѣе яркую иллюстрацію къ мудрому изреченію Гераклита Темнаго: «все течетъ», ему слѣдовало бы прежде всего обратиться къ области международной политики. Здѣсь все непостоянно и измѣнчиво, все подвержено рѣзкимъ колебаніямъ и подчасъ весьма неожиданнымъ эволюціямъ.

Мнѣ кажется, въ многовѣковомъ развитіи новѣйшей Европы трудно найти страницу болѣе любопытную, болѣе величественную и болѣе наглядно демонстрирующую всю глубокую справедливость мудраго гераклитскаго изреченія, чѣмъ та, которая служитъ темой настоящей статьи. Англія и Геманія—вотъ двѣ державы, которыя опредѣляютъ собой эпоху послѣдняго полустолѣтія въ сферѣ международныхъ отношеній, вотъ два имени, которыя невольно будятъ въ сознаніи величайшія проблемы исторической эволюціи. Взаимоотношенія—экономическія, политическія и всякія иныя двухъ крупныхъ странъ всегда представляютъ большой самостоятельный интересъ. Взаимоотношенія Англіи и Германіи въ наши дни представляютъ интересъ совершенно исключительный, ибо ни для кого въ сущности не составляетъ тайны, что именно здѣсь завязанъ главный основной узелъ того кроваваго «Армагедона», свидѣтелями и участниками котораго всѣ мы являемся. Русскому читателю, до сихъ поръ лишь очень мало интересовавшемуся проблемами внѣшней политики, будетъ, пожалуй, не безполезно ознакомиться съ важнѣйшими фактами въ сферѣ англо-германскихъ отношеній за послѣдніе полвѣка. Оно, это знакомство, дастъ ему болѣе ясное представленіе о движущихся силахъ нынѣшняго исполинскаго конфликта, оно же облегчитъ ему сужденіе о возможныхъ перспективахъ ближайшаго будущаго.

Экономика.

I.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ то, что въ настоящее время именуется Германской имперіей, въ экономическомъ отношеніи представляло собой настоящую колонію Великобританіи. Хозяйственная структура тогдашней Германіи носила рѣзко выраженный аграрный характеръ. Въ 1850 г. около двухъ третей ея населенія было занято въ области обработки земли, къ эпохѣ франко-прусской войны количество сельско-хозяйственнаго населенія по сравненію съ только что приведенной цифрой сократилось лишь очень незначительно. Страна была покрыта десятками тысячъ селъ и деревень, протянувшихся отъ Рейна и до Нѣмана и Вислы, число городовъ было невелико, и почти всѣ они отличались весьма скромными размѣрами. Берлинъ въ 1867 г. насчитывалъ 700 тысячъ жителей, Гамбургъ въ 1871 г.—300 тысячъ, Мюнхенъ въ томъ же 1871 г.—170 тысячъ. Общее количество городского населенія въ 1871 г. составляло 36% противъ 64% сельскаго. Промышленность, играющая такую колоссальную роль въ жизни современной Германіи, находилась въ тотъ періодъ еще въ пеленкахъ, торговля съ другими странами ограничивалась сравнительно узкими предѣлами. Дѣйствительно, германскій экспортъ въ 1872 г. достигалъ 2495 милл. марокъ, германскій импортъ—3468 милл. марокъ. Какими скромными кажутся эти цифры при сравненіи ихъ съ нынѣшними (о нихъ ниже). Страна находилась еще на первыхъ ступеняхъ капиталистическаго развитія, была бѣдна и въ соотвѣтствіи съ этимъ вела умѣренный и аккуратный образъ жизни. Въ 1872 году національное богатство Германіи оцѣнивалось круглымъ счетомъ въ 70 миллiардовъ марокъ, т.-е. въ среднемъ 1750 марокъ на голову населенія. При такихъ достаткахъ поневолѣ приходилось экономить.

Въ ту же эпоху Великобританія представляла собой страну, находящуюся въ зенитѣ капиталистическаго расцвѣта. Городское населеніе Англіи и Уэльса въ 1871 году составляло 57% противъ 43% сельскаго. Лондонъ насчитывалъ въ 1871 г. 3.883 тысячи жителей, Ливерпуль—493, Манчестеръ съ Салфордомъ—481. Внѣшняя торговля Соединеннаго Королевства въ 1870 г. въ суммѣ достигала 374 милл. фун., т.-е. 7.580 милліоновъ марокъ (въ томъ числѣ импортъ 210 и экспортъ 164 милл. ф.), превышая такимъ образомъ германскую минимумъ на 30%, а, если принять во вниманіе количество населенія обѣихъ странъ, то и на всѣ 60%. Національное богатство страны въ 1875 г. опредѣлялось въ 8.548 милліардовъ фунтовъ (около 170 милліардовъ марокъ),

т.-е. въ среднемъ въ размѣрѣ 268 ф. (5.360 мк.) на голову населенія[1]). Англія преодолѣла уже къ разсматриваемой эпохѣ всѣ трудности и преграды полосы «первоначальнаго накопленія», дѣтство капиталистическаго развитія прошло, наступили дни пышной и увѣренной въ себѣ зрѣлости. Зеленыя равнины островного королевства покрылись густой сѣтью фабрикъ и заводовъ, тонкія линіи рельсовыхъ путей изрѣзали во всѣхъ направленіяхъ его пространство, тысячи судовъ со всѣхъ концовъ земли толпились въ его многочисленныхъ гаваняхъ, привозя разнообразное сырье изъ-за океана и увозя съ собой назадъ готовые продукты промышленности. Англія являлась въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія «мастерской міра», она возвышалась, подобно скалѣ, на вершенѣ которой никогда не перестаютъ куриться фабричныя трубы, надъ плоской равниной сельско-хозяйственной Европы, она монопольно эксплуатировала гигантскій рынокъ обоихъ полушарій и быстро накопляла въ своихъ сундукахъ неизмѣримыя богатства. Всѣ страны государства пяти континентовъ были экономически ея провинціями, всѣ націи и народы—ея покорными вассалами. Она одна доминировала и, распоряжаясь по произволу свободой морей, держала въ своихъ рукахъ золотой скипетръ капиталистическаго господства. Именно тогда, въ это безпримѣрное по темпу экономическаго развитія 25-лѣтіе 1850—75 г. г., были заложены основы современнаго индустріальнаго и финансоваго могущества Великобританіи и вмѣстѣ съ ними того высокомѣрнаго пренебреженія къ иностранцамъ и ко всему иностранному, которое такъ рѣзко поражаетъ въ англичанахъ наблюдателя вплоть до настоящаго дня.

Вся справедливость только что сдѣланныхъ утвержденій о характерѣ экономическихъ отношеній между Соединенномъ Королевствомъ и другими странами въ интересующій насъ періодъ какъ нельзя лучше иллюстрируется примѣромъ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ 1870 г., германскій экспортъ въ Англію составлялъ 15.404 тысячи фунтовъ (т.-е. около 9% всего англійскаго ввоза изъ чужихъ владѣній), изъ котораго 12.755 тысячъ или 83% приходилось на долю продуктовъ сельскаго хозяйства и различнаго сырья и только 2.650 тысячъ или 17% на долю продуктовъ промышленности. Изъ продуктовъ перваго рода главными статьями экспорта были хлѣбъ (3824 т. ф.), масло (1323), скотъ (1316), лѣсъ (871), мясо (858), сѣмена (717), ленъ (709), шерсть (426) и т. д. Изъ продуктовъ второго рода: шерстяныя издѣлія (791), хлопчатобумажныя издѣлія (208), стеклянныя и фарфо-

---

[1]) См. M. G. Mulhall. The Dictionary of statistics, 1899, стр. 589.

ровыя издѣлія (237), химическіе продукты (154), игрушки (104), печатныя произведенія (73), музыкальные инструменты (50) и др. Чрезвычайно любопытно, что въ 1870 г. германскій экспортъ продуктовъ желѣзодѣлательной и стальной индустріи въ Англію былъ совершенно ничтоженъ (48 т. ф.), и что вывозъ туда же игравшихъ въ послѣдніе годы столь крупную роль анилиновыхъ красокъ еще не начинался. Въ свою очередь Великобританія отплачивала Германіи посылкой почти исключительно индустріальныхъ произведеній. Въ томъ же 1870 г. изъ Соединеннаго Королевства было вывезено въ Германію всего товаровъ на сумму 20.416 тыс. ф. (беру цифру, относящуюся къ предметамъ собственно англійскаго происхожденія), изъ нихъ 19.560 т. ф. или 96% приходилось на долю продуктовъ промышленности и 856 тысячъ фунтовъ или 4% на долю сырья и продуктовъ сельскаго хозяйства. Изъ послѣднихъ сколько-нибудь крупную роль играли только сѣмена для выжимки масла (359 т. ф.), рыба (262) и шкуры (93). Наоборотъ, изъ первыхъ: продукты шерстяной промышленности (8.319 т. ф.), хлопчатобумажной (5.645), металлургической (2.916) и угольной (673).

Передъ нами, такимъ образомъ, совершенно типичная картина экономическихъ отношеній отсталой колоніи къ высоко развитой метрополіи. Колоніей въ 1870 г. была Германія, метрополіей—Соединенное Королевство.

II.

Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, и за этотъ въ жизни народовъ весьма короткій промежутокъ времени ситуація измѣнилась до неузнаваемости. Больше того, она превратилась почти въ свою собственную противоположность.

Въ теченіе минувшихъ четырехъ съ половиной десятилѣтій Германія бурно и стремительно прошла путь безпримѣрнаго капиталистическаго развитія. Изъ страны земледѣльческой по преимуществу, каковой она была въ 1870 г., она стала одной изъ наиболѣе индустріальныхъ странъ міра. Ея широкія равнины зачернѣли сотнями тысячъ высокихъ фабричныхъ трубъ, ея города выросли съ баснословной быстротой, обезкровивъ и обезлюдивъ деревенскія мѣстности, ея многочисленный коммерческій флотъ покрылъ воды всѣхъ океановъ, ея внѣшняя торговля, двинувшись семимильными шагами впередъ, скоро оставила позади себя торговлю всѣхъ другихъ странъ, за исключеніемъ Великобританіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея національное богатство обнаружило поистинѣ сказочную аккумуляцію. Вотъ нѣсколько любо-

пытныхъ цифръ, подтверждающихъ только что высказанныя положенія.

Мы видѣли, что въ 1850 г. сельско-хозяйственное населеніе Германіи составляло $^2/_3$, не сельско-хозяйственное—$^1/_3$ всей націи. Въ 1907 г. численность перваго равнялась уже только 28,6%, численность второго, наоборотъ, 71,4%. Точно такъ же доля городского населенія имперіи въ 1871 г. опредѣлялась въ 36%, сельскаго въ 64%. Наоборотъ, въ 1910 г. соотвѣтственныя цифры были: 60% и 40%. Въ 1882 г. число рабочихъ, занятыхъ въ области производства и обмѣна, равнялась 4,8 милліоновъ, наоборотъ, въ 1907 году—уже 10,6 милл., или на 126% больше. Добываніе угля въ 1872 г. достигало 42,3 милл. тоннъ, наоборотъ, въ 1911 году—230,2 милл. тоннъ, т.-е. на 448% больше. Выплавка чугуна въ 1872 г. составляла 2 милл. тоннъ, наоборотъ, въ 1913 г.—19,3 милл., т.-е. почти въ 10 разъ больше. Длина желѣзно-дорожной сѣти Германіи въ 1870 г. равнялась 19.575 км., въ 1911 г.—59.763 килом. (+200%). Водоизмѣщеніе германскаго торговаго флота въ 1871 г. опредѣлялось въ 982 тысячи тоннъ, а въ 1913 г.—уже въ 3.154 тыс. тоннъ, или въ три съ лишнимъ раза больше (въ томъ числѣ емкость парового флота за указанный промежутокъ времени возрасла съ 89 тыс. до 2.757 тыс. тоннъ, т.-е. на 3000%). Германскій импортъ въ 1872 г. достигалъ 3.468 милл. марокъ, германскій экспортъ—2.495 милл. марокъ, наоборотъ, въ 1913 г. соотвѣтственныя цифры были: 10.695 милліоновъ (+ 208%) и 9.912 мил. (+297%) марокъ. Національное имущество страны въ 1872 г. оцѣнивалось въ 70 милліардовъ марокъ или 1750 марокъ на голову населенія, наоборотъ, въ 1913 г. оно опредѣлялось въ 300 милліардовъ марокъ или въ среднемъ около 4300 марокъ на голову населенія[1]).

Могучій капиталистическій расцвѣтъ Германіи, начавшійся съ ея политическаго объединенія и такъ удачно оплодотворенный 5 милліардной французской контрибуціей, не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію. Германская имперія въ 1870—1910 г.г. пережила періодъ небывалаго экономическаго Sturm und Drang'а, соотвѣтствующаго примѣрно эпохѣ 1800—1870 г.г. въ исторіи Великобританіи. Съ той, впрочемъ, разницей, что въ Германіи всѣ связанные съ нимъ явленія носили гораздо болѣе широкій масштабъ, чѣмъ въ предѣлахъ остров-

---

[1]) Приведенныя цифры взяты изъ офиціальнаго «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» за соотвѣтственные годы, издающагося съ 1880 года. Въ первомъ выпускѣ ежегодника имѣются данныя, относящіяся къ началу 70 годовъ. Исчисленія національнаго богатства Германіи заимствованы изъ книги K. Helfferich—Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913, Berlin, 1914.

ного королевства. Конечно, и Англія на протяженіи разсматриваемаго 45-лѣтія продолжала экономически развиваться, а въ послѣдніе годы даже очень значительно, однако темпъ ея эволюціи былъ болѣе медленный, чѣмъ у имперіи Гогенцоллерновъ, и потому относительно она отъ нея постепенно все болѣе отставала. Данный процессъ ярче всего проявлялся, пожалуй, въ ростѣ внѣшней торговли обѣихъ интересующихъ насъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что говорятъ статистическія данныя [1]:

	Импортъ.		*Экспортъ.*	
	Англійскій.	Германскій.	Англійскій.	Германскій.
	(Въ милліонахъ фунтовъ.)			
1870.	303—100.	— — —	244—100.	— —
1872.	— —	173 —100	— —	125—100
1880.	411—135.	144[2])— 83.	286—117.	155—124
1890.	421—139.	292 —168.	328—134.	247—198
1900.	523—173.	306 —177.	354—145.	248—198
1910.	678—224.	477 —275.	534—218.	404—324

Какъ видимъ, за 40-лѣтній промежутокъ времени англійскій импортъ увеличился на 124%, англійскій экспортъ на 118%. Наоборотъ, германскій импортъ за тотъ же періодъ выросъ на 175%, германскій экспортъ даже на 224%. Молодой германскій капитализмъ обнаруживалъ исполинскую силу развитія и явно нагонялъ своего старшаго брата и соперника. И по странной ироніи судьбы какъ разъ сама Англія въ огромной степени способствовала этому стремительному экономическому расцвѣту имперіи Гогенцоллерновъ. Съ 1879 г. Германія перешла отъ свободной торговли къ протекціонизму, за ней въ томъ же направленіи послѣдовали и другія крупныя европейскія и внѣевропейскія страны, такъ что вскорѣ всѣ лучшіе и наиболѣе выгодные рынки оказались цѣликомъ или частично закрытыми для нѣмецкой индустріи. Изъ великихъ державъ только одна Великобританія осталась вѣрна принципамъ фритрэдерства, и это обстоятельство сыграло огромную роль въ ходѣ новѣйшей эволюціи германскаго капитализма: богатая и культурная Англія являлась прекраснымъ рынкомъ сбыта для произведеній нѣмецкой промышленности, рынкомъ, который послѣдняя использовала въ самыхъ

[1]) Эта и всѣ послѣдующія таблицы составлены мной на основаніи «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» и «Annual statement of trade and navigation of United Kingdom» за соотвѣтственные годы. При переводѣ нѣмецкихъ денегъ на англійскія я принималъ 1 ф. ст. =20 маркамъ.

[2]) Паденіе цифръ германскаго импорта въ 1880 г. объясняется введенными въ 1879 г. таможенными пошлинами.

широкихъ размѣрахъ. Если къ этому еще прибавить, что въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія Германія въ торговомъ отношеніи находилась на положеніи наиболѣе благопріятствуемой державы и почти во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, то станетъ совершенно понятнымъ, чѣмъ обязано нѣмецкое народное хозяйство міровой Британской имперіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что, напримѣръ, такія цвѣтущія отрасли германскаго производства, какъ сахарная, текстильная или желѣзодѣлательная индустріи не могли бы такъ мощно и главное такъ сказочно быстро развиваться, если бы въ Соединенномъ Королевствѣ не существовало свободы торговли.

Что это дѣйствительно такъ, свидѣтельствуетъ постоянный и неуклонный ростъ торговыхъ сношеній между обѣими разсматриваемыми странами. Мы знакомы уже съ цифрами англо-германскаго ввоза и вывоза въ 1870 году, въ дальнѣйшемъ эти цифры измѣнялись слѣдующимъ образомъ:

	Германскій экспортъ въ Англіи.		Англійскій экспортъ въ Германіи.	
	(Въ милліонахъ фунтовъ).			
1870.	15,4	100.	20,4.	100
1880.	24,4	158.	16,9	82
1890.	26,1	173.	19,3.	95
1900.	31,2	205.	28,0.	137
1910.	41,2	268.	37,0.	181

Такимъ образомъ цѣнность продуктовъ, экспортируемыхъ Германіей въ Англію, за 40 лѣтъ увеличилась на 168%, а цѣнность продуктовъ, экспортируемыхъ Англіей въ Германію,—на 81%. Важнѣе, однако, этого количественнаго роста вывоза его радикальное качественное перерожденіе, поскольку дѣло касается Германіи. (Качественный составъ англійскаго вывоза въ Германію остался безъ существенныхъ перемѣнъ). Читатель помнитъ, конечно, что въ 1870 г. 83% нѣмецкаго экспорта въ Соединенномъ Королевствѣ приходилось на долю продуктовъ сельскаго хозяйства и только 17% на долю продуктовъ промышленности. Въ 1910 г. картина была уже совершенно иная: цѣнность продуктовъ перваго рода составляла только 23%, а цѣнность продуктовъ второго рода 77% всего германскаго вывоза въ предѣлы Великобританіи. Соотношеніе почти какъ разъ обратное тому, которое наблюдалось 40 лѣтъ тому назадъ.

Приведенныя суммарныя цифры, конечно, очень поучительны, но, пожалуй, еще болѣе поразительны данныя, касающіяся

экспорта продуктовъ отдѣльныхъ отраслей. Такъ, напримѣръ, вывозъ изъ Германіи въ Англію масла, лѣса, льна, яицъ, скота, игравшій такую крупную роль въ 1870 г., къ 1910 г. совершенно прекратился. Вывозъ хлѣба, пшеницы, ржи, овса и ячменя сократился съ 2.690 т. ф. до 860 т. ф. или на 213%. Зато наоборотъ колоссально выросъ экспортъ цѣлаго ряда индустріальныхъ продуктовъ, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующей таблицы.

Было вывезено изъ Германіи въ Англію издѣлій:

	1870 г.	1910 г.	+ въ %
	(тысячи	фунтовъ	стерл.)
Металлургической промышл. . . .	245.	21.400.	+ 8635
Хлопчатобумажной	257.	4.805.	+ 1750
Шерстяной »	791.	2.275.	+ 190
Химической »	154.	4.075.	+ 2560
Кожаной »	59.	1.705.	+ 2743
Стеклянной »	193.	1.035.	+ 436
Игрушечной »	104.	1.005.	+ 900

Нельзя отрицать, что приведенная таблица въ высшей степени краснорѣчива. Экспортъ металлургическихъ продуктовъ изъ Германіи въ Англію за указанное сорокалѣтіе увеличился въ 86, кожаныхъ—въ 28, химическихъ—въ 27, хлопчатобумажныхъ—въ 19 разъ! Замѣчателенъ ростъ вывоза нѣкоторыхъ спеціальныхъ издѣлій. Такъ, въ 1870 г. часовъ экспортировалось въ Англію всего лишь на 10 т. ф., а въ 1910 г. уже на 340 т. ф., или въ 34 раза больше, роялей въ 1870 г. экспортировалось на 9 т. ф., а въ 1910 г. уже на 485 т. ф. или въ 54 раза больше, машинъ и электрическихъ аппаратовъ въ 1870 г. не экспортировалось вовсе, а въ 1910 г. первыхъ было вывезено на 2.220 т. ф., вторыхъ—на 1340 т. ф. Экспортъ красокъ въ 1870 г., какъ упоминалось уже выше, равнялся 0, въ 1910 г. онъ оцѣнивался въ 1180 т. ф. и т. д.

Особенно поразителенъ послѣдній примѣръ. Когда-то и еще сравнительно не такъ давно Англія монополизировала въ своихъ рукахъ все производство и всю торговлю индиго, играющаго столь крупную роль въ области текстильнаго дѣла. Культура индиго была перенесена англичанами изъ Америки въ Индію и здѣсь распустилась пышнымъ цвѣтомъ. Изъ индиго приготовлялись краски, необходимыя для производства тканей, и, такъ какъ долгое время никто другой не могъ и не умѣлъ, хотя бы въ отдаленной степени, сравняться въ данной сферѣ съ англичанами, то индиго превратилось въ могучее оружіе развивающагося

британскаго капитализма. Въ 1803 г., напримѣръ, нѣкій Шнейдлеръ, красильщикъ изъ Ганновера, писалъ:

«Англичане въ этой области (т.-е. въ области производства индиго) далеко опередили всѣ прочія націи. Благодаря своему богатству, они владѣютъ всѣмъ, что необходимо для наиболѣе совершенной постановки данной индустріи. Они возвышаются, подобно колоссу, надъ всѣми своими соперниками и смѣются надъ безсиліемъ послѣднихъ. Мнѣ кажется, что намъ, нѣмцамъ, имѣющимъ, правда, много доброй воли, но зато слишкомъ мало силы, тщетно и безплодно пытаться выступать на борьбу съ націей, обладающей столь огромными экономическими преимуществами и могущей поэтому бить насъ всегда дешевыми цѣнами. Тщетно и безплодно не только сейчасъ, но и на будущее время.»[1])

Эта монополія Англіи въ сферѣ добыванія красокъ продолжалась вплоть до конца XIX столѣтія, и еще въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка стоимость ежегоднаго британскаго производства индиго оцѣнивалась въ 4—5 милл. ф. ст. И вдругъ произошелъ полный переворотъ!

Въ 50—60 годахъ минувшаго столѣтія нѣмецъ Гофманъ, работая въ Англіи, открылъ способъ приготовленія искусственнаго индиго изъ побочныхъ продуктовъ, получаемыхъ при производствѣ кокса. Открытіе это, однако, на британской почвѣ, несмотря на всѣ старанія изобрѣтателя, не принялось, тогда Гофманъ переѣхалъ въ Германію и тутъ, въ атмосферѣ могучаго развитія химіи, его первымъ робкимъ опытамъ было суждено развернуться въ новую и цвѣтущую отрасль промышленности. Съ поразительной быстротой Германія сумѣла создать колоссальное производство дешевыхъ и выгодныхъ анилиновыхъ красокъ и нанести въ данной области смертельный ударъ своему англійскому сопернику. Въ настоящее время имперія Гогенцоллерновъ располагаетъ въ изготовленіи искусственнаго индиго такой же міровой монополіей, какой сто лѣтъ назадъ располагало Соединенное Королевство въ изготовленіи настоящаго индиго. Три четверти британскаго производства красокъ погибло, наоборотъ, нѣмецкое производство послѣднихъ обнаружило стремительное развитіе, что можно видѣть хотя бы по слѣдующимъ даннымъ: экспортъ анилиновыхъ красокъ изъ Германіи въ 1893 г. оцѣнивался въ 2,7 милл. ф., въ томъ числѣ въ Англію въ 530 т. ф., въ 1912 г. уже въ 6.690 т. ф., въ томъ числѣ въ Англію 1.170 т. ф. Нынѣ вся текстильная промышленность Соединеннаго Королевства находится въ прямой зависимости отъ нѣмецкаго производ-

[1]) G. Schulze-Gaevernitz—England und Deutschland, 1908, Berlin, стр. 30.

ства искусственнаго индиго и, когда послѣ объявленія войны, подвозъ даннаго продукта изъ вражеской страны естественно пріостановился, въ Ланкаширѣ наступилъ тяжелый кризисъ. Попытки возрожденія собственнаго изготовленія красокъ на англійской почвѣ пока не увѣнчались успѣхомъ (главнымъ образомъ благодаря недостатку научнообразованныхъ химиковъ), и для того, чтобы хотя какъ-нибудь выйти изъ критическаго положенія, британское правительство вынуждено было разрѣшить покупать, несмотря на войну, столь необходимый продуктъ у непріятеля, конечно, черезъ нейтральныя страны. Это ли не наиболѣе блестящее доказательство той безспорной гегемоніи въ области производства индиго, которую завоевала себѣ Германія въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ? И, когда передъ лицомъ подобныхъ фактовъ вспоминаешь пессимистическія пророчества почтеннаго «красильщика изъ Ганновера», какъ-то съ особенно проникновеннымъ чувствомъ хочется повторить знаменитое изреченіе Гераклита: «все течетъ»...

Краски наиболѣе яркій примѣръ, но онъ далеко не единственный. Аналогичную картину мы находимъ и въ производствѣ цѣлаго ряда другихъ продуктовъ. Взять, напримѣръ, электрическіе приборы и аппараты,—въ этой области Германія достигла тоже почти міровой монополіи, наводняя своими товарами всѣ европейскіе рынки, включая и англійскій. Однѣхъ лампочекъ накаливанія она экспортировала, напримѣръ, въ 1910 г. въ Соединенное Королевство на 700 тысячъ фунт., и, когда вспыхнула нынѣшняя война, британскіе потребители по цѣлымъ недѣлямъ должны были ждать своихъ заказовъ на различныя принадлежности электрическаго освѣщенія. То же самое и съ произведеніями печати—подавляющее большинство продающихся въ предѣлахъ Великобританіи гравюръ, картинъ, репродукцій, открытокъ и прочее, нерѣдко самаго «истинно-англійскаго» содержанія, импортировалось изъ Германіи. Изъ Германіи же привозились почти всѣ игрушки (нынѣшней зимой въ туманномъ Альбіонѣ господствовалъ настоящій «игрушечный кризисъ»), огромныя массы шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей дешеваго качества, фарфора, домашней утвари, ножей, вилокъ, эмальированной посуды и т. д. Все это были по преимуществу продукты второго сорта, потребляемые широкими массами демократіи, въ то время, какъ собственно англійская индустрія спеціализировалась на производствѣ дорогихъ издѣлій, но, какъ бы то ни было, фабрикаты нѣмецкой промышленности пробили себѣ широкую дорогу на британскіе острова и, несмотря на обязательное клеймо «Made in Germany», находили себѣ здѣсь все болѣе широкое рас-

пространеніе. Дешевизна—на коммерческомъ рынкѣ поистинѣ неотразимое оружіе.

Коротко говоря, за четыре десятилѣтія, отдѣляющія нашу эпоху отъ 1871 г., Германія изъ хозяйственно-отсталой страны успѣла превратиться въ стремительно развивающуюся страну всемогущаго капитализма и изъ экономической колоніи Великобританіи сумѣла стать ея равноправной соперницей, предъявляющей къ міру тѣ же самыя требованія и притязанія, какъ и ея былая метрополія. Это естественно приводитъ насъ къ вопросу величайшей важности, по поводу котораго въ послѣднее время было сломано такъ много копій, именно къ вопросу объ экономической конкуренціи Англіи и Германіи и о роли послѣдней въ возникновеніи нынѣшней міровой войны.

III.

Среди широкой читающей публики нынѣ пользуется большой популярностью мнѣніе, что корень англо-германской вражды, нашедшей себѣ такое яркое выраженіе въ разыгрывающейся на нашихъ глазахъ военно-политической драмѣ, чисто экономическаго характера; обѣ страны-де высоко развиты въ индустріальномъ отношеніи, экспортируютъ огромныя массы продуктовъ промышленности, ищутъ для нихъ сбыта выходныхъ рынковъ и, такъ какъ съ каждымъ годомъ земной шаръ для капитализма становится все тѣснѣй, то повсюду онѣ сталкиваются лбами и наступаютъ на ноги другъ другу. Напряженность этой экономической войны—утверждаютъ сторонники данной теоріи—въ послѣднія десятилѣтія достигла крайняго предѣла. Германія, стиснутая въ своихъ узкихъ границахъ, задыхалась отъ капиталистическаго полнокровія; Англія, угрожаемая стремительными атаками противника, находилась на порогѣ разоренія,—удивительно ли при такихъ условіяхъ, что въ нашемъ мірѣ, гдѣ всѣ сложныя проблемы рѣшаются обычно по методамъ кулачнаго права, и настоящій чисто коммерческій конфликтъ облекся въ концѣ концовъ въ форму вооруженнаго катаклизма? Это не только не странно и не удивительно, но въ извѣстной мѣрѣ даже вполнѣ естественно и законно: когда двое конкурентовъ хотятъ завладѣть однимъ и тѣмъ же кускомъ мяса, они неизбѣжно должны вступить въ рукопашную.

Вѣрна ли во всѣхъ своихъ частяхъ приведенная схема? Дѣйствительно ли экономическое соперничество между Германіей и Англіей на міровомъ рынкѣ, самаго факта существованія котораго, конечно, отрицать не приходится, достигло въ настоящее

время уже такой степени остроты, которая не оставляла никакого другого выхода, кромѣ борьбы между обѣими націями на жизнь и на смерть съ оружіемъ въ рукахъ? Попробуемъ нѣсколько внимательнѣе остановиться на данномъ вопросѣ. Возьмемъ для сравненія двѣ даты 1890 и 1910 г.г. и посмотримъ, какова была эволюція экспортной торговли интересующихъ насъ странъ за раздѣляющій оба момента 20-лѣтній промежутокъ времени.

Общая цѣнность экспорта составляла (въ милл. фунт. ст.):

	Изъ Англіи.	Изъ Германіи.
1890 г.	263,5	170,5
1910 г.	430,4	373,8
Увеличеніе . .	166,9 (+63%)	203,3 (+119%)

Какъ видимъ, германскій экспортъ за разсматриваемый періодъ выросъ на 119% и по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ сталъ близко нагонять великобританскій. Однако и Соединенное Королевство за тотъ же періодъ продолжало также дѣлать замѣтные, хотя и гораздо болѣе медленные успѣхи, и за 20 лѣтъ увеличило свой вывозъ на 63%. Таковы суммарныя цифры, обратимся къ нѣкоторымъ деталямъ.

Двѣ части свѣта—Европа и Америка—играютъ доминирующую роль, какъ рынки сбыта для англійской и германской промышленности: первая экспортируетъ туда до 62%, вторая—до 91% всего своего вывоза (данныя 1910 г.). И для сужденія о тенденціяхъ развитія въ занимающей насъ области крайне важно ознакомиться съ эволюціей экспорта обоихъ конкурентовъ въ страны европейскаго и американскаго континентовъ. Вотъ соотвѣтственныя данныя. Вывозъ (въ милл. фунт. ст.) равнялся:

	Изъ Англіи.		*Изъ Германіи.*	
	1890.	1910.	1890.	1910.
Въ Европу . . .	92,6.	155,4 (+68%)	127,7	281,6 (+120%)
» Америку . . .	72,7.	109,0 (+50%)	30,3	61,2 (+102%)

Здѣсь мы опять встрѣчаемъ знакомую картину: *обѣ* страны обнаруживаютъ несомнѣнный прогрессъ, однако, темпъ развитія германскаго экспорта приблизительно *вдвое* быстрѣе темпа развитія англійскаго. Чрезвычайно любопытны цифры вывоза по отдѣльнымъ важнѣйшимъ странамъ (въ милл. фунт. ст.).

	Изъ Англіи.		*Изъ Германіи.*	
Европа:	1890.	1910.	1890.	1910.
въ Германію	19,3	37,0 (+ 92%)	—	—
» Францію	16,6	22,7 (+ 37%)	11,5	27,2 (+135%)
» Италію	7,8	12,5 (+ 60%)	4,8	16,1 (+235%)

Въ Австро-Вен.	1,3	4,0 (+208%)	17,5	41,1 (+135%)
» Россію	5,8	12,3 (+112%)	10,3	26,9 (+161%)
» Бельгію	7,6	13,8 (+ 82%)	7,5	19,5 (+159%)
» Голландію	10,1	12,8 (+ 27%)	12,9	25,0 (+ 93%)
» Англію	—	—	35,2	55,1 (+ 57%)
Америка:				
» Соед. Штаты	32,1	31,4 (— 2%)	20,8	31,7 (+ 52%)
» Канаду	7,2	19,6 (+172%)	0,7	2,0 (+186%)
» Аргентину	8,4	19,1 (+127%)	1,3	12,0 (+823%)
» Бразилію	7,5	16,5 (+120%)	2,6	6,1 (+136%)
» Чили и Боливію.	3,1	5,8 (+ 90%)	1,7	3,5 (+106%)
» Мексику	1,9	2,4 (+ 26%)	0,7	2,3 (+229%)
» Уругвай.	2,0	2,9 (+ 45%)	0,4	1,4 (+250%)

Приведенная таблица, по общему своему духу вполнѣ совпадая съ выше цитированными данными, устанавливаетъ одно чрезвычайно любопытное явленіе: Германія повсюду въ Европѣ и Америкѣ относительно вытѣсняетъ Англію, но въ Европѣ она дѣлаетъ это значительно успѣшнѣе, чѣмъ въ Америкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, темпъ развитія германскаго экспорта въ европейскія страны гораздо быстрѣе, чѣмъ темпъ развитія англійскаго, иногда въ два (Бельгія), три (Голландія, Франція) и даже четыре (Италія) раза. А по абсолютнымъ цифрамъ вывоза Германія къ 1910 г. тутъ повсюду далеко обогнала Англію. Наоборотъ, въ Америкѣ Великобританія оказывается, повидимому, болѣе способной сопротивляться напору дерзкихъ пришельцевъ. Правда, въ смыслѣ темпа развитія она сильно отстаетъ отъ Германіи въ Соединенныхъ Штатахъ, Аргентинѣ, Мексикѣ и Уругваѣ, зато въ Канадѣ, Бразиліи, Чили и Боливіи она лишь очень немногимъ уступаетъ противнику. Главное же, однако, это то, что въ цѣломъ рядѣ перечисленныхъ американскихъ странъ (Канадѣ, Аргентинѣ, Бразиліи, Чили, Боливіи, Уругваѣ) Англія по абсолютнымъ размѣрамъ своего экспорта еще и сейчасъ далеко превосходитъ Германію.

Аналогичное явленіе мы замѣчаемъ и въ Азіи, и въ Африкѣ, и въ Австраліи. Экспортъ (въ милл. фунт. ст.) равнялся:

	Изъ Англіи.		*Изъ Германіи.*	
	1890 г.	1910 г.	1890 г.	1910 г.
Въ Брит. кол. въ Азіи	40,0	56,6 (+ 41%)	1,6	5,3 (+231%)
» Китай	6,6	9,2 (+ 40%)	1,5	3,4 (+127%)
» Японію	4,1	10,1 (+146%)	0,9	4,5 (+400%)
« Египетъ	3,4	8,7 (+156%)	0,2	1,7 (+750%)
» Британ. кол. въ Африкѣ	10,4	21,8 (+110%)	0,7	3,6 (+414%)
» Австралію	23,0	36,3 (+ 58%)	1,1	3,5 (+227%)

Во всѣхъ указанныхъ странахъ и районахъ *по темпу развитія* экспорта Германія опять-таки сильно обгоняетъ Англію (особенно въ Египтѣ, Японіи, и Африкѣ), однако, и англійская торговля обнаруживаетъ повсюду замѣтный прогрессъ, главное же *по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ* она все еще возвышается, подобно колоссу, надъ своимъ тевтонскимъ соперникомъ. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ 5,3 милл. ф. нѣмецкаго экспорта въ азіатскія колоніи Великобританіи противъ 56,6 милл. ф. англійскаго или 3,5 милл. ф. нѣмецкаго экспорта въ Австралію противъ 36,3 милл. ф. англійскаго! Какъ видно, островному королевству легче защищать свои экономическія позиціи противъ натиска смѣлаго конкурента на внѣевропейскомъ рынкѣ, чѣмъ на европейскомъ, и тутъ-то, несмотря на стремительный ростъ германской торговли, ему обезпеченъ еще долгій періодъ безусловнаго преобладанія.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ анализа приведенныхъ данныхъ цифръ?

Выводъ этотъ, очевидно, сводится къ слѣдующему. Между Англіей и Германіей на протяженіи послѣдняго 25-лѣтія обнаружилась серьезная и съ годами все болѣе обострявшаяся конкуренція въ экономической области. Англія при этомъ была стороной по преимуществу обороняющейся, стремящейся лишь сохранить раньше завоеванныя ею позиціи на міровомъ рынкѣ, Германія, наоборотъ, являлась стороной нападающей, поставившей себѣ цѣлью выбить своего соперника изъ занятыхъ имъ укрѣпленій и самой расположиться въ стѣнахъ послѣднихъ. Такова была общая историческая тенденція, которая, логически развиваясь, могла вызвать на опредѣленной ступени эволюціи вооруженный конфликтъ между обѣими странами. Въ настоящій моментъ, однако, эта ступень еще далеко не является достигнутой. Цифры экспорта вполнѣ недвусмысленно свидѣтельствуютъ, что хотя германская внѣшняя торговля за минувшую четверть вѣка увеличивалась съ стремительной быстротой, однако, и англійская торговля продолжала (правда, болѣе медленнымъ темпомъ) тоже прогрессировать. Міръ оказывался такимъ образомъ еще достаточно широкимъ для того, чтобы обезпечивать возможность успѣха обоимъ соперникамъ. Германія явно оттѣсняла Англію на европейскомъ рынкѣ, становясь тутъ главнымъ поставщикомъ индустріальныхъ продуктовъ, зато Англія энергично сопротивлялась ея напору на внѣевропейскомъ рынкѣ и здѣсь, вплоть до сегодняшняго дня, она обладаетъ еще очень крупными преимуществами передъ своей конкуренткой. Во всякомъ случаѣ, острота хозяйственныхъ противорѣчій между обѣими странами въ настоящее

время была въ дѣйствительности значительно меньше, чѣмъ это обычно себѣ представляли, и Соединенному Королевству *въ ближайшемъ будущемъ* ничто не угрожало индустріальными и финансовыми руинами. Мечъ въ качествѣ судьи, рѣшающаго споръ двухъ націй за экономическое «быть или не быть», являлся пока, даже съ капиталистической точки зрѣнія, еще совершенно ненужнымъ, преждевременнымъ, пожалуй, болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. А какъ бы сложились обстоятельства въ дальнѣйшемъ, кто знаетъ? Міръ международныхъ экономическихъ и политическихъ отношеній богатъ всякаго рода перспективами и возможностями, и исторія уже не разъ видала примѣры, когда два смертельныхъ «вѣковыхъ» врага становились добрыми друзьями подъ вліяніемъ измѣнившейся ситуаціи.

Не подлежитъ, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, что экономическій моментъ сыгралъ крупную роль въ подготовкѣ почвы, на которой разыгралась нынѣшняя борьба между Англіей и Германіей, однако. придавать этому моменту *въ данномъ случаѣ* исключительное или хотя бы даже преимущественное значеніе было бы явнымъ преувеличеніемъ. Факты и цифры не подтверждаютъ подобнаго воззрѣнія. И основныхъ мотивовъ, ближайшимъ образомъ приведшихъ къ настоящей войнѣ, приходится поэтому искать въ нѣсколько другой области, именно въ сложной и запутанной области внѣшней политики, къ которой я теперь и перехожу.

Политика.

I.

Вопреки широко распространенному мнѣнію о томъ, что британская внѣшняя политика испоконъ вѣковъ была «купеческой политикой», въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ руководившаяся исключительно лишь торговыми интересами и товарной статистикой, слѣдуетъ особенно подчеркнуть, что *чисто политическій* моментъ всегда игралъ въ ней безусловно доминирующую роль. Основная идея, поставленная во главу угла государственной мудростью Англіи въ сферѣ отношеній послѣдней къ другимъ державамъ, заключалась *въ охранѣ цѣлости и неприкосновенности раскинувшейся по всѣмъ пяти частямъ свѣта міровой имперіи.* Эта идея господствовала надъ всѣми помыслами и стремленіями кормчихъ британскаго государственнаго корабля, руководила дѣйствіями всѣхъ министерствъ и кабинетовъ—либеральныхъ или консервативныхъ безразлично. Исходя изъ нея, Англія вела войны и заключала договоры и соглашенія съ другими націями,

исходя изъ нея она строила свою колоніальную и отчасти даже внутреннюю политику. Всѣ остальные принципы и положенія британскаго дипломатическаго искусства являлись по сравненію съ указанной основной идеей лишь средствами, ведущими къ осуществленію цѣли, лишь стѣнами и колоннами, поддерживающими на своихъ плечахъ куполообразную вершину всего причудливаго зданія англійской международной политики.

Островное королевство стало міровой имперіей на зарѣ XIX вѣка послѣ паденія Наполеоновскаго господства. Оно, это королевство, сыграло главную роль въ низверженіи великаго корсиканца. Борясь съ неослабной энергіей въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ съ завоевательными стремленіями французской революціи и созданнаго ею императора, Англія довела исполинскую борьбу до желаннаго ей конца и въ рѣшеніяхъ Вѣнскаго конгресса 1815 г. осуществила съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ свою програму политическаго устройства Европы. Въ соотвѣтствіи съ этимъ работы Вѣнскаго конгресса стали исходнымъ пунктомъ традицій и навыковъ англійской дипломатіи, той схемы ея практическихъ мѣропріятій, при помощи которой она вплоть до 70-хъ г.г. прошлаго столѣтія стремилась воплощать въ дѣйствительности свою главную цѣль—поддержаніе цѣлости и неприкосновенности Британской имперіи.

Вглядываясь внимательнѣе въ эту схему, мы различаемъ въ ней три основныхъ момента.

Во-первыхъ, недовѣрчиво настороженное отношеніе къ Франціи. Франція обнаруживала притязанія на міровое господство, изъ Франціи вышелъ величайшій завоеватель всѣхъ временъ и народовъ, повергшій въ смятеніе все культурное человѣчество. Правда, Франція была разгромлена на поляхъ Лейпцига и Ватерлоо и введена въ относительно скромныя территоріальныя границы, однако благоразуміе требовало все-таки быть всегда насторожѣ. Мятежный духъ страны не былъ угашенъ окончательно, онъ тлѣлъ подъ пепломъ и могъ въ любой моментъ снова воспламениться. Идеи цезаризма не умерли въ ней безвозвратно, и новый великій завоеватель могъ выйти изъ нѣдръ безпокойной націи при первомъ благопріятномъ поворотѣ исторіи. Отсюда естественно вытекало стремленіе всячески препятствовать росту могущества Франціи, изолировать ее международно-политически, усиливать ея враговъ. Именно въ этотъ періодъ Англія вела систематическую и, надо прибавить, успѣшную борьбу съ колоніальными попытками Франціи, и всѣми мѣрами способствовала консолидаціи Германіи и утвержденію Пруссіи на берегахъ Рейна. *Франція на востокѣ должна была имѣть сильнаго и опас-*

наго противника—это было догматомъ англійской внѣшней политики въ 1815—70 годахъ и, какъ увидимъ ниже, британскіе государственные люди неоднократно прикладывали свою руку къ созданію подобнаго положенія.

Второй и не менѣе важной чертой программы англійской дипломатіи въ разсматриваемый періодъ было столь же недовѣрчиво настороженное отношеніе къ Россіи. Притязанія послѣдней въ Азіи уже начинали нѣсколько безпокоить руководителей британской политики, но все-таки главной ареной столкновенія между обѣими державами былъ ближній востокъ. Россія проявляла слишкомъ недвусмысленныя устремленія на Балканы, и это означало постановку на очередь турецкаго вопроса. Разгромъ же Оттоманской имперіи означалъ, въ свою очередь, переходъ Малой Азіи и Египта въ руки побѣдителя, каковымъ, очевидно, могла быть только Россія. Тѣмъ самымъ сильная военная держава располагалась на пути между Соединеннымъ Королевствомъ и Индіей и заносила Дамокловъ мечъ надъ богатѣйшей колоніей Великобританіи. Неудивительно, что правящая Англія въ теченіе всего разсматриваемаго періода не отводила пристальнаго взора отъ ближняго востока и пускала въ ходъ всѣ политическіе и дипломатическіе рычаги, какъ только замѣчала какое-либо подозрительное движеніе со стороны противника. *Охрана цѣлости Турецкой монархіи противъ аггрессивныхъ поползновеній Россіи* было другимъ догматомъ иностранной политики Великобританіи въ 1815—70 г.г., догматомъ, не менѣе твердо-установленнымъ, чѣмъ созданіе сильнаго государства на востокѣ отъ Франціи. Во имя его Англія не разъ зажимала уши, дабы не слышать воплей угнетаемыхъ турецкихъ славянъ, во имя его же она проливала кровь своихъ сыновъ на поляхъ Севастополя во время Крымской кампаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ задачи борьбы съ Россіей побуждали Англію заботиться о созиданіи сильнаго противовѣса ей на западѣ и, такимъ образомъ, еще разъ съ другой стороны приводили ее все къ той же проблемѣ усиленія Германіи.

Наконецъ, третьей характерной чертой программы британской дипломатіи первыхъ трехъ четвертей XIX вѣка было *обезпеченіе безопасности Индіи и свободнаго морского пути къ ней*, что достигалось при помощи систематическаго захвата важнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ по дорогѣ къ этой «жемчужинѣ англійской короны» въ родѣ Капштадта, острова св. Елены, Адена и др. Впрочемъ, охрана пути въ Индію остается одной изъ главныхъ заботъ англійскихъ государственныхъ людей вплоть до настоящаго дня. Въ 1875 г. они въ этихъ именно видахъ, скупивъ акціи

Суэцкаго канала, сдѣлались фактическими господами воротъ изъ Средиземнаго моря въ Индійскій океанъ, въ 1877 г. по особому договору съ Турціей заняли Кипръ, въ 1883 г.—оккупировали Египетъ. И точно такъ же для обезпеченія Индіи и всего вообще своего колоніальнаго царства Англія все время не переставала заботиться о поддержаніи своего неограниченнаго господства на морѣ, строго соблюдая выставленный ея государственными людьми принципъ, что британскій флотъ долженъ всегда равняться суммѣ флотовъ двухъ слѣдующихъ за ней морскихъ державъ.

Таковы были испытанныя основы внѣшней политики Соединеннаго Королевства къ началу того періода, когда стала складываться современная объединенная Германія. Посмотримъ же, каковы были отношенія обѣихъ странъ въ бурные дни, непосредственно предшествовавшіе рожденію имперіи Гогенцоллерновъ.

II.

Какъ извѣстно, Германская имперія вышла изъ горнила трехъ военныхъ кампаній 1864, 1866 и 1870—71 годовъ. На поляхъ Шлезвига, Кениггреца и Седана была рѣшена сложная проблема объединенія нѣмецкаго отечества, рѣшена кровью и желѣзомъ, но все-таки рѣшена. Какова была позиція Англіи въ эти судные для тевтонской націи дни?

Хронологически первой пришла датско-нѣмецкая война 1864 года. Обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія ее, были въ краткихъ чертахъ таковы. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ Пруссіи въ 1849—50 годахъ, силою оружія, освободить герцогства Шлезвигъ и Голштинію изъ-подъ датскаго владычества судьба послѣднихъ по особому «лондонскому договору» 1852 г., подписанному Англіей, Франціей, Россіей, Швеціей, Австріей и Пруссіей, была регулирована слѣдующимъ образомъ: оба герцогства образовывали единое цѣлое подъ эгидой датскаго короля, при условіи однако, что Данія обязуется не включать Шлезвигъ въ составъ своихъ владѣній и ни въ какой степени не покушаться на самостоятельность Голштиніи. Это требованіе въ началѣ 60-хъ годовъ было нарушено Даніей самымъ безцеремоннымъ образомъ. 30 марта 1863 г. датскій король Фридрихъ VII издалъ указъ о раздѣленіи обоихъ герцогствъ, а 14 ноября того же года датскій парламентъ вотировалъ новую конституцію, согласно которой Шлезвигъ присоединялся къ датской монархіи, а Голштинія, формально оставаясь независимой, фактически превращалась въ ея вассальную провинцію. Какъ разъ въ это время (15 ноября) умеръ король Фридрихъ VII, и возникъ вопросъ о наслѣдованіи

престола въ обоихъ злополучныхъ герцогствахъ. Согласно «лондонскому договору», корона должна была перейти къ датскому наслѣднику принцу Христіану. Такъ какъ, однако, Данія своими дѣйствіями сама нарушила этотъ договоръ, то нѣмецкія государства стали оспаривать права принца Христіана на шлезвигъ-голштинское наслѣдованіе и выдвинули противъ него въ качествѣ своего претендента принца Фридриха Аугустенбургскаго. Попытки Англіи уладить конфликтъ дипломатическимъ путемъ не увѣнчались успѣхомъ, и рѣшеніе спора было предоставлено оружію. 23 декабря 1863 г. 12.000-ный отрядъ саксонцевъ и ганноверанцевъ вступилъ въ Голштинію, а 1 февраля 1864 г. союзная прусско-австрійская армія перешла границу Шлезвига. Датчане вскорѣ были разбиты и принуждены къ отступленію на Ютландію, по иниціативѣ Англіи въ Лондонѣ была созвана конференція для заключенія мирнаго договора, закончившаяся однако безрезультатно; борьба снова возобновилась, и послѣ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ неудачъ Данія, въ концѣ концовъ, должна была капитулировать и уступить Пруссіи и Австріи спорныя герцогства.

Какъ отнеслась правящая Англія къ данному исходу войны? Есть одинъ чрезвычайно любопытный документъ, дающій ясный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Документъ этотъ— письмо тогдашняго англійскаго премьера Пальмерстона къ лорду Джону Рёсселю отъ 13 сентября 1865 г., касающееся вопроса о судьбѣ спорныхъ герцогствъ, письмо (особенно въ наши дни) настолько любопытное, что я рѣшаюсь привести его цѣликомъ.

«Мой дорогой Рёссель,—писалъ глава британскаго правительства,—конечно, было нечестно и неблагородно отнять у Даніи Шлезвигъ и Голштинію. Совсѣмъ иной вопросъ однако, какъ поступить съ этими герцогствами въ интересахъ наибольшаго блага Европы, разъ они уже все равно отдѣлены отъ Даніи. Съ этой точки зрѣнія мнѣ представляется, что будетъ лучше, если они послужатъ къ увеличенію мощи Пруссіи, чѣмъ если они образуютъ еще одно маленькое государство въ ряду незначительныхъ политическихъ тѣлъ, только ослабляющихъ силу и вліяніе Германіи. Нынѣшняя Пруссія слишкомъ слаба для того, чтобы въ своихъ дѣйствіяхъ быть честной и независимой. И, принимая во вниманіе интересы будущаго, крайне желательно, чтобы Германія, какъ цѣлое, сдѣлалась сильной, чтобы она оказалась въ состояніи держать въ уздѣ обѣ честолюбивыя и воинственныя державы—Францію и Россію, которыя сжимаютъ ее съ запада и востока. Что касается Франціи, то мы хорошо знаемъ, какъ безпокойна и задорна она, и какъ въ любой моментъ изъ-за Бельгіи, изъ-за

Рейна или изъ-за какой нибудь другой области, могущей быть захваченной безъ особаго труда, она готова начать войну. Что касается Россіи, то она со временемъ превратится въ державу, по величинѣ напоминающую древнюю Римскую имперію. При желаніи она легко сможетъ стать повелительницей всей Азіи, за исключеніемъ Британской Индіи, и, если при помощи просвѣщенныхъ мѣропріятій ея доходы будутъ приведены въ соотвѣтствіе съ ея территоріей и, если желѣзныя дороги сократятъ ея разстояніе—она станетъ располагать колоссальными денежными средствами и почти неизмѣримымъ человѣческимъ матеріаломъ, и тогда ея способность перебрасывать войска на огромныя пространства сдѣлается въ высокой степени опасной. Германія должна быть сильна для того, чтобы быть въ состояніи противостоять русскому напору; и, если Германія должна быть сильна, то совершенно неизбѣжно, что должна быть сильна и Пруссія. Вотъ почему,—сознаюсь въ этомъ откровенно,—хотя я и не одобряю поведеніе Пруссіи и Австріи по отношенію къ герцогствамъ, я все-таки предпочитаю видѣть ихъ въ составѣ Прусскаго королевства, а не внѣ его, образующими еще одну новую звѣздочку въ государственной системѣ Европы. Съ дружескимъ привѣтомъ Вашъ Пальмерстонъ» [1]).

Такъ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ полстолѣтія назадъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ Англіи, а теперь? И когда читаешь приведенное письмо, хочется еще разъ повторить все то же знакомое: «все течетъ»...

Два года спустя послѣ датской войны разразилась война между Пруссіей и Австріей. Ближайшимъ поводомъ для нея послужила судьба все тѣхъ же Шлезвига и Голштиніи [2]), но по существу это было давно уже подготовлявшійся Бисмаркомъ кровавый поединокъ между обѣими державами за гегемонію въ мірѣ нѣмецкихъ государствъ и въ будущей, уже всѣми явно предчувствовавшейся Германской имперіи. Обстоятельства войны 1866 года хорошо извѣстны. Пруссія съ стремительной быстротой мобилизовала громадную армію, съ столь же стремительной быстротой вступила въ предѣлы Австріи и ея южно-германскихъ союзниковъ и прежде, чѣмъ вѣнское правительство успѣло толкомъ прійти въ себя, нанесла вражеской арміи рѣшительное пораженіе подъ Кениггрецомъ. Старинный споръ между Габ-

---

[1]) E. Ashley. The life and correspondence of Vicount Palmerston, 1879, London, т. II, стр. 445—6.

[2]) Пруссія обнаруживала явныя тенденціи къ аннексіи обоихъ герцогствъ, Австрія же, наоборотъ, въ пику Пруссіи отстаивала ихъ независимость,—на этой почвѣ и выросъ конфликтъ, приведшій къ событіямъ 1866 г.

сбургами и Гогенцоллернами за германскую корону былъ рѣшенъ такимъ образомъ въ пользу послѣднихъ, слава прусскаго оружія вознесена превыше небесъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на политическомъ горизонтѣ обрисовались очертанія объединенной Германіи, но объединенной не подъ эгидой Вѣны, а Берлина. Что же Англія?

Наканунѣ австро-прусской войны она снова, какъ и въ 1864 г., пыталась уладить конфликтъ изъ-за герцогствъ (а также и другіе спорные вопросы международной политики) путемъ созыва конференціи державъ. Когда же эта попытка, благодаря упорству Австріи, закончилась неудачей, Англія спокойно предоставила событія естественному ходу вещей, занявъ во время войны позицію дружественнаго нейтралитета по отношенію къ Пруссіи. Исходъ борьбы въ Соединенномъ Королевствѣ былъ встрѣченъ весьма сочувственно, и двумя годами позже Бисмаркъ имѣлъ возможность въ одномъ частномъ разговорѣ охарактеризовать англо-германскія отношенія слѣдующимъ образомъ:

«Съ Англіей у насъ все обстоитъ прекрасно. Англичане прежде опирались на Австрію, такъ какъ видѣли въ ней противовѣсъ Франціи, и такъ какъ они думали, что Австрія играетъ доминирующую роль въ Германіи. Однако, со времени войны 1866 г. они, какъ практическіе люди, измѣнили свою позицію. Теперь они ничего не имѣютъ противъ національнаго объединенія Германіи, наоборотъ, оно имъ только пріятно» [1]).

Но вотъ пришелъ 1870 годъ, и вмѣстѣ съ нимъ памятная борьба между Франціей и Германіей. Мнѣ не за чѣмъ останавливаться здѣсь на перипетіяхъ этой борьбы—онѣ и безъ того хорошо извѣстны,—достаточно будетъ сказать, что при помощи ловкой игры на дипломатическихъ струнахъ Бисмаркъ сумѣлъ довести Наполеона III до состоянія бѣлаго каленія, пользуясь его раздраженіемъ, провоцировалъ французскаго суверена на неосторожное объявленіе войны и придалъ, такимъ образомъ, всѣмъ дѣйствіямъ Пруссіи и ея союзниковъ видъ вполнѣ законный и необходимой самообороны. Эта ловкая тактика «желѣзнаго канцлера» снискала на первыхъ порахъ горячія симпатіи Германіи во всемъ нейтральномъ мірѣ, но особенно дружное сочувствіе она создала ей въ Англіи. Дворъ, правительство, общественное мнѣніе, пресса—всѣ были на сторонѣ Пруссіи, всѣ громили преступную и коварную политику Наполеона. Такъ, напр., въ передовицѣ, посвященной объявленію войны, «Times» писалъ:

«Величайшее преступленіе, о которомъ намъ приходилось когда либо сообщать на этихъ столбцахъ со времени первой

---

[1]) Bismarck und England, 1889, Berlin, стр. 111.

французской имперіи, совершилось. Война объявлена, несправедливая, преднамѣренная война. Это страшное несчастье, переполняющее всю Европу чувствомъ гнѣва и отвращенія, является (теперь это слишкомъ очевидно) дѣломъ рукъ Франціи, одного человѣка во Франціи».

Изложивъ далѣе ходъ предшествовавшихъ войнѣ переговоровъ и поведеніе французскаго посла Бенедетти, газета продолжаетъ:

«Это былъ ударъ въ лицо лѣвой рукой въ то время, какъ правая покоилась на рукояткѣ меча. Это былъ поступокъ дуэлянта, хватающаго своего противника за горло съ крикомъ: «честь или жизнь!» Больше нельзя сомнѣваться: Пруссія могла избѣжать войны только путемъ такого униженія, на которое не пошла бы ни одна уважающая себя нація... Едва ли нужно говорить, на чьей сторонѣ симпатіи всего міра. Каковы бы ни были грѣхи Пруссіи въ прошломъ, въ данномъ случаѣ она можетъ разсчитывать на всю ту моральную поддержку, въ которой рѣдко отказываютъ людямъ, поднявшимъ оружіе на защиту своей независимости» [1]).

Не менѣе рѣшительна была оцѣнка положенія со стороны радикальной «Daily News», занявшей сразу рѣзко германофильскую позицію. Въ передовицѣ отъ 16 іюля 1870 г. газета находила, что «прусскій король дѣйствовалъ во всей этой исторіи съ большимъ достоинствомъ и гуманностью», что движеніе въ пользу объединенія Германіи, противъ котораго въ сущности собиралась вести борьбу Франція, являлось здоровымъ и неистребимымъ движеніемъ, лежащимъ въ духѣ вѣка, и что со всѣхъ точекъ зрѣнія Франція была неправа, объявляя Пруссіи войну. «На судѣ исторіи,—заявлялъ радикальный органъ,—поступокъ Франціи будетъ разсматриваться, какъ преступленіе, преступленіе противъ цивилизаціи, человѣчества, мира и добраго порядка вещей».

Въ томъ же родѣ были отзывы и всей остальной прессы, либеральной или консервативной—безразлично. Вся она съ напряженнымъ интересомъ слѣдила за перипетіями великой борьбы по ту сторону канала и, регистрируя столь внезапно обрушившіяся на голову Франціи несчастья, не могла удержаться отъ невольнаго чувства злорадства. Англійская печать точно становилась въ позу добродѣтельнаго моралиста и, указывая пальцемъ на поверженную грѣшницу, восклицала: «Вотъ злонравія достойные плоды!». Насколько общественное мнѣніе Великобританіи рѣшительно высказывалось въ пользу Пруссіи, можно, между прочимъ,

---

[1]) «Times» отъ 16 іюля 1870 г.

судить по двумъ выступленіямъ Т. Карлейля. Въ письмѣ, появившемся въ октябрѣ 1870 г. въ «Weimarische Zeitung», знаменитый историкъ заявлялъ:

«Германія идетъ теперь навстрѣчу днямъ болѣе счастливымъ, чѣмъ дни Барбароссы. Я лично испытываю величайшее удовлетвореніе отъ сознанія этого, и вся Англія, вся мыслящая Англія отъ души привѣтствуетъ Германію за все ею сдѣланное и исполненное... На моей памяти въ Европѣ еще не было событія, которое въ такой же мѣрѣ окрыляло бы меня» [1]).

Въ другомъ письмѣ, опубликованномъ 18 ноября 1870 г. въ «Times'ѣ», Карлейль подробно, на протяженіи двухъ съ половиной газетныхъ столбцовъ, разсматриваетъ отношенія Франціи и Германіи за минувшіе четыре вѣка и приходитъ въ заключеніе къ слѣдующему выводу:

«Ни одна нація никогда не имѣла болѣе непріятнаго сосѣда, чѣмъ тотъ, котораго Германія въ теченіе послѣднихъ 400 лѣтъ имѣла въ лицѣ Франціи, непріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ: дерзкаго, жаднаго, ненасытнаго, жестокаго, вѣчно аггрессивнаго. И во всей исторіи еще не было случая, когда бы дерзкій и несправедливый сосѣдъ получалъ такой страшный, такой сокрушающій ударъ, какой получила Франція отъ Германіи. Германія, послѣ 400 лѣтъ всяческихъ издѣвательствъ и насилій со стороны этого сосѣда, переживаетъ теперь торжество при видѣ поверженнаго на колѣни врага, и я думаю, она совершила бы настоящее безуміе, если бы не воспользовалась благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ для проведенія болѣе надежной границы между собой и своимъ сосѣдомъ».

Въ дальнѣйшемъ авторъ высказывается за аннексію Эльзаса и Лотарингіи «благородной, терпѣливой, глубоко-набожной и серьезной Германіей», которая ко благу всего человѣчества должна смѣнить «вздорную, тщеславную, безпокойно-кривляющуюся и болѣзненно возбуждающуюся Францію» въ роли доминирующей державы континента.

Это безусловное одобреніе и превознесеніе Германіи продолжалось, однако, недолго. Седанъ явился поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи англійскаго общества и правительства. Если раньше Англія съ торжествомъ привѣтствовала каждый новый ударъ, обрушивающійся на ея стариннаго французскаго противника, и готова была при этомъ кричать: «Ату его!», то теперь, послѣ историческаго дня 2 сентября, она явно встревожилась и пришла въ замѣтное безпокойство. Что вторая имперія была

---

[1]) «Times» отъ 25 октября 1870 г.

разгромлена,—съ британской точки зрѣнія являлось, конечно, благомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душу руководителей англійской политики начало закрадываться невольное сомнѣніе: не слишкомъ ли дорогой цѣной покупается это благо? Не слишкомъ ли усилитъ кампанія 1870 г. Германію? И не станетъ ли Бисмаркъ, опьяненный непрерывными побѣдами нѣмецкаго оружія,—вторымъ завоевателемъ Наполеономъ, способнымъ ввергнуть Европу въ пучину новыхъ военно-политическихъ конвульсій?

И эта перемѣна въ настроеніи вліятельныхъ круговъ тотчасъ же отразилась на всемъ поведеніи страны. Королева Викторія, на первыхъ порахъ съ восторженнымъ вниманіемъ слѣдившая за германскими успѣхами, теперь посылаетъ длинное письмо прусскому королю Вильгельму I, въ которомъ призываетъ его къ великодушію по отношенію къ поверженному врагу. Одновременно англійское правительство выступаетъ въ роли посредника между обѣими воюющими державами, стремится предупредить осаду и бомбардировку Парижа и, апеллируя къ государственной мудрости Бисмарка, рекомендуетъ ему умѣренность и благородство. Усиліями лондонскаго кабинета заключается въ концѣ концовъ выгодное для Франціи перемиріе. Англійская пресса наперерывъ убѣждаетъ Пруссію не перегибать палку, пользуясь благопріятной ситуаціей момента, и не слишкомъ высоко взвинчивать свои требованія. Та самая «Daily News», которая въ началѣ войны переливала всѣми ярко-германофильскими цвѣтами, теперь, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, предостерегаетъ Бисмарка отъ аннексіи Эльзаса и Лотарингіи, тѣхъ самыхъ Эльзаса и Лотарингіи, которыя «Times» въ день объявленія войны назвалъ «старинными нѣмецкими провинціями», всегда стремившимися къ возсоединенію со своей національной родиной. Наконецъ, англійскіе заводы и фабрики, при явномъ попустительствѣ кабинета, начинаютъ усиленно снабжать вновь формируемыя республиканскія арміи оружіемъ и амуниціей. Тщетно прусскій посолъ въ Лондонѣ протестуетъ противъ подобнаго нарушенія принциповъ нейтралитета, всѣ его попытки въ указанномъ направленіи оканчиваются полной неудачей...

Перемѣна фронта Англіи, наступившая послѣ Седана, не могла, конечно, отвратить неизбѣжнаго. Парижъ былъ все-таки осажденъ и подвергся обстрѣлу, Эльзасъ-Лотарингія была все-таки присоединена къ Германіи, а Франція принуждена платить побѣдителю 5-милліардную контрибуцію. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ той любопытной эволюціи настроенія, которую Великобританія пережила на протяженіи кампаніи 1870—71 г.г., и которая бросаетъ необыкновенно яркій свѣтъ какъ на отношенія Ан-

гліи къ Германіи въ разсматриваемый періодъ, такъ и вообще на движущіе мотивы внѣшней политики Соединеннаго Королевства.

III.

Франко-прусская война кончилась; миръ и спокойствіе снова воцарились въ Европѣ; Германія окончательно сложилась въ могучую объединенную монархію и подъ искуснымъ управленіемъ кн. Бисмарка начала свой стремительный бѣгъ навстрѣчу будущему. Англіи приходилось примириться съ совершившимся фактомъ и строить свои международно-политическіе расчеты, примѣняясь къ новымъ условіямъ, созданнымъ событіями 1864—71 г.г. Каковы были отношенія интересующихъ насъ странъ въ эпоху, наступившую послѣ разгрома второй французской имперіи?

Весь 44 лѣтній промежутокъ времени, лежащій между франко-прусской кампаніей и нынѣшней міровой войной, можно раздѣлить на три почти одинаковыхъ по продолжительности періода.

Первый изъ нихъ обнимаетъ примѣрно 14-лѣтіе 1871—84 г.г. и можетъ быть охарактеризованъ, какъ продолженіе старой дружбы между обѣими странами, такъ ярко манифестированной въ предшествующее десятилѣтіе. Германія послѣ 1871 г. не стала Франціей Наполеона I, Бисмаркъ не соблазнился лаврами великаго корсиканца и отказался вступить на путь безконечныхъ завоеваній. Объединенная имперія сочла себя вполнѣ удовлетворенной достигнутыми военно-политическими успѣхами и обратила теперь все свое вниманіе на внутреннюю работу, на цементированіе и укрѣпленіе только что построеннаго государственнаго зданія. Она хотѣла быть и была лишь сильной европейской державой, доминирующей среди великихъ націй континента. Но она не обнаруживала пока никакихъ тенденцій за океанъ, въ колоніи, къ сверкающей коронѣ мірового господства. Она не угрожала, такимъ образомъ, цѣлости и нераздѣльности британской имперіи, и это естественно снимало свинцовую тяжесть съ души англійскихъ государственныхъ людей. Страшный призракъ, вставшій было передъ ихъ глазами послѣ историческихъ дней Седана, сразу поблекъ и потерялъ свои угрожающія очертанія, правящая Англія вздохнула свободно и снова протянула дружескую руку Германіи.

Описываемый періодъ былъ сравнительно бѣденъ крупными международными событіями, и добрыя отношенія между Великобританіей и имперіей Гогенцоллерновъ имѣли сравнительно немного случаевъ для своего болѣе яркаго проявленія. Въ 1875 г. во время франко-германскаго кризиса, вызваннаго увеличеніемъ

французской арміи, Англія вмѣстѣ съ Россіей выступила въ роли посредника между обоими противниками и добилась ихъ примиренія. Въ 1876—77 г.г., въ эпоху балканскихъ волненій и русско-турецкой войны, Англія устами «Times'а» приглашала Германію къ кооперацін въ ближневосточномъ вопросѣ, въ отвѣтъ на что получила довольно рѣзкую отповѣдь со стороны офиціозной «Norddeutsche Allg. Zeitung», заявившей, что Германія имѣетъ свое собственное мнѣніе по данному предмету. Впрочемъ, на берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. Бисмаркъ велъ линію, въ общемъ пріемлемую для Великобританіи, не допустивъ созданія великой Болгаріи и нейтрализаціи проливовъ. Заключеніе союза между Германіей и Австро-Венгріей въ 1879 г. вызвало на берегахъ Альбіона замѣтное безпокойство, однако причины его лежали не столько въ политической, сколько въ экономической области: Англія боялась, что данный союзъ явится лишь преддверіемъ къ введенію системы протекціонизма въ обоихъ государствахъ, а это могло имѣть неблагопріятныя послѣдствія для отечественной торговли. Несмотря, однако, на всѣ частичныя тренія и столкновенія, общій тонъ англо-германскихъ отношеній въ разсматриваемый періодъ оставался вполнѣ дружественнымъ и даже интимнымъ. Бисмаркъ неоднократно публично высказывалъ убѣжденіе въ необходимости и возможности совмѣстной работы обѣихъ державъ въ области международной политики, а о томъ, каковы были соотвѣтственныя настроенія на томъ берегу канала легко судить хотя бы по слѣдующимъ цитатамъ изъ «Pall Mal Gazette», бывшей въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія офиціозомъ тогдашняго премьера Гладстона:

«Гегемонія, которою въ настоящее время въ Европѣ обладаетъ Германія, является единственной въ своемъ родѣ какъ по своей неоспоримости, такъ и по методамъ ея использованія. Ни Англія послѣ Ватерлоо, ни Франція послѣ Сольферино, ни императоръ Николай послѣ подавленія венгерскаго возстанія никогда не располагали столь громаднымъ вліяніемъ... И послѣ 13-лѣтняго испытанія ни одинъ честный наблюдатель не станетъ отрицать, что германское преобладаніе является наиболѣе здоровымъ элементомъ европейской ситуаціи. Нѣмецкая политика, конечно, не свободна отъ ошибокъ, ибо нѣмцы, какъ и всѣ прочіе люди, смертны, однако въ общемъ и цѣломъ наличность въ центрѣ Европы этой большой и миролюбивой силы имѣла поистинѣ неоцѣнимое значеніе. И, если бы существовала увѣренность, что пользованіе данной силой и впредь будетъ столь же мудро и осторожно, какъ оно было до сихъ поръ, то всѣ, за исключеніемъ быть можетъ лишь узкаго круга французскихъ политиковъ, готовы были бы

сказать: «esto perpetua». Рѣдко подобная колоссальная мощь примѣнялась такъ цѣлесообразно и разумно, и рѣдко Англія ощущала такъ ясно, какъ теперь, на зарѣ оживленія французской дѣятельности на Мадагаскарѣ и въ Тонкинѣ, какіе огромные плюсы дала великая побѣда, однимъ ударомъ освободившая Францію отъ имперіи и Европу отъ безпокойнаго честолюбія Франціи.

«Идеальное будущее континента—это объединеніе всѣхъ его государствъ въ одну великую европейскую конфедерацію. Зародыши подобнаго объединенія лежатъ уже въ теперешнихъ отношеніяхъ Германіи къ другимъ державамъ. Въ интересахъ превращенія анархіи въ царство порядка и законности важнѣе, чтобы центральная власть была сильна, чѣмъ чтобы она была во всѣхъ пунктахъ справедлива. Германія сильна и съ каждымъ днемъ становится все сильнѣе. За Германіей стоитъ Австрія, за Австріей Италія, Россія—вѣковой союзникъ Германіи. Испанія мечтаетъ о присоединеніи къ великому «мирному союзу». Германія, благодаря своему строю, своему положенію, своему темпераменту и своимъ интересамъ, является единственной страной, призванной руководить Европой. Англія стоитъ внѣ конкуренціи, ибо она азіатская, африканская и австралійская держава. Франція ищетъ славы и господства за морями. Германія занимаетъ укрѣпленный лагерь въ центрѣ Европы, и всѣ ея интересы чисто европейскіе. Она достигла всего, къ чему стремилась, она хочетъ теперь только мира, потому оказываетъ спокойно-умѣряющее вліяніе на всѣ другія націи. Ея политика есть политика невмѣшательства, прекрасно иллюстрируемая словами о костяхъ померанскаго гренадера[1]), политика, находящаяся въ искусныхъ рукахъ честнаго маклера»[2]).

Кто бы могъ подумать, что подобный диѳирамбъ по адресу имперіи Гогенцоллерновъ принадлежитъ перу англійскаго министерскаго офиціоза? А между тѣмъ это несомнѣнный фактъ, отдѣленный отъ нашего времени сравнительно небольшимъ промежуткомъ въ 31 годъ. Такъ все мѣняется въ политикѣ.

IV.

Но какъ разъ почти въ тотъ самый моментъ, когда гладстоновскій органъ печаталъ вышеприведенную статью, произошло собы-

---

[1]) Намекъ на извѣстный афоризмъ Бисмарка о томъ, что для Германіи весь ближневосточный вопросъ не стоитъ костей одного померанскаго гренадера.

[2]) «Pall Mal Gazette» отъ 2 сент. 1883 г. Статья по поводу 13-й годовщины Седана.

тіе, содержавшее въ себѣ въ зародышѣ сѣмена раздора и вражды между двумя могущественными странами и открывавшее собой вторую эпоху въ англо-германскихъ отношеніяхъ послѣдняго полустолѣтія, эпоху, обнимающую 1885—1900 г. Я имѣю въ виду пріобрѣтеніе Германіей въ концѣ 1884 г. первой колоніи на юго-западномъ берегу Африки.

Мнѣ нѣтъ необходимости подробно останавливаться сейчасъ на исторіи колоніальной политики имперіи Гогенцоллерновъ. Для моихъ цѣлей совершенно достаточно указать, что въ серединѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія германскій капитализмъ почувствовалъ себя уже настолько выросшимъ и созрѣвшимъ, что началъ обнаруживать весьма явственную тягу къ expansion. Справедливость требуетъ сказать, что на первыхъ порахъ Бисмаркъ относился къ данной тенденціи въ общемъ отрицательно, но, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ сильнаго давленія со стороны заинтересованныхъ круговъ (особенно торговой буржуазіи Гамбурга и Бремена) вынужденъ былъ уступить. Въ 1884—86 гг. Германія, частью путемъ соглашенія съ другими государствами, частью путемъ простой «экспропріаціи» туземныхъ властителей, пріобрѣла, кромѣ упоминавшейся уже юго-западной Африки, еще такъ называемую «нѣмецкую восточную Африку», Занзибаръ, Того, Камерунъ, сѣверо-восточную часть Новой Гвинеи и группу Маршальскихъ острововъ (послѣднія двѣ колоніи въ Тихомъ океанѣ) и изъ державы исключительно континентальной превратилась въ державу, располагающую заморскими владѣніями.

Это было весьма непріятнымъ разочарованіемъ для Англіи, ибо означало собой вступленіе Германіи на путь вольной или невольной конкуренціи съ островнымъ королевствомъ. Правда, пока данная конкуренція находилась еще въ эмбріональномъ состояніи, и реально почти не давала себя чувствовать, но въ исторической перспективѣ она все-таки не могла не вызывать извѣстнаго безпокойства. Въ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ Германія, основывая свои торговыя факторіи за океаномъ, отдавала ихъ обычно подъ англійское покровительство, теперь она очевидно переходила къ системѣ собственнаго колоніальнаго строительства, демонстрируя тѣмъ самымъ ростъ недовѣрія и подозрительности къ своей многолѣтней союзницѣ. Первая серьезная тѣнь упала на англо-германскія отношенія и смутила ихъ прежнюю «лучезарность».

Первая тѣнь упала, но это еще не означало полнаго разрыва. О, нѣтъ, до разрыва пока было далеко. Колоніальные опыты Германіи были, конечно, непріятны Великобританіи, но серьез-

ной опасности для нея они до поры до времени не представляли. Наоборотъ, серьезная непосредственная опасность шла въ ту эпоху совсѣмъ съ другой стороны. Франція, бросившаяся послѣ 1871 г. съ головой въ сферу имперіалистической политики, въ Египтѣ пришла въ острое столкновеніе съ Англіей и вдобавокъ доставляла ей немало хлопотъ въ прочихъ районахъ Африки и въ Азіи (Индо-Китай). Россія медленно, но неуклонно продвигалась изъ Сибири на югъ въ сторону Индіи и вступила въ конфликтъ съ Великобританіей изъ-за Афганистана. Одновременно островное королевство было вовлечено въ длительную и тяжелую войну въ Суданѣ, что еще болѣе осложняло его положеніе. При такихъ обстоятельствахъ было ясно, въ какую сторону склонится равнодѣйствующая англійской внѣшней политики. Какъ практическіе люди, британскіе государственные дѣятели рѣшили меньшее зло предпочесть большему и объявили прощеніе нѣмецкимъ колоніальнымъ прегрѣшеніямъ. Дѣйствительно, въ рѣчи отъ 6 марта 1885 г., произнесенной на засѣданіи верхней палаты, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гранвиль сказалъ:

«Я увѣренъ, что въ настоящее время больше, чѣмъ когда-либо, въ обоюдномъ интересѣ Англіи и Германіи лежитъ поддерживать другъ съ другомъ добрыя отношенія, ибо обѣ страны сталкиваются теперь почти во всѣхъ частяхъ свѣта, и всѣ мои усилія будутъ направлены къ тому, чтобы способствовать осуществленію примирительной политики, начертанной германскимъ имперскимъ канцлеромъ».

12 марта того же года Гладстонъ въ палатѣ общинъ вполнѣ присоединился къ этому заявленію своего коллеги по кабинету, прибавивъ, что и съ политической и съ принципіальной точекъ зрѣнія крайне ошибочно смотрѣть косо на колоніальныя пріобрѣтенія имперіи Гогенцоллерновъ. Если Германія превратится въ колонизирующую державу, онъ призываетъ на нее благословеніе Божіе, она станетъ тогда другомъ и союзникомъ Англіи на благо всего человѣчества[1]).

Основной тонъ англо-германскимъ отношеніямъ былъ такимъ образомъ данъ, и онъ въ общемъ сохранилъ свою дѣйствительность почти до самаго конца разсматриваемаго 15-лѣтія, тѣмъ болѣе, что вплоть до 1897 г. колоніальныя владѣнія Германіи не увеличились ни на одинъ квадратный километръ. Добрый миръ, господствующій между обѣими странами, былъ достаточно ярко иллюстрированъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, изъ которыхъ я упо-

---

[1]) См. «Times» отъ 7 и 13 марта 1885 г.

мяну только нѣсколько наиболѣе существенныхъ. Такъ въ 1890 г. Англія уступила Германіи въ обмѣнъ за Занзибаръ островъ Гельголандъ. Тогда общественное мнѣніе Великобританіи было чрезвычайно довольно этой, по выраженію Стэнли, покупкой «новаго костюма въ обмѣнъ за пуговицу старыхъ штановъ»,—такъ ли оно настроено въ настоящее время—вопросъ особый. Точно такъ же въ 1891—93 г. г. Англія покровительствовала попыткамъ германскаго капитала (въ пику Франціи и Россіи) въ постройкѣ желѣзной дороги Константинополь—Ангора, изъ которой въ дальнѣйшемъ развилась знаменитая Багдадская желѣзная дорога, ставшая въ послѣдніе годы яблокомъ раздора между обѣими странами. Въ 1895 г. представители Соединеннаго Королевства присутствовали на торжественномъ открытіи Кильскаго канала и произносили тамъ привѣтственныя рѣчи. Въ 1898 г. Англія, угрожаемая войной съ Франціей изъ-за Судана съ одной стороны, и крупными осложненіями въ Южной Африкѣ, съ другой, благословила Германію на овладѣніе Кіао-Чао (въ Китаѣ). Впрочемъ, это благословеніе было заключительнымъ актомъ англо-германской дружбы.

V.

Для того, чтобы понять истинныя причины глубокой вражды, раздѣлившей съ начала XX вѣка—и тутъ мы подходимъ къ третьему періоду въ развитіи англо-германскихъ отношеній разсматриваемой эпохи—обѣ интересующія насъ страны, необходимо вернуться къ основной идеѣ всей внѣшней политики Англіи, къ охранѣ цѣлости и неприкосновенности Британской имперіи.

Пока Германія была лишь могущественной континентально-европейской державой, она была Англіи только пріятна, ибо силой своего оружія держала до извѣстной степени въ уздѣ тогдашнихъ недруговъ Соединеннаго Королевства—Францію и Россію. Потомъ Германія вздумала сдѣлаться колоніальнымъ государствомъ и отчасти успѣла въ осуществленіи своихъ имперіалистскихъ намѣреній. Это было Англіи уже непріятно, но съ этимъ еще можно мириться, такъ какъ заокеанскія владѣнія самого Альбіона были громадны, и новый конкурентъ ему не былъ особенно страшенъ. Но лиха бѣда начало. Тяга за море естественно привела Германію къ проблемѣ созданія собственнаго многочисленнаго военнаго флота, проблемѣ, выдвинувшейся на первый планъ со вступленіемъ на престолъ нынѣшняго императора Вильгельма II.[1]) Уже въ 1889 г. было образовано спеціальное

[1]) О морской политикѣ Германіи въ теченіе нынѣшняго царствованія см. очень интересную, хотя и нѣсколько одностороннюю книгу *E. Reventlow*—«Deutschlands auswärtige Politik 1888—1913», Berlin, 1914.

морское министерство, и чисто воинская часть во флотѣ отдѣлена отъ административной. Въ 1890 г. въ Штетинѣ германскій вѣнценосецъ произнесъ свои много разъ цитировавшіяся слова: «наше будущее лежитъ на водѣ». Въ 1897 г. морскимъ министромъ былъ назначенъ адмиралъ Тирпицъ, подлинный творецъ нынѣшняго морского могущества Германіи, въ 1898 г. основанъ знаменитый «Flottenverein», и рейхстагомъ принята первая «морская программа», за которой съ короткими промежутками послѣдовали еще четыре(1900, 1905, 1908 и 1912 г.г.). Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій Германія, флотъ которой въ 1898 г. равнялся всего лишь трети англійскаго и стоялъ позади французскаго и русскаго, превратилась во вторую по силѣ морскую державу и стала серьезно угрожать британской гегемоніи на водахъ океановъ[1]) Въ объясненіи этого увлеченія военнымъ судостроительствомъ юнкерско-капиталистическая Германія говорила, что страна вступила въ полосу властныхъ и непреодолимыхъ тенденцій къ expansion, что нѣмецкая торговля захватила въ свой кругооборотъ весь земной шаръ (соотвѣтственныя цифровыя данныя приводились выше), что нѣмецкій коммерческій флотъ бороздитъ своимъ килемъ воды наиболѣе отдаленныхъ морей, и что поэтому для охраны и защиты жизненнѣйшихъ экономическихъ интересовъ націи отъ возможныхъ нападеній со стороны противника необходима наличность достаточнаго числа стоящихъ на уровнѣ современной техники панцырныхъ судовъ.

Нельзя отрицать, что эта юнкерско-капиталистическая Германія по-своему была не совсѣмъ неправа. Съ буржуазно-имперіалистической точки зрѣнія тевтонская монархія имѣла вполнѣ достаточныя основанія къ созданію сильнаго военнаго флота, но для Англіи это было равносильно началу конца. Ибо пока Германія оставалась континентальной державой, она при всемъ своемъ милитаристскомъ могуществѣ была почти совершенно безвредна для міровой британской имперіи. Но съ того момента, какъ Германія становилась твердой ногой на морѣ, всѣ преимущества Альбіона, вытекающія изъ особенностей его географическаго положенія, сразу исчезли. Надъ головой великаго англосаксонскаго царства заносился тяжелый тевтонскій мечъ, его цѣлости и неприкосновенности отнынѣ въ любой моментъ угро-

[1]) Къ 1 апрѣля 1899 г. германскій военный флотъ состоялъ изъ 97 болѣе значительныхъ судовъ (въ томъ числѣ 21 крупныхъ боевыхъ единицъ) съ общей водоизмѣстимостью 326 тыс. тоннъ и 27.000 чел. экипажа,—къ 1 апрѣля 1913 г. онъ насчитывалъ 127 болѣе значительныхъ судовъ (50 крупныхъ боевыхъ единицъ) съ 889 тыс. тоннъ и 73.000 чел. экипажа. Обыкновенные расходы на флотъ составляли: въ 1899 г.—69 милл. мк.,въ 1913 г.—197 милл. мк.,—увеличеніе на 185%. Ср. «Statistisches Jahrbuch» за 1899 и 1913 г.г.

жалъ дерзкій завоеватель. Германскій флотъ—вотъ наиболѣе страшная опасность для самыхъ основъ британскаго могущества, германскій флотъ—вотъ наиболѣе серьезная причина, превратившая двѣ, когда-то дружественныя, націи въ непримиримыхъ враговъ. Здѣсь для Англіи на картѣ стоялъ вопросъ политической жизни и смерти, и здѣсь для нея не было и не могло быть компромисса. И, поскольку имперія Гогенцоллерновъ отказывалась отъ сокращенія горячки морскихъ вооруженій, постольку для Соединеннаго Королевства оставался только одинъ выходъ, одна линія поведенія: борьба.

Борьба началась и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, основная причина столкновенія сейчасъ же осложнилась цѣлымъ рядомъ другихъ, существовавшихъ и раньше, но до поры до времени искусственно сдерживавшихся. Сразу прорвалось и вспыхнуло соперничество обѣихъ странъ въ колоніальной области, на этотъ разъ въ Малой Азіи. Я уже упоминалъ о нѣмецкихъ попыткахъ начала 90-хъ годовъ прорѣзать рельсовымъ путемъ Азіатскую Турцію. Линія Константинополь—Ангора была проведена, но дальше султанъ отказался пустить европейскихъ инженеровъ. Однако, въ 1898 г., послѣ театральнаго путешествія императора Вильгельма въ оттоманскую столицу на поклонъ гробу Саладина упорство султана было поколеблено: «Deutsche Bank» получилъ концессію на постройку желѣзной дороги не только отъ Ангоры до Багдада, но даже до самаго Персидскаго залива. Этотъ нѣмецкій успѣхъ былъ крайне непріятенъ Великобританіи, ибо вызывалъ передъ глазами ея государственныхъ людей страшный призракъ «индійской опасности», но, не будучи въ состояніи помѣшать неизбѣжному, они сочли за лучшее сами принять участіе въ предполагавшемся грандіозномъ предпріятіи. Однако, при болѣе детальномъ обсужденіи условій совмѣстной работы, англійскіе и нѣмецкіе финансовые тузы не сошлись на раздѣлѣ шкуры еще не убитаго медвѣдя, и это послужило сигналомъ для открытія военныхъ дѣйствій. Въ прессѣ, въ общественномъ мнѣніи, въ политическихъ и торгово-промышленныхъ кругахъ по ту и по сію сторону канала, начиная примѣрно съ 1903 г., была инсценирована настоящая оргія взаимнаго натравливанія и заушенія, съ которой собственно и ведетъ свое лѣтосчисленіе нынѣшняя англо-германская вражда.

Затѣмъ на сцену выдвинулся вопросъ объ экономическомъ соперничествѣ. Мы видѣли, что отрицать самаго факта подобнаго соперничества совершенно не приходится, но что изъ этого факта сумѣли сдѣлать наемные преторіанцы капиталистической печати! Тѣ самые люди, которые еще совсѣмъ недавно не могли

найти достаточно сильныхъ словъ для доказательства необходимости тѣснаго сотрудничества между Англіей и Германіей, тѣ самые люди теперь съ пѣной у рта старались всѣхъ убѣдить, что обѣ стороны—смертельные враги и не могутъ не быть таковыми, ибо ихъ экономическіе интересы непримиримо противоположны, что они вспахиваютъ одно и то же поле, что они отнимаютъ другъ у друга воздухъ, необходимый для дыханія, и что для нихъ не остается никакого иного выхода изъ нынѣшняго положенія, какъ только схватить другъ друга за горло и со всего размаха ударить противника о землю. Толпа слушала эти изо-дня въ день повторяемыя рѣчи, принимала ихъ за чистую монету и закипала взаимной ненавистью.

И въ этой сгущенной атмосферѣ человѣконенавистничества, вражды и національнаго озлобленія, все тяжелѣе нависавшей надъ Европой, оба соперника поспѣшно перестраивали свои ряды и дѣлали необходимыя приготовленія къ битвѣ. Германія лихорадочно строила свой флотъ, увеличивала свою сухопутную армію, изобрѣтала цеппелины и усовершенствованныя подводныя лодки, ядовитые газы и 17-ти дюймовыя орудія. Англія вела болѣе сложную политику. Съ одной стророны, она прилагала огромныя усилія къ повышенію своей боевой мощи—создала типъ знаменитаго «дредноута», въ огромной степени увеличила свое военное судостроеніе, сконцентрировала большую часть своего флота въ Сѣверномъ морѣ[1]), реорганизовала свои сухопутныя военныя силы и улучшила оборону своихъ береговъ[2]). Съ другой стороны, она прибѣгла въ широкихъ размѣрахъ къ методамъ дипломатическаго изолированія противника и, подъ руководствомъ Эдуарда VII и сэра Эдуарда Грея, пренебрегая застарѣлыми симпатіями и антипатіями, заключила рядъ соглашеній и союзовъ съ различными европейскими и внѣевропейскими державами: въ 1900 г. съ Португаліей, въ 1902 г. съ Японіей, въ 1904 г.—съ Франціей, въ 1907 г.—съ Россіей. Тѣмъ самымъ она создала живую стѣну штыковъ вокругъ опаснаго про-

---

[1]) Теперь старую формулу о равенствѣ англійскаго флота флотамъ двухъ слѣдующихъ за Великобританіей морскихъ державъ пришлось сдать въ архивъ, какъ явно невыполнимую, и удовлетвориться болѣе скромнымъ положеніемъ: соотношеніе силъ между англійскимъ и германскимъ флотомъ въ главныхъ боевыхъ единицахъ никогда не должно было опускаться ниже 60 : 40.

[2]) Ростъ англійскихъ морскихъ вооруженій за разсматриваемый періодъ ярче всего можетъ быть иллюстрированъ слѣдующими цифрами. Въ 1898—99 г.г. британскій флотъ насчитывалъ всего 405 судовъ (изъ нихъ 99 крупныхъ боевыхъ единицъ) съ 106 тыс. человѣкъ экипажа. Въ 1913—14 г. численность флота была 634 судна (116 крупныхъ боевыхъ единицъ, изъ нихъ 66 типа «дредноутъ») съ 138 тыс. человѣкъ экипажа. Обыкновенные расходы морского министерства въ 1898—99 г. достигали 23,8 милл. ф., въ 1913—14 г.—48,8 милл. ф.—увеличеніе на 107%. См. «The Statesman's Year Book» за 1899 и 1914 г.г.

тивника и до извѣстной степени компенсировала недостатокъ своей собственной военной силы. Таковъ былъ основной фонъ англо-германскихъ отношеній въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, на которомъ отдѣльные факты противоположнаго характера—въ родѣ, напримѣръ, примиренія обѣихъ странъ въ вопросѣ о багдадской дорогѣ въ 1912 г.[1]), оставались лишь маленькими свѣтлыми бликами скоро преходящаго характера. И во время алжирскаго кризиса 1906—7 г. г., и во время послѣдняго столкновенія изъ-за Марокко въ 1911 г., и во время всякихъ иныхъ международныхъ осложненій минувшихъ лѣтъ, сквозь толщу всевозможныхъ дипломатическихъ наслоеній вы всегда легко и явственно могли прощупать это главное движущее противорѣчіе въ мірѣ европейской внѣшней политики—противорѣчіе между имперіей Гогенцоллерновъ и островнымъ королевствомъ. Оно постепенно крѣпло, росло, напрягалось, пока изъ нависшихъ грозовыхъ тучъ, наконецъ, не грянулъ громъ...

Я началъ свою статью знаменитымъ гераклитовскимъ изреченіемъ и имъ же мнѣ приходится заканчивать ее. Да, все течетъ въ мірѣ человѣческихъ отношеній, а въ мірѣ международной политики въ особенности. Вражда и дружба, борьба и сотрудничество, интересы и стремленія—все здѣсь временно и относительно, все эволюціонируетъ, развивается, нерѣдко превращается въ свою собственную противоположность. Какъ интимны были отношенія между Лондономъ и Берлиномъ полстолѣтія назадъ и какъ обнаженно обострены они сейчасъ! Но, если возможна подобная трансформація, почему невозможна обратная?

Прошлое учитъ, но если исторія англо-германскихъ отношеній на протяженіи минувшаго полувѣка чему-нибудь учитъ, такъ это, конечно, только тому, что никогда не слѣдуетъ придавать абсолютнаго значенія событіямъ и ощущеніямъ текущаго дня. Какъ бы ни были сильны впечатлѣнія момента, какъ бы ни казались прочны и непоколебимы господствующія сегодня группировки и комбинаціи, никогда нельзя забывать, что за сегодняшнимъ днемъ наступаетъ завтрашній, принося съ собой новыя чувства и новые интересы. Миръ и война, соглашенія и разрывы, подъемы и паденіе царствъ, борьба народовъ и соперничество имперій,—все это не больше, какъ вѣчно мѣняющіяся страницы въ величественной книгѣ міровой исторіи, эпиграфомъ которой является: «все течетъ». *В. Майскій.*

---

[1]) Примиреніе это стало возможнымъ, благодаря отказу Германіи, по конвенціи 20 марта 1911 г. съ Турціей, отъ проведенія желѣзно-дорожной линіи между Багдадомъ и Персидскимъ заливомъ.

Нѣчто въ родѣ автобіографіи.

Савватій Ивановичъ Сычуговъ, авторъ настоящихъ воспоминаній, самобытная и незаурядная личность. Начавши свое общественное служеніе въ 70-хъ гг. дѣятельностью уѣзднаго земскаго врача (Орловскій у., Вятской губ.). С. И. Сычуговъ съ 1889 г. посвящаетъ себя всецѣло исключительной и самоотверженной работѣ среди крестьянскаго населенія въ роли «вольнаго деревенскаго врача»—онъ бросаетъ службу, переѣзжаетъ въ свое родное село Верховино и тамъ существуетъ вольной практикой среди крестьянъ. Съ поражающей энергіей онъ лѣчитъ тысячи людей, приходящихъ къ нему за помощью, довольствуясь въ своихъ скромныхъ потребностяхъ тѣми, въ лучшемъ случаѣ, 400 руб., которые даетъ ему медицинская практика среди мѣстнаго населенія. Демократъ-народникъ не только самоотверженной врачъ. «Добрый докторъ» послѣднимъ рублемъ дѣлится съ деревенской бѣднотой, и не только рублемъ, но и своими знаніями: на свои средства Сычуговъ создаетъ народную библіотеку, существующую и нынѣ въ вѣдѣніи земства.

Такова была своеобразная многолѣтняя дѣятельность «добраго доктора»—доктора-просвѣтителя.

О своемъ опытѣ вольной медицинской практики въ деревнѣ Сычуговъ разсказалъ въ 1890 г. въ газетѣ «Земскій Врачъ» (№ 4), и извѣстность объ его дѣлѣ распространилась далеко за предѣлы той мѣстности, гдѣ онъ жилъ и работалъ [1]). По просьбѣ одного изъ

[1]) «Вольной врачебной практикой» въ деревнѣ въ началѣ 90 гг. занимался, между прочимъ, и докторъ Таировъ, родственникъ А. В. Пѣшехонова. См. автобіографическую замѣтку послѣдняго, напечатанную въ юбилейномъ сборникѣ «Русскія Вѣдомости» (стр. 144 «Словаря сотрудниковъ»). *С. М.*

своихъ друзей Сычуговъ началъ писать воспоминанія, которыя мы и помѣщаемъ. Къ сожалѣнію, записки эти обрываются на началѣ 60-хъ гг., когда Сычуговъ, бывшій семинаристъ, прошедшій тяжелую бурсацкую школу, готовился изъ университета вступить на тяжелый жизненный путь. Смерть (въ 1902 г.) помѣшала Сычугову закончить воспоминанія. Хотя послѣднія не приготовлялись для печати, тѣмъ не менѣе ихъ колоритность, ихъ яркая жизненность выпукло вырисовываютъ сами по себѣ оригинальной образъ того, кто выбралъ себѣ необычное служеніе «вольнаго крестьянскаго врача». Воспоминанія—не только жизнеописаніе оригинальной личности Сычугова, но и яркая бытовая картина дореформенной бурсы. «Про меня многіе... говорятъ,—писалъ какъ-то впослѣдствіи Сычуговъ своему университетскому другу,—что я опростился подъ вліяніемъ Толстого. Это невѣрно. Мое міросозерцаніе, мои нравственныя убѣжденія выработались гораздо ранѣе, а именно: въ 61, 62, 63 годахъ»...

У насъ будетъ еще случай вернуться къ С. И. Сычугову и вспомнитъ объ этомъ шестидесятникѣ. Для нашихъ читателей, быть можетъ, будетъ небезынтересно узнать, что одинъ изъ друзей Сычугова, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, передавшій намъ эти воспоминанія, просилъ авторскій гонораръ за статью направить въ Орловское уѣздное земство для поддержанія той школы и той библіотеки въ с. Верховинѣ, которая создана трудами Сычугова, передана имъ земству [2]) и теперь именуется библіотекой врача С. И. Сычугова. Желающихъ подробнѣе познакомиться съ дѣятельностью Сычугова отсылаемъ пока къ брошюрѣ Ѳ. Ѳ. Нелидова «Вольный крестьянскій врачъ С. И. Сычуговъ» (Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе». М. 1905 г.).

С. М.

I. Въ дореформенной бурсѣ.

Родился я въ 1841 г. 27 сентября въ Орловскомъ уѣздѣ, въ селѣ Подрѣльѣ, и былъ первенцемъ. Зачатіе моей особы совершилось тогда, когда моимъ родителямъ не было еще и 40 лѣтъ—отцу шелъ 21-й годъ, а матери не стукнуло еще и 17 лѣтъ. Оба они были тѣлосложенія замѣчательно крѣпкаго, нисколько не износились и были, какъ говорится, въ полномъ соку. Въ концѣ перваго года я перенесъ необыкновенно сильную оспу. Мать разсказывала, что вся поверхность моего тѣла, не исключая

---

[2]) Изъ своего грошевого заработка Сычуговъ умудрился скопить 1000 р. для обезпеченія библіотеки—капиталъ этотъ былъ переданъ имъ земству.

и головы, была покрыта сплошнымъ, чернымъ и вонючимъ струпомъ и что она вмѣстѣ съ своими родителями, а равно и мой отецъ со слезами молили Бога, чтобъ онъ прибралъ меня въ свои селенія, такъ какъ на семейномъ совѣтѣ было уже окончательно рѣшено, что первенецъ ихъ долженъ быть слѣпымъ, глухимъ и безобразнымъ уродомъ. Мать не разъ говаривала, что она на своемъ вѣку много видала оспенныхъ больныхъ, но такой страшной, сливной оспы, какъ у меня, не видывала. Не странно ли, что на всемъ моемъ большомъ тѣлѣ не осталось отъ оспы ни одного рубчика.

Отецъ росъ сиротой, былъ, значитъ, казеннымъ бурсакомъ и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что творилось внѣ стѣнъ бурсы. Это, конечно, наложило на него извѣстный, не особенно цѣнимый въ обществѣ, колоритъ. Онъ не умѣлъ держать, когда нужно, языкъ за зубами; часто приводилось ему высказывать лицамъ, стоящимъ въ іерархіи даже выше его, не совсѣмъ-то пріятныя истины, и только лишь благодаря добродушному юмору, съ которымъ это дѣлалось, многое прощалось ему. Пастыремъ онъ былъ вполнѣ добрымъ; крестьяне чуть не боготворили его какъ за его бесѣды при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ и за его безкорыстіе. Выйдя изъ семинаріи, онъ скоро убѣдился, что знанія его очень скудны, хотя и не скуднѣе, чѣмъ у другихъ священниковъ. Вслѣдствіе этого онъ со страстью принялся за чтеніе, конечно, духовныхъ книгъ, такъ какъ другихъ тогда и не было. Обладая недюжинными способностями и замѣчательнымъ трудолюбіемъ, онъ лѣтъ черезъ 10 сдѣлался виднымъ богословомъ; въ разговорахъ съ нимъ съ удовольствіемъ проводили время магистры богословія. Подъ старость моего отца началъ одолѣвать скептицизмъ. Тяжело было смотрѣть, какъ колебались его завѣтныя вѣрованія. Мнѣ и теперь смѣшно становится, когда я припоминаю, какъ я, бывшій тогда полнымъ атеистомъ, утверждалъ отца въ православіи. Не разъ бывало, что старикъ оставлялъ сомнѣнія свои въ какомъ-нибудь церковномъ догматѣ, но надолго ли—мнѣ не извѣстно. Въ высотѣ и чистотѣ ученія Христа онъ, какъ и я, не сомнѣвался. Предметами для сомнѣнія служили исключительно постановленія церкви. Умеръ отецъ, впрочемъ, вѣрующимъ раціоналистомъ около 70 лѣтъ отъ роду. Имущества послѣ него осталось менѣе, чѣмъ на 10 рублей.

Мать моя была женщина безъ образованія; она могла лишь читать и писать. Писала она хотя безграмотно, но чрезвычайно умно и логично. Читала же почти исключительно Четьи-Минеи, которыя мнѣ уже къ 6—7 годамъ надоѣли хуже горькой рѣдьки, такъ какъ чтецомъ этихъ легендъ большею частью былъ я. Зна-

чить, судя по характеру читаемыхъ мамашею книгъ, уже видно, что она вѣрила безъ разсужденій. Она обладала сильнымъ практическимъ умомъ, несклоннымъ къ идеализаціи, и желѣзною волею. Въ противоположность отцу, который не задумался бы нуждающемуся отдать послѣднюю рубашку, мать была скорѣе скопидомка. И только благодаря ея умѣнью, удалось хорошо пристроить моихъ четырехъ сестеръ и избѣжать нищеты, которая неизбѣжно постигла бы нашу семью, если бы отецъ не передалъ веденіе хозяйства матери. Несмотря на противоположности характеровъ и нѣкоторыхъ взглядовъ, жили они замѣчательно дружно; я не видалъ не только ссоръ, но даже и легонькихъ размолвокъ. Примѣръ ихъ несомнѣнно вліялъ на меня благотворно. Отца я любилъ и уважалъ, мать же только любилъ и въ то же время очень боялся, такъ какъ она была черезчуръ строга и требовательна. Строгость ея, впрочемъ, больше отзывалась на сестрахъ, онѣ бѣдныя положительно изнурялись работою. Уже въ возрастѣ 6—7 лѣтъ онѣ работали, кажется, не менѣе часовъ 12 въ сутки, сидя за вышиваньями, вязаньями и прочею меледою [1]). Когда я сталъ учиться въ училищѣ, тогда строгость матери парализовалась тѣмъ соображеніемъ, что я въ нѣкоторомъ родѣ былъ дома гостемъ; до поступленія же въ школу у меня былъ надежный заступникъ—приснопамятный дѣдушка отецъ Савватій, личность для своего времени замѣчательная и пользовавшаяся громкою и доброю репутаціею почти во всей губерніи.

Дѣтство свое до 8 лѣтъ (съ трехъ) я находился на попеченіи и воспитаніи главнымъ образомъ дѣда. Съ 3 до 5 лѣтъ я у родителей бывалъ лишь рѣдкимъ гостемъ. Послѣ же, когда мнѣ пошелъ шестой годъ и когда дѣдъ уступилъ свое мѣсто отцу, я большую часть своего времени проводилъ у перваго. Онъ имѣлъ два дома, изъ которыхъ одинъ отдалъ отцу моему, а другой—большой двухъэтажный, прекрасно отдѣланный, занялъ самъ вмѣстѣ съ бабушкой и со мной. Дѣдъ сдѣлалъ это, какъ я послѣ узналъ, ради меня, чтобы я безъ стѣсненій и неудобствъ могъ въ ненастную погоду рѣзвиться въ громадныхъ залѣ и гостиной и чтобы веселый видъ комнатъ производилъ на меня и впечатлѣнія веселыя. Для своего времени дѣдъ былъ очень образованный, съ богатою богословскою эрудиціею, человѣкъ; онъ читалъ и свѣтскія книги, если случалось ихъ достать, а подобныхъ случаевъ, благодаря его широкому знакомству съ вятской чиновною аристократіею, было не мало. Вѣроятно, это знакомство хотя немного придавало дѣду храбрости въ его частыхъ стычкахъ съ духовнымъ началь-

[1]) Меледа—мѣшкотная работа, работа безъ конца. (Словарь Даля). *В. С.*

ствомъ. Отличительными и рѣзко выдающимися чертами его характера были: непреклонная, вполнѣ желѣзная воля, стойкость въ убѣжденіяхъ, гордость въ отношеніяхъ къ начальству и мягкое, задушевное отношеніе къ меньшимъ братьямъ, которымъ онъ много помогалъ. Дѣда можно было сломить, но не согнуть. Къ болѣе замѣтнымъ недостаткамъ его можно причислить любовь къ рюмочкѣ (но не до безобразія) и страшную вспыльчивость. Впрочемъ, надо полагать, что она никогда не доходила до самозабвенія; въ противномъ случаѣ духовное начальство не упустило бы случая унять дѣда. Стычекъ у него съ начальствомъ было не мало, но самою крупною была ссора съ архіереемъ, который во время проѣзда царя чрезъ Орловъ запретилъ сельскимъ попамъ являться на это время въ городъ. Дѣдъ разорвалъ предписаніе, пріѣхалъ во-время къ пріему въ Орловъ, ворвался, вопреки распоряженію протопопа, въ царскую квартиру на пріемъ духовенства, занялъ третье мѣсто сверху, благословилъ царя и чисто по-сельски далъ ему поцѣловать свою большущую лапу, за что получилъ отъ государя похвалу, тогда какъ стоявшіе выше его протопопы, отдернувшіе свои руки, удостоились царскаго выговора.

Вскорѣ дѣда вызвали въ Вятку къ архіерею, въ домѣ котораго, при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, и произошла знаменитая свалка, о которой долго говорила вся губернія и о подробностяхъ которой я еще въ пятидесятыхъ годахъ слыхалъ отъ старыхъ священниковъ. Началось дѣло легкой бранью съ той и другой стороны, далѣе дошло дѣло до «мошенника и с...на сына», и наконецъ, когда архіерей хотѣлъ поучить дѣда жезломъ, то послѣдній, ничтоже сумняся, при помощи стула обратилъ владыку въ постыдное бѣгство. И такъ какъ со стороны дѣда въ этомъ дѣлѣ не оказалось вины, за которую можно было бы его унять, то дѣло и заглохло. Впрочемъ, начальство не упускало случая показать свою безапелляціонную власть и карало дѣда административнымъ порядкомъ. Какъ-то нужно было назначить благочиннаго. Обойти дѣда, какъ старшаго по образованію и по заслугамъ и кромѣ того дружнаго съ свѣтскою аристократіею,—было неудобно, и архіерей, скрѣпя сердце, назначилъ его на эту почетную должность. Но не прошло и мѣсяца, какъ дѣдъ на какую-то глупую консисторскую бумагу далъ рѣзкій отвѣтъ, и его безъ суда и слѣдствія безцеремонно уволили отъ должности. 40 лѣтъ дѣдъ поповствовалъ, и за все это время не получилъ ни одной награды и этимъ онъ, видимо, гордился. Наканунѣ или въ день своей смерти (меня, во время его болѣзни, какъ любимца, взяли изъ училища) онъ слабымъ голосомъ еще говорилъ мнѣ: «40 лѣтъ

я служилъ и никакою наградою не заклеймилъ себя, потому—не ползалъ передъ начальствомъ и, въ случаѣ своей правоты, никогда не уступалъ ему». Вообще отличительною чертою его характера были: независимость, самостоятельность и правдивость. Въ религіозныхъ взглядахъ дѣдъ былъ, кажется, немного раціоналистъ, но раціоналистъ крайне осторожный, по крайней мѣрѣ при разговорахъ со мной—мальчикомъ. Помню, что онъ одинъ разъ проговорился при мнѣ, что чертей выдумали, чтобы пугать глупыхъ людей, но тотчасъ же спохватился, обративъ эти слова въ шутку, и долго убѣждалъ меня, что въ существованіи чертей сомнѣваться нельзя. Съ бабушкой дѣдъ обращался съ трогательною нѣжностью, а она въ свою очередь благоговѣла передъ нимъ.

Меня же: какъ эта бабушка, такъ и другая, а равно и старушка няня любили до безумія и чуть-чуть не боготворили. Сверстниковъ-мальчиковъ изъ духовенства у меня не было; были семинаристы, но гораздо старше меня. Между тѣмъ дѣдъ находилъ, что я не долженъ постоянно вращаться въ обществѣ взрослыхъ, и что для моихъ игръ и забавъ нужны товарищи. И съ какою трогательною заботливостью, какъ я узналъ послѣ, сдѣланъ былъ имъ для меня выборъ сверстниковъ. Оказалось, что онъ много толковалъ съ родителями мальчугановъ, а послѣднихъ часто угощалъ разными сластями, читалъ намъ всѣмъ книжки и все это дѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы предохранить меня отъ возможнаго дурного вліянія. Заботы ли дѣда, или то обстоятельство, что мальчики сами по себѣ были хороши, я у нихъ не научился ничему дурному. Изъ трехъ одинъ умеръ, а остальные двое и теперь еще мои хорошіе пріятели и прекрасные крестьяне. Мнѣ часто приходитъ на мысль, что эта дружба, начавшаяся на четвертомъ году моей жизни, съ первыхъ проблесковъ сознанія поселила во мнѣ любовь къ крестьянамъ вообще, а къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» въ особенности. По мѣрѣ моего развитія, мои взгляды становились все демократичнѣе, и въ юности я уже сдѣлался убѣжденнымъ демократомъ. Въ нашей компаніи я и по происхожденію, и по матеріальному довольству, и по умственнымъ и физическимъ силамъ долженъ бы, кажется, главенствовать, но мудрая предусмотрительность дѣда ловко устранила это безобразіе: до самаго поступленія въ училище я оставался совершенно равнымъ моимъ товарищамъ дѣтства.

И посейчасъ, частенько вспоминая свое милое, святое дѣтство, я все отчетливѣе и отчетливѣе сознаю, что только, благодаря разумному его переживанію, бурса хотя и сильно, и надолго искалѣчила меня, но по крайней мѣрѣ совсѣмъ-то не загубила, какъ это случилось со многими бурсаками, выдающимися изъ

общаго уровня. Она подавляла всякую самостоятельность въ ребенкѣ и, если не могла согнуть его на свой ладъ, то безцеремонно ломала.

Когда я выучился читать,—рѣшительно не помню; знаю только хорошо, что на шестомъ году я началъ уже читать въ церкви недлинныя очень молитвы и псалмы. Учился я чтенію и письму, по разсказамъ отца, играючи. Смутно припоминаю, что на дверяхъ и шкапахъ были наклеены крупныя печатныя буквы. Говорили, что я выучился необыкновенно быстро, хотя въ то время звуковой способъ и не былъ извѣстенъ. Страстишка къ чтенію пробудилась очень рано; читать, впрочемъ, приводилось большею частію книги духовныя. Слышалъ я отъ отца, что я недурно понималъ серьезное чтеніе въ раннемъ еще дѣтствѣ. И самъ я помню, что еще до поступленія въ училище я осилилъ пятитомное мистическое сочиненіе г-жи Гюйонъ и цитатами изъ нея изумлялъ постороннихъ и умилялъ сердца своихъ родныхъ. До 7 лѣтъ не было предпринято систематическое обученіе меня. Оно ограничивалось лишь чтеніемъ, разсказами отца, а главнымъ образомъ дѣда и играми на чистомъ воздухѣ, которымъ я могъ отдаваться безъ всякаго стѣсненія. Лишь въ ненастные и холодные дни я усаживался за прописи, изъ которыхъ рѣзко запечатлѣлись въ памяти три: 1) Хотя корень ученія горекъ, но плоды его сладки; 2) Говори всегда правду и никогда не лги и 3) Какъ дверь обращается на пятѣ, такъ лѣнивый на ложѣ своемъ. Да другихъ, кажется, я и не писалъ. Очень поучительны для меня были предпринимавшіяся всегда совмѣстно съ дѣдомъ экскурсіи въ лѣса и на луга отчасти съ образовательными, а частію съ практическими цѣлями (сборъ травъ, ягодъ и грибовъ). Дѣдъ былъ хорошій практикъ-педагогъ: онъ мастерски умѣлъ и сообщать знанія, и уничтожать разныя суевѣрія. Вліяніе няни не могло, конечно, не сказаться на мнѣ; прекрасно разсказывая сказки, она между разными суевѣріями поселила во мнѣ безотчетный какой-то страхъ къ темнотѣ и особенно къ мертвецамъ. Я вѣрилъ, напр., что души праведниковъ изъ могилъ выпускаютъ огоньки, грѣшные же покойники по ночамъ бѣгаютъ за живыми людьми и пр. Дѣду это не понравилось (хотя онъ самъ приказывалъ разсказывать мнѣ сказки и былины), и онъ рѣшилъ изгнать изъ меня этотъ страхъ. Часто очень мы ходили за грибами на кладбище, на которомъ была выстроена церковь, а кругомъ нея находились хорошо извѣстныя мнѣ могилы. Нашъ домъ отстоялъ отъ кладбища саженяхъ въ 80. Разъ въ августѣ, когда ночи бываютъ у насъ очень темны, дѣдъ незамѣтно для меня положилъ свой грибной ножъ на извѣстную мнѣ и ближе другихъ располо-

женную къ нашему дому могилу. Послѣ ужина, когда уже было совсѣмъ темно, дѣдъ по обыкновенію приноситъ разныхъ лакомствъ, но на этотъ разъ очень много и говоритъ мнѣ: «другъ мой Саввушка, я на такой-то могилѣ забылъ свой любимый ножъ; ты бы очень порадовалъ меня, еслибъ сейчасъ сходилъ за нимъ. А за эту услугу получай сразу эти лакомства, которыхъ въ другое время тебѣ хватило бы дней на 5; завтра опять получишь свою долю». У меня и душа въ пятки ушла; я обѣщаю не спать всю ночь и завтра на зарѣ сходить за ножомъ, ссылаюсь на темноту, на возможность упасть, увидать покойника. Надъ послѣдними словами дѣдъ расхохотался и началъ щекотать мое самолюбіе. Я думалъ, что ты мужчина, заговорилъ онъ, что въ тебѣ есть мужество, храбрость и т. д. въ этомъ родѣ. Побѣдилъ онъ меня. Перекрестившись много разъ и читая молитвы, отправился я на кладбище, шелъ до него небыстро, но когда схватилъ ножъ, то бѣжалъ назадъ на всѣхъ порахъ. Дней пять дѣдъ продѣлывалъ этотъ экспериментъ и добился того, что я уже, безъ всякихъ его предложеній, самъ находилъ большое удовольствіе гулять въ темные вечера по кладбищу. Много разъ въ моей жизни приводилось испытывать такія ощущенія, отъ которыхъ у большинства людей встали бы дыбомъ волосы, но къ которымъ я относился совершенно индиферентно. Страхъ навсегда изгнанъ изъ моей души. И теперь еще многіе удивляются, какъ я не боюсь одинъ жить въ домѣ, стоящемъ къ тому же за селомъ. Средство, употребленное дѣдомъ, героическое, но зато имъ приняты были и мѣры, чтобъ предотвратить могущія быть дурныя послѣдствія. На половинѣ пути между кладбищемъ и домомъ стоялъ овинъ и за его угломъ, какъ послѣ я узналъ, дѣдъ или самъ наблюдалъ за мною, или посылалъ работника.

Большинство дѣтей духовенства 7-ми лѣтъ уже поступали въ духовное училище и пребывали въ немъ вмѣстѣ съ семинаріей не менѣе 12 лѣтъ. Меня не рѣшились отдать такъ рано въ бурсу, а въ домашнемъ совѣтѣ положили продержать дома еще 2 года и отдать уже во 2-й классъ, или грамматику, тѣмъ болѣе, что, за исключеніемъ языковъ, я прекрасно былъ подготовленъ. Чуяло, вѣроятно, сердце моихъ милыхъ, незабвенныхъ родныхъ, что меня, семилѣтняго мальчика, бурса погубила бы окончательно и что въ два года, проведенные въ атмосферѣ ихъ любви, я много окрѣпну и сдѣлаюсь способнѣе переносить ужасныя мытарства бурсацкой жизни.

Послѣ принятія такого рѣшенія нужно было подумать о систематическомъ, классномъ обученіи меня,—и за это нелегкое дѣло взялся дѣдъ. (Онъ давно уже передалъ свое мѣсто моему

отцу и жилъ на покоѣ). Былъ приглашенъ одинъ семинаристъ, который подробно написалъ, чему въ какомъ классѣ учатъ и по какимъ учебникамъ. Все нужное было пріобрѣтено. Дѣдъ каждодневно удалялся въ свой кабинетъ часа на 3—4 и тамъ, какъ послѣ оказалось, штудировалъ учебники. Наконецъ 27 сентября (день моихъ рожденія и именинъ) принесли мы изъ церкви иконы, дѣдъ съ 3-мя священниками отслужилъ торжественно какой-то длинный молебенъ; всѣ присутствующіе молились, а мать и бабушка даже со слезами.

За обѣдомъ дѣдъ, видимо взволнованный, ласково сказалъ мнѣ: ну, внучекъ, не осрами мои сѣдые волосы. Потомъ, обращаясь къ присутствующимъ, продолжалъ: страшную обузу взялъ я на себя—приготовить во 2-й классъ вотъ этого шалуна; мнѣ вѣдь подъ 70 лѣтъ, а я каждый день, какъ школьникъ, учу латинскія и греческія грамматики. Я зналъ, что дѣдъ горячо меня любилъ, но только въ этотъ разъ я понялъ всю глубину самоотверженной любви и громко прокричалъ: не осрамлю, дѣдушка! Сцена эта такъ врѣзалась въ мою память, что мнѣ кажется, какъ будто она происходила вчера.

На другой день началось систематическое ученье мое. Занятія съ дѣдомъ продолжались часа 3, да часъ или $1\frac{1}{2}$ назначалось на приготовленіе уроковъ. Ученіе давалось мнѣ необыкновенно легко. Память у меня была очень хорошая; въ дѣтствѣ же и въ молодыхъ годахъ она была просто феноменальна. Мои товарищи по первымъ курсамъ университета поражались моимъ удачнымъ экзаменамъ. Когда товарищи изнывали надъ лекціями, я обрѣтался, ради снисканія куска хлѣба, гдѣ-либо вдали отъ Москвы и пріѣзжалъ въ нее дней за 5 до начала экзаменовъ. Здѣсь я пристраивался къ какому-либо кружку студентовъ, слушалъ чтеніе ими лекцій и выдерживалъ не хуже ихъ экзамены, хотя въ теченіе учебнаго года и въ университетъ не заглядывалъ. Мудрено ли, что при такой памяти, дѣдъ былъ въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ. Онъ всѣ нужные для экзамена учебники разбилъ на отдѣльные уроки, которые съ первыхъ же дней нашихъ занятій показались мнѣ черезчуръ миніатюрными: скоро вмѣсто одного я сталъ приготовлять по 5—6 уроковъ каждодневно. Курсъ, разсчитанный почти на 2 года, пройденъ былъ безъ малаго въ 3 мѣсяца. Тутъ подоспѣли рождественскія каникулы; пріѣхалъ и семинаристъ, сообщившій дѣду программу, или, вѣрнѣе, учебники, по которымъ я долженъ былъ готовиться во 2-й классъ,— и мнѣ устроили экзаменъ съ подобающею помпою. Поставили столъ, на которомъ разложены были всѣ учебники въ должной симметріи; на стѣнѣ повѣшена была какая-то допотопная карта,

изображающая земныя полушарія, вокругъ стола усѣлись всѣ мои родные; предсѣдательское мѣсто дѣдомъ скромно было предоставлено семинаристу, а предъ столомъ стоялъ я какъ будто подсудимый. Семинаристъ-богословъ, какъ изучившій разныя хріи, тропы и фигуры и познакомившійся слегка съ философіею по выпискамъ изъ Аристотеля, началъ самымъ высокопарнымъ слогомъ предлагать мнѣ вопросы, да еще отвлеченные, что меня сначала поставило втупикъ. Но дѣдъ попросилъ экзаминатора говорить не семинарскимъ, а обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ,—и дѣло пошло прекрасно. Пробовалъ было еще экзаминаторъ требовать отъ меня, чтобы я отвѣчалъ изъ слова въ слово не изъ одного катехизиса, а изъ всѣхъ учебниковъ, такъ какъ оние составлены людьми умными, но и тутъ встрѣтилъ отпоръ. Послѣ этихъ замѣчаній, которыя, вѣроятно и сдѣланы-то были, чтобы выставить напоказъ свою ученость и чтобъ показать, что данные ему 2 пятиалтынныхъ, помнится, взяты не даромъ, экзаменъ прошелъ блистательно. Дѣдъ и отецъ сіяли, мать и бабушка плакали отъ умиленія, маленькая сестренка заснула, а самъ предсѣдатель отъ восхищенія поминутно вскакивалъ со стула, такъ что дѣдъ спросилъ даже его, не попала ли какъ-нибудь въ . . . . щепотка перцу или табаку. Въ концѣ-концовъ экзаминаторъ сказалъ нѣчто въ родѣ похвальнаго слова высокимъ, конечно, слогомъ всѣмъ присутствующимъ, даже и спавшей сестренкѣ, но особую честь воздалъ онъ дѣду и мнѣ. Тогда же и рѣшено было, что я съ своими познаніями, если еще позанимаюсь съ мѣсяцъ, могу быть принятъ не только во 2-й, но даже и въ 3-й классъ.

Ученье мое съ этого времени стало продолжаться опять, такъ сказать, играючи. Дѣда сопровождалъ я всюду, и онъ былъ большой мастеръ говорить и, что для меня было особенно важно, въ своихъ разсказахъ умѣлъ приноравливаться къ уровню развитія своихъ слушателей. Онъ любилъ природу и кое-что понималъ въ естественныхъ наукахъ; поэтому его разсказы во время нашихъ лѣтнихъ и осеннихъ экскурсій по полямъ и лѣсамъ были для меня очаровательны. Бѣгалъ я по полямъ и одинъ, и съ своими пріятелями, приглядывался къ крестьянскимъ работамъ, а посильныя и самъ, съ грѣхомъ пополамъ, исполнялъ. Каждую службу ходилъ я въ церковь, пѣлъ и читалъ по-дьячковски, что я началъ, впрочемъ, дѣлать еще шести лѣтъ. Съ этой-то поры я и нажилъ привычку вставать въ 4—5 часовъ, такъ какъ утреня начиналась въ это время. Съ увлеченіемъ отдавался я борьбѣ и особенно играмъ на вольномъ воздухѣ; въ играхъ, впрочемъ, я не позволялъ себѣ озорства.

Что же представлялъ я собою передъ поступленіемъ въ бурсу, когда мнѣ было почти 9 лѣтъ? Физически я былъ замѣчательно крѣпокъ, ловокъ, мастеръ бороться. Духовными дарами природа надѣлила меня также не скупо; а рѣдкостное, хотя и своеобразное для того времени, воспитаніе значительно развило ихъ. Я былъ правдивъ, великодушенъ, проникнутъ насквозь любовью къ людямъ, жалостливъ, остороженъ въ своихъ поступкахъ и умственно развитъ не по лѣтамъ. Съ такимъ-то багажемъ 1 сентября 1850 года я поступилъ въ бурсу. Но еще наканунѣ, да и утромъ этого дня я, послѣ блестяще сданнаго экзамена, ходилъ съ отцомъ къ смотрителю и одному учителю, а зачѣмъ—не знаю. Помню только, что тому и другому отецъ далъ по кредиткѣ и просилъ ихъ обратить на меня вниманіе. Кажется неизмѣримо лучше бы было для меня, если бъ дорогой отецъ предоставилъ меня на произволъ судьбы. Въ сумерки 1-го сентября отецъ и мать привезли меня въ бурсу вмѣстѣ съ кое-какимъ скарбомъ: войлокомъ, подушкою, одѣяломъ, двумя халатами и прочимъ незатѣйливымъ туалетомъ, такъ какъ я былъ сынъ священника и долженъ былъ постель, одежду и книги имѣть свои. Кромѣ того за содержаніе и ученье отецъ внесъ еще 27 рублей въ годъ (кстати упомяну, что дьяконъ вносилъ за сына только 18 рублей, а дьячокъ всего 9 рублей въ годъ). Послѣ обильныхъ слезъ, поцѣлуевъ и объятій я распростился и какъ-то сразу почувствовалъ, пока еще инстинктивно, что все хорошее, свѣтлое, доброе осталось тамъ—на Великой-рѣкѣ, а меня ждетъ одно горе.

Предчувствіе мое сбылось въ тотъ же вечеръ. Не прошло и часу со времени разставанья моего съ родителями, какъ я, въ качествѣ новичка, по требованіямъ бурсацкаго кодекса, долженъ былъ испытать такъ называемую вселенскую смазь. Нѣсколько великовозрастныхъ бурсаковъ накинули на меня какую-то грязную хламиду и пошла работа и ладонями, и кулаками. Не подготовившись къ нападенію и не имѣя понятія о грубыхъ бурсацкихъ порядкахъ, я былъ пойманъ врасплохъ и порядочно поколоченъ уже, пока, наконецъ, и самъ пустилъ въ ходъ свою ловкость и силу. И какъ только я одного верзилу-парня лѣтъ 16—17 удачно сбилъ съ ногъ, смазь прекратилась, и я сразу же завоевалъ уваженіе товарищей. Оказалось, что полетѣвшій отъ моего кулака великовозрастный парнюга считался въ классѣ первымъ силачомъ. Въ тотъ же еще вечеръ онъ предложилъ мнѣ дружить съ нимъ, но, по обычной своей нерѣшительности, предложенія я не принялъ, хотя и не отказалъ ему совсѣмъ.—Однако описывать всѣ детали бурсацкой моей жизни я не буду 'и, конечно, все перезабылъ. Прочтите «*Очерки бурсы*» *Помяловскаго*

еще разъ, скажете мнѣ: «спасибо»; книга сама по себѣ крайне поучительна. Только во время чтенія не забывайте, что Помяловскій описываетъ петербургскую бурсу, я же жилъ въ бурсѣ вятской, отъ которой до Бога высоко, а до царя далеко. Начальники и учителя питерской бурсы имѣли основаніе побаиваться нечаяннаго пріѣзда какой-либо высокопоставленной особы и потому немного хотя сдерживались, да и учителя тамъ несомнѣнно были подѣльнѣе. У насъ же они совсѣмъ, во всю русскую ширь, разнуздали свои звѣрскіе инстинкты и свирѣпствовали, сколько ихъ душенька хотѣла. Значитъ, если пожелаете составить понятіе, какія мытарства я вынесъ, то безобразія, изображенныя Помяловскимъ, возвысьте въ квадратъ,—и картина выйдетъ вѣрная. Въ качественномъ же отношеніи бурсы разныхъ губерній мало отличались другъ отъ друга. Здѣсь я скажу лишь о тѣхъ сторонахъ нашей жизни, которыя не затронуты Помяловскимъ.

Семинарія и духовное училище составляли два особыя учебныя заведенія, имѣли особыя управленія и особый учительскій персоналъ. Въ семинаріи преподаватели были изъ академиковъ, а въ училищѣ изъ кончившихъ семинарію; поэтому, вѣроятно, въ первой обращеніе съ учениками было далеко мягче. Да и самые порядки въ этихъ заведеніяхъ были неодинаковы. Въ училищѣ утренній классъ продолжался съ 8 ч. до 12, а послѣобѣденный съ часу до 3—4. Утромъ безъ перерыва 4 часа сидѣлъ одинъ учитель; онъ иногда дремалъ въ классѣ, особенно послѣ обѣда. Зимой ученіе начиналось и кончалось впотьмахъ. Въ семинаріи же классъ не продолжался болѣе 2 ч., да и учителя мѣнялись чрезъ 1—2 часа. Продолжительность всего учебнаго курса равнялась 12 годамъ (6 въ училищѣ и столько же въ семинаріи). Въ каждомъ классѣ нужно было сидѣть 2 года. Первый классъ называли инфима; 2-й—грамматика; 3-й—синтаксисъ; въ семинаріи же 1-й классъ назывался реторикою; 2-й философіею и 3-й, послѣдній,—богословіемъ. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ разсказу о своей училищной жизни, или, точнѣе, тѣхъ ея моментовъ, которые оставили въ моей душѣ глубокіе слѣды, отчасти заглушивъ, отчасти же вырвавъ съ корнемъ тѣ добрые ростки, которые были выхолены домашнимъ воспитаніемъ.

На другой день по поступленіи въ училище явился учительскій персоналъ и на скорую руку произвелъ опять нѣчто въ родѣ экзамена для того, вѣроятно, чтобы опредѣлить, какое мѣсто мы, новички (насъ поступившихъ прямо во 2-й классъ было только двое) должны занимать въ классѣ. Мѣста у насъ занимали по успѣхамъ, а эти послѣдніе опредѣлялись чортъ знаетъ какъ. Я получилъ второе мѣсто, первое же не могъ занять ни подъ какимъ

видомъ, ибо оно съ перваго еще класса отдано было сыну смотрителя. По уходѣ ареопага учитель назначилъ меня авдиторомъ. Обязанность этого чина состояла въ томъ, чтобъ онъ каждое утро прослушивалъ уроки пяти своихъ товарищей и выставлялъ имъ отмѣтки въ нотатѣ, которою называлась тетрадь, заготовленная на цѣлый мѣсяцъ, испещренная клѣтками для отмѣтокъ и вмѣщающая въ себѣ списокъ всѣхъ учениковъ. Отмѣтки были таковы: sc—т.-е. sciens; er—errans; nt—non totum и ns—nesciens. Нотата хранилась у перваго ученика, называвшагося цензоромъ, въ нее до 8 ч. обязательно всѣ авдиторы должны были внести отмѣтки. Въ 8 ч. являлся учитель; ему цензоръ подавалъ нотату, и всѣ, получившіе nt и ns, отправлялись къ порогу, гдѣ ихъ съ особымъ удовольствіемъ ожидали палачи—тоже товарищи, но только сидѣвшіе въ Камчаткѣ и рѣшившіе не заглядывать ни въ какой учебникъ. Были, впрочемъ, любители посѣчь товарищей и изъ хорошихъ учениковъ. Такіе ужъ жестокіе тогда были нравы.

Розги или лозы заготовлялись патентованными палачами въ училищномъ саду изъ березовыхъ прутьевъ и кромѣ того еще каждую осень, въ виду большого на нихъ расхода, покупалось ихъ нѣсколько возовъ. Лозы представляли изъ себя пучки связанныхъ прутьевъ, пальца въ 2—3 толщины и 4—5 четв. длины. Ихъ палачи-артисты передъ классовъ смачивали водою и распаривали въ печкахъ, чтобы сѣченіе было чувствительнѣе. Опытные палачи, если особенно приводилось имъ сѣчь враговъ, или просто нелюбимыхъ товарищей, съ 1—2-хъ ударовъ доставали кровь. Сѣченіе производилось или однимъ или двумя палачами; въ самомъ процессѣ еще участвовали такъ называемые держатели рукъ, ногъ, головы. Когда, по соображеніямъ начальства, нужно было сѣчь до полусмерти, тогда призывались 2 служителя—мужики съ тяжелыми, обыкновенно, руками; но это было уже не сѣченіе, а истязаніе въ высшей степени. И вотъ на 3-й день моей бурсацкой жизни мнѣ пришлось видѣть съ ужасомъ и какимъ-то оцѣпенѣніемъ, какъ по приказу учителя человѣкъ 15—20 были высѣчены большею частію до крови, иные изъ нихъ получили не менѣе 40 лозъ. Въ классѣ стоялъ какой-то адскій гомонъ: одинъ стонетъ, другой всхлипываетъ, третій кричитъ благимъ матомъ; четвертый пронзительно визжитъ; къ этимъ тяжелымъ звукамъ присоединяется еще свистъ лозъ. И вся эта вакханалія продолжается $1^1/_2$—2 часа. Но на этомъ для меня пытка не кончилась. Объясненія уроковъ нашими учителями не практиковались. 4 часа, назначенные для класса, распредѣлялись такъ: 1—2 часа удѣлялись на порку, согласно отмѣткамъ нотаты; вторая половина посвящалась спраши-

ванію тѣхъ, у кого стояли: sc и er. и только минутъ за 5 до 12 час. учитель въ учебникѣ ногтемъ проводилъ двѣ черты, приговаривая: «отъ сихъ и до сихъ» .Когда кончилась порка, учитель вызвалъ на средину класса меня и спросилъ урокъ, который я отвѣтилъ безошибочно,—изъ слова въ слово, какъ у насъ выражались. Я получилъ похвалу и началъ понемногу приходить въ нормальное состояніе послѣ того потрясенія, которое произвела на меня порка товарищей. Но на бѣду мою вскорѣ былъ вызванъ одинъ изъ моихъ подъавдиторныхъ, которому я поставилъ въ нотатѣ sc. Правда онъ ошибался въ урокѣ, но ужъ чуть не со слезами упрашивалъ меня поставить ему sc, обѣщая подзубрить его. Я умилосердился и повѣрилъ обѣщанію. Вызванный ученикъ началъ путаться, а когда учитель закричалъ на него и сталъ изливать цѣлый потокъ бранныхъ словъ, онъ и совсѣмъ опѣшилъ.

Сдѣлаю здѣсь маленькое отступленіе. 99% учили уроки, не понимая ихъ смысла. Возьму для примѣра фразу: единъ Богъ во Святой Троицѣ. Зубреніе происходитъ такъ: заткнувъ пальцами уши, ученикъ начинаетъ вслухъ бормотать: единъ, единъ, единъ, Богъ, Богъ, Богъ, Богъ, единъ Богъ, единъ Богъ и такъ далѣе до нѣсколькихъ десятковъ разъ. Зубреніе это главнымъ образомъ происходило во время мѣстъ. Такъ называлось время отъ 5 до 8 ч. вечера, назначенное для приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню. Малоспособные вставали еще нарочно рано утромъ и продолжали безсмысленное зубреніе до самаго отчета въ урокѣ авдитору. При такой системѣ сплошь и рядомъ случалось, что ученикъ отвѣтитъ авдитору прекрасно, а предъ учителемъ, если послѣдній особенно грозно посмотритъ или крикнетъ на него, стоитъ столбъ столбомъ. Причину этого учитель не будетъ, конечно, искать въ своей безтолковости и вообще въ отсутствіи даже и слѣдовъ разумности въ системѣ преподаванія; онъ накидывается съ кулаками на авдитора,—и благо еще послѣднему, если дѣло для него кончится 2—3-мя затрещинами. Несравненно чаще авдитору приводится расплачиваться подороже. Такъ на этотъ разъ было и со мною.

Учитель съ пѣною у рта накинулся на меня, осыпалъ бранью и, схвативъ за волосы, потащилъ къ порогу, гдѣ производилась экзекуція (кстати скажу: къ этому учителю отецъ не водилъ меня и, значитъ, кредитки ему не всучилъ). «Ну-те-ка, поучите, вы, держатели, новичка, какъ надо раздѣваться». Быстро стащили съ меня брюки, положили ихъ подъ головы и крѣпко притиснули меня къ полу. Должность палача возложена была на этотъ разъ на ученика, изъ-за котораго я долженъ былъ страдать. Онъ былъ не новичокъ и, вѣроятно, практиковался уже

въ поркѣ товарищей. По крайней мѣрѣ, первый ударъ розгою вызвалъ такую (вѣроятно, съ непривычки) жестокую боль, что я вскочилъ на ноги, какъ ужаленный. Число держателей увеличили и началась средней силы порка (дали мнѣ не болѣе 30 розогъ). По окончаніи порки я получаю приказъ разрисовать марѳутку у моего палача. Этотъ безподобный въ своемъ родѣ обычай взаимной порки едва ли существовалъ гдѣ-либо кромѣ вятской бурсы. У насъ были два учителя, которые во время этого взаимнаго обученія требовали еще, чтобъ палачъ преподавалъ наказуемому правила педагогической морали. Такъ палачъ-авдиторъ при каждомъ ударѣ долженъ былъ говорить: учись хорошенько и меня подъ розги не подводи; когда же роли мѣнялись и на полу лежалъ авдиторъ, то его палачъ покрикивалъ: не фальши! Не правда ли, разумная педагогика! Роль истязуемаго, благодаря грубому насилію, я поневолѣ выполнилъ, но когда выпала на мою долю почетная профессія палача, я не выдержалъ, со мною случился обморокъ. Товарищи говорили послѣ, что передъ паденіемъ на полъ я какимъ-то ужасно-дикимъ голосомъ прохрипѣлъ: убить меня вы можете, но я бить никого не буду. Должно быть этотъ казусъ на этого учителя, а черезъ него и на другихъ нашихъ педагоговъ произвелъ впечатлѣніе: меня мои подъавдиторные много разъ драли, но я никогда не получалъ приказанія быть заплечныхъ дѣлъ мастеромъ. Итакъ, 3-го сентября 1850 г. совершилось кровавое бурсацкое крещеніе! Памятно же это число было для меня! Кажется на другой же день, или черезъ день, я получилъ порку отъ другого учителя и опять по такому же поводу. Только эта порка была потяжелѣе, такъ какъ мой подъавдиторный палачъ былъ изъ великовозрастныхъ верзилъ, да и учитель, который ее назначилъ, желалъ, вѣроятно, поскорѣе и порадикальнѣе расплатиться съ отцомъ за полученную кредитку.

Затѣмъ порки стали повторяться чуть не ежедневно. Не легки были физическія страданія, но они были для меня просто пустячками, сравнительно съ моими нравственными страданіями. Иногда я цѣлыя ночи проводилъ въ слезахъ. Учителей, самое училище, да и большинство товарищей я возненавидѣлъ отъ всей души. Учителя это, вѣроятно, замѣтили и стали драть меня напропалую, такъ что струпья на ягодицахъ составляли обыденное явленіе. Болѣе всего меня возмущало то, что я никакъ своимъ дѣтскимъ умишкомъ не могъ постичь, за что меня безжалостно бранятъ, бьютъ и сѣкутъ. Учиться я продолжалъ пока еще хорошо; въ шалостяхъ, по крайней мѣрѣ крупныхъ, участія не принималъ. Повидимому, вся вина моя заключалась въ томъ, что я дома былъ хорошо подготовленъ и, отвѣчая урокъ, вставлялъ въ него кое-

что слышанное отъ дѣда и чего въ учебникѣ не было и потомъ еще я отвѣчалъ не изъ слова въ слово. Обыкновенно тотчасъ послѣ отвѣта учитель зарычитъ: а, ты опять умничать, дастъ затрещину и пошлетъ къ порогу. Много томился и страдалъ я еще отъ бездѣлья.

Кромѣ учебниковъ, которые въ духовныхъ заведеніяхъ были изъ рукъ вонъ плохи, никакихъ книгъ для чтенія не полагалось. Какъ я сказалъ 3 часа вечеромъ назначались на приготовленіе уроковъ, которые я, при счастливой памяти и при нажитомъ дома умѣньи готовить ихъ безъ зубрежки, а съ толкомъ, прекрасно выучивалъ въ $^1/_2$ часа. Что же было дѣлать остальные $2^1/_2$ часа? И я давалъ волю своему воображенію, которое, не сдерживаясь разсудкомъ, витало во всевозможныхъ сферахъ. Работалъ кое-какъ и мой маленькій умишко, который все чаще и чаще сталъ останавливаться на мысли, что учиться по крайней мѣрѣ въ бурсѣ не стоитъ, что будь хотя семи пядей во лбу, а учитель все-таки высѣчетъ, если только захочетъ.—Къ моему великому горю никто изъ моихъ товарищей не возбуждалъ моей симпатіи. Всѣ они, за исключеніемъ лишь одного вмѣстѣ со мною поступившаго прямо во 2-й классъ мальчика, тупого и вялаго, пробыли въ бурсѣ уже два года и успѣли вдоволь проникнуться всѣми ея мерзопакостями. Болѣе же всего отталкивалъ меня отъ нихъ безобразнѣйшій цинизмъ: я не могъ безъ отвращенія слышать постоянную, служившую какъ бы украшеніемъ ихъ рѣчи, матерщину; чуть не ежедневно слыхалъ, какъ одинъ мальчикъ уговаривалъ другого смазливенькаго за кусокъ булки удовлетворить противоестественную его похоть мужеложства; нерѣдко этотъ ужасающій порокъ видалъ я и на дѣлѣ, во время часто проводимыхъ мною въ мечтаніяхъ безсонныхъ ночей. Едва не половина учениковъ занималась педерастіей даже во время классовъ. Мало этого. Разсказывали, и, кажется не безъ основанія, что въ мое время были два учителя, которые красивыхъ учениковъ приглашали къ себѣ для мужеложства. Мое цѣломудренное чувство отказывалось вѣрить этому невѣроятному слуху. Но были факты, которые и невѣроятное дѣлали почти вѣрнымъ. Напр., одинъ учитель, когда нужно бывало посѣчь его любимца, самъ бралъ изъ рукъ палача лозу и ею только слегка поглаживалъ его мароутку, плотоядно взглядывалъ на нее, и приговаривалъ: для нѣжнаго мальчика и этого довольно. Вотъ для окаяннаго, т.-е. меня, и двухъ лозъ мало. Кстати скажу здѣсь о прозвищахъ, которыя были даны мнѣ. Товарищи называли меня *башкой* за блестящіе отвѣты на повѣрочномъ пріемномъ экзаменѣ.

Какъ я въ началѣ своей бурсацкой жизни не долюбливалъ

товарищей и сторонился отъ нихъ, такъ и они платили мнѣ тою же монетою, хотя наружно и относились ко мнѣ, какъ къ недурно развитому физически и нравственно, съ нѣкоторымъ уваженіемъ. А одинъ случай заставилъ ихъ и полюбить меня искренно по крайней мѣрѣ большинство ихъ. Прошло, сколько помню, уже около двухъ мѣсяцевъ моей бурсацкой каторги. Несмотря на антипатію къ ученью, учителямъ и разнымъ нелѣпымъ порядкамъ, несмотря на зародившуюся мысль, что учиться не стоитъ, я все-таки еще оставался нравственнымъ мальчикомъ и хорошимъ ученикомъ. Къ этому болѣе всего обязывало меня письмо дѣда, въ которомъ онъ просилъ меня не переставать доставлять ему удовольствіе тѣмъ болѣе, что смерть его близка, что у него началась водянка. Я не могъ не исполнить желанія дѣда. Разъ учитель-попъ, по случаю обѣдни, запоздалъ въ классъ часа на два. Отъ бездѣлья у насъ началось чистое столпотвореніе вавилонское: едва не каждый дурилъ, сообразно своимъ наклонностямъ и умѣнью. Невообразимый шумъ нашего класса заставилъ одновременно прекратить на время уроки одного учителя и инспектора, жестокаго человѣка, которые оба и явились въ нашъ классъ съ пѣною у рта и крикнули: розогъ! Взбѣсилъ ихъ не столько шумъ, сколько крупная брань по адресу инспектора, которую онъ, вѣроятно, слышалъ. Перваго ученика не было въ классѣ, и цензорскія обязанности лежали на мнѣ. Поэтому на меня, главнымъ образомъ, и обрушился гнѣвъ начальства. На обыкновенный въ такихъ случаяхъ вопросъ: кто шумѣлъ и кричалъ,—я далъ обычный отвѣтъ: всѣ. Вслѣдъ за симъ благословляющая именемъ Бога мира и любви рука о. инспектора вцѣпилась въ мое ухо и безжалостно потащила на бурсацкое лобное мѣсто. Дали мнѣ розогъ 15—20, и я вынесъ ихъ, не издавъ ни единаго звука и гордо сознавая, что я страдаю за «всѣхъ». Но оказалось, что это были еще только листочки, ягодки же предстояли впереди. Едва я добрался до своего цензорскаго мѣста, какъ разсвирѣпѣвшій инспекторъ предлагаетъ новый вопросъ: а кто передъ самымъ моимъ приходомъ ругался по-матерно. Сказать: всѣ, или не знаю—я не могъ, потому что любовь къ правдѣ не успѣли еще выбить изъ меня. Я и отвѣтилъ: мои тятенька и дѣдушка говорили, что быть фискаломъ и доносчикомъ на товарищей нехорошо и гнусно; я не скажу, кто ругался.—«Такъ ты не скажешь», прорычалъ озвѣрѣвшій батька.—«Не скажу».—«Посмотримъ! Двухъ служителей»! прошипѣлъ онъ, и его рука начала снова разгуливать по моей головѣ и спинѣ до той поры, пока я не дошелъ до мѣста порки. Явились служители, и началось настоящее истязаніе. Озвѣрѣлъ должно быть и я, такъ какъ, несмотря на жестокую боль, я выдержалъ

пытку молча, хотя подъ конецъ ея и находился въ полусознательномъ состояніи. Послѣ порки я уже не въ состояніи былъ сдѣлать своего туалета, который тогда былъ очень незамысловатъ. Я забылъ сказать, что когда меня стали часто очень сѣчь, я подобно большинству бурсаковъ сталъ ходить въ классы въ синемъ пестрядинномъ халатѣ, сюртукъ же надѣвалъ только по праздникамъ. Туалетъ мой состоялъ, значитъ лишь въ томъ, чтобы развязать или завязать гасникъ у портковъ, а остальное было дѣломъ держателей: одни поднимали халатъ на голову, другіе тащили портки внизъ. Ну, конечно, увели меня въ больницу, въ которой я очнулся уже въ сумерки, окруженный толпою товарищей. Начальство не запрещало имъ навѣщать меня въ теченіе всего вечера, вѣроятно, вспомнивъ, какъ послѣ такой же жестокой порки лѣтъ 10 назадъ одинъ ученикъ повѣсился въ больничномъ нужникѣ. И какъ пріятно провелъ я въ больницѣ этотъ вѣчно памятный вечеръ! Сколько искренняго участія, сколько сердечной доброты проявили ко мнѣ заскорузлые, повидимому, очерствѣлые циники-бурсаки. Добрая ихъ половина приходила ко мнѣ въ больницу съ словами ободренія и утѣшенія, а иные и съ кусочкомъ булки. Было у меня тогда даже нѣсколько учениковъ старшихъ классовъ. Я сталъ героемъ дня, выросъ въ глазахъ товарищей и сталъ авторитетнымъ лицомъ. Дня черезъ 4—5 фельдшеръ выписалъ меня изъ больницы, хотя струпья долго еще не заживали. Въ классѣ, по распоряженію инспектора и учителя, я занялъ послѣднее мѣсто и такимъ образомъ былъ причисленъ къ гражданамъ камчатки. За что же такая вопіющая несправедливость? Вѣроятно, начальство нашло, что поведеніе мое очень дурно, хотя ничего дурного я не сдѣлалъ.

Какъ-то вскорѣ послѣ этого бывшій сосѣдъ мой, первый ученикъ и сынъ смотрителя, ласково заводитъ со мною рѣчь о томъ, чтобъ я попросилъ прощенія у инспектора и выдалъ бы товарищей, ругавшихъ его. Сообщилъ онъ также, что его папенька (онъ какъ горожанинъ не называлъ уже отца тятенькой) скоро пріѣдетъ въ нашъ классъ и накажетъ меня легохонько. Парламентера этого я уже чисто по-бурсацки послалъ ко всѣмъ чертямъ, да еще не одного, а вмѣстѣ съ отцомъ. Коля—такъ звали смотрительскаго сына, просто опѣшилъ отъ подобнаго пріема и только спросилъ: да что съ тобой сдѣлалось?—Уйди, Коля, сказалъ я, я золъ на весь міръ; я теперь уже не тотъ, какимъ былъ прежде.— Не обошелся бы я съ нимъ такъ грубо, еслибъ онъ не былъ сынъ начальства, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ меня и напрашивался на мою дружбу. Впрочемъ, скоро недоразумѣнія между нами исчезли. И, дѣйствительно, слова, сказанныя Колѣ, не были пустой

фразой,—со мною произошелъ рѣзкій, крутой переломъ: товарищи стали для меня въ тысячу разъ дороже, зато къ начальству я сталъ относиться не только съ ненавистью, но и съ какой-то гадливостію. Сдѣлать ему какую-либо пакость было для меня величайшимъ наслажденіемъ, и я не скупился на изобрѣтеніе этихъ пакостей, которыя къ тому же приводилось большею частію устраивать такъ ловко, что выходилъ сухимъ изъ воды.

Приблизительно дней черезъ 10—12 явился и смотритель съ инспекторомъ и учителями. Начались опять допросы: кто ругалъ о. инспектора? Допросы, сопровождаемые то обѣщаніемъ полнаго прощенія, то угрозами жестокой порки и исключенія изъ училища. Я храбро выдержалъ свой характеръ, не выдавъ никого изъ товарищей, молча выдержалъ порку, остался въ камчаткѣ и всѣми силами своего сердца возненавидѣлъ начальство, насколько, конечно, дозволяли это мой ребячій возрастъ и моя мягкая, добрая натура. Тяжко же, вѣроятно, мнѣ было, если моя злоба противъ начальства, поддерживаемая, впрочемъ, его жестокостями и несправедливостями, за все время моей училищной жизни кипѣла, такъ сказать, ключомъ. Хотя и стыдно, но надо признаться, что я цѣлые дни иногда занимался придумываніемъ какой-либо пакости тому или другому изъ нашихъ начальниковъ-тирановъ. И пакости выходили нерѣдко грандіозныя и замѣчательныя еще въ томъ отношеніи, что я большею частію выходилъ сухимъ изъ воды. Поищутъ бывало виновника пакости, да и отступятся. Я находился почти постоянно въ сильномъ подозрѣніи, но бурса, а болѣе всего вопіющія несправедливости начальства такъ вышколили меня, что я на допросахъ былъ всегда невиннымъ агнцемъ. А допросы бывали и съ пристрастіемъ, но чаще они характеризовались іезуитскими пріемами. Нѣкоторыя пакости, впрочемъ, случайно и открывались, но объ этомъ послѣ поговорю. Чтобъ не забыть, теперь же добавлю, что по переходѣ въ семинарію все зло, причиненное мнѣ училищнымъ начальствомъ, я искренно простилъ послѣ того, какъ узналъ отъ отца, что во время его ученья жилось еще гораздо хуже, начальство было тогда еще свирѣпѣе. Умишко мой, привыкшій къ усиленной работѣ, несмотря на мои 12—13 лѣтъ, скоро сообразилъ, что начальники портили насъ такъ же, какъ въ свое время и ихъ портили, и что они, извращая нашу природу, не вѣдали, что творили.

Сколько помнится, вскорѣ послѣ описанной порки меня увезли домой; объ отпускѣ мой незабвенный дѣдъ просилъ самого архіерея, съ которымъ жилъ тогда въ ладахъ. А просьбу свою онъ мотивировалъ приближеніемъ скорой смерти. Пріѣхалъ я домой дня за четыре до смерти дѣда, который безконечно обрадовался

мнѣ и несмотря на свои ужасныя страданія, при мнѣ постоянно бодрился и былъ даже веселъ. Незадолго же до наступленія агоніи незабвенный мой дѣдъ, сильно задыхаясь, долго наставлялъ меня на путь истинный, кротко выслушалъ мои жалобы на бурсацкіе порядки и безтолковое ученье, утѣшалъ меня необходимостью запастись долготерпѣніемъ, и наконецъ, уже угасавшимъ голосомъ сказалъ: бери съ меня примѣръ); я 40 лѣтъ былъ попомъ и не заклеймилъ свою грудь никакою наградою начальства, потому что не гнулъ передъ нимъ шеи; не будь же гибокъ и ты. Ручаюсь, что вѣрно я передалъ суть послѣдняго наставленія дѣда, хотя, быть можетъ, и не въ тѣхъ точно выраженіяхъ. Смерть дѣда была для меня страшнымъ ударомъ; на меня нашелъ какой-то столбнякъ. Съ момента смерти дѣда и до опусканія его въ могилу, т.-е. въ теченіе трехъ сутокъ, я какъ-будто не жилъ, или, точнѣе говоря, былъ какимъ-то автоматомъ. Я, кажется, не сознавалъ, что дѣлалось въ этотъ періодъ времени; память мою отшибло до такой степени, что ничего не помнилъ изъ того, что происходило въ эти три дня.

Послѣ похоронъ дѣда я нѣсколько недѣль болѣлъ, но чѣмъ,—не знаю. Вѣроятно было какое-либо нервное страданіе, такъ какъ мою болѣзнь окрестили лунатизмомъ. Когда я ужъ сталъ поправляться, мать разсказывала, что послѣ смерти дѣда я перестал ѣсть и спать, ничего не говорилъ, да врядъ ли и понималъ что-либо. Нѣсколько разъ по ночамъ я соскакивалъ съ постели и выбѣгалъ изъ дому, а разъ или дав—не помню уже—меня нашли около могилы дѣда. До самой же могилы я добраться не могъ, ибо она находилась подъ церковью. Какъ только я не замерзъ,—одинъ Аллахъ вѣдаетъ: вѣдь дѣло было въ мартѣ. Какой-то инстинктъ побуждалъ меня предъ отправкою въ ночныя похожденія одѣваться, а не бѣгать въ одномъ ночномъ бѣльѣ. Впрочемъ, и одѣяніе-то мое было очень неважное: халатъ, валенки, да отцовская шапка, такъ какъ моя шапчонка, а равно и шубенка были спрятаны. Былъ устроенъ даже и караулъ, но, надо полагать, неособенно бдительный, такъ какъ и при немъ я иногда побѣгивалъ. Но онъ полезенъ для меня былъ въ томъ отношеніи, что кто-либо изъ караульщиковъ, очнувшись, тотчасъ же ловилъ меня или на дорогѣ къ кладбищу ($^1/_2$ версты отъ дома), или еще на дворѣ. По поводу моей необычной болѣзни былъ созванъ даже какой-то совѣтъ, на которомъ одинъ родственникъ-іерей, не стыдясь, обвинялъ меня въ притворствѣ, основываясь на томъ, что я бѣгалъ не въ одной рубашкѣ, а одѣвался, и, какъ радикальное средство, предложилъ спустить съ меня три шкуры. Но мои родители такое свирѣпое лѣченіе признали слишкомъ ужъ радикаль-

нымъ и при моей слабости и сильной худобѣ даже опаснымъ. Кто-то изъ членовъ совѣта предложилъ каждодневно парить, а потомъ голову обкладывать льдомъ, руководясь, вѣроятно, обычаемъ семинаристовъ послѣ паренья вѣникомъ кататься на снѣгу. Отецъ мой отвергъ паренье, какъ испробованное уже безрезультатно средство, и согласился лишь вмѣсто обкладыванія льдомъ на холодныя примочки. Одна попадья привезла съ собою скуфейку съ мощей Митрофанія и совѣтовала надѣть ее мнѣ на голову. Мать моя ухватилась за это спасительное средство, какъ утопающій за соломенку. Но отецъ—всегда немного скептикъ—рѣшилъ употреблять попеременно скуфейку и холодныя примочки.

Чрезъ нѣсколько дней началось мое выздоровленіе. Первымъ моимъ воспоминаніемъ, удержавшимся въ памяти, былъ споръ между родителями о моемъ кормленіи. Отецъ настаивалъ на молокѣ; мать же противилась этому какъ потому, что наступила Страстная недѣля, такъ еще болѣе потому, что я носилъ скуфейку. Мнѣніе отца, подкрѣпленное убѣдительными, хотя и очень либеральными для его сана доводами и потому оставившее прочный слѣдъ въ моей памяти, взяло наконецъ верхъ. Исцѣленіе мое было приписано, конечно, чудотворной скуфейкѣ, и объ немъ долго тараторила стоустая молва. Памятно мнѣ также, что если разсказъ о чудѣ происходилъ при отцѣ, то онъ всегда какъ-то особенно улыбался. Выздоровленіе мое пошло очень быстро, такъ что тотчасъ послѣ Пасхи рѣшено было меня отправить въ ненавистную бурсу. Ласковыя чисто дружескія увѣщанія родителей, ихъ даже слезы и просьбы, хотя въ память дѣда не огорчать ихъ моими яко бы дурнымъ поведеніемъ и плохимъ ученіемъ задѣли меня, какъ говорится, за живое. Я помирился съ необходимостью снова поступить въ бурсацкую кабалу и даже обѣщалъ, хотя и не категорически, приложить, на сколько силъ хватитъ, все свое старанье и умѣнье, чтобъ сдѣлаться прилежнымъ и благонравнымъ бурсакомъ. Безусловно обѣщать я не могъ, вѣроятно, потому, что любовь къ правдѣ не была еще изъ меня выбита; а не исполнить обѣщанія мой ребячій умишко уже тогда считалъ обманомъ. Понималъ, надо полагать, я и слабость своихъ силъ въ предстоящей борьбѣ съ искушеніями, а силъ дѣйствительно требовалось много, чтобъ стать благонравнымъ мальчикомъ въ глазахъ нашихъ педагоговъ тогдашняго времени. Отецъ—я помню это хорошо—удовлетворился моимъ условнымъ обѣщаніемъ и крѣпко расцѣловалъ меня. Но мать не удовольствовалась имъ: она не разъ требовала, чтобъ я предъ иконой поклялся исправиться безъ всякихъ «если», такъ что она даже вывела изъ тер-

пѣнія отца, который вынужденъ былъ на нее прикрикнуть. Всю дорогу, а она по случаю распутицы тянулась не менѣе двухъ дней,—я обдумывалъ предстоящую мнѣ жизнь, суть которой должна состоять въ исправленіи чего-то мало для меня понятнаго. Съ какими горючими слезами, съ какой дѣтской искренностію я молилъ Бога о помощи! Мой, непривыкшій еще къ анализу, маленькій умишко работалъ изо всѣхъ силъ, а толку выходило мало. Я понималъ только, что для успокоенія дорогихъ моихъ родителей, ради священной для меня памяти дѣда, я долженъ исправиться. Я не очень довѣрялъ угрозамъ матери, что въ случаѣ исключенія меня изъ училища домъ родительскій будетъ для меня закрытъ, ибо былъ увѣренъ въ ея и отцовской любви ко мнѣ. Болѣе пугала меня нарисованная отцомъ картина. Въ случаѣ исключенія, говорилъ онъ, мнѣ предстоятъ двѣ перспективы крайне мрачныя: или быть звонаремъ и только при особомъ счастіи дьячкомъ, или угодить подъ красную шапку. Отъ этой послѣдней перспективы, при одномъ только представленіи о ней, морозъ подиралъ кожу. Еще въ раннемъ дѣтствѣ мнѣ пришлось наслушаться ужасающихъ разсказовъ о солдатской жизни для лицъ изъ духовнаго званія. Въ началѣ, кажется, сороковыхъ годовъ забирали въ солдаты всѣхъ исключенныхъ изъ училищъ и семинарій и достигшихъ извѣстнаго возраста: тогда-то стоялъ на Вятской землѣ и въ градахъ и въ весяхъ стонъ и вой. Архіерей пощады не давалъ даже женатымъ и семейнымъ, чтобъ обиліемъ рекрутъ угодить начальству. Все это вмѣстѣ взятое привело меня къ рѣшенію: во что бы то ни стало исправиться. Но какъ!? Вотъ вопросъ, который я не могъ тогда рѣшить, такъ какъ при рѣшеніи его въ моемъ слабомъ умѣ возникало много противорѣчій и неясностей. Педагоги того времени (да, пожалуй нѣкоторые изъ нынѣшнихъ) назвали бы меня дуракомъ, не понимающимъ самыхъ простыхъ вещей; они сказали бы: учись прилежно, да веди себя благонравно—вотъ и все нужное для исправленія. Эхъ, господа педагоги! Я зналъ эту прописную мораль, да дѣло мнѣ представлялось тогда далеко не такимъ простымъ и легкимъ, какъ казалось педагогамъ. У меня съ ранняго дѣтства была сильная наклонность къ ученью, благодаря толковымъ и приноровленнымъ къ дѣтскому пониманію разсказамъ и объясненіямъ дѣда и частію отца, а скоро появилась и любознательность. Должно полагать, что я порядочно надоѣдалъ вопросами, часто неумѣстными, своимъ дорогимъ воспитателямъ, которые терпѣливо и толково удовлетворяли мою любознательность. Дома и ученье мое, т.-е. приготовленіе уроковъ изъ разныхъ предметовъ, шло хорошо, ибо требовалась не зубристика безтолковая, а отчетли-

вое пониманіе и запоминаніе урока. Въ училищѣ же преподаваніе велось на особый ладъ, или, точнѣе говоря, у насъ не было никакого преподаванія. Намъ только задавали уроки: отъ сихъ и до сихъ и требовали, чтобъ при отвѣтѣ урока мы не дерзали не только одно слово замѣнить другимъ, хотя бы и болѣе удачнымъ, но даже переставить сосѣднія слова безъ всякаго искаженія смысла. За двѣ-три самыя невинныя ошибки назначалась болѣе или менѣе жестокая порка, или, если учитель не былъ еще раздраженъ, то мы отдѣлывались стояніемъ на колѣнахъ или земными поклонами. Объясненій задаваемыхъ уроковъ, конечно, не полагалось. Вся преподавательская дѣятельность всѣхъ безъ исключенія учителей нашихъ ограничивалась слушаніемъ уроковъ, при чемъ за буквальною правильностію ихъ они, т.-е. учителя, слѣдили по книгѣ. Затѣмъ разсматривалась пресловутая нотата и, наконецъ, слѣдовала болѣе или менѣе жестокая порка, которой каждодневно подвергалось не менѣе пяти, а иногда и болѣе 20 учениковъ въ одномъ только классѣ. Система эта, впрочемъ, разнообразилась, такъ какъ у насъ было нѣсколько учителей. Одинъ изъ нихъ строго держался описаннаго только что порядка, другой начиналъ классъ просматриваніемъ нотаты, за которымъ слѣдовали слушаніе уроковъ и, наконецъ, порка; былъ и такой педагогъ, который порку производилъ въ теченіе класса 2 и даже изрѣдка 3 раза. Просмотритъ онъ нотату и всѣхъ учениковъ, у которыхъ стоитъ въ ней ns и nt, перепоретъ. Затѣмъ начнетъ спрашивать урокъ у тѣхъ, противъ которыхъ въ нотатѣ поставлено er или sc, и, если найдетъ, что отмѣтки эти выставлены, по его мнѣнію, болѣе снисходительно, чѣмъ слѣдуетъ, то назначается порка сціенсамъ и еррантамъ. Наконецъ снимаютъ штанишки и тѣ авдиторы, которые по добротѣ или за взятку поставили въ нотатѣ высшіе, чѣмъ должно, баллы. Нужно добавить, что утренній классъ продолжался ровно четыре часа—съ 8 до 12; перемѣнъ никакихъ не полагалось. Уже по этому можно судить о премудрыхъ педагогическихъ порядкахъ сороковыхъ годовъ. Мнѣ часто приходило на мысль, что не для собственнаго ли развлеченія учителя такъ часто и такъ несправедливо драли насъ? Вѣдь не легко четыре часа просидѣть за скучнѣйшимъ дѣломъ. Я недоумѣвалъ, да и теперь остаюсь въ недоумѣніи, для чего отъ нашихъ учителей требовалось окончаніе курса въ семинаріи; ихъ легко и удобно могъ замѣнить каждый грамотный крестьянинъ. Мудрено ли, что при такихъ учителяхъ и такихъ порядкахъ училищная наука или, говоря точнѣе, безобразное преподаваніе ея постепенно становилось для меня отвратительнѣе и омерзительнѣе. Приняться за зубреніе урока было для меня самымъ

тяжелымъ подвигомъ; на учебники и смотрѣть было тошно, а между тѣмъ тѣ же книги дома доставляли мнѣ наслажденіе. Поэтому во время спрашиванія уроковъ и я, бывшій правдивый мальчикъ, подобно нѣкоторымъ товарищамъ, сталъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и обманамъ, лишь бы только не зубрить уроковъ. Чѣмъ чаще удавались обманы, тѣмъ чаще я прибѣгалъ къ нимъ. Я даже изобрѣлъ нѣсколько новыхъ способовъ обманывать учителей. Мои домашніе взгляды на правдивость, на честность пошли прахомъ. Мало этого. Какой-либо хитроумный и одурачивающій начальство обманъ доставлялъ мнѣ высокое наслажденіе. Паденіе моихъ нравственныхъ началъ особенно шибко пошло со времени описанной выше порки. Возвращаясь въ училище и задумываясь надъ вопросомъ, какъ я долженъ исполнить обѣщаніе прилежно учиться и благонравно вести себя, мнѣ—тогда десятилѣтнему ребенку—стало ясно, что благонравіе на взглядъ начальства состоитъ въ злонравіи. Значитъ, чѣмъ больше я буду лгать, на всѣ лады выставлять себя на показъ и съ выгодной стороны начальству, низкопоклонничать при случаѣ, всегда лицемѣрить, тѣмъ я заслужу большее благоволеніе своего начальства. Конечно, не сознаніе, а только инстинктъ подсказывалъ, что все это гадко, пошло, но тѣмъ не менѣе необходимо. Итакъ для того, чтобы считаться въ глазахъ начальства хорошимъ ученикомъ, я долженъ былъ предать себя безсмысленной, отупляющей долбнѣ съ одной стороны, а съ другой—похерить всѣ хорошіе нравственные задатки, полученные мною дома. Теперь я—старикъ—съ ужасомъ вспоминаю это время моего нравственнаго и умственнаго паденія. Какіе боги помогли мнѣ хоть немного уцѣлѣть отъ этого подлаго, развращающаго, но считавшагося благонравнымъ режима, я и теперь отчетливо не сознаю. Вѣдь легко только сказать, что я почти 7 лѣтъ былъ благонравнымъ отрокомъ и юношей, что въ переводѣ благонравія на простой человѣческій языкъ означаетъ, что я сдѣлался отчаяннымъ фарисеемъ и лицемѣромъ, потерявшимъ всякое понятіе о честномъ и святомъ для порядочнаго человѣка и напрягавшимъ всѣ силы своего умишка для того, чтобъ свое благонравіе представить въ самомъ выгодномъ свѣтѣ начальству и чтобъ изъ-за угла пакостить ему, насколько только силы позволяли. И я, дѣйствительно, пакостилъ ему въ грандіозныхъ размѣрахъ и только изрѣдка попадался впросакъ, а большею частію выходилъ сухимъ изъ воды.

Конечно, переломъ этотъ совершился не сразу, не во время только моего путешествія въ Вятку. Но я отлично помню, что въ эти два дня я рѣшилъ окончательно, что я долженъ быть прилежнымъ ученикомъ, т.-е. безсмысленнымъ зубрилою и благо-

нравнымъ, т.-е. злонравнымъ мальчикомъ. Перспектива красной шапки и звонарства, въ связи съ просьбами дорогихъ родныхъ, сдѣлали, значитъ, свое дѣло. Скоро товарищи по училищу за мое благонравіе наградили меня кличками: сатаны и ipse, что на училищномъ жаргонѣ значило еще нѣчто худшее, чѣмъ дьяволъ. И эти клички даны мнѣ товарищами, *любя*, и ими я даже гордился. Хорошъ же я, вѣроятно, былъ тогда, если заслужилъ подобные титулы! Была еще у меня и третья кличка: «о, окаянный», но она заслужена мною не по праву, а случайно. Произошло это такъ: въ послѣобѣденные классы мы занимались церковнымъ пѣніемъ. Какъ-то пѣли ирмосы, въ одномъ изъ которыхъ есть слова: «о, окаянный, вопіяше азъ», которые обыкновенно произносились громко—fortissime и на высокихъ нотахъ. Сидя въ камчаткѣ, т.-е. на задней партѣ и вдали отъ учителя, я часто въ классѣ пѣнія отдавалъ себя во власть Морфея. Но зная, что въ этотъ классъ надо гаркнуть во всю глотку,—а она у меня была всегда громогласная, хотя и несуразная,—я просилъ сосѣда разбудить меня, когда придетъ время гаркнуть. Но насмѣшникъ сосѣдъ разбудилъ меня раньше, чѣмъ слѣдовало,—и я съ просонья, не прислушавшись къ пѣнію, гаркнулъ во всю свою широкую глотку: «о, окаянный» и т. д. Эффектъ вышелъ необычайный; послѣдовалъ гомерическій хохотъ всего класса во главѣ даже съ учителемъ. Послѣдній съ веселымъ смѣхомъ выпалилъ остроту, пришедшуюся по вкусу всѣмъ товарищамъ: будь же ты отнынѣ окаянный. Послѣдовалъ новый взрывъ хохота, чѣмъ и кончилось все дѣло. Мнѣ сверхъ моего ожиданія не было даже порки. Учитель пѣнія о забавномъ инцидентѣ сообщилъ другимъ учителямъ, и я надолго потерялъ свою настоящую фамилію, которую наши милые педагоги замѣнили словомъ: «о, окаянный». Эти три клички я получилъ въ разное время моей училищной жизни, но когда и въ какомъ порядкѣ,—теперь не помню.

Однако я опять порвалъ нить разсказа и уклонился въ сторону.

Пока я болѣлъ да проводилъ пасхальныя каникулы въ родномъ гнѣздышкѣ, надо мной собиралась жестокая гроза. Не помню уже, одинъ ли инспекторъ, или вкупѣ съ учителями и смотрителемъ подготовили для меня ужасную пакость, которая лишь, благодаря счастливому случаю, миновала меня. Когда, по возвращеніи изъ дома, я явился къ инспектору, онъ съ ехидной улыбкой сказалъ мнѣ: завтра въ 8 ч. одѣнься получше, да приди ко мнѣ за пакетомъ. Съ тобой желаетъ познакомиться архіерей. Конечно не мало задумался я надъ этими словами, но не струсилъ, такъ какъ архіереемъ тогда былъ благодушный старецъ Неофитъ, у кото-

раго я сиживалъ на колѣняхъ, когда, еще до отдачи меня въ бурсацкую каторгу, онъ бывалъ въ гостяхъ у дѣда. Отправляюсь я къ архіерею, отвѣшиваю ему, по обычаю, земной поклонъ, принимая благословеніе и передаю запечатанный пакетъ. Такъ это ты бунтовщикъ-то! Вотъ я тебя проучу, говоритъ архіерей, а самъ ласково улыбается. Вѣроятно, его поразили мой чрезвычайно тогда малый ростъ и добродушное совершенно ребячье лицо, которые давали поводъ многимъ считать меня 5—6 лѣтнимъ ребенкомъ. Затѣмъ онъ беретъ меня за руку и со словами: «ну-ка пойдемъ, бунтовщикъ» ведетъ въ кабинетъ. Послѣ долгаго упорства съ моей стороны онъ усаживаетъ меня и начинаетъ разспрашивать о дѣлѣ моемъ, а потомъ о дѣдѣ и его смерти. Воспоминаніе о немъ и ласковое участіе архіерея довели меня до слезъ, да и у него самого глаза стали влажны. «Я любилъ крѣпко о. Савватія; очень ужъ онъ былъ уменъ, добръ и правдивъ, говорилъ мнѣ архіерей; языкъ только у него былъ острѣе бритвы, да не умѣлъ онъ молчать при нуждѣ. Будь же и ты въ дѣда, только не будь рѣзокъ на словахъ, пока учишься, да больше имѣй терпѣнія, помни, что корень ученія горекъ и что самъ премудрый Сирахъ при ученіи велитъ почаще прибѣгать къ жезлу. Охъ, уже эти учителя! Хотятъ ребенка выгнать изъ училища!»—какъ бы про себя проговорилъ добрякъ, поцѣловалъ меня и на прощаньи цѣлыя пригоршни далъ разныхъ сластей. «Ну, прощай, да не бунтуй больше», улыбаясь, промолвилъ онъ. Можете себѣ представить, съ какою радостію и какими веселыми ногами я бѣжалъ въ училище. На вопросъ инспектора о предметѣ разговора съ владыкою я отдѣлался уклончивыми фразами, не задѣвая, впрочемъ, амбицію моего прямого начальства... Вышло какъ-то такъ, что и волки были сыты и овцы цѣлы. Даже инспекторъ самъ немного смягчился: онъ дралъ меня уже не такъ жестоко, а главное не придирался ко мнѣ зря. Послѣ я узналъ, какая горькая доля готовилась мнѣ. Начальство сдѣлало архіерею представленіе обо мнѣ, какъ объ опасномъ для спокойствія училища бунтовщикѣ и просило разрѣшенія у архіерея исключить меня, чтобъ оградить отъ моей, такъ сказать, заразы другихъ благонравныхъ учениковъ. Къ моему счастію, во-первыхъ, представленіе это поступило къ добрѣйшему архіерею, а во-вторыхъ, оно поступило вскорѣ послѣ полученія имъ извѣщенія о смерти моего дѣда. Случилось такъ, что кляуза училищнаго начальства попала въ руки архіерея въ присутствіи одного попа, жившаго недалеко отъ нашего села. Конечно, въ кляузѣ, быть можетъ, и неоднажды было упомянуто мое имя. Архіерей спрашиваетъ бывшаго тутъ священника: «ты говорилъ мнѣ, что былъ на похоронахъ у отца Савватія; нѣтъ ли у него

внука, соименнаго ему Савватія Сычугова?» Выслушавъ объясненіе моего родства съ дѣдомъ, архіерей сказалъ: «да, теперь припоминаю, что, бывши у покойнаго, я держалъ еще у себя на колѣнахъ маленькаго, бѣленькаго мальчика». А священникъ добавилъ, что этотъ мальчикъ навѣрно я, что дѣдъ во мнѣ души не чаялъ, что взялъ меня къ себѣ на житье отъ родителей и самъ даже приготовилъ меня для поступленія въ училище. Этотъ-то случай, главнымъ образомъ, и спасъ меня отъ бѣды, а не одно только добродушіе архіерея, такъ какъ и при немъ исключалось не мало учениковъ за пустячные проступки. Но я и теперь еще съ признательностію все-таки вспоминаю объ немъ. При другомъ архіереѣ никакой случай не выручилъ бы меня. И пришлось бы мнѣ тогда или тянуть солдатскую лямку, или звонить колокола.

Въ с. Великорѣцкомъ, гдѣ дѣдъ и отецъ священствовали вмѣстѣ (другъ за другомъ) 70 лѣтъ и гдѣ я также свирѣпствовалъ въ качествѣ земскаго врача 10 л., бываетъ въ маѣ, по случаю принесенія иконы изъ Вятки, громадное стеченіе народа. Знатоки на глазомѣръ опредѣляли число его въ 80—100 тысячъ. На этотъ праздникъ въ старину каждогодно пріѣзжали не только архіерей, но даже губернаторъ и прочія высокія власти. Для архіерея выстроенъ даже особый каменный домъ, который и посейчасъ называется архіерейскимъ. Для всей этой знати дѣдъ давалъ шикарный обѣдъ, за который садилось 40—50 титулованныхъ лицъ. Передъ обѣдомъ гости выпивали, конечно, и закусывали. Въ числѣ ихъ былъ одинъ архимандритъ, который, наливъ себѣ рюмку, обхватилъ ее всей ладонью, вѣроятно, для того, чтобы другіе не видѣли, сколько въ нее налито вина. Но дѣдъ, увидѣвъ это, сказалъ громко: «ты что же это дѣлаешь, о. архимандритъ? Видно ты привыкъ—по-монашески ...?» Взрывъ хохота всѣхъ гостей былъ отвѣтомъ на эти слова. Не обидѣлся на нихъ и самъ архимандритъ. Только архіерей, когда уже умолкъ хохотъ, дружески замѣтилъ дѣду: «тебѣ бы, о. Савватій, надо быть митрополитомъ по твоимъ достоинствамъ, да языкъ у тебя только бѣдовый; никому ты не даешь спуску». И они разстались все-таки друзьями; архіерей попрежнему во время праздника навѣщалъ дѣда. Не забудьте, что все это было въ тѣ блаженныя времена, когда не только попы, но и протопопы падали ницъ предъ архіереемъ и раболѣпствовали на разные лады. Вліянію дѣда я обязанъ тѣмъ, что не только хладнокровно, но даже съ ироніей всегда относился къ разнымъ внѣшнимъ отличіямъ въ родѣ чиновъ, орденовъ, славы и пр. и во всю жизнь сохранилъ независимость своего характера. До какой степени въѣлось въ меня равнодушіе къ этой внѣшности, можно судить потому, что я тот-

часъ по поступленіи въ земство отказался отъ чиновъ и пр., чѣмъ произвелъ на властей дурное впечатлѣніе. Если у меня и есть чиновная кличка, то я получилъ ее неожиданно за службу военную и посейчасъ рѣшительно не могу сказать, въ какомъ я рангѣ состою.

С. И. Сычуговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Польшѣ[1])

(1863—1867).

I. Крестьянская реформа.

Ночью съ 25 на 26 февраля, часу во второмъ, слуга разбудилъ меня и сказалъ, что пріѣхалъ изъ Варшавы курьеръ съ экстренными бумагами. Я велѣлъ позвать курьера и получилъ отъ него конвертъ отъ генерала-полиціймейстера и большой тюкъ. Это были достопамятные указы 19-го февраля (1864) и распоряженіе объ ихъ обнародованіи [2]).

Какъ ни хотѣлось мнѣ спать вслѣдствіе сильнаго утомленія наканунѣ, но, прочитавъ бумагу Трепова, я почувствовалъ такое нервное возбужденіе, что тутъ же сѣлъ, и раньше, чѣмъ разсвѣло, прочелъ два первые указа (изъ четырехъ) отъ доски до доски. Живыя, радостныя слезы, слезы восторга навернулись у меня на глазахъ, когда я окончилъ чтеніе. Да будутъ благословенны тѣ, кто ихъ возбудилъ и кто, такимъ образомъ, внесъ животворящее начало и въ судьбы Польши, и въ дѣятельность насъ, русскихъ, тамъ находившихся и доселѣ являвшихся почти исклю-

---

[1]) См. воспоминанія Венюкова «Послѣ возстанія» «Гол. Мин.» 1915 г. № 11. Эта часть воспоминаній М. И. Венюкова представляетъ какъ бы самостоятельную главу. Напоминаемъ, что авторъ записокъ состоялъ въ это время военнымъ уѣзднымъ начальникомъ въ Ленчицахъ. Указаніемъ на амстердамское изданіе воспоминаній Венюкова мы обязаны извѣстному московскому библіофилу Л. Э. Бухгейму, экземпляромъ котораго мы и пользовались.

С. М.

[2]) О крестьянской реформѣ въ Царствѣ Польскомъ см. еще ст. *А. А. Корнилова* въ его книгѣ: «Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи». Спб. 1905.

В. С.

чительно представителями задушенія!.. Я считаю минуты чтенія мною указовъ о надѣленіи польскихъ крестьянъ землею и о введеніи въ Польшѣ гминнаго самоуправленія однѣми изъ рѣдкихъ счастливыхъ въ моей жизни. И, какъ бы для вящшаго усугубленія моего счастья, я былъ одинъ среди глубокой ночной тишины. Весь городъ спалъ, и такъ какъ курьера я тоже уложилъ у себя въ квартирѣ, то никто ничего не зналъ до 8—9 часовъ утра.

Часу въ девятомъ я взялъ по экземпляру всѣхъ указовъ, прокламацію намѣстника къ крестьянамъ, предписаніе Трепова и, надѣвъ саблю, пошелъ къ Гагемейстеру, который также оставался до той минуты въ полномъ невѣдѣніи о случившемся. Немедленно мы условились о возможно скоромъ и торжественномъ обнародованіи указовъ. Во всѣ участки полетѣли казаки за участковыми начальниками, которые должны были, получивъ нужное число указовъ и прокламацій, развезти ихъ по деревнямъ, выдавая на руки не панамъ—гминнымъ войтамъ, а солтысамъ (старостамъ)—мужикамъ. Въ Ленчицѣ предположенъ былъ назавтра парадъ войскъ, торжественная обѣдня въ главномъ костелѣ и чтеніе прокламаціи намѣстника всенародно, на площади, а перваго указа, о надѣленіи крестьянъ землями,—въ костелѣ. Весь день 26 числа прошелъ, какъ въ лихорадкѣ, и когда я вечеромъ зашелъ на полчаса къ командиру стоявшей въ городѣ батареи, Симонову, то былъ засыпанъ вопросами о содержаніи указовъ. Всѣ единогласно признавали, что польскіе крестьяне получаютъ далеко больше, чѣмъ русскіе, и что теперь возстанію матъ. Я не помню, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ, которымъ я сообщилъ главную сущность дѣла, не радовался отъ души, и только два-три голоса высказались порицательно, въ томъ смыслѣ, что слѣдовало бы мѣру эту употребить пораньше, тогда бы, вѣроятно, и возстанія вовсе не было, хотя бы потому, что у шляхты отняты были благовременно нужныя на покупку оружія и организацію бандъ денежныя средства; тогда бы не пришлось обижать и русскихъ «вѣрноподданныхъ» крестьянъ, давая имъ меньше, чѣмъ польскимъ «мятежникамъ». Кромѣ того, въ 1860 году указъ былъ бы принятъ, какъ царская милость, совершенно добровольная, а теперь онъ походилъ, съ одной стороны, на завоеванное оружіемъ повстанцевъ право, а съ другой на—месть панамъ, стоявшимъ во главѣ мятежа.

Скромное по внѣшности, но для уѣзднаго города все же довольно внушительное торжество 27 февраля прошло какъ нельзя лучше. Съ утра на площади передъ моимъ домомъ и магистратомъ было немало народу. Часовъ въ 9 пришла съ музыкою

рота солдатъ, впереди которой собрались всѣ мѣстныя власти. Гагемейстеръ[1]), какъ старшій по чину, сказалъ солдатамъ коротенькую, но хорошо подходившую къ дѣлу рѣчь, поздравивъ въ лицѣ ихъ все крестьянское сословіе, къ которому большинство ихъ, конечно, принадлежало, съ новою царскою милостью и убѣждая по этому самому еще усерднѣе служить правительству, обо всѣхъ равно заботящемуся. Нѣсколько экземпляровъ прокламаціи были тутъ же розданы крестьянамъ и частью изодраны въ клочки, желавшими ихъ перехватить другъ у друга. Съ площади всѣ чиновники, офицеры и часть народа отправились въ костелъ, гдѣ ксендзъ послѣ молебна прочиталъ вслухъ манифестъ, предшествующій указамъ и самый указъ № 1. Оттуда мы съ Гагемейстеромъ съѣздили еще въ два подгородные прихода, гдѣ тоже ксендзы читали съ амвона манифестъ и указъ, при чемъ одинъ отъ себя прибавилъ къ условленному церемоніалу молитву за «цезаруса» по-польски, а не по-латыни, за что, конечно, сердиться было нельзя, хотя ксендзамъ и было объявлено впередъ, чтобы они ни слова не прибавляли отъ себя къ офиціальному богослуженію и тексту указа. Я вернулся домой часа въ два пополудни, и хотя съ шести часовъ утра ничего не ѣлъ и не пилъ, но не чувствовалъ ни голода, ни жажды: явленіе, впрочемъ, обычное при всѣхъ событіяхъ, сильно волнующихъ нервную систему...

Въ уѣздѣ обнародованіе прокламаціи и указовъ шло также благополучно въ этотъ день и въ слѣдующій, 28-го февраля. Нигдѣ ни малѣйшей демонстраціи со стороны шляхты, о чемъ я и былъ извѣщенъ въ теченіе 29-го числа, такъ что могъ донести 1-го марта генералъ-полиціймейстеру о счастливомъ началѣ великаго дѣла не простыми офиціальными словами чиновничьихъ рапортовъ, ничего не разъясняющими, ни къ чему необязывающими, а дѣйствительно съ сознаніемъ совершившагося: все благополучно. Оговорка эта можетъ показаться пошлостью, труизмомъ; но кто знаетъ, что у насъ полиціймейстеры рапортуютъ губернаторамъ о «благополучіи» городовъ во время пожара, губернаторы о «благополучіи» ихъ губерній во время голода, полковые командиры о «благополучіи» ихъ полковъ въ самый моментъ выноса изъ строя убитаго лошадью солдата,—тотъ не удивится, что я ввожу мою оговорку и даже настаиваю на ней. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые, напуганные событіями 1863 года и потому мрачно настроенные, люди готовы были думать, что моментъ обнародованія указовъ 19-го февраля 1864 года будетъ выбранъ польскими патріотами для начала новаго возстанія,

---

[1]) Полковникъ, командовавшій войскомъ, расположеннымъ въ Ленчицкомъ уѣздѣ.

при чемъ крестьянамъ будетъ объявлено, что вотъ, молъ, «мы завоевали у москалей право на земли (grunta); теперь пойдемте выгонять наѣздъ изъ нашей земли (kraju). Можетъ быть такая идея дѣйствительно мелькала въ нѣкоторыхъ горячихъ польскихъ головахъ, но попытка осуществить ее была бы безуміемъ: польскіе крестьяне первые бы перехватили повстанцевъ. Притомъ значительная часть горячихъ головъ уже сидѣла по тюрьмамъ или была выслана изъ края или, наконецъ, ушла добровольно за границу, и развѣ какіе-нибудь отчаянные фанатики, въ родѣ ксендза Бусоско, пытались поддерживать вооруженную борьбу весною 1864 года.

Такъ какъ на основаніи прокламаціи графа Берга, въ ожиданіи открытія учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, военно-уѣзднымъ начальникамъ поручено было блюсти за тѣмъ, чтобы помѣщики не дѣлали никакихъ притѣсненій крестьянамъ: не отрѣзывали у нихъ земель, не лишали ихъ пастбищъ, топлива и пр.,—то ко мнѣ стали скоро поступать довольно многочисленныя жалобы крестьянъ именно на этого рода стѣсненія. Разбирать ихъ всѣ, а тѣмъ болѣе удовлетворять, не было физической возможности; но все же въ нѣкоторыхъ особенно вопіющихъ случаяхъ приходилось «власть употреблять», въ противность извѣстному крыловскому повару-краснобаю. Это поддерживало среди шляхты уваженіе къ новому закону и показывало имъ, что правительство не шутитъ...... Не только многіе паны были убѣждены, что указы 19-го февраля 1864 года не будутъ приведены въ исполненіе, особливо въ цѣломъ ихъ объемѣ, но свиты его величества генералъ и родственникъ императрицы, князь Витгенштейнъ, бывшій начальникомъ военнаго отдѣла кутно-влоцлавскаго, даже въ апрѣлѣ говорилъ, и притомъ въ глаза предсѣдателю мѣстной крестьянской комиссіи, Пейкеру, что, конечно, указы сочинены только для страха, а что исполнять ихъ во всемъ объемѣ не будутъ, что это даже было бы нелѣпо. Нужно было, чтобы Н. А. Милютинъ, выслушавъ разсказъ Пейкера, громко, въ присутствіи 30—40 человѣкъ, назвалъ за это Витгенштейна дуракомъ, чтобы по крайней мѣрѣ всѣ русскіе въ Польшѣ увѣровали вполнѣ въ неотмѣнимость указовъ. Въ ленчицкомъ уѣздѣ, я надѣюсь, подобныхъ сомнѣній не возникало; по крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я не давалъ къ этому ни малѣйшаго повода.

Въ половинѣ марта, какъ уже упомянуто выше, мною было получено, черезъ флигель-адьютанта М. Н. Анненкова, приглашеніе Н. А. Милютина принять участіе въ трудахъ, готовившихся къ открытію крестьянскихъ учрежденій, и, разумѣется, я въ

душѣ былъ радъ этому предложенію тѣмъ болѣе, что оно меня избавляло отъ дальнѣйшихъ непріятностей съ Бельгардомъ и Гагемейстеромъ. Но какъ и Треповъ не прочь былъ дать мнѣ новое мѣсто и притомъ, если не ошибаюсь, въ губернскомъ городѣ Люблинѣ у прекраснаго начальника отдѣла Хрущева, то я нѣкоторое время колебался, потому что хорошо предвидѣлъ, что уйти изъ военнаго вѣдомства въ гражданское, не снимая военнаго мундира, значитъ навѣрное отстать по линіи производства, да и вообще по военной службѣ. Сомнѣніе это я высказалъ, при первомъ же свиданіи, Н. А. Милютину; но получилъ отъ него въ отвѣтъ: «Помилуйте! вы не только ничего не потеряете, а навѣрное выиграете: вѣдь предсѣдатели крестьянскихъ комиссій будутъ первыми кандидатами на губернаторскія мѣста».—Зная, по слухамъ, Н. Милютина за человѣка вполнѣ честнаго, я повѣрилъ его словамъ и далъ полное согласіе на принятіе мѣста предсѣдателя крестьянской комиссіи въ Люблинѣ, послѣ чего вернулся въ Ленчицу, чтобы приготовиться къ сдачѣ должности и переѣзду въ Варшаву, гдѣ всѣ мы, члены крестьянскихъ учрежденій, должны были вынести довольно длинный искусъ въ видѣ ежедневныхъ посѣщеній брюлевскаго дворца; тамъ подъ личнымъ руководствомъ Милютина и отчасти князя Черкасскаго и Арцымовича, мы должны были изучить указы по буквѣ и по смыслу, а также познакомиться и съ существовавшими дотолѣ законами о крестьянахъ въ Польшѣ. Счастливое, поэтическое время! Я убѣжденъ, что всѣ участники этихъ вечернихъ собраній въ брюлевскомъ палацѣ вспоминаютъ ихъ съ чувствами довольства совершеннымъ трудомъ и уваженія другъ къ другу и къ достойному общему руководителю. Такого общаго увлеченія святымъ дѣломъ, и притомъ однимъ дѣломъ, безъ всякихъ личныхъ разсчетовъ, я не помню въ моей жизни,—кромѣ эпохи занятія Амура. Каждый изъ насъ,—а между нами были и старики, и девятнадцатилѣтніе юноши[1]), готовясь въ комиссары или предсѣдатели, сознавалъ себя дѣятелемъ по великому историческому вопросу, а соотвѣтственно этому и правственный пульсъ нашъ былъ очень высокъ. Ни тѣни интригъ; взаимное довѣріе, горячее желаніе помочь другъ другу въ разъясненіи спорныхъ вопросовъ и твердая увѣренность, что ни одинъ изъ насъ не замараетъ русскаго имени въ Польшѣ чѣмъ нибудь недостойнымъ. Словъ тутъ, кажется, немного, а пойдите-ка, найдите кружокъ людей, къ которому можно было бы примѣнить ихъ! Мнѣ въ моей жизни, по крайней мѣрѣ, не приходилось встрѣчать другого подобнаго, и,

---

[1]) Костромитиновъ, Гончаровъ и, кажется, еще кто-то.

что всего важнѣе, внутренно данное каждымъ изъ насъ обѣщаніе вести дѣло честно было выдержано нами до конца, такъ что и помѣщики, ненавидя насъ за строгость въ приложеніи указовъ 19-го февраля, уважали насъ и лично каждаго, и все сословіе. А это что нибудь значитъ послѣ многовѣкового разлада между Польшею и Россіею и послѣ только что окончившейся кровавой между ними борьбы.

Мнѣ пріятно было бы вспомнить здѣсь, если не о всѣхъ, то о значительной части моихъ собесѣдниковъ по брюлевскимъ «вечерницамъ», которыя начинались въ 8 часовъ, а оканчивались обыкновенно въ 11, иногда же продолжались и за полночь; но сдѣлать этого я не могу изъ опасенія впасть въ какія-нибудь ошибки. А потому, отсылая желающихъ знать первоначальный составъ крестьянскихъ учрежденій, милютинскаго подбора, къ 1-му тому «Постановленій Учредительнаго Комитета» (стр. 57—66), я ограничусь упоминаніемъ лишь о тѣхъ сотрудникахъ по предварительнымъ занятіямъ, которые дали себя особенно замѣтить именно во время этихъ занятій. Это былъ, во-первыхъ, С. С. Громека, авторъ извѣстныхъ въ свое время статей «о полиціи внѣ полиціи», о приказѣ генерала Ржевускаго и т. п., человѣкъ безъ сомнѣнія, даровитый, хотя и оказавшійся администраторомъ въ николаевскомъ вкусѣ, такъ что, напр., для скорѣйшаго обращенія въ православіе уніатовъ сѣдлецкой губерніи онъ не затруднился стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ. На брюлевскихъ вечерницахъ онъ былъ самымъ словоохотливымъ и любимымъ ораторомъ, хорошо изучившимъ букву и смыслъ законовъ 19-го февраля и тѣ порядки, которые должны были пасть отъ введенія въ жизнь этихъ законовъ. О бокъ съ нимъ, хотя гораздо ниже его, если не по физическому росту, то по умственному развитію, встаетъ въ моемъ воображеніи колоссальная фигура Разина, шереметевскаго крестьянина по происхожденію[1]) и отчасти наслѣдника знаменитаго соименника XVII вѣка по убѣжденіямъ. Онъ своею медузьей головой, огромнымъ ростомъ и открытою ненавистью къ дворянству вообще, а не къ одному польскому, внушалъ нѣкоторый почтительный страхъ молодымъ членамъ комиссій, тѣмъ болѣе, что пользовался расположеніемъ Милютина. На практикѣ, однако, онъ оказался плохимъ предсѣдателемъ комиссіи (піотровской) и, напр., во время объѣзда своего района, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не умѣлъ раздать крестьянамъ ни одной

---

[1]) Одинъ изъ «славной стаи» шереметевскихъ вольноотпущенныхъ, къ которой принадлежали: мои учителя географіи Мамонтовъ и пѣнія Ломакинъ, академикъ Никитенко и нѣсколько замѣтныхъ дѣятелей въ торговомъ мірѣ.

пустки, т.-е. усадебнаго надѣла, отхваченнаго помѣщикомъ отъ крестьянъ послѣ 1846 года, а потому впослѣдствіи былъ замѣненъ моимъ помощникомъ, Чижовымъ.—Затѣмъ ярко рисуются въ моей памяти два юноши, Бестужевъ-Рюминъ и Костромитиновъ, оба съ едва пробивающимися усиками, но оба смышленые и горячіе поборники дѣла. Изъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ по люблинской комиссіи упомяну съ уваженіемъ объ И. П. Строкинѣ, солидномъ молодомъ человѣкѣ изъ кандидатовъ петерб. университета, который былъ изъ лучшихъ комиссаровъ во всей Польшѣ; а въ сосѣдней красноставской комиссіи даровитыми личностями представлялись: гвардейскій артиллеристъ Янковскій (потомъ волынскій губернаторъ) и, прибывшіе послѣ, предсѣдатель П. Ѳ. Самаринъ (позднѣе тульскій губернскій предводитель дворянства) и комиссаръ Кокошкинъ. Впрочемъ, еще разъ: перечислять всѣхъ даже только замѣтныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Польшѣ я не вижу возможности, а потому возвращаюсь къ нашимъ подготовительнымъ работамъ въ Варшавѣ. Вечера въ брюлевскомъ дворцѣ проводились, во-первыхъ, въ чтеніи и обсужденіи указовъ, преимущественно 1-го, т.-е. о надѣленіи крестьянъ землями. Тутъ мы хорошо узнали разницу между общиннымъ порядкомъ пользованія землями въ великорусскихъ губерніяхъ и подворнымъ владѣніемъ пахотными полями въ Польшѣ, при чемъ открылось, что однако же и у польскихъ крестьянъ были общинныя земли (пастбища) и даже просто вообще «влосцянскіе грунта», т.-е. исторически крестьянскія земли, искони бывшія въ пользованіи хлоповъ и только силою захваченныя панами. Если бы докапываться въ актахъ доказательствъ принадлежности крестьянамъ всѣхъ этихъ земель, то за шляхтою осталось бы очень немного. Вѣдь въ старинныя времена, при рѣдкости населенія, паны не хлопотали особенно о заведеніи крупныхъ собственныхъ хозяйствъ, а раздавали хлопамъ земли цѣлыми уволоками въ 30 морговъ (15 дес.). Только съ увеличеніемъ числа крестьянъ и особенно съ образованія класса мелкихъ сельскихъ хозяевъ, полурольниковъ, загродниковъ, халупниковъ и даже просто бобылей, появилась возможность вести обширныя фольварковыя хозяйства помѣщиковъ. При этомъ, для облегченія себѣ дѣла, паны нерѣдко отбирали у крестьянъ часть ихъ исконныхъ, уже обработанныхъ надѣловъ и сажали ихъ на новые земельные участки, а отобранныя земли обращали подъ помѣщичьи запашки. Если бы, повторяю, стать доискиваться всѣхъ подобныхъ, *когда-либо* отобранныхъ у крестьянъ земель, то у пановъ осталось бы очень мало, почти одни лѣса и подъусадебныя угодья. Но указъ 1864 года такъ далеко

не шелъ, а ограничивалъ періодъ «незаконныхъ» отобраній земли у крестьянъ короткимъ періодомъ съ 1846 по 1864 годъ. Извѣстно, что въ 1846 году, въ виду галиційской рѣзни польскаго шляхетства, правительство наше, для предупрежденія подобной случайности, ввело въ Польшѣ извѣстнаго рода легальность въ аграрныя отношенія пановъ къ хлопамъ, заставивъ первыхъ ограничиваться на будущее время лишь тѣми повинностями и сборами съ крестьянъ, которые были занесены въ особые «престаціонныя табели», при чемъ и земельные надѣлы крестьянства не должны были уменьшаться. Но вотъ это то постановленіе и было обойдено многими панами. Пользуясь тѣмъ, что законъ позволялъ имъ сгонять съ усадьбы неисправнаго плательщика для замѣны его болѣе надежнымъ, они позахватывали множество крестьянскихъ участковъ для простого присоединенія ихъ къ «дворскимъ», т.-е. помѣщичьимъ фольварковымъ землямъ. Всѣ эти «пустки» предстояло намъ теперь возвратить во владѣніе крестьянъ; и какъ на отысканіе ихъ прежнихъ хозяевъ не всегда можно было надѣяться, да и надобности въ томъ не было, то являлась возможность образовать особый бауэрландъ для надѣленія изъ него малоземельныхъ и особенно безземельныхъ сельскихъ работниковъ, по усмотрѣнію комиссій и съ согласія сельскихъ обществъ. Это было какъ бы начало образованія въ польской деревнѣ если не великорусскаго міра, то малороссійской «громады»—явленія незнакомаго или давно забытаго въ Польшѣ, гдѣ каждый крестьянинъ стоялъ передъ помѣщикомъ одинокою безпомощною личностью, не могшею искать опоры въ общинѣ. Князь Черкасскій особенно ратовалъ за приданіе такого смысла дѣлу возвращенія пустокъ.—«Пусть, говорилъ онъ, польскіе крестьяне научатся, что земля ихъ *общее* достояніе, на которое они могутъ допускать лишь тѣхъ, кто имъ угоденъ, и на тѣхъ условіяхъ, какія ими будутъ рекомендованы комиссару: это разовьетъ въ сельскомъ населеніи Польши общинный духъ».—Вотъ за эту то теорію, вполнѣ согласную съ указами 19 февраля 1864 г. и потомъ развитую съ нѣкоторою подробностью въ постановленіяхъ Учредительнаго Комитета, Черкасскій да и вообще всѣ члены Комитета и Комиссій были произведены шляхтичами и даже петербургскими «консерваторами» въ соціалисты, при чемъ и графъ Бергъ, сначала ставившій очень высоко все вѣдомство Учредительнаго Комитета, подъ конецъ склонился къ мнѣніямъ консерваторовъ, мало-по-малу, особенно послѣ каракозовскаго выстрѣла въ 1866 г., захватившихъ верховную власть въ Петербургѣ.

Второю большою цѣлью нашихъ вечернихъ бесѣдъ въ брю-

левскомъ дворцѣ было установленіе общей программы дѣйствія на мѣстахъ во время самаго осуществленія указовъ 19-го февраля. Нужно замѣтить, что съ разумной прозорливостью опытнаго государственнаго человѣка Милютинъ рѣшилъ не облекать сначала всею тою властью, какую назначалъ указъ, не только отдѣльныхъ комиссаровъ, но и комиссій, а дать имъ мѣсяцъ—другой времени осмотрѣться въ краѣ и ознакомиться съ вопросами, подлежащими рѣшенію. Это значительно упростило программу нашихъ первоначальныхъ дѣйствій, потому что устраняло совсѣмъ возможность единоличныхъ ошибокъ и значительно умаляло вѣроятность коллективныхъ. Задачами нашими при первоначальномъ объѣздѣ районовъ были поставлены: собраніе письменныхъ, а отчасти и словесныхъ жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ за отобраніе земель и угодьевъ; рѣшеніе, съ *немедленнымъ исполненіемъ*, хотя бы по одной такой просьбѣ въ день, при чемъ мы должны были выбирать случаи возможно простые, ясные, гдѣ ошибиться было трудно; собраніе всѣхъ статистическихъ и другихъ данныхъ для разумной организаціи новыхъ гминъ (волостей), въ которыхъ бы для вліянія помѣщиковъ и даже ксендзовъ оставалось какъ можно менѣе мѣста; устройство на началахъ самаго полнаго обоюднаго довѣрія, взаимныхъ отношеній комиссій военно-полицейскихъ властей, которыя должны были блюсти за исполненіемъ нашихъ рѣшеній; установленіе нормальныхъ отношеній къ мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, отъ которыхъ, впрочемъ, мы не были поставлены ни въ малѣйшую зависимость, не исключая и губернаторовъ; наконецъ составленіе проектовъ распредѣленія гминъ и селеній по коммиссарскимъ участкамъ. Задачи эти были, очевидно, не легки; при рѣшеніи ихъ требовалось много такта, и, очевидно, это составляло отличное испытаніе способностей членовъ комиссій.

Но самою важною цѣлью брюлевскихъ совѣщаній было, конечно, въ третьихъ, усвоеніе общаго единообразнаго взгляда на задачи и духъ реформы, которую намъ предстояло вообще совершить въ Польшѣ. Нужно было условиться въ началахъ, въ пониманіи цѣли и въ тонѣ дѣятельности, и притомъ условиться не на словахъ лишь, а въ умѣ, въ сердцѣ, въ самой глубинѣ мозга такъ, чтобы потомъ не спотыкаться, какъ лошадь, которая не знаетъ, куда итти, если на изгибѣ и развѣтвленіи дороги не будетъ каждый разъ направляема кучеромъ. Нужно было не только выучить данную пьесу каждому на своемъ инструментѣ, но и обезпечить стройное ея исполненіе оркестромъ, сообразивъ при этомъ также обширность и резонансъ залы и самое настроеніе слушателей. Это было достигнуто блистательно, благодаря, глав-

нымъ образомъ, нравственному вліянію и разумнымъ пріемамъ Н. А. Милютина. Онъ прямо говорилъ, что цѣль нашей дѣятельности—*произвести соціальную революцію*, но не съ тѣмъ только, чтобы *задавить ею политическую*, а съ тѣмъ, чтобы *пересоздать Польшу навсегда* въ духѣ прогресса. Не ослабить только аристократію, съ ея шляхетными преданіями и склонностями, а создать прочную демократію—вотъ чего желалъ Милютинъ «Этотъ, призванный Россіею къ жизни, элементъ народнаго строя долженъ былъ служить опорою для русскаго владычества на берегахъ Вислы, и притомъ такъ, чтобы его господство не принижало общаго культурнаго уровня польскаго народа, а возвышало его». Съ послѣднею цѣлью, вслѣдъ за дарованіемъ массамъ вещественныхъ основъ къ благосостоянію, должны были итти способы умственнаго развитія въ видѣ многочисленныхъ училищъ высшихъ и низшихъ. «При Николаѣ», говорилъ намъ Милютинъ, «правительство думало держать Польшу въ покоѣ и покорности, поддерживая въ ней невѣжество: мы примемъ путь прямо противоположный, въ увѣренности, что расширеніе знаній стираетъ всякіе предразсудки, въ томъ числѣ и безсознательную національную ненависть. Образованный человѣкъ почти вездѣ дома, и только дикарь ничего не хочетъ знать внѣ своего родного логовища, какъ бы оно плохо ни было.. Впрочемъ, не будемъ забывать и того, что однимъ привитіемъ космополитическаго образованія полякамъ, какъ и уравненіемъ среди ихъ сословныхъ и имущественныхъ различій, мы не скоро достигнемъ сліянія Польши съ Россіею: это—дѣло столѣтій. А для ближайшей нашей цѣли не забудемъ, что въ царствѣ польскомъ, кромѣ враждебной намъ пока національности, есть нѣсколько другихъ, которыя заставить служить нашимъ, сейчасъ приведеннымъ, цѣлямъ уже нетрудно. Есть нѣсколько сотъ тысячъ русиновъ, которыхъ нужно прямо вернуть въ составъ русской націи; есть болѣе полумилліона евреевъ, которыхъ, при нѣкоторомъ умѣньѣ, можно политически обезцвѣтить и даже держать въ оппозиціи шляхтѣ; есть, наконецъ, не мало нѣмцевъ, которыхъ несочувствіе къ польскимъ революціонерамъ и ихъ вожделѣніямъ несомнѣнно. *Ergo*, наше русское, а вмѣстѣ и общечеловѣческое, дѣло не такъ трудно, какъ кажется, особенно теперь послѣ такой большой военной побѣды. Не нужно только никогда терять изъ виду цѣли и средствъ»... Я жалѣю, что передалъ здѣсь въ слишкомъ вольномъ изложеніи сущность «уроковъ» Милютина, которую онъ самъ превосходно резюмировалъ въ особой бесѣдѣ съ предсѣдателями комиссій. Но, вѣроятно, кто нибудь изъ участниковъ этой бесѣды помнитъ ее лучше меня и, можетъ быть, обнародуетъ впослѣдствіи:

она стоитъ того. Тутъ мнѣ впервые удалось слышать настоящаго государственнаго человѣка, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, человѣка не только широкихъ идеаловъ, но и большого практическаго смысла, можетъ быть нѣсколько односторонняго, но за то вѣрнаго себѣ и измѣрявшаго впередъ шансы успѣха и средства для его достиженія. Чтобы облегчить воспитаніе въ томъ же духѣ и всѣхъ насъ, онъ роздалъ въ каждую комиссію по экземпляру всѣхъ предварительныхъ работъ, изъ которыхъ вышли указы 19 февраля 1864 года, и тутъ, при чтеніи ихъ, мы убѣждались, что не только каждая статья закона, но и его цѣль оправдываются полновѣсными историческими и статистическими данными. А когда законъ оправданъ логически, тогда онъ становится убѣжденіемъ исполнителя, и проведеніе его въ жизнь есть уже дѣло сравнительно легкое; кромѣ того, исполнитель перестаетъ быть машиною.

Но, умѣвъ добиться извѣстнаго единства во взглядахъ и убѣжденіяхъ между первоначальными членами крестьянскихъ комиссій, т.-е. непосредственными исполнителями законовъ 19-го февраля, Милютинъ еще болѣе хлопоталъ о томъ, чтобы сообщить однородность и тому высшему учрежденію, которое должно было руководить комиссіями въ ихъ многолѣтней дѣятельности, разсматривать жалобы на ихъ рѣшенія, слѣдить за ихъ трудами, истолковывать, а иногда и пополнять самые законы. Это, очевидно, было труднѣе, чѣмъ наставительная дѣятельность съ молодежью. Причина понятна: члены Учредительнаго Комитета были уже люди пожилые въ чинахъ или съ достатками, и слѣдовательно съ претензіями на самостоятельность, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Кошелевъ, Брауншвейгъ и даже Соловьевъ, въ первое время по прибытіи въ Варшаву, едва ли болѣе понимали польское дѣло, чѣмъ мы, и особенно тѣ изъ насъ, которые уже послужили нѣкоторое время въ Польшѣ. Рознь во взглядахъ на многіе задачи Комитета и сказалась уже при первоначальныхъ занятіяхъ нашихъ, когда у Милютина возникали споры съ Арцимовичемъ, едва примиряемые діалектическими изворотами Черкасскаго; потомъ, съ половины лѣта 1864 года, она стала еще замѣтнѣе. Чтобы понять, въ чемъ она состояла и къ чему могла вести (и иногда вела), приходится сказать здѣсь нѣсколько словъ о каждомъ изъ членовъ Учредительнаго Комитета. Я повторю лишь то, что помѣстилъ въ небольшой французской брошюрѣ[1]), напечатанной мною лѣтомъ 1867, тотчасъ по оставленіи

---

[1]) Le Comité constituant en Pologne. Varsovie 1867 (въ дѣйствительности напечатана за границею).

службы въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, т.-е. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ лицъ и событій.

«Первымъ, по старшинству службы, членомъ Учредительнаго Комитета былъ, конечно, графъ Бергъ, который, какъ намѣстникъ царства, занималъ предсѣдательское мѣсто. Замѣнить его было трудно, потому что въ способныхъ и образованныхъ генералахъ, послѣ тридцатилѣтней тираніи Николая, Россія ощущала крайній недостатокъ; отдѣлить же въ Польшѣ власть гражданскую отъ военной правительство не безъ основанія не рѣшалось. Правда, императоръ Александръ хорошо зналъ, что графъ Бергъ—феодалъ, остзейскій шляхтичъ, что роль его въ Комитетѣ будетъ: затруднять прогрессивное движеніе законодательной и учредительной дѣятельности этого учрежденія; но вѣдь вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего это былъ придворный, привыкшій подобно флюгеру, направляться по вѣтру; а потомъ въ Комитетѣ около него, и по нравственному вліянію выше его, долженъ былъ засѣдать Н. Милютинъ; слѣдовательно опасаться реакціонныхъ вкусовъ Берга особенно было нечего. Поэтому-то онъ и продолжалъ спокойно предсѣдательствовать во время существованія Комитета. Но, интриганъ въ душѣ и по привычкѣ, онъ дѣйствительно велъ подпольные происки противъ Милютина и, наконецъ, при помощи Шувалова доканалъ его въ 1866 году. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что каракозовскій выстрѣлъ былъ очень ловко эксплоатированъ Бергомъ.

«Самый австрійскій изъ русскихъ генераловъ—по отзыву Паскевича—Бергъ никогда не имѣлъ прочныхъ взглядовъ на государственныя задачи, стоявшія на очереди въ Польшѣ; по своимъ остзейскимъ инстинктамъ онъ понималъ, что указы 19 февраля 1864 года давали серьезный урокъ землевладѣльческой аристократіи не только въ Польшѣ, но и повсюду. Поэтому то онъ, сначала втайнѣ, а потомъ явно, противодѣйствовалъ имъ, хотя офиціально считался главнымъ ихъ исполнителемъ и за это получалъ 60.000 рублей содержанія въ годъ, не считая помѣщенія во дворцѣ, прислуги и пр. Не будучи въ силахъ измѣнить основанія указовъ, онъ обратилъ свою ненависть къ нимъ на второстепенныхъ ихъ исполнителей, членовъ крестьянскихъ комиссій, которымъ не давалъ ходу по управленію краемъ, хотя изъ всѣхъ русскихъ въ Польшѣ они были наилучше къ тому приготовлены. Не пожелалъ онъ дать имъ и земельныхъ надѣловъ изъ казенныхъ и отобранныхъ у католическаго духовенства имѣній, что могло бы усилить постоянный русскій элементъ въ краѣ. Напротивъ, цѣлая туча нѣмцевъ и другихъ инородцевъ, изъ военныхъ: Минквицъ, Корфъ, Меллеръ, Шварцъ, Фейхтнеръ, Эггеръ,

Бельгардъ, Треповъ, Костанда, Ниродъ и пр., наполучала обширные майораты, точно будто задачею русскаго управленія было приготовить Польшу къ легчайшему переходу подъ владычество Пруссіи или Австріи, либо къ возстановленію шляхетской Посполитой Рѣчи [1]) подъ эгидою германскаго элемента, какъ о томъ мечталъ и Бисмаркъ, желавшій отдать отнятую у Россіи Польшу королю саксонскому. Совокупность доходовъ съ майоратныхъ имѣній, розданныхъ въ одномъ 1865 году, составляла 300.000 руб. въ годъ и, что замѣчательно, эта раздача была сдѣлана безъ вѣдома и даже тайкомъ отъ министра финансовъ Польши, Кошелева, который призванъ былъ усилить казенные доходы въ краѣ. Изготовивъ въ своей домашней канцеляріи списокъ награждаемыхъ майоратами, Бергъ послалъ съ нимъ въ Петербургъ Трепова, и тотъ умѣлъ добиться подписи государя по секрету отъ тѣхъ людей, которые могли тому воспротивиться».

Само собою разумѣется, что Бергъ при раздачѣ казенныхъ земель въ майораты не забылъ и себя: небольшое имѣніе, которымъ онъ владѣлъ еще при Паскевичѣ гдѣ-то въ Ломжинской или Сувалкской губерніи, разрослось до цѣлаго графства, въ 24 деревни...

«Ниже Берга по старшинству службы, но выше его по дарованіямъ и по общему вліянію на ходъ дѣлъ въ Учредительномъ Комитетѣ стоялъ Николай Милютинъ». О его дѣятельности по крестьянскому дѣлу въ Россіи и въ Польшѣ теперь (1882 г.) есть дѣльныя статьи Анатоля Леруа Больё, основанныя на перепискѣ самого Милютина съ разными вліятельными лицами, но я все-таки сохраню здѣсь собственные отзывы, сдѣланные въ 1867 и 1873 годахъ. «Милютинъ былъ приглашенъ въ Польшу по рекомендаціи великаго князя Константина Николаевича для выработки, вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ, Юріемъ Самаринымъ и Арцимовичемъ, новыхъ узаконеній о крестьянахъ въ Польшѣ, которыхъ, такъ называемая, личная свобода была призракомъ, потому что они не владѣли землями, которыя обрабатывали, и потому, что помѣщики сохраняли надъ ними личную власть, какъ гминные войты. Эти новыя экономическія и соціальныя мѣры составляли единственное надежное средство задушить революцію политическую, которая лѣтомъ 1863 г. была въ полномъ разгарѣ. Милютинъ превосходно достигъ этой цѣли; но этого мало: онъ пошелъ гораздо дальше. Онъ хотѣлъ не только уничтожить привилигированное, исключительное положеніе поль-

---

[1]) О чувствахъ къ Россіи майоратныхъ владѣльцевъ изъ нѣмцевъ можно было уже въ 1863 г. судить по поведенію, напр., графини Крейцъ, отъявленной повстанки, жившей въ майоратѣ мужа, около Клодавы.

скаго дворянства, какъ сословія, владѣвшаго всею почвою страны и употреблявшаго свои средства на возстаніе противъ Россіи, но вообще переустроить польское общество на болѣе современныхъ началахъ, произвести общественный переворотъ (révolution sociale). Слово это такъ прямо и произносилось самимъ Милютинымъ на комиссарскихъ совѣщаніяхъ въ брюлевскомъ дворцѣ. И урокъ польской шляхтѣ на берегахъ Вислы долженъ былъ служить внушеніемъ своекорыстному дворянству во всѣхъ сосѣднихъ мѣстностяхъ: въ Литвѣ, на Волыни, въ Подоліи, въ Остзейскомъ краѣ, даже за границей: въ Австріи и Пруссіи. Для достиженія послѣдней цѣли Милютинъ принялъ за обыкновеніе популяризовать свои мѣры, сопровождая каждый указъ объяснительною запискою, напечатанною въ газетахъ, гдѣ всѣ выгоды новыхъ мѣръ выставлялись съ очевидностью. Эта наклонность къ объясненіямъ съ публикою, съ обществомъ была особенно ненавистна русскимъ министрамъ и администраторамъ, привыкшимъ все дѣлать подъ покровомъ тайны, и, разумѣется, она должна была создать смѣлому статсъ-секретарю по польскимъ дѣламъ многочисленныхъ враговъ въ высшихъ сферахъ, даже въ томъ случаѣ, когда бы реформы его не были либеральными. Но, сильный сознаніемъ правоты своего дѣла и, до времени, поддержкою императора Александра, Милютинъ шелъ смѣло по избранному пути, какъ бы забывая участь другого друга народа Тиберія Гракха, который тоже заботился, чтобы положеніе массъ было улучшено не на данную только минуту, а по возможности навсегда. Успѣхъ милютинской соціальной революціи, произведенной начинаніями не снизу, а сверху, долженъ былъ доказать міру, что пора (и безъ особаго труда возможно) покончить со всѣми остатками феодализма и что можно, наконецъ, смѣло служить успѣхамъ новѣйшей цивилизаціи, даже не бюрократической только и буржуазной, а именно соціальной, отъ которой бюрократы и буржуа бѣгутъ, какъ онъ чумы.

«Долго было бы разсказывать все, что сдѣлалъ и что хотѣлъ сдѣлать Н. Милютинъ. Все прогрессивное движеніе 1864—66 годовъ было совершено благодаря ему, т.-е. его уму, знаніямъ и энергіи. Не разъ ему при этомъ приходилось открыто бороться съ графомъ Бергомъ, княземъ Суворовымъ и другими поклонниками шляхетскихъ привилегій, стоявшими близъ трона. Онъ шелъ впередъ безостановочно, не оставляя противникамъ ни пяди поля борьбы и становясь съ каждой побѣдой все выше и выше въ общественномъ мнѣніи Россіи и даже Европы. Въ сочувствіи этого общественнаго мнѣнія находилъ онъ главную нравственную поддержку для безустанной работы, а въ офиціальныхъ сферахъ

его поддерживали: братъ Дмитрій, военный министръ, вел. кн. Константинъ и, до извѣстной степени, виленскій генералъ-губернаторъ Муравьевъ, который хотя и былъ ретроградомъ по крестьянскому дѣлу въ имперіи, но по отношенію къ земледѣльцамъ-полякамъ въ западномъ краѣ дѣйствовалъ безпощадно. Валуевъ и другіе сторонники помѣщичьей партіи, которые испортили крестьянскую реформу въ имперіи, не имѣли доступа въ сферу дѣлъ польскихъ, хотя Валуеву, женатому на полькѣ, очень того хотѣлось.

«Несогласія между Милютинымъ и Бергомъ не могли остаться неизвѣстными императору Александру. Послѣдній неоднократно дѣлалъ попытки примирить ихъ, но, разумѣется, тщетно. Даже вынужденный поцѣлуй, который онъ заставилъ ихъ дать другъ другу въ вагонѣ между Вержболовымъ и Вильно, не привелъ ни къ чему. Борьба продолжалась, и скоро Милютинъ въ ней изнемогъ. Апоплексическій ударъ положилъ конецъ его славной дѣятельности, и хотя императоръ лично явился въ квартиру пораженнаго, чтобы его утѣшить и ободрить, но одно уже то, что на время его болѣзни завѣдываніе польскими дѣлами было поручено Шувалову, показывало, что вѣтеръ въ Зимнемъ Дворцѣ перемѣнился и что Н. Милютину тамъ нечего болѣе дѣлать». Такъ писалъ я въ 1867 году на свободной почвѣ Швейцаріи, въ безымянной брошюрѣ; такъ пишу и теперь, въ 1881 г., опять на той же почвѣ свободы, но уже съ открытымъ забраломъ, хотя находились люди, которые въ 1872 году увѣряли, что слѣдующія строки были мнѣ продиктованы не искреннимъ уваженіемъ къ Н. А. Милютину, тогда скончавшемуся, а желаніемъ подслужиться къ его брату, Дмитрію, тогда главному моему начальнику.

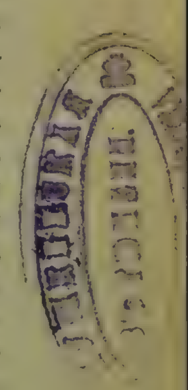
«Вѣсть о кончинѣ Николая Алексѣевича Милютина», писалъ я въ «Голосѣ», «произвела глубокое впечатлѣніе въ цѣлой Россіи. Такой свѣтлый умъ, такая честность и прямота характера, такое широкое пониманіе современныхъ историческихъ вопросовъ, соединенное съ искусствомъ приступать къ рѣшенію ихъ и проводить выработанныя начала въ самую жизнь, наконецъ, такое умѣнье окружать себя сотрудниками, глубоко преданными идеямъ своего вождя, составляютъ явленіе очень рѣдкое всюду, особенно утѣшительное у насъ. И если безвозвратная утрата такого дѣятеля должна отозваться грустно въ душѣ каждаго русскаго, то тѣмъ болѣе она отозвалась тяжело въ сердцахъ бывшихъ его сотрудниковъ по крестьянскому дѣлу въ имперіи или по преобразованіямъ въ привислянскомъ краѣ. Небольшой кружокъ знакомыхъ, бывшихъ подчиненныхъ Николая Алексѣевича, поэтому

далъ мнѣ право обратиться къ Вамъ (редактору «Голоса») съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ публичномъ заявленіи общей всѣмъ намъ мысли почтить память покойнаго дѣломъ, которое бы настолько же живо сохранило имя его на берегахъ Вислы, насколько въ насъ самихъ живо воспоминаніе о нашей общей тамъ дѣятельности, которой животворящую мысль мы выносили изъ его кабинета въ брюлевскомъ дворцѣ и которой исполнителями гордились быть во все время пребыванія за Бугомъ и Нѣманомъ».

И вслѣдъ затѣмъ я предлагалъ устройство, по подпискѣ, стипендій въ варшавскомъ университетѣ и польскихъ гимназіяхъ, стипендій, которыя бы носили имя Милютина. Не знаю теперь, осуществилась ли эта идея: вѣроятно, нѣтъ. Въ 1872 году во всей Россіи безусловно господствовали уже Шуваловы, Толстые, Тимашевы и другіе ретрограды, которымъ самое имя покойника было противно. А въ Польшѣ все еще сидѣлъ Бергъ, хотя и низведенный до совершеннаго политическаго ничтожества.

«Во время отсутствія Милютина изъ Варшавы, представителями его началъ въ Учредительномъ Комитетѣ являлись князь Черкасскій и Соловьевъ, особенно первый. Съ обоими Милютинъ шелъ рядомъ еще въ редакціонныхъ комиссіяхъ по крестьянскому дѣлу въ Россіи, а съ Черкасскимъ совокупно трудился и надъ польскимъ вопросомъ. Вмѣстѣ разъѣзжали они по взволнованной Польшѣ лѣтомъ 1863 года, чтобы изучить хозяйственный строй населенія; вмѣстѣ явились въ Варшаву въ 1864 году для приведенія въ исполненіе указовъ 19 февраля и всякихъ иныхъ задуманныхъ ими реформъ. Несмотря на мизерный чинъ титулярнаго совѣтника, Черкасскій былъ сдѣланъ директоромъ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ въ Польшѣ, т.-е. мѣстнымъ министромъ. Довѣріе къ его способностямъ и усердію было, слѣдовательно, полное; но я сомнѣваюсь, чтобы Милютинъ очень уважалъ нравственныя его качества. Вся Россія знала, что Черкасскій, являясь горячимъ другомъ крестьянства въ Петербургѣ, своихъ собственныхъ крѣпостныхъ въ веневскомъ уѣздѣ отпустилъ на волю почти безъ земли. Кромѣ того, всѣ помнили, какъ во время оживленной литературной полемики, предшествовавшей указамъ 1861 года, князь, человѣкъ молодой и современный, предлагалъ оставить за помѣщиками настолько власти надъ мужиками, чтобы они могли давать послѣднимъ по 18 розогъ каждый разъ, когда имъ покажется нужнымъ для возстановленія чьихъ либо правъ, нарушенныхъ крестьяниномъ, хотя бы то были права самого судьи—помѣщика. Черкасскій былъ считаемъ за esprit-fort Учредительнаго Комитета, и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ

остроумный ораторъ, искусный докладчикъ и ловкій отыскиватель тѣхъ среднихъ величинъ, на которыхъ соглашались сойтись спорившія дотолѣ стороны. Это послѣднее качество было очень драгоцѣнно въ Комитетѣ, которому иногда нужно было не тратить много времени на споры, а постановлять и приводить въ исполненіе то или другой рѣшеніе какъ можно скорѣе; но оно, свидѣтельствуя о гибкости ума князя, удостовѣряетъ также, что онъ былъ шатокъ въ принципахъ. И въ самомъ дѣлѣ Черкасскій былъ баринъ съ демократическими склонностями, бѣлый и красный вмѣстѣ, некрасовскій «русскій либералъ», да еще въ придачу деспотъ во всемъ, гдѣ дѣйствовала его единоличная воля. Такимъ видѣлъ его потомъ весь свѣтъ въ Болгаріи, до самой его кончины, т.-е. до дня заключенія сенъ-стефанскаго договора, подписаннаго Игнатьевымъ безъ его участія [1]). Но въ Учредительномъ Комитетѣ князь Черкасскій былъ очень полезенъ, потому что умѣлъ мирить радикальныя идеи Милютина и Соловьева съ юридически-шляхетными Арцимовича, общинно-помѣщичьими Кошелева, административно-бюрократическими Брауншвейга и австрійско-феодальными Берга. Его вліяніе на выборъ второстепенныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу въ Польшѣ было очень велико, и это онъ пригласилъ въ Варшаву Тихменева (составителя формы ликвидаціонныхъ табелей), П. Самарина, Кокошкина, Толочанова и другихъ усердныхъ членовъ центральной и мѣстныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу». «Въ первые мѣсяцы существованія Учредительнаго Комитета, съ марта по іюнь 1864 года, князь Черкасскій управлялъ въ немъ дѣлами, стало быть, совершилъ нелегкое дѣло организаціи учрежденія, котораго кругъ дѣятельности былъ очень обширенъ, но недостаточно опредѣленъ, потому что съ одной стороны въ Петербургѣ былъ статсъ-секретаріатъ по дѣламъ Польши, а съ другой—въ Варшавѣ было мѣстное верховное управленіе въ видѣ Совѣта намѣстничества. Нужно ему отдать справедливость: онъ эту деликатную задачу рѣшилъ отлично, конечно опираясь на Милютина. Кромѣ того, въ это же время на немъ лежалъ тяжелый трудъ пересмотра многочисленныхъ донесеній о дѣятельности четырнадцати мѣстныхъ комиссій, которыми онъ же руководилъ опять въ самое трудное первое время, когда ошибки были почти неизбѣжны. Наконецъ, въ это же горячее время нужно было организовать крестьянское самоуправленіе въ краѣ, который дотолѣ его не

---

[1]) Извѣстно, что, недовольный своимъ положеніемъ въ Санъ-Стефано, кн. Черкасскій кончилъ самоубійствомъ. *Авт.* По словамъ П. М. Майкова, біографа кн. Черкасскаго, онъ скончался отъ апоплексическаго удара. (Русскій біографическій словарь). *В. С.*

зналъ и въ которомъ для уничтоженія преобладающаго вліянія помѣщиковъ и ксендзовъ приходилось раздроблять приходы и имѣнія для образованія гминъ (волостей), гдѣ бы ни панъ, ни ксендзъ не были хозяевами. Все это требовало необыкновеннаго напряженія силъ и все дѣлалось безостановочно и довольно удовлетворительно. Но все-таки Милютинъ хорошо сдѣлалъ, что взялъ отъ Черкасскаго завѣдываніе дѣлами Комитета и оставилъ за нимъ одну правительственную комиссію внутреннихъ дѣлъ: самая даровитая натура скоро истомилась бы подъ двойнымъ бременемъ, тѣмъ болѣе, что у Черкасскаго рутинной канцелярской выдержки было мало; да и серьезная сторона дѣлъ пошла бы хуже. Черкасскій, по природѣ нѣсколько диллетантъ, иногда слишкомъ торопился въ осуществленіи своихъ видовъ, и тогда получались промахи, въ родѣ статей 27-й и 71-й Постан. Учр. Ком., про которыя Милютинъ выразился, что «вы, князь, ихъ сг . . . .». Первая изъ этихъ статей касалась вознагражденія крестьянъ, неправильно изгнанныхъ помѣщиками съ земли; вторая трактовала, и довольно безтолково, о мелкихъ сельскихъ обитателяхъ, неимѣвшихъ отдѣльныхъ жилищъ или усадьбъ. Обѣ производили немало замѣшательствъ въ примѣненіи статей 1, 5 и 6-й указа № 1, и хотя были сочинены Черкасскимъ вмѣстѣ съ Арцимовичемъ и Тихменевымъ, но Милютинъ справедливо сердился болѣе всѣхъ на перваго, какъ на esprit-fort и офиціальнаго руководителя дѣлъ.

«Дѣятельность Черкасскаго по должности директора внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, т.-е. начальника пяти, а потомъ десяти губернаторовъ, нѣсколькихъ десятковъ уѣздныхъ начальниковъ, множества разныхъ епархіальныхъ и монастырскихъ властей, тоже была нелегка и ознаменовалась нѣсколькими серьезными нововведеніями. Нельзя, конечно, сказать, чтобы удвоеніе числа губерній и уѣздовъ, со введеніемъ толпы новыхъ чиновниковъ, было благомъ для края; но оно имѣло свое значеніе въ странѣ, подвергавшейся стольким̆ъ революціямъ. Мѣры противъ католическаго духовенства, т.-е. отобраніе у приходскихъ ксендзовъ земель и закрытіе множества монастырей, можно положительно назвать прогрессивными, потому что вообще, гдѣ духовенство, да еще католическое, господствуетъ, тамъ не можетъ быть свободнаго умственнаго развитія народа. Конечно, обезсиливая поповъ въ сутанахъ, Черкасскій имѣлъ не научную цѣль, а политическую, именно ослабленіе одной изъ враждебныхъ Россіи силъ; но, какъ часто бываетъ въ человѣческихъ дѣлахъ,— искали одно, а находили другое, и не худшее, а лучшее. Черкасскому, вмѣстѣ съ Милютинымъ, кн. А. М. Горчаковымъ и

вел. кн. Константиномъ Николаевичемъ, принадлежитъ и честь объявленія правительствомъ, что оно разрываетъ сношенія съ римскимъ дворомъ, объявленіе, которое, еслибы было поддержано въ силѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, могло бы привести къ немаловажнымъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что папа Пій IX какъ разъ въ эти годы умѣлъ сильно уронить католицизмъ въ глазахъ здравомыслящихъ людей своими новыми догматами о непорочномъ зачатіи . . . . , и о собственной его, папы, непогрѣшимости, своими энцикликами и силлабусомъ. Вѣдь если, несмотря на 1867 г., римскій вселенскій соборъ въ странахъ, издавна католическихъ, умѣла образоваться церковь, не признающая непогрѣшимости папы; если маленькая Женева имѣла достаточно силы, чтобы выгнать поставленнаго Піемъ IX епископа Мармильо; если мало-по-малу въ Швейцаріи, въ придунайской и прирейнской Германіи организовалась цѣлая старо-католическая іерархія, поставляющая поповъ и архіереевъ независимо отъ Рима,—то чего нельзя было ожидать при настойчивомъ и искусномъ веденіи дѣла отдѣленія отъ папы русскихъ католиковъ? Нужно бы было употреблять не все волчій зубъ, а и лисій хвостъ, на что Черкасскій имѣлъ достаточно ловкости. Но Черкасскій, какъ и Милютинъ, сошли со сцены скоро послѣ каракозовскаго выстрѣла, за которымъ вообще наступило реакціонное движеніе въ Россіи. Какъ только въ Варшавѣ была получена вѣсть объ ударѣ у Милютина, Черкасскій попросился у Берга, находившагося тогда въ Петербургѣ, прибыть туда же, но не получилъ согласія. «Самый австрійскій изъ русскихъ генераловъ» понялъ, что, появись въ это время на глаза государю умный, ловкій и энергичный директоръ внутреннихъ дѣлъ въ Польшѣ, онъ былъ бы посаженъ на мѣсто Милютина, т.-е. изъ подчиненныхъ Берга сталъ бы ему начальникомъ. Видя эту низость намѣстника и хорошо понимая, что съ удаленіемъ со сцены Милютина и ему, Черкасскому, долго не продержаться на ней, князь, съ достоинствомъ, рѣдкимъ въ русскомъ, титулованномъ мірѣ, вышелъ въ отставку и черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ московскимъ городскимъ головой, но, впрочемъ, также и основателемъ тульскаго земельнаго банка, т.-е. биржевымъ спекуляторомъ.—Польская шляхта чуть не прыгала отъ радости, узнавъ (ранѣе насъ) объ удаленіи Черкасскаго и Милютина; мы, напротивъ, сильно упали духомъ, потому что не на Соловьева же съ Брауншвейгомъ, Заболоцкимъ и Остенъ-Сакеномъ, оставшихся членами Учредительнаго Комитета, можно было полагать надежду въ неуклонномъ исполненіи указовъ 19 февраля 1864 г., которому мы доселѣ служили.

«Одновременно съ Черкасскимъ былъ назначенъ членомъ Учредительнаго Комитета Арцимовичъ, человѣкъ тоже способный, свѣдущій, но не умѣвшій пріобрѣсти расположенія русскихъ вслѣдствіе своего двуличнаго поведенія въ Варшавѣ, обусловленнаго, впрочемъ, самымъ его положеніемъ. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія, хорошій юристъ и администраторъ, онъ доказалъ свои способности во время управленія тобольской, а потомъ калужскою губерніей, гдѣ прославился настойчивостью въ примѣненіи указовъ 19 февраля 1861 года въ самомъ либеральномъ, т.-е. выгодномъ для крестьянъ смыслѣ. Это то обстоятельство, въ связи съ его польскимъ происхожденіемъ и предполагавшимся знакомствомъ съ польскими законами, и было причиною приглашенія его на службу въ Польшу. Но правительство тутъ ошиблось точно такъ же, какъ при выборѣ Зайончековъ, Чарторыскихъ, Залусскихъ, Велепольскихъ и пр. Арцимовичъ, который въ Калугѣ не могъ равнодушно слышать слова «дворянинъ», очень сочувственно относился въ Варшавѣ къ «шляхтичамъ» и къ ихъ интересамъ, не только поземельнымъ, но и сословнымъ [1]). Ему, напр., хотѣлось подчинить вновь созданные въ 1864 году крестьянскіе гминные суды вѣдомству шляхетской польской юстиціи, а не русскимъ комиссіямъ по крестьянскимъ дѣламъ. «Милютинъ и Черкасскій скоро замѣтили эту рознь въ убѣжденіяхъ съ своимъ товарищемъ по выработкѣ законовъ 19-го февраля и горячо напали на него. А какъ Арцимовичъ, вѣроятно, не желая осрамиться между поляками, упрямился, и въ подвѣдомственной ему юридической комиссіи преобладающую роль предоставилъ польскимъ чиновникамъ [2]), то, въ концѣ концовъ, для избѣжанія непріятностей съ Милютинымъ, долженъ былъ попроситься изъ Варшавы на службу въ имперію. Единственными результатами его пребыванія въ Польшѣ остались сборники разныхъ матеріаловъ для составленія новыхъ законовъ для этой страны; но это болѣе труды его подчиненныхъ, Штуммера, Пясецкаго, Лешевича и др., чѣмъ его самого». Уѣхавъ изъ Варшавы, онъ сталъ сенаторомъ одного изъ кассаціонныхъ департаментовъ,

---

[1]) В. А. Арцимовичъ дѣйствительно стоялъ за сохраненіе въ Царствѣ Польскомъ не только мелкой, но и крупной, земельной собственности, но все же авторъ воспоминаній нѣсколько односторонне освѣщаетъ роль Арцимовича въ Царствѣ Польскомъ. Свѣдѣнія о ней съ другой точки зрѣнія см. въ книгѣ «Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія.—Характеристики» (Спб. 1904 г.), письмо Г. П. Ермолаева и статью В. Д. Спасовича, особенно стр. 682—683, 694—696. *В. С.*

[2]) Впрочемъ, не безъ нѣкотораго основанія, ибо они естественно были свѣдущѣе русскихъ въ польскомъ законодательствѣ и, пожалуй, усерднѣе, ловче. Послѣднія достоинства признавалъ за ними Кошелевъ по финансовой части.

гдѣ и прозябалъ долго до назначенія первоприсутствующимъ въ одинъ изъ департаментовъ Сената стараго. Чтобы не скучать отъ возни съ мелкими кляузами, поступавшими «на кассацію», онъ изготовленіе докладовъ по нимъ поручалъ наемному чиновнику, а самъ только прочитывалъ эти доклады передъ департаментомъ [1]), давая, такимъ образомъ, примѣръ того, какъ легистъ par profession можетъ обходить законъ, требующій, чтобы кассаціонные сенаторы сами работали надъ дѣлами, имъ достающимися по очереди.—«Вскорѣ послѣ Черкасскаго и Арцимовича попалъ въ члены Учредительнаго Комитета Заболоцкій, бывшій дежурный генералъ штаба 1-й арміи. Зачѣмъ, почему?—А затѣмъ, что нужно было имѣть въ Комитетѣ, при его всесторонней учредительной дѣятельности, хоть одного военнаго генерала, притомъ знакомаго съ Польшею. Но почему на это мѣсто попалъ именно Заболоцкій, это трудно сказать. Ужъ, вѣроятно, не потому, что въ мартѣ 1861 года по его приказанію даны были первые выстрѣлы противу поляковъ, положившіе на мѣстѣ извѣстныхъ «пять жертвъ (офяръ)». Это было бы послѣднею степенью безтактности со стороны правительства. А впрочемъ, какъ знать? Можетъ быть, именно, поэтому, чтобы сразу показать полякамъ, каковъ будетъ характеръ дѣятельности комитета. Заболоцкій, однако, никакого политическаго значенія не имѣлъ, занимался почти исключительно вопросомъ о рекрутскихъ наборахъ въ Польшѣ, а во всемъ остальномъ былъ просто подчиненнымъ Берга, пока не повздорилъ съ нимъ изъ-за отчетности въ контрибуціонныхъ и штрафныхъ деньгахъ, собранныхъ съ Польши за время возстанія.

Бергъ отчета давать не хотѣлъ, а Заболоцкій его требовалъ. Само собою разумѣется, что старый штабной дѣлецъ воспользовался своимъ званіемъ русскаго члена Учредительнаго Комитета, чтобы получить майоратъ въ Польшѣ съ 3000 р. номинальнаго или съ 6—8000 рублей дѣйствительнаго годового дохода, что не мѣшало ему въ 1877 году, состоя уже въ запасныхъ войскахъ, получать еще изъ казны до $5^1/_2$ тысячъ рублей жалованья и аренды. Вѣдь майоратовъ не получили только Н. Милютинъ (но братъ, его безкорыстный Дмитрій, получилъ), Черкасскій и Кошелевъ; а то ихъ умѣли добиться не только балтійскіе нѣмцы, но даже греки, напр. Апостолъ Костанда, который въ Польшѣ игралъ роль мухи, помогавшей везти рыдванъ, и ужъ, конечно,

---

[1]) Сообщено мнѣ товарищемъ Арцымовича по школѣ и сенату Д. А. Ровинскимъ.

не могъ служить для руссификаціи края, объявленной цѣлью раздачи майоратныхъ имѣній [1]).

«Въ іюнѣ 1864 года прибылъ въ Варшаву вновь назначенный тогда членомъ Учредительнаго Комитета Соловьевъ, къ которому и перешло отъ Черкасскаго дѣлопроизводство Комитета. Покойникъ оставилъ послѣ себя «Записки», которыя напечатаны въ «Русской Старинѣ»; стало-быть,—что можно было сказать въ его пользу уже сказано съ возможною обстоятельностью и притомъ, я готовъ думать, вполнѣ добросовѣстно, безъ прикрасъ. Остается показать изнанку этой личности, отъ которой почти все время зависѣли «животы» дѣятелей по крестьянскому вопросу, и затѣмъ сдѣлать общій о ней выводъ. Это и не трудно, потому что Як. Ал-чъ Соловьевъ принадлежалъ къ очень несложному типу чиновниковъ либерально-деспотическаго пошиба. Бюрократъ онъ былъ до мозга костей. У него была страсть къ отчетнымъ вѣдомостямъ, спискамъ, таблицамъ, реестрамъ, номерамъ, формамъ, параграфамъ, канцелярскому порядку и дисциплинѣ между подчиненными, которую онъ понималъ такъ, какъ старые бригадные генералы николаевскихъ временъ. Насъ комиссаровъ и предсѣдателей, назначенныхъ Милютинымъ, онъ не долюбливалъ, находя, что мы слишкомъ самостоятельны, не склоняемся передъ кѣмъ слѣдуетъ, позволяемъ себѣ обо всемъ судить по собственному убѣжденію и даже не всегда въ разговорахъ съ нимъ употребляемъ титулъ превосходительства; поэтому, какъ только стало можно, онъ началъ милютинскихъ ставленниковъ замѣнять своими, болѣе низкопоклонными и покорными. Между ними, конечно, попадались люди безграмотные, какъ, напримѣръ, навязанный мнѣ въ помощники какой-то Ивановъ, писавшій бумаги безъ глаголовъ съ одними дѣепричастіями; но зато передъ Соловьевымъ они были всегда на вытяжку, съ лицомъ почтительно-улыбающимся, а Якову Ал-чу это нравилось прежде всего. Въ его понятіяхъ подчиненный не былъ сотрудникомъ (какъ для Милютина, для Муравьева Амурскаго), а слугою, котораго настоящее мѣсто— у притолки, а настоящее положеніе—молчаливая стойка, когда начальникъ-громовержецъ его распекаетъ хотя бы ни за что, ни про что, а только для внушенія къ себѣ страха и какъ, вѣроятно, надѣялся онъ,—уваженія. Желчный, раздражительный и грубый съ низшими, онъ не умѣлъ держать себя независимо съ высшими

---

[1]) Большой хвастунъ Костанда, бывши начальникомъ отдѣла въ Люблинѣ, увѣрялъ меня, что имъ первымъ внушена правительству мысль покончить съ политическою революціею въ Польшѣ помощью революціи соціальной, т.-е. крестьянской реформы. Онъ будто-бы рекомендовалъ эту мѣру самому государю, когда представлялся ему по случаю назначенія начальникомъ дивизіи!!

и въ этомъ смыслѣ далеко отставалъ отъ Черкасскаго, который, несмотря на свою придворную мягкость съ Бергомъ, умѣлъ имъ ловко командовать. Результатомъ всего этого получился упадокъ значенія крестьянскихъ учрежденій и положенія ихъ членовъ, какъ только Н. Милютинъ сошелъ со сцены. Императоръ Александръ, напримѣръ, въ бытность свою въ Варшавѣ лѣтомъ 1867 года очень холодно принялъ предсѣдателей крестьянскихъ комиссій, которые, конечно, были ему выставлены Шуваловымъ и Бергомъ, какъ люди «отчаянно красные»—соціалисты. Многіе уважавшіе себя члены комиссій повыходили изъ службы, видя, какъ Соловьевъ старается привести ихъ къ обычному чиновничьему уровню, т.-е. къ ничтожеству, и для этого употребляетъ обычный канцелярскій же пріемъ: обходиться съ подчиненными, какъ капральный унтеръ-офицеръ съ рядовыми.

«Но, характеризуя такимъ образомъ Соловьева, я долженъ воздать хвалу и его многимъ полезнымъ трудамъ, а также хорошимъ качествамъ. Къ послѣднему обязываютъ и добрыя отношенія которыя между нами существовали и доходили до того, что Соловьевъ не стѣснялся мнѣ говорить въ присутствіи другихъ предсѣдателей, что комиссію мою считаетъ образцовой, что было nec plus ultra любезности, которой могъ ожидать отъ него человѣкъ подчиненный и притомъ вовсе въ немъ незаискивавшій. Итакъ, прежде всего припомню, что онъ, по словамъ довольно остроумной современной статьи въ «Revue des deux Mondes», былъ тѣнью Милютина, и, прибавлю отъ себя, тѣнью не лѣнивою, такъ что она усердно повторяла всѣ движенія оригинала, только съ нѣкоторою угловатостью. За крестьянъ онъ стоялъ всею душою; къ феодализму и шляхтѣ относился съ ненавистью, хотя не зналъ, чѣмъ ихъ замѣнить, кромѣ всемогущей и ничего неумѣющей бюрократіи. Онъ не прочь былъ стоять и за своихъ подчиненныхъ, но, разумѣется, подъ условіемъ, чтобы они принадлежали къ числу почтительныхъ и безгласныхъ. У себя въ кабинетѣ и въ канцеляріи это былъ усерднѣйшій чиновникъ, не только подписывавшій, но и прочитывавшій, отчасти даже сочинявшій ежегодно около 10.000 бумагъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, онъ, ради пользъ службы, выучился по-французски, чтобы умѣть говорить съ высшимъ польскимъ шляхетствомъ на языкѣ нейтральномъ, т.-е. неоскорблявшемъ ни ясновельможныхъ пановъ, ни его самого, Соловьева. Честность его не только въ денежномъ отношеніи, но и въ дѣлѣ убѣжденій (что гораздо рѣже) была внѣ всякихъ сомнѣній, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ болѣе надежнымъ помощникомъ Милютину, чѣмъ кн. Черкассій. Но горе было въ томъ, что духъ иниціативы былъ ему совершенно чуждъ, и онъ никогда не могъ

замѣнить собою не только Николая Алексѣевича, но и князя Владимира Александровича. Послѣ удаленія обоихъ послѣднихъ со сцены онъ продолжалъ описывать прежній эллипсисъ, предписанный законами Кеплера для планетъ и спутниковъ; но, какъ тѣло отъ природы темное, свѣтить пересталъ, потому что солнце его (Милютинъ) угасло. Движеніе продолжалось исключительно по инерціи, притомъ съ постоянною наклонностью къ переходу въ прямолинейное по касательной, т.-е. въ міръ бездушнаго чиновничества и вдаль отъ того огненнаго фокуса, который состоялъ изъ передовыхъ идей вѣка и умѣнья прилагать ихъ къ данной средѣ и съ данною цѣлью—пересоздать Польшу ко благу ея самой и Россіи. Вкусы чиновника мало-по-малу взяли вверхъ надъ вкусами государственнаго человѣка, и Соловьевъ поддался на уловку Берга, сдѣлавшаго его сенаторомъ, давшаго майоратъ въ 3000 рублей дохода и выхлопотавшаго одну или двѣ звѣзды на фракъ. Разумѣется, послѣ этого онъ сталъ ветошкой, которую старый интриганъ-намѣстникъ употреблялъ иногда для стиранія пыли, давая ей по носу всякій разъ, когда она забывала свою роль—орудія.

«Такъ лѣтомъ 1867 года, когда ожидался въ Варшавѣ пріѣздъ императора Александра, Соловьевъ сочинилъ было адресъ его величеству отъ имени всѣхъ русскихъ, жившихъ и трудившихся въ Польшѣ; болѣе 600 человѣкъ подписали его и между ними, конечно, было много подчиненныхъ Соловьева, который и передалъ адресъ Бергу для доставки его по назначенію. Но Бергъ нашелъ это заявленіе преданности русскихъ излишнимъ и, ничего не сказавъ Соловьеву, положилъ бумагу подъ спудъ. Тогда всѣ ожидали, что Соловьевъ обидится и уѣдетъ изъ Польши; но ничуть не бывало, онъ оставался тамъ еще нѣсколько лѣтъ, продолжая получать свои 7500 рублей содержанія и жить на великолѣпной квартирѣ въ брюлевскомъ дворцѣ, даже содержать тамъ свѣтскій салонъ (!), для чего въ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ женился на племянницѣ или воспитанницѣ богача Фундуклея. Разумѣется, послѣ этого Бергъ не ставилъ его въ грошъ и даже самъ удерживалъ въ Варшавѣ, опасаясь замѣны его человѣкомъ бóльшихъ достоинствъ.

«Послѣ Соловьева приходится упомянуть лишь объ одномъ членѣ Учредительнаго Комитета, принадлежавшемъ къ раннему составу его, именно о Кошелевѣ, который былъ назначенъ въ Польшу лѣтомъ 1864 г. и прямо изъ губернскихъ секретарей попалъ въ министры финансовъ. Неожиданное назначеніе это объясняется и въ свое время объяснялось связями Кошелева съ Черкасскимъ по славянофильскому кружку, дѣятельнымъ его

участіемъ въ крестьянской реформѣ въ Россіи, его помѣщичьею опытностью въ сельскомъ хозяйствѣ и, наконецъ, его умѣньемъ нажиться помощью «финансовыхъ» операцій, впрочемъ очень нехитрыхъ, такъ какъ онъ былъ когда то виннымъ откупщикомъ. Проѣздомъ въ Варшаву, представляясь въ Петербургѣ государю, онъ получилъ отъ послѣдняго благодарность за «самопожертвованіе», ибо шелъ въ Польшу по вызову правительства, ничѣмъ непобуждаемый, только изъ желанія принести посильную пользу, такъ какъ общественное положеніе его, богатство и связи и безъ того не оставляли ничего желать. На самомъ дѣлѣ однако же не все было такъ, и Кошелевъ за короткую, менѣе чѣмъ трехлѣтнюю службу въ Польшѣ, конечно не противъ воли, получилъ сразу восемь чиновъ, а потомъ и «ленту», т.-е. сталъ «генераломъ» не по одному карману,—разница поразительная съ другимъ богатымъ славянофиломъ, Юріемъ Самаринымъ, который возвратилъ правительству владимірскій крестъ, которымъ его было наградили за труды въ редакціонныхъ комиссіяхъ 1858—60 года и работалъ также даромъ въ 1864 году въ Польшѣ. А служебной пользы отъ Кошелева въ Варшавѣ было немного, и если бы его не подгонялъ изъ Петербурга Милютинъ, то не было бы никакой, по крайней мѣрѣ въ финансовой сферѣ. Что же касается до крестьянскаго дѣла, то онъ, какъ помѣщикъ, тянулъ нѣсколько къ шляхтѣ и открыто выражалъ несочувствіе къ статьѣ 11-й указа № 1, сохранившей за крестьянами сервитуты, т.-е. права пользованія пастбищами на помѣщичьихъ земляхъ и деревомъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ. «Охъ эти сервитуты!—говорилъ онъ разъ мнѣ,—вы, господа члены комиссіи, будьте милостивы въ приложеніи этого жестокаго закона; иначе землевладѣльцы разорятся совсѣмъ, и земледѣліе въ странѣ упадетъ».—Ничего подобнаго, какъ извѣстно, не случилось, а законъ о сервитутахъ и донынѣ (1880-е г.г.) существуетъ, да и отмѣнить его было бы небезопасно въ виду возможности возбудить противу правительства всю массу крестьянскаго населенія, нисколько не привязавъ притомъ и помѣщиковъ. Нужно еще замѣтить, что и установленъ этотъ законъ былъ затѣмъ, чтобы поддержать антогонизмъ между крестьянами и шляхтою, для обезпеченія правительства отъ революціонныхъ дѣйствій послѣдней. Старинное римское и іезуитское правило divide et impera было его основою, и экономическій интересъ тутъ приносился въ жертву политикѣ (гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ справедливости)... впрочемъ, отнюдь не безусловно, ибо сервитуты могли подлежать отмѣнѣ, если помѣщикъ находилъ возможнымъ войти въ добровольную о томъ сдѣлку съ крестьянами. Кошелевъ у себя въ Сапожкѣ, недопускавшій этой системы, не сочувство-

валъ ей и въ Польшѣ и, напротивъ, склонялся въ пользу разныхъ мѣръ кротости, говоря, что поляковъ безъ различія сословій *нужно подкупить* ласками и милостями, что обнаруживало въ почтенномъ старцѣ сентиментальность, несоотвѣтственную ни его лѣтамъ, ни его откупщичьей профессіи. Впрочемъ, сентиментальное направленіе осталось свойственнымъ ему и гораздо позднѣе, когда онъ выступилъ съ заграничными брошюрами по предметамъ гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ польскіе сервитуты. Онъ высказывалъ, напр., такія странныя вещи, что можно въ Россіи устроить народное представительство, сохранивъ неизмѣннымъ неограниченность царской власти. Очевидно, что головѣ его свойственна непослѣдовательность.

Я не стану много говорить объ остальныхъ членахъ Учредительнаго Комитета: Брауншвейгѣ, Трубниковѣ и Маркусѣ, во 1-хъ потому, что они были назначены позднѣе прочихъ, во 2-хъ потому, что я ихъ мало зналъ, и въ 3-хъ потому, что вліяніе ихъ на ходъ реформъ въ Польшѣ было второстепенное. Трубниковъ, человѣкъ очень умный, былъ потомъ въ Петербургѣ предсѣдателемъ центральной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Польшѣ; но ему оставалось додѣлывать только мелочи. Брауншвейгъ пріѣхалъ въ Варшаву изъ Подоліи, гдѣ былъ губернаторомъ и гдѣ, помнится, разошелся во взглядахъ на крестьянскую реформу съ кіевскими властями, что и обратило на него вниманіе Милютина. Дюжинный бюрократъ, онъ былъ сдѣланъ въ Варшавѣ предсѣдателемъ ликвидаціонной комиссіи, потомъ «смѣнилъ, не замѣнивъ» Черкасскаго въ комиссіи внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, попалъ въ сенатъ, гдѣ и продолжаетъ . . . . . даромъ поѣдать казенный хлѣбъ. О Маркусѣ затрудняюсь сказать, что либо, кромѣ того, что его выдавали за хорошаго финансиста; но такъ ли это было на дѣлѣ—не знаю. Майората изъ казенныхъ земель въ Польшѣ онъ, впрочемъ, успѣлъ добиться, стало быть финансовую ариѳметику понималъ.—Гораздо больше его сохранились въ памяти Бѣлозерскій, Кулишъ и Тихменевъ, принимавшіе непосредственное участіе въ дѣлахъ Учредительнаго Комитета, хотя они и не были его членами. Бѣлозерскій украйнофилъ и либералъ, сидѣвшій при Николаѣ въ крѣпости, былъ сдѣланъ директоромъ канцеляріи Комитета и принадлежалъ къ числу людей, съ которыми пріятно имѣть дѣло, потому что они вѣжливы и предупредительны, хотя нельзя сказать, чтобы пословица: «умѣетъ мягко стлать, да жестко спать» была не примѣнима къ нему. Черезъ него обыкновенно мы, предсѣдатели комиссій, доводили до свѣдѣнія Соловьева щекотливыя подробности о дѣятельности комиссаровъ, и онъ умѣлъ обдѣлывать все

такъ, что никто не жаловался громко на послѣдствія этихъ конфиденціальныхъ сообщеній.—Кулишъ, другой украйнофилъ, былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Комитетѣ и дѣйствительно имѣлъ особое порученіе: содѣйствовать возникновенію или, пожалуй, возрожденію связ і между польскими малороссами (русинами) и хохлами—собственно, даже великороссами. Онъ для этого, при содѣйствіи комиссіи, разсылалъ книги въ родѣ «Правды объ Уніи», «Холмскаго календаря» и т. п., которыя я и комиссары распространяли между крестьянами-уніатами малороссійскаго племени. Большого успѣха отъ этой пропаганды не было; но разныя учебныя книжки на русскомъ языкѣ, полагаю, остались не безъ пользы въ школахъ, которыя быстро начали съ 1865 года возникать среди крестьянъ малороссовъ и поляковъ.—Меня нѣсколько забавляло положеніе Бѣлозерскаго и Кулиша. Оба хохломаны-федералисты, они работали въ Варшавѣ въ пользу руссификаціи провинцій, самостоятельное мѣстно-національное развитіе которыхъ было когда-то чуть ли не альфою ихъ теорій; но собственно удивляться этому нельзя, ибо человѣкъ—рабъ обстоятельствъ и среды, въ которой ему приходится дѣйствовать, не исключая такихъ даже сильныхъ характеромъ и положеніемъ личностей, какъ, напр., Бисмаркъ, Наполеонъ I, Петръ Великій и пр. Не удивляюсь я, поэтому, что и Кулишъ подъ конецъ изъ врага поляковъ сталъ, до нѣкоторой степени, ихъ союзникомъ, хотя, конечно, переходъ поразителенъ. Тихменевъ, нѣсколько тяжеловѣсный, глуховатый тульскій помѣщикъ, былъ отличною рабочею лошадью въ зданіи Учредительнаго Комитета, онъ не только составилъ образецъ ликвидаціонныхъ табелей, окончательно регулировавшихъ надѣлы крестьянъ и денежное вознагражденіе помѣщиковъ, но и усердно просматривалъ табели, присылавшіяся изъ комиссій на утвержденіе, а такихъ табелей было нѣсколько десятковъ тысячъ.

Вотъ я перечислилъ почти всѣ дѣятельныя и видимо разнородныя силы Учредительнаго Комитета, призваннаго передѣлать Польшу... насколько то, разумѣется, было возможно, т.-е. согласно съ законами исторіи. Что многое имъ сдѣлано въ этомъ реформаторскомъ направленіи, и притомъ сдѣлано прочно,—того, конечно, не станутъ отрицать и сами поляки, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые вышли изъ круга идей клерикально-шляхетскихъ. Да, они и не отрицаютъ, какъ видно изъ обнародованнаго въ 1880 годахъ «Часомъ» разговора Бисмарка съ однимъ польскимъ паномъ, который, хотя и отозвался о Россіи съ ненавистью, но призналъ, что русская часть Польши есть самая цвѣтущая изъ трехъ, на которыя страна распалась въ XVIII вѣкѣ.

Мнѣ самому приходилось это слышать въ 1878—79 году въ Женевѣ отъ поляка Шидловскаго, который, хотя жилъ за границей, но часто навѣщалъ свою родину. Къ сожалѣнію, при своей благотворной дѣятельности Комитету безпристрастно приходилось опираться на силу ужъ, конечно, не либеральную, а деспотическую, именно на военно-полицейское управленіе; но по правдѣ сказать, какъ же и могло быть иначе въ странѣ, только что завоеванной или, по крайней мѣрѣ, усмиренной оружіемъ? Будь крестьянская и другія реформы въ Польшѣ произведены до 1861 года,—нѣтъ сомнѣнія, что онѣ могли бы быть совершены безъ малѣйшаго участія военной силы, потому что шляхта и ксендзы, конечно, не дерзнули бы открыто противиться правительству, удовлетворявшему интересы массъ, не дерзнули хотя бы потому, что галиційская рѣзня 1846 года была у всѣхъ въ свѣжей памяти. Но таково уже свойство всѣхъ правительствъ «Божіею милостью»: они всегда идутъ позади потребностей общества и никогда не умѣютъ сдѣлать даже хорошее дѣло своевременно. Имъ все хочется, даже въ этихъ случаяхъ, показать, что они «даруютъ» льготы добровольно; они все ждутъ момента, когда ихъ никто не будетъ понукать извнѣ,—и дожидаются революцій. Тоже самое, что было въ Польшѣ 1850—60 годовъ, совершается теперь (1870—80) и въ самой Россіи, и, конечно, результатъ будетъ тотъ же... Но въ случаѣ либеральной податливости правительства, найдетъ ли оно въ средѣ своей новый «учредительный комитетъ» силы и достоинства 1864 года?—сомнѣваюсь; по крайней мѣрѣ думаю, что и тутъ прольется много крови прежде, чѣмъ на сцену выступятъ съ широкими полномочіями новые Николаи Милютины съ блестящею толпою честныхъ, даровитыхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ.

М. Венюковъ.

Изъ недавняго прошлаго.

I.

Дѣтскіе годы въ Крыму.—Разбойникъ Алимъ.—Тульское имѣніе.—Московская жизнь.—Голохвастовы.—Закревскій.—Пророкъ Иванъ Яковлевичъ.—Федоръ Кузьмичъ.—А. Я. Охотниковъ и его романъ.—Константинъ Павловичъ; письма его къ маркизѣ де Кюбьеръ.—И. К. Айвазовскій.—Татары и ногайцы. — Фонъ-Дитмаръ. — Филиберъ. — Реформа въ 1861 г.—Дѣятели освобожденія.—И. И. Писаревъ.—Мекензи Уоллесъ.

Съ которыхъ лѣтъ я сталъ себя помнить, точно сказать не могу. Первыя воспоминанія представляются не послѣдовательнымъ, связнымъ рядомъ событій, а отдѣльными картинами, ничего общаго между собой не имѣющими. Такъ изъ времени Крымской войны я помню только, какъ мы уѣзжали изъ нашего крымскаго степного имѣнія. Вѣроятно, это происходило осенью, такъ какъ грязь была непролазная, и нашъ большой дормезъ везли не лошади, а нѣсколько паръ воловъ, впряженныхъ въ него попарно цугомъ, которыхъ погоняли идущіе рядомъ люди.

Мой отецъ, будучи человѣкомъ серьезнымъ, очень любилъ и интересовался естественными науками и сельскимъ хозяйствомъ. Къ концу своей жизни онъ занялъ видное мѣсто, какъ сельскій хозяинъ, и пользовался громкой извѣстностью. Это, однако, не помѣшало прогрессивному ухудшенію нашего матеріальнаго положенія, и это понятно: онъ былъ человѣкомъ мягкимъ, добрымъ и увлекался хозяйствомъ не въ цѣляхъ наживы и эксплоатаціи, а ради самого дѣла и его научной стороны. Его дѣятельность совпала съ освободительной реформой; это было трудное, переходное время, и большинство его не вынесло, и не вынесли его не одни только легкомысленные или кутящіе помѣщики, но и болѣе культурные и интеллигентные изъ нихъ. Болѣе же грубые, въ которыхъ преобладали наклонности къ кулачеству и наживѣ, наоборотъ, воспользовались этимъ временемъ и даже разбогатѣли за счетъ своихъ собратьевъ.

Въ описываемое мною время отецъ очень увлекался естествознаніемъ и въ особенности орнитологіей. Богатство и безконечное разнообразіе всевозможныхъ породъ птицъ, обитавшихъ въ Крымскомъ полуостровѣ и пролетавшихъ черезъ него во время переле-

товъ, не могли оставить отца равнодушнымъ, и онъ при посредствѣ ученаго садовника Шмидта, который въ то же время былъ прекраснымъ препараторомъ, составлялъ тогда богатую коллекцію птицъ и звѣрей, встрѣчавшихся на Крымскомъ полуостровѣ. Коллекція эта была впослѣдствіи пожертвована имъ въ музей московскаго университета, котораго онъ состоялъ почетнымъ членомъ.

Крымъ въ то время былъ еще заселенъ татарами. На нашей землѣ находилось девять большихъ татарскихъ деревень, и татары ежедневно по утрамъ съѣзжались въ нашу экономію цѣлыми толпами человѣкъ по 20—30 и больше. Пріѣзжали они къ моему отцу съ разными просьбами и по разнымъ дѣламъ. Отецъ хорошо говорилъ по-татарски, и они обращались къ нему нерѣдко и какъ къ третейскому судьѣ для разбора ихъ семейныхъ тяжбъ.

Пріѣзжавшіе были все старики—«бабаи», т.-е. главы семьи, отпустившіе себѣ бороды, молодые же бородъ не носили. Подъѣзжая къ экономіи, они еще за оградой сада слѣзали съ лошадей, вводили ихъ подъ-узцы во дворъ и, привязавъ къ имѣвшимся тамъ коновязямъ, шли въ садъ подъ тѣнь большихъ шелковичныхъ деревьевъ, которыя росли на берегу Карасу, протекавшей черезъ садъ передъ нашимъ домомъ; здѣсь они садились кружками, кто на корточкахъ, кто поджавъ подъ себя ноги, по-турецки, вытаскивали торчащія у каждаго за кушакомъ трубки, вынимали кисеты съ табакомъ, въ которыхъ лежали кремни, огнива и трутъ, не торопясь набивали и закуривали трубки и начинали вести безконечные разговоры. Итти къ отцу и кончать свои дѣла они не торопились; можно было думать, что они только для того и пріѣзжали, чтобы поблагодушествовать и вволю наговориться, сидя подъ прохладною тѣнью деревьевъ на берегу рѣки, къ которой они изрѣдко спускались, чтобы помочить себѣ головы водой и вымыть лицо и бороду.

Въ это время среди татаръ пользовался большой популярностью нѣкій Алимъ, смѣлый разбойникъ, а по татарскимъ понятіямъ—отважный джигитъ. Немало разсказовъ слыхалъ я о немъ въ дѣтствѣ, и много лѣтъ спустя память объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ была еще свѣжа въ Крыму, да я думаю, что онъ навсегда останется народнымъ героемъ въ родѣ шотландскаго Робъ-Роя или современнаго кавказскаго Зелимъ-Хана.

Алимъ былъ уроженцемъ города Карасу-Базаръ и по своей первоначальной профессіи—булочникъ. Но занятіе это оказалось несоотвѣтствующимъ его широкой натурѣ, и онъ бросилъ свое мирное ремесло и сталъ джигитомъ и лихимъ джигитомъ. Какъ орелъ, носился онъ по Крыму: то появится на Южномъ берегу,

въ Ялтинскомъ уѣздѣ, а черезъ сутки, глядишь, его видѣли уже въ Ѳеодоссійскомъ или Евпаторійскомъ, а тамъ за Перекопомъ или на Керченскомъ полуостровѣ. Въ любой татарской деревнѣ къ услугамъ его имѣлись перемѣнные скакуны, вездѣ былъ готовъ для него и столъ и домъ. И это не только у простыхъ татаръ, но и у мурзаковъ (помѣщиковъ, дворянъ). Личность Алима была какъ бы послѣднимъ воплощеніемъ прежнихъ героевъ Крымской орды, лихіе набѣги которыхъ воспѣвались въ старинныхъ татарскихъ пѣсняхъ, и татары гордились Алимомъ, скрывали его и всячески помогали ему. Въ его похожденіяхъ было много романическаго. Сильный, энергичный и хорошо вооруженный, онъ всегда совершалъ всѣ свои подвиги одинъ и, хотя онъ ни разу никого не убилъ, тѣмъ не менѣе его появленіе повсюду внушало паническій страхъ. Очевидно, онъ обладалъ большой гипнотической силой. Въ то время между городами Крыма ходили неуклюжіе дилижаны-фургоны, въ которыхъ вмѣщалось человѣкъ до 20. Пассажирами этихъ дилижановъ бывали главнымъ образомъ караимы, евреи и армяне, ѣздившіе въ то безпокойное время всегда съ ружьями. Съ пассажировъ этихъ-то дилижановъ и любилъ въ особенности Алимъ собирать дань: невзирая на ихъ многочисленность и имѣвшееся при нихъ оружіе, онъ одинъ останавливалъ ихъ, приказывалъ ѣдущимъ выходить, складывать оружіе и отбиралъ у нихъ часть денегъ. Не было примѣра, чтобы кто-либо изъ этихъ вооруженныхъ людей оказывалъ ему сопротивленіе. Бѣдныхъ и неимущихъ онъ не трогалъ и сплошь да рядомъ даже помогалъ имъ. Были случаи, когда онъ жестоко наказывалъ негодяевъ, обижавшихъ бѣдняковъ. Такъ разсказывали, что однажды, увидя сидящаго у дороги плачущаго татарина, онъ подъѣхалъ къ нему и спросилъ о причинѣ его слезъ. Бѣднякъ сказалъ ему, что онъ велъ на базаръ продавать послѣднюю пару воловъ, когда съ нимъ повстрѣчался разбойникъ Алимъ, который и отнялъ ихъ у него.

— А куда поѣхалъ этотъ Алимъ?—спросилъ настоящій Алимъ.

Бѣднякъ указалъ направленіе.

— Ну, хорошо,—сказалъ Алимъ,—посиди здѣсь и подожди, пока настоящій Алимъ не вернетъ тебѣ твоихъ воловъ!—съ этими словами онъ погнался за обманщикомъ. Настигнувъ его, отобралъ у него воловъ, а ему въ наказаніе обрѣзалъ оба уха, говоря, что онъ дѣлаетъ это для того, чтобы ихъ не смѣшивали; воловъ же возвратилъ ихъ хозяину.

Лѣтъ тридцать спустя мнѣ разсказывалъ одинъ русскій крестьянинъ изъ деревни Изюмовки, находящейся около города Стараго Крыма, какъ онъ зимою разъ чуть не замерзъ, возвра-

щаясь изъ Керчи, куда возилъ на продажу уголь. Въ степи поднялась вьюга, онъ заблудился и уже совсѣмъ приходилъ въ отчаяніе, когда съ нимъ повстрѣчался всадникъ, предложившій вывести его на дорогу. Крестьянинъ послѣдовалъ за нимъ, и черезъ нѣкоторое время они подъѣхали къ постоялому двору, гдѣ и переждали непогоду. Незнакомецъ велѣлъ покормить крестьянина и его лошадей и, уѣзжая на слѣдующій день утромъ, щедро расплатился съ хозяиномъ. Когда же выѣхалъ на дорогу, незнакомецъ свернулъ въ сторону, а крестьянинъ, прощаясь съ нимъ, сталъ благодарить его и спросилъ, какъ его звать и кто онъ такой, послѣдній отвѣтилъ, что онъ Алимъ.

Бывали случаи, что Алимъ пріѣзжалъ неожиданно въ помѣщичьи экономіи и провѣрялъ управляющихъ и, если со стороны послѣднихъ оказывались какія-либо мошенничества, то даже дѣлалъ имъ внушенія своей нагайкой. Нѣсколько лѣтъ имя Алима наводило страхъ на мирныхъ жителей Крыма, но какъ все имѣетъ свой конецъ, такъ насталъ конецъ и подвигамъ смѣлаго джигита. Среди его друзей нашелся измѣнникъ, который предалъ его въ руки полиціи въ то время, какъ онъ утомленный спалъ въ его домѣ. Впрочемъ, Алимъ, какъ говорили, недолго оставался въ рукахъ полиціи: онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и, навсегда покинувъ Крымъ, уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ открылъ кофейню.

Мои дѣтскія воспоминанія связаны съ тремя совершенно противоположными мѣстностями: съ Крымомъ, съ нашимъ тульскимъ имѣніемъ и съ Москвою. При чемъ время нашей жизни въ Крыму было для меня самымъ пріятнымъ. Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ тульское имѣніе началось для меня и время серьезнаго ученія и переходъ изъ-подъ вѣдѣнія няни и Анны Карловны, моей воспитательницы, добрѣйшей и милѣйшей нѣмки, въ руки гувернеровъ и учителей, что далеко не было мнѣ пріятно.

Наше тульское имѣніе находилось въ Новосильскомъ уѣздѣ. Это и было собственно наше родовое имѣніе, въ которомъ нашъ родъ жилъ съ 1672 года. Оно было расположено на берегу живописной рѣки, со стариннымъ деревяннымъ домомъ, построеннымъ, какъ это часто бывало въ старину, не сразу, а постепенно, когда постройки прибавлялись по мѣрѣ надобности. Благодаря этому домъ не имѣлъ никакой архитектуры. Это было длинное, деревянное, обшитое тесомъ, строеніе, почернѣвшее отъ времени и обросшее мохомъ, съ выходящими наружу безъ всякой симметріи пристройками.

Но зато внутри онъ былъ очень вмѣстителенъ и своеобразенъ по своимъ закоулкамъ, коридорамъ и комнатамъ съ расписанными стѣнами и потолками. Въ немъ была отдѣльная, такъ называемая образная комната, въ которой стоялъ большой кіотъ со старинными иконами въ серебряныхъ ризахъ, съ различными крестами и древними нательными складнями, съ пучками травъ съ береговъ Іордана, съ баночками масла изъ какихъ-то святыхъ мѣстъ, съ небольшими бархатными мѣшечками, вышитыми золотомъ, посрединѣ которыхъ были нашиты написанныя масляной краской изображенія Дмитрія Солунскаго и Тихона Задонскаго. Назначеніе этихъ мѣшечковъ заключалось въ томъ, что ихъ клали на голову при головныхъ боляхъ,—они были наполнены ватой съ мощей этихъ святыхъ.

Рядомъ съ образной была портретная, увѣшанная изображеніями предковъ. Въ ней же находились шкафы съ семейными архивами. Въ этихъ двухъ комнатахъ все было интересно, начиная отъ старинной мебели и кончая мелкими бездѣлушками, стоящими на столахъ и шкафахъ. Въ довершеніе ихъ оригинальной обстановки въ дверномъ пролетѣ не было створокъ, ихъ замѣняла выкрашенная бѣлой краской калиточка наподобіе изящныхъ садовыхъ калитокъ. Когда же требовалось отдѣлить эти двѣ комнаты одну отъ другой, то дверной пролетъ закрывался выдвигающимся изъ стѣны большимъ зеркаломъ. Въ образной и портретной пахло всегда кипарисовымъ деревомъ и ладономъ, и прислуга говорила, что въ нихъ пахнетъ покойникомъ, вслѣдствіе чего и я относился къ этимъ двумъ комнатамъ съ чувствомъ, очень близкимъ къ страху, и избѣгалъ оставаться въ нихъ или заходить туда одинъ, въ особенности, когда начинало темнѣть. Наслушавшись отъ прислуги немало разсказовъ о домовыхъ и привидѣніяхъ, я былъ въ дѣтствѣ въ этомъ отношеніи не изъ храбрыхъ и побаивался многихъ закоулковъ этого стараго дома.

Рядомъ съ портретной и образной находились столовая и гостиная. Въ столовой съ обѣихъ сторонъ были большіе до самаго потолка, придѣланные къ стѣнамъ, шкафы, наполненные книгами, стоялъ старинный буфетъ и на одной изъ стѣнъ, рядомъ съ зеркаломъ, помѣщался длинный, вдѣланный въ деревянную точеную рукоятку павлиній хвостъ въ полотняномъ чехлѣ, служившій для отмахиванія мухъ надъ сидящими за столомъ во время обѣда. Стѣны въ столовой были окрашены въ свѣтло желтый цвѣтъ, въ гостиной же въ голубой. На стѣнахъ этой послѣдней вмѣсто карнизовъ были изображены гирлянды цвѣтовъ, а на потолкѣ по четыремъ угламъ были написаны медальоны съ изображеніемъ разныхъ полевыхъ работъ, соединяющіеся между собой

вдоль четырехъ сторонъ потолка также гирляндами цвѣтовъ въ перемежку съ различными аллегорическими атрибутами, причёмъ все это было сверху какъ бы покрыто кисейнымъ прозрачнымъ пологомъ, исходящимъ изъ центра потолка.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія расписываніе стѣнъ и потолковъ въ домахъ было общепринятымъ и представляло изъ себя особую отрасль искусства, имѣвшую своихъ талантливыхъ и извѣстныхъ представителей, однимъ изъ которыхъ былъ знаменитый въ Москвѣ въ свое время Артарій Колумбо. Онъ былъ преподавателемъ орнаментики въ московской школѣ живописи.

Хотя комнаты моховскаго дома расписывались, вѣроятно, далеко не знаменитостями, но искусство это было настолько распространеннымъ, что даже провинціальные второстепенные мастера исполняли эти работы безъ аляповатости и даже съ нѣкоторымъ вкусомъ, въ легкихъ, удачно скомбинированныхъ и ласкающихъ глазъ тонахъ.

Мебель въ гостиной была краснаго дерева въ стилѣ Имперіи и обита краснымъ штофомъ. По двумъ угламъ, къ наружной стѣнѣ, помѣщались угловыя этажерки, на которыхъ стояли фарфоровые и чайные сервизы императорскаго фарфороваго завода съ изображенными на нихъ цѣлыми картинами и бѣлыя фарфоровыя французской работы фигурки и цѣлыя группы, составляющія собой сюрту де табль, изображающій сельскій праздникъ въ стилѣ Вато.

Большія, раздвигающіяся вольтеровскія кресла, китайскій бильярдъ, старинныя зеркала, съ бронзовыми часами передъ ними, изъ которыхъ одни изображали ладью, на которой амуръ перевозитъ время—сидящую фигуру старика съ длинной бородой и косой въ рукахъ, французскій jeu de mots: «L'amour fait passer le temps», составляли остальное убранство комнаты. На стѣнахъ висѣло много картинъ въ фламандскомъ жанрѣ и большой поясной портретъ императора Николая Павловича.

Меня въ особенности занимала одна изъ картинъ. Она изображала площадь швейцарской деревни съ церковью посрединѣ; въ ея башнѣ были вдѣланы настоящіе часы и когда они начинали бить, то нѣкоторыя фигуры на картинѣ приходили въ движеніе: такъ женщина, стоящая около колодца, начинала качать воду и вода бѣжала изъ жолоба, будучи представлена движущейся блестящей полосой, долженствующей передавать блескъ текущей воды.

Рядомъ съ гостиной помѣщался кабинетъ моего отца, на одной стѣнѣ котораго было развѣшано много ружей, кинжаловъ и другого оружія разныхъ временъ и народовъ, а у другой—стояла

особаго рода подставка, въ которой красовалась цѣлая коллекція трубокъ и трубочекъ, большинство съ длинными черешневыми чубуками, которые заканчивались янтарными мундштуками.

Изъ кабинета былъ выходъ въ буфетъ, сообщавшійся съ одной стороны съ прихожей, находящейся передъ столовой, а съ другой посредствомъ короткаго коридора съ двумя кладовыми, бывшими въ моихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ обѣтованной земли.

Въ одной изъ этихъ кладовыхъ, по размѣрамъ меньшей, хранились всякіе болѣе цѣнные и мелкіе припасы.

Въ другой, большой кладовой хранились разныя вещи, стояли придѣланные къ стѣнамъ шкафы, наполненные дорогими сервизами, а также привезенными изъ Италіи алебастровыми копіями съ извѣстныхъ статуй: тутъ были и группы борцовъ, и похищеніе Сабинянокъ, и Венера, и Амуръ съ Психеей, и Три граціи и много, много другихъ. Не знаю почему, онѣ всѣ были обречены на изгнаніе и заключеніе въ шкафахъ кладовой, исключеніе составляли только группа: Ніобеи, прикрывающей собою и своей одеждой своего послѣдняго ребенка отъ стрѣлъ разгнѣваннаго Аполлона, и Умирающій гладіаторъ; первая стояла въ столовой, а послѣдній въ портретной. Полагаю, что причиной изгнанія остальныхъ была ихъ классическая нагота.

Въ этой же кладовой хранились ящики съ серебромъ и сундуки со старинными дѣдовскими одеждами: кафтанами, камзолами, шляпами, мундирами и т. д., которые раза два въ годъ вывѣшивались на дворѣ на солнцѣ на веревкахъ, выколачивались и вновь убирались въ сундуки.

Передъ домомъ были цвѣтники, разбитые на красивыхъ полянахъ, съ разбросанными по нимъ отдѣльными группами старыхъ сиреней.

Расположенные передъ домомъ цвѣтники отдѣлялись рѣшеткой отъ остальной части сада, посаженной и распланированной въ англійскомъ вкусѣ, съ участками различныхъ сортовъ деревьевъ, чередующимися съ полянами, на которыхъ были кое-гдѣ посажены отдѣльными экземплярами болѣе красивыя и рѣдкія деревья. По бокамъ шоссированныхъ и всегда усыпанныхъ пескомъ и очищенныхъ отъ сорныхъ травъ дорожекъ росли бордюрами, вдоль засаженныхъ деревьями участковъ, кусты разноцвѣтныхъ шиповниковъ, бургундскихъ розъ и жасмина, среди которыхъ мѣстами чернѣли развѣсистыя вѣтви казацкаго можжевельника. Внутри этого лабиринта были поляны, занятыя огородами, участки, засаженные земляникой и центифольными розами, изъ цвѣтовъ которыхъ варили варенье и дѣлали конфеты разныхъ сортовъ.

За англійскимъ садомъ, окруженнымъ длинной тѣнистой липовой аллеей, находились фруктовый садъ и лѣсной питомникъ.

Съ южной стороны сада, отдѣляясь отъ него широкой проѣзжей дорогой, раскидывался паркъ, занимавшій болѣе ста десятинъ земли; основаніемъ ему послужила небольшая дубовая роща. Въ посадкѣ и планировкѣ этого прекраснаго парка была проявлена вся любовь и все искусство въ этомъ дѣлѣ незабвеннаго для всѣхъ знавшихъ его Франца Христіановича Мейеръ, извѣстнаго въ свое время сельскаго хозяина, служившаго у насъ управляющимъ и бывшаго въ то же время другомъ какъ моего дѣда, такъ равно и отца.

Мейеръ, прожившій у насъ болѣе 40 лѣтъ, у насъ и скончался, и насаженный имъ паркъ представляетъ лучшій памятникъ, какой только онъ могъ себѣ воздвигнуть; въ оградѣ этого же парка стоялъ и домъ, въ которомъ онъ жилъ.

Третьимъ мѣстомъ, съ которымъ связаны мои первыя воспоминанія, была Москва, тогда еще старая Москва, со шлагбаумами при въѣздѣ въ нее, со стоящими у нихъ небритыми, грязными, обтрепанными солдатами, съ широкими тесаками на широкихъ ремняхъ черезъ плечо; съ полосатыми будками на площадяхъ и перекресткахъ улицъ, около которыхъ прохаживались или дремали сонные будочники, вооруженные алебардами, топорами, насаженными на длинныя древки; съ продавцами сбитня на улицахъ, со стариннаго фасона каретами и возками и съ извозчиками, ѣздившими на такъ называемыхъ колибри или гитарахъ и носившими общее названіе «ванекъ».

Въ Москвѣ мы обыкновенно останавливались у моей бабушки со стороны матери. У нея былъ собственный домъ въ Серебряномъ переулкѣ близъ Арбата; одинъ изъ флигелей этого дома былъ занятъ нами.

Въ Москвѣ тогда жили широкой барской жизнью почти всѣ наши родственники, имѣвшіе собственные дома.

На Пречистенкѣ былъ домъ моей бабушки по отцу, Натальи Васильевны Охотниковой, урожденной Шатиловой, родной сестры моего дѣда. Она была очень богата и занимала обширный трехъэтажный каменный домъ съ большимъ дворомъ, на которомъ помѣщались всевозможныя хозяйственныя постройки, ледники и кладовыя; зимою, какъ только устанавливался санный путь, всѣ онѣ наполнялись привозимыми изъ ея деревень всевозможными продуктами: мукой, крупами разныхъ сортовъ, дичью и т. п.

Внутренность дома была тоже роскошно обставлена, по край-

ней мѣрѣ, у меня сохранилось воспоминаніе о мраморной лѣстницѣ и большомъ бѣломъ подъ мраморъ залѣ, съ хорами и окнами въ два свѣта и комнатахъ съ штофными обоями и массой картинъ въ золоченыхъ рамахъ.

Сама бабушка Наталья Васильевна была въ то время уже очень преклонныхъ лѣтъ. Старушка не покидала своей небольшой комнаты съ кіотомъ образовъ и большимъ вольтеровскимъ кресломъ около стола, въ которомъ она всегда сидѣла въ темномъ атласномъ платьѣ, такой же кофтѣ и въ бѣломъ гофрированномъ чепчикѣ. Комната бабушки имѣла свой особенный какой-то пряный запахъ. Мы ѣздили къ ней каждое воскресенье обѣдать; на эти воскресные обѣды съѣзжалась и вся ея многочисленная семья. Обѣдали обыкновенно въ синей штофной столовой, за роскошно сервированнымъ столомъ, но сама бабушка, насколько я помню, на обѣдахъ этихъ не присутствовала, а обѣдала у себя въ комнатѣ; обязанности же хозяйки за столомъ исполняли ея дочери, живущія съ нею. Меня и мою двоюродную сестру, Линочку Кроткову, за большой столъ со взрослыми въ то время не сажали, а мы обыкновенно обѣдали въ дѣвичьей или въ комнатѣ экономки бабушки, за маленькимъ столомъ передъ окномъ, на которомъ всегда стояла сдѣланная изъ папье-машэ голова (такъ называемый болванъ), на которой гофрировались бабушкины чепчики.

Старшія дѣти Кротковы, Наташа и Коля, а равно и жившая съ ними ихъ двоюродная сестра, Варенька Зубарева, двѣ дѣвочки англичанки Вильдъ и еще другія дѣти, фамиліи которыхъ я теперь не помню, обѣдали за большимъ столомъ и, очень гордясь этимъ, относились къ намъ съ пренебреженіемъ и компаніи съ нами не водили, постоянно убѣгали отъ насъ и не допускали насъ, какъ малолѣтнихъ, въ свое общество, что насъ очень обижало.

Я до сихъ поръ помню, какъ намъ хотѣлось поскорѣе стать большими, чтобы быть принятыми въ ихъ компанію и совершать съ ними послѣ обѣда экспедиціи на хоры бальнаго зала и въ нежилыя комнаты верхняго этажа, занятыя всякой всячиной, но желаніямъ нашимъ не суждено было сбыться, такъ какъ бабушка Наталья Васильевна вскорѣ скончалась.

Въ ея домѣ, вѣроятно, живалъ въ это время по зимамъ и мой дѣдъ, дядя моего отца и родной братъ бабушки, генералъ Иванъ Васильевичъ Шатиловъ, старый холостякъ. Онъ послѣ ея смерти былъ однимъ изъ ея душеприказчиковъ и разошелся съ ея сыномъ, который чѣмъ-то при раздѣлѣ обдѣлилъ своихъ сестеръ: очевидно, онъ сдѣлалъ какую-то крупную несправедливость, такъ какъ послѣ этого вся наша семья и семья тетушки Кротковой прекратили съ нимъ всякія отношенія, продолжая ихъ въ то же время

съ его сестрами. Послѣ кончины бабушки Охотниковой Иванъ Васильевичъ сталъ жить по зимамъ у тетушки Кротковой, родной сестрѣ моего отца, и семья наша стала собираться по праздничнымъ днямъ у нея. Сначала Кротковы жили на Большой Никитской въ собственномъ домѣ, но потомъ они почему-то продали этотъ домъ и купили себѣ другой, противъ Страстного монастыря; онъ принадлежалъ прежде нѣкоему Рахманову, извѣстному въ старой Москвѣ обжорѣ и развратнику. Каждая комната этого дома имѣла свой особый стиль: столовая была вся дубовая, съ массивной рѣзной дубовой мебелью, зала и другія пріемныя комнаты были въ стилѣ рококо, а за ними слѣдовали комнаты въ помпейскомъ стилѣ, на ихъ стѣнахъ были воспроизведены копіи помпеевскихъ фресокъ. Мебель и лампы въ этихъ комнатахъ были тоже въ древне-римскомъ стилѣ. Изъ этихъ комнатъ вела дверь въ небольшой, замкнутый со всѣхъ сторонъ глухими стѣнами надворныхъ построекъ, палисадникъ, оканчивающійся павильономъ тоже въ помпейскомъ вкусѣ, гдѣ, какъ говорятъ, и происходили интимныя оргіи бывшаго владѣльца этого дома.

Между прочимъ, разсказывали, что Рахмановъ, большой любитель раковъ, откармливалъ ихъ для своего стола, держа извѣстное время въ сосудахъ, наполненныхъ сливками съ тертымъ пармезаномъ.

Всѣ жилыя комнаты этого дома были наверху, во второмъ этажѣ, тамъ же были апартаменты, занимаемые моимъ дѣдомъ; въ нихъ все было аккуратно, элегантно и чисто. Онъ и самъ былъ въ высшей степени аккуратнымъ и элегантнымъ старичкомъ и въ молодости отличался красотой. Это былъ типичный аристократъ какъ по своей наружности, такъ и по манерамъ и образу жизни.

Третій домъ, гдѣ мы тогда бывали, былъ домъ семьи Голохвоставыхъ. Голохвастовъ былъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, но я не помню, былъ ли онъ тогда еще живъ или нѣтъ, но помню только его дѣтей, жившихъ въ то время вмѣстѣ въ ихъ большомъ трехъэтажномъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ. Голохвастовы были богатые люди, у нихъ былъ знаменитый въ то время заводъ рысистыхъ лошадей; одинъ изъ ихъ рысаковъ, Бычекъ, стяжалъ себѣ историческую славу. Его скелетъ до сихъ поръ хранится въ музеѣ московскаго университета.

Въ вестибюлѣ ихъ дома стояли двѣ дубовыя большія витрины, всѣ заставленныя многочисленными призами, полученными ихъ рысаками. У нихъ было также замѣчательное собраніе гравюръ, много картинъ голландскихъ художниковъ и цѣнное собраніе античныхъ камей.

И вотъ, не смѣнилось еще съ тѣхъ поръ и двухъ поколѣній,

а отъ всего этого не осталось и слѣда: вся эта роскошь и блескъ были эфемерными цвѣтками, которые росли на почвѣ крѣпостного права, и стоило только ему прекратиться, какъ все рухнуло, такъ какъ вся жизнь того времени была построена на немъ.

Переносясь мысленно къ тому времени и воскрешая въ памяти тогдашнее общество, становится вполнѣ понятнымъ, почему Россія дошла до своего печальнаго современнаго положенія. Оно есть слѣдствіе съ одной стороны рабства и угнетенности народа, а съ другой безпредѣльнаго легкомыслія и непрактичности высшихъ классовъ.

Большинство тогдашняго дворянства жило праздно и легкомысленно и, если и занимались самообразованіемъ, то оно касалось только эстетической стороны, ничего общаго съ требованіями практической жизни не имѣющей: о практической жизни мало кто думалъ. Женщины увлекались французскими романами, заводили флирты, выѣзжали въ свѣтъ, дѣлали визиты, сами принимали гостей, многія изъ нихъ даже не каждый день видѣли своихъ дѣтей, которыя обыкновенно жили на антресоляхъ, на попеченіи нянекъ и иностранныхъ гувернантокъ.

Къ этому времени относится особый типъ женщинъ, которыхъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой въ своемъ романѣ «Воскресенье» называетъ «лежачими», такъ какъ онѣ проводили все свое время, лежа на диванахъ или кушеткахъ.

Мужчины, если не служили, то занимались тоже исключительно жизнью въ свое удовольствіе: въ имѣніяхъ своихъ—охотой и поѣздками къ сосѣдямъ, а въ городахъ—посѣщеніемъ клубовъ, карточной игрой, кутежами и т. п. Объ интересахъ страны и даже о своихъ собственныхъ выгодахъ мало кто думалъ: на то существовали бурмистры и управляющіе. Дѣла шли по щучьему велѣнію и по барскому хотѣнью,—ихъ дѣло было получать готовыя деньги и тратить ихъ на свои удовольствія. Понятно, что такіе люди, лишившись дарового труда, не могли устоять и должны были разориться. Поэтому понятно, почему и наше поколѣніе, выросшее и воспитанное въ традиціяхъ крѣпостного права, въ большинствѣ случаевъ не представляетъ изъ себя еще устойчиваго и вполнѣ работоспособнаго элемента. Для выработки извѣстныхъ свойствъ и качествъ необходимъ рядъ предковъ, обладавшихъ этими качествами, а этого-то именно, въ большинствѣ случаевъ, у насъ и не имѣлось. Конечно, и тогда встрѣчались люди, выдающіеся по своему уму и талантамъ, но ихъ было мало, и на нихъ въ обществѣ сплошь и рядомъ смотрѣли какъ на чудаковъ и оригиналовъ.

Грибоѣдовское «Горе отъ ума» прекрасно характеризуетъ

взгляды и понятія, которые и мнѣ еще пришлось застать среди большинства тогдашняго дворянскаго круга.

Заниматься чѣмъ-нибудь, что-нибудь дѣлать считалось неприличнымъ для настоящаго барина. Характеренъ отзывъ одной крестьянки, изъ сосѣдней съ нашимъ имѣніемъ деревни, о ея баринѣ. Она была крестницей моей няни Марѳы Никаноровны и иногда заходила къ ней. На вопросъ послѣдней, каковъ ихъ баринъ, пріѣхавшій тогда въ первый разъ въ свое имѣніе, она отвѣчала, махнувъ рукой: «Какой іонъ баринъ, коль самъ удочкой рыбу ловитъ». Такъ что даже такое невинное занятіе, какъ ловля удочкой рыбы, считалось несовмѣстимымъ съ барскимъ достоинствомъ.

Описаніе Пушкинымъ времяпрепровожденія Евгенія Онѣгина чрезвычайно вѣрно. Именно такъ проводили свои дни богатые баричи: ночь сплошь да рядомъ обращалась въ день, а день въ ночь. Я помню въ Москвѣ даже такіе барскіе дома, которые были исключительно построены, если можно такъ выразиться, для ночной жизни. Таковъ, напримѣръ, былъ домъ Гурьевыхъ, на Тверской, недалеко отъ Страстной площади. Гурьевъ этотъ былъ въ свое время извѣстнымъ богачемъ и гастрономомъ, и имъ была изобрѣтена Гурьевская каша и Гурьевскіе блины, которые подавались, какъ сладкое блюдо со сливками и мелкимъ сахаромъ. Не знаю, кому принадлежалъ этотъ домъ въ описываемое мною время, но онъ тогда все еще продолжалъ называться Гурьевскимъ домомъ, хотя пересталъ уже быть барскимъ жилищемъ и служилъ временнымъ пристанищемъ и помѣщеніемъ для разныхъ, болѣе или менѣе балаганныхъ, увеселеній. Такъ въ немъ останавливались пріѣзжавшіе въ Москву показываться карлики и великаны, тамъ снимались помѣщенія для театра маріонетокъ, тамъ же былъ одно время театръ, на сценѣ котораго вмѣсто актеровъ представляли собаки и обезьяны.

Большинство комнатъ этого дома были безъ оконъ, а потому и домъ этотъ производилъ мрачное, жуткое впечатлѣніе. Впослѣдствіи онъ былъ купленъ однимъ изъ тогдашнихъ желѣзнодорожныхъ тузовъ и перестроенъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Такихъ домовъ въ Москвѣ того времени было нѣсколько. Тогдашняя Москва рѣзко отличалась отъ современной: теперь это почти сплошь торговый городъ, а тогда это былъ еще по преимуществу барскій городъ. Все болѣе зажиточное дворянство имѣло не только дома въ городѣ, но и подмосковныя дачи, которыя теперь въ большинствѣ случаевъ перешли въ руки разбогатѣвшихъ капиталистовъ новѣйшей формаціи.

У моего дѣда былъ домъ въ Москвѣ на Большой Никитской,

недалеко отъ церкви Большого Вознесенія, которая извѣстна тѣмъ, что въ ней было совершено бракосочетаніе поэта Пушкина. Было у насъ тоже подмосковное имѣніе Жучки, находящееся недалеко отъ Троицко-Сергіевскаго посада, и какая-то фабрика по дорогѣ въ Нескучное.

Подъ Москвой же было имѣніе и родственниковъ нашихъ, Голохвастовыхъ. Имѣніе ихъ называлось Покровское и было въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Воскресенскаго посада.

Семья Голохвастовыхъ состояла изъ трехъ братьевъ: Дмитрія Дмитріевича, Павла Дмитріевича и Александра Дмитріевича, послѣдній былъ тогда еще очень юнымъ, и сестры Елисаветы Дмитріевны. Они приходились намъ по отцу близкими родственниками, такъ какъ мать моего отца, Наталья Павловна, была родной сестрой ихъ отца. Дмитрій и Павелъ только что недавно въ то время окончили образованіе въ Пажескомъ корпусѣ въ Петербургѣ. Сестра ихъ Елисавета была еще совсѣмъ молодой барышней, при ней состояла въ качествѣ компаньонки англичанка миссъ Пауль; некрасивая, высокая и худая, она всегда носила черное или темносѣрое платье. Невозмутимо спокойная, она въ то же время была наивна и довѣрчива. Ее очень любилъ дурачить, когда пріѣзжалъ въ Москву изъ Петербурга, Александръ Голохвастовъ. На ея разспросы о столицѣ и государѣ Николаѣ Павловичѣ онъ увѣрялъ ее, что государь ѣздитъ по городу въ коронѣ съ козырькомъ и раскланиваясь приподымаетъ за козырекъ эту корону. На это миссъ Пауль дѣлала удивленные глаза и говорила: «О!»

Живя въ домѣ Голохвастовыхъ, я впервые познакомился съ широкимъ образомъ жизни тогдашняго свѣтскаго круга. Молодые братья Голохвастовы, принадлежа къ московской золотой молодежи, вели свѣтскую жизнь. Жили они тогда еще всѣ вмѣстѣ въ главномъ корпусѣ своего дома, при чемъ каждый изъ членовъ семьи имѣлъ свой выѣздъ, т.-е. свои отдѣльные экипажи, лошадей и кучеровъ, а равно и свои апартаменты, своихъ камердинеровъ и лакеевъ. Прислуга въ ихъ домѣ была съ утра во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и жизнь молодыхъ господъ проходила въ визитахъ, пріемахъ, посѣщеніи театровъ и баловъ. Съ утра летали они по Москвѣ на своихъ прекрасныхъ рысакахъ, которыхъ не могла даже догнать рѣзвая пара московскаго оберъ-полицмейстера. Павелъ Голохвастовъ не разъ разсказывалъ со смѣхомъ, какъ ему удавалось избавляться отъ погони за нимъ тогдашняго оберъ-полицмейстера, не разъ преслѣдовавшаго его за то, что онъ, ѣдучи по улицѣ, курилъ сигару. Въ то время куреніе на ули-

цахъ строго воспрещалось, и молодежь изъ высшаго круга любила дразнить полицію, нарушая это запрещеніе. Мелкіе люди за подобное нарушеніе попадали въ участокъ, гдѣ ихъ въ наказаніе заставляли подметать московскія улицы. Въ то время всѣ служащіе не смѣли носить бороды, и нарушителямъ этого запрещенія не только сбривали бороды въ участкахъ или на гауптвахтахъ солдаты, но кромѣ того ихъ подвергали еще какимъ-то наказаніямъ.

Московскимъ генералъ-губернаторомъ въ то время былъ графъ Закревскій, котораго очень любилъ государь Николай Павловичъ и который правилъ Москвой, какъ истый персидскій сатрапъ; не даромъ его и называли московскимъ пашею или сатрапомъ. Онъ имѣлъ бланки съ подписью государя и распоряженія его, даваемыя на этихъ бланкахъ, бывали безапелляціонны. Эти же бланки впослѣдствіи и послужили къ его паденію, такъ какъ онъ на одномъ изъ нихъ сдѣлалъ самовольно распоряженіе о разводѣ своей дочери, графини Нессельроде.

Не могу не разсказать здѣсь о свиданіи этого грознаго московскаго сатрапа съ юродствовавшимъ заштатнымъ дьякономъ, Иваномъ Яковлевичемъ Корейшей, знаменитымъ въ свое время московскимъ Иванъ Яковлевичемъ. Онъ былъ отданъ за какую-то серьезную провинность «подъ начало», а затѣмъ попалъ въ сумасшедшій домъ. Сумасшедшимъ Корейша не былъ, а только симулировалъ психическое разстройство, какъ лучшій исходъ изъ своего затруднительнаго положенія. Въ сумасшедшемъ домѣ хитрый, изворотливый и, можно сказать, даже довольно образованный Корейша занялся предсказываніемъ будущаго, и слава его быстро распространилась среди суевѣрнаго населенія Замоскворѣчья. Онъ своими предсказаніями положительно обогатилъ Преображенскую больницу для умалишенныхъ, въ которой находился. Слава о немъ была такъ велика, что даже императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ его однажды. Говорили, будто бы государь, подойдя къ Корейшѣ, спросилъ его, почему онъ такимъ образомъ лежитъ, не вставая, и получилъ въ отвѣтъ:

— И ты, какъ ни великъ и ни грозенъ, а тоже ляжешь и не встанешь.

Дальнѣйшая ихъ бесѣда была, какъ говорятъ, съ глазу на глазъ. Государь пробылъ въ комнатѣ Ивана Яковлевича около четверти часа и вышелъ оттуда пасмурный и взволнованный. Послѣ этого посѣщенія Корейши государемъ посѣтить больницу вздумалъ и графъ Закревскій, и когда онъ, сопровождаемый больничнымъ начальствомъ, вошелъ къ Корейшѣ, то послѣдній встрѣтилъ его словами:

— Ой, говори ты пожалуйста потише, слишкомъ ужъ тебя слышно, оглушилъ совсѣмъ,—и, затѣмъ отвернувшись отъ графа и обратившись къ присутствующимъ, бѣдовый прорицатель продолжалъ: «Глупъ я, други вы мои милые, совсѣмъ глупъ: залѣзъ на верхушку да и думаю, что выше меня ужъ и нѣтъ никого. Дочь я себѣ вырастилъ на позоръ, одна она у меня и, кромѣ стыда, нѣтъ мнѣ отъ нея ничего: шляется, какъ потаскушка, а я дуракъ и унять ее не могу. Гдѣ ужъ мнѣ дураку другими править, коль я самъ съ собой управиться не умѣю: навѣшаю на себя всякихъ цацъ, да хожу, распустя хвостъ, какъ пѣтухъ индѣйскій; только тогда опомнюсь, когда вверхъ ногами полечу...»

Закревскій, конечно, понялъ эту тираду, но не показалъ и виду. На его вопросъ, чѣмъ боленъ Корейша, послѣдній отвѣчалъ: «Пыжусь все, надуваюсь, лопнуть собираюсь».

Когда сконфуженный генералъ-губернаторъ уходилъ, Корейша заклокоталъ индѣйскимъ пѣтухомъ и задорно закричалъ:

— Фу ты, ну ты, прочь поди!..—Конечно, только благодаря предшествовавшему посѣщенію преображенскаго прорицателя государемъ для Корейши сошелъ благополучно этотъ пріѣздъ всемогущаго московскаго паши.

Графъ Закревскій былъ пріятелемъ моего дѣда Ивана Васильевича: они вмѣстѣ молодыми офицерами участвовали въ войнахъ съ Наполеономъ и совершали походъ 14 года. Рода Закревскій былъ незнатнаго и небогатаго, а графскій титулъ и крупное состояніе заслужилъ себѣ самъ своей службой.

Другимъ другомъ и товарищемъ дѣда и графа Закревскаго былъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ; о немъ я буду говорить впослѣдствіи.

А пока возвращаюсь еще къ Ивану Яковлевичу. Онъ былъ популярнѣйшей личностью тогдашней Москвы, къ нему обращались за совѣтами по различнымъ дѣламъ, возили невѣстъ, чтобы на основаніи его, по большей части непонятныхъ, изреченій дѣлать выводы о томъ, что ждетъ молодыхъ дѣвицъ въ ихъ будущей семейной жизни. Было много лицъ, въ особенности женщинъ, которыя ничего не предпринимали, не посовѣтовавшись предварительно съ этимъ пророкомъ изъ сумасшедшаго дома. Къ нему обращались не только лично, но и письменно; свои отвѣты онъ писалъ на тѣхъ же бумажкахъ, на которыхъ ему задавались вопросы, денегъ онъ не бралъ,—посѣтители и посѣтительницы опускали, кто сколько могъ, въ существующую для этой цѣли при больницѣ кружку, и весь сборъ шелъ въ пользу дома умалишенныхъ. Этотъ сборъ былъ настолько значителенъ, что положительно обога-

щалъ больницу и давалъ возможность ее содержать въ образцовомъ по тогдашнему времени порядкѣ.

Вотъ что разсказывала мнѣ о своемъ посѣщеніи этого московскаго оракула моя тетушка, Марья Ивановна Оливъ, урожденная Кузнецова. Когда она была еще совсѣмъ молодой, ея тетка, большая его поклонница, свезла ее къ Корейшѣ. Иванъ Яковлевичъ занималъ въ больницѣ отдѣльное помѣщеніе. Войдя къ нему, онѣ застали тамъ уже нѣсколькихъ посѣтительницъ, ожидавшихъ своей очереди поговорить съ прорицателемъ. Послѣдній сидѣлъ на полу, посрединѣ комнаты: это былъ лысый, ожирѣвшій старикъ, очень неопрятной наружности. На немъ прямо на бѣлье былъ надѣтъ больничный халатъ, широко распахнутый на разстегнутой рубашкѣ. Время отъ времени онъ нюхалъ табакъ, при чемъ послѣ каждой понюшки посыпалъ табакомъ и свою лысину. Посѣтительницы, подходя къ нему для разговора съ нимъ, должны были тоже садиться на полъ, такъ какъ Корейша все время сидѣлъ съ опущенной головой; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ тоже посыпалъ голову табакомъ, а нѣкоторымъ давалъ пить лѣкарство: какой-то порошокъ, который онъ клалъ своими грязными пальцами въ чайникъ, добавляя въ него еще своего нюхательнаго табаку и давалъ заваривать эту смѣсь имѣвшимся тутъ же кипяткомъ. Его поклонницы, осчастливленныя полученіемъ этой микстуры, или пили ее тутъ же, или выливали въ привезенныя съ собой бутылки и увозили домой.

Увидѣвъ мою тетушку, цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку, Корейша, вѣроятно для того, чтобы подурачить привезшую ее къ нему родственницу, началъ съ того, что запѣлъ «со святыми упокой»—послѣ чего сказалъ: «Скоро настанетъ весна, зазеленѣютъ деревья, зацвѣтутъ цвѣты, запоютъ птички, а Марія умретъ и будутъ пѣть надъ ней со святыми упокой». Это предсказаніе, показавшееся только забавнымъ молодой дѣвушкѣ, очень встревожило и разстроило ея родственницу, которая послѣ этого не разъ еще обращалась къ Корейшѣ письменно, чтобы получить отъ него болѣе утѣшительныя предсказанія. Каковы были результаты этой переписки,—не знаю, что же касается самаго предсказанія, то оно, конечно, не сбылось.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Ивана Яковлевича Марьѣ Ивановнѣ пришлось съ той же своей тетушкой Кузнецовой побывать и у другой замѣчательной личности, а именно у старца Кузьмича, о которомъ послѣ его смерти говорили, что онъ былъ императоръ Александръ Первый, удалившійся отъ міра. Возвращаясь изъ Сибири отъ своихъ родныхъ, красноярскихъ Кузнецовыхъ, проѣзжая по Томской губерніи на обратномъ пути въ Россію, узнавъ

на одной станціи, гдѣ мѣняли лошадей, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея живетъ старецъ Кузьмичъ, пользовавшійся тогда большой извѣстностью въ Сибири, онѣ рѣшили заѣхать повидаться съ нимъ и, хотя время было уже позднее и наступала ночь, онѣ тѣмъ не менѣе наняли ямщика и отправились на заимку, гдѣ жилъ старецъ. Среди большого лѣса, на обширной открытой полянѣ, обнесенной высокимъ частоколомъ, стояла очень маленькая избушка въ одно окно. Подъѣхавъ къ ней, посѣтительницы, найдя дверь незапертой, вошли въ нее и, никого не заставъ, сѣли, въ ожиданіи возвращенія старца, на лавку около окна. Избушка по своей обстановкѣ напоминала келью и состояла изъ одной комнаты, раздѣленной на двѣ части перегородкой, за которой стояла кровать. Яркій лунный свѣтъ, проникая въ окно, освѣщалъ это убогое жилище таинственнаго отшельника. Ждать имъ пришлось недолго, вскорѣ онѣ услышали скрипъ отворявшейся двери, когда онѣ обернулись, то имъ представилась слѣдующая картина, которую моя тетушка никогда въ жизни забыть не могла.

На фонѣ открытой двери, вся озаренная серебристымъ луннымъ свѣтомъ, падающимъ на нее изъ окна, стояла величественная фигура старца. Онъ былъ очень высокаго роста, одѣтъ въ длинную простую бѣлую рубаху, въ бѣлыхъ порткахъ, съ длинной бѣлой бородой и длинными бѣлыми же волосами, окаймлявшими его широкую лысину. Въ лучѣ луннаго свѣта онъ казался какимъ-то призрачнымъ, бѣлымъ, сверхъестественнымъ явленіемъ. Присущая его фигурѣ величественная осанка, разговоръ и манеры выдавали въ немъ человѣка, принадлежавшаго къ высшему кругу общества, и настолько поразили молодую дѣвушку, что распространившійся послѣ смерти Кузьмича слухъ, что онъ былъ Александръ Первый, ничуть не удивилъ Марью Ивановну [1]).

Кромѣ Голохвастовыхъ и Кротковыхъ, наша родня со стороны моего отца состояла еще изъ бабушки Охотниковой, рожденной Шатиловой, моего дѣда Ивана Васильевича Шатилова, дочерей бабушки Охотниковой: Аграфены и Анны Павловны; послѣдняя была замужемъ первымъ бракомъ за Карабановымъ, а потомъ вторично вышла замужъ, почти умирающая, за лечившаго ее доктора Ретрофи, которому послѣ своей кончины, послѣдовавшей очень скоро за свадьбой, оставила свое состояніе. Ея свадьба съ Ретрофи происходила у насъ въ Моховомъ, уже послѣ смерти бабушки, которая при жизни была противъ этого брака, считая его вѣроятно за mésallianse.

---

[1]) См. легенды и преданія, собранныя томскимъ кружкомъ почитателей старца Феодора Козьмича. *Д. Г. Романовъ.* «Таинственный старецъ Федоръ Козьмичъ въ Сибири и Императоръ Александръ Благословенный», Харьковъ. 1912 г. *С. М.*

Братъ мужа бабушки былъ блестящій, красивый, гвардейскій офицеръ, служившій въ Петербургѣ; онъ имѣлъ романъ, за который заплатилъ своей жизнью [1]).

Наша вѣтвь Шатиловскаго рода беретъ свое начало отъ одного изъ потомковъ Семена Шатилова, Перфилія Шатилова, жившаго въ концѣ 1500-хъ и въ началѣ 1600-хъ гг.

У Перфилія Шатилова былъ сынъ Мокей, а у Мокея было три сына: Авдей, Федоръ, женатый на Маріи Сотниковой, и Прокофій. Въ 1672 году Федору и Авдѣю было пожаловано Моховое. У Федора Мокеевича былъ единственный сынъ Федоръ Федоровичъ, умершій раньше своего отца, оставивъ сиротою малолѣтняго сына Осипа Федоровича; дѣдъ послѣдняго, Федоръ Мокеевичъ, былъ тогда уже очень старъ, и сосѣди Даниловы, желая захватить имѣніе въ свои руки, что въ тѣ отдаленныя времена случалось довольно часто, увезли его къ себѣ обманнымъ образомъ и желали тоже овладѣть и юнымъ Осипомъ Федоровичемъ, но крестьяне не допустили до этого: они, собравшись и вооружившись болѣе или менѣе, чѣмъ попало, отбили нападеніе сосѣдей, причемъ отняли у нихъ даже вывезенную послѣдними пушку, которая и до сихъ поръ находится у насъ въ Моховомъ и изъ которой стрѣляютъ въ Пасхальную ночь. А для того, чтобы помѣстить тогда еще очень юнаго Осипа Федоровича въ болѣе безопасное мѣсто, перевезли его въ другое наше имѣніе, Паньково, въ 15 верстахъ отъ Мохового, гдѣ потомъ Осипъ Федоровичъ и остался жить постоянно. Его сынъ, Василій Осиповичъ, тоже жилъ въ Паньковѣ и, скончавшись раньше своего отца, оставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Николая и Ивана Васильевичей и дочь Наталью Васильевну, которая была замужемъ за Охотниковымъ.

У Николая Васильевича, женатаго на Натальѣ Павловнѣ Голохвастовой, былъ сынъ Іосифъ Николаевичъ, мой отецъ, и дочь Елисавета Николаевна, въ замужествѣ Кроткова. Николай Васильевичъ умеръ, когда моему отцу было всего 15 лѣтъ. Его и тетушку воспиталъ мой дѣдъ Иванъ Васильевичъ, умершій въ преклонныхъ лѣтахъ.

Николай Васильевичъ и Иванъ Васильевичъ, оставшись сиротами послѣ смерти отца, Василія Осиповича, въ скоромъ времени потеряли и дѣда своего, Осипа Федоровича, и были воспитываемы родными въ Петербургѣ; бывшая тогда опека надъ ихъ имѣніями разорила послѣднія. Подобныя же разоренія перенесли имѣнія наши и во время малолѣтства Осипа Федоровича. По разсказамъ стариковъ, Осипъ Федоровичъ былъ человѣкъ очень степенный и

---

[1]) Объ этомъ романѣ А. Я. Охотникова и императрицы Елизаветы Алексѣевны см. дополненіе къ статьѣ.

набожный: онъ, какъ говорятъ, былъ другомъ Тихона Задонскаго. Сынъ его, Василій Осиповичъ, служившій на военной службѣ и имѣвшій чинъ бригадира, наоборотъ, любилъ открытую широкую жизнь и при немъ гости не переводились въ домѣ.

Сохранившіеся въ Паньковѣ остатки прудовъ, бесѣдокъ и иныхъ затѣй свидѣтельствуютъ о томъ, что тамъ когда-то любили жить весело. Николай Васильевичъ тоже смолоду любилъ веселую жизнь и карточную игру и однажды проигралъ въ карты нѣсколько сотъ тысячъ, которыя заплатилъ за него его братъ, Иванъ Васильевичъ, изъ своей части состоянія, вотъ почему ни Николай Васильевичъ, ни отецъ мой не дѣлились съ Иваномъ Васильевичемъ, и отецъ всю жизнь съ большимъ почтеніемъ относился къ своему дядѣ и почиталъ его, какъ отца.

Иванъ Васильевичъ служилъ на военной службѣ во время Отечественной войны и участвовалъ въ походѣ союзниковъ въ Парижъ.

Мать моя была урожденная Оливъ; отецъ ея, Вильгельмъ Николаевичъ Оливъ, былъ французъ, перешедшій на русскую службу и женившійся на русской. Жена его, Софья Сергѣевна Оливъ, была урожденная Щербинина. Отецъ дѣдушки Оливъ принадлежалъ къ бретонскому дворянству и во время французской революціи удалился со своей семьей въ Сѣверную Америку, гдѣ и родился дѣдушка Вильямъ Николаевичъ.

По возвращеніи на родину молодой Оливъ поступилъ въ военную школу Сенъ-Сиръ и по окончаніи ея служилъ въ королевской гвардіи, сопровождалъ Людовика XVIII въ 1815 г. во время его удаленія въ Гентъ и состоялъ для порученій (былъ officier d'ordonnance) при герцогѣ Беррійскомъ. Овдовѣвъ, его мать вышла вторично замужъ за шталмейстера маркиза де-Кюбьеръ. Маркизъ де-Кюбьеръ съ дѣтства былъ близокъ къ дому Бурбоновъ, онъ воспитывался вмѣстѣ съ королемъ Людовикомъ XVI и состоялъ штальмейстеромъ при Людовикѣ XVIII. Это былъ очень образованный человѣкъ, занимался литературой и естественными науками.

Въ 1814 году великій князь Константинъ Павловичъ, будучи въ Парижѣ, познакомился съ семействомъ де-Кюбьеръ и скоро дружески сошелся съ нимъ; онъ очень полюбилъ молодого Оливъ и сталъ уговаривать его перейти къ нему на службу. Состоя въ перепискѣ съ маркизой де-Кюбьеръ, цесаревичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Варшавы отъ 16/28 октября 1816 г., между прочимъ, писалъ ей:

«Разсчитывая на вашу старую дружбу, милостивая государыня, посмѣю ли попросить Васъ обнять за меня Вашего сына,

котораго люблю отъ всей души. Заставьте его путешествовать, милостивая государыня, и пришлите его сюда ко мнѣ, обѣщаю Вамъ, что онъ будетъ принятъ, какъ братъ и другъ».

Слѣдуя этимъ лестнымъ приглашеніямъ, Вильгельмъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Россію и поступилъ на русскую службу въ качествѣ адъютанта великаго князя. Въ этой должности Оливъ прослужилъ 10 лѣтъ при цесаревичѣ въ Варшавѣ и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему людей.

Изъ сохранившихся у бабушки Софьи Сергѣевны Оливъ писемъ великаго князя къ маркизѣ де-Кюбьеръ особенно интересны два письма, изъ которыхъ въ одномъ великій князь, говоря о броженіи умовъ во Франціи, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ обязанности короля.

«Не требовать болѣе, чѣмъ то, чего добиться есть человѣческая возможность. Сверхъ того быть самому человѣкомъ и откинуть ту полубожескую обстановку, которою окружаютъ его, какъ и принцевъ. Словомъ, собрать вокругъ себя не свою партію, съ ея старыми, выдохшимися теоріями, но всѣ партіи и оказывать имъ всѣмъ, безъ уступокъ какой-либо изъ нихъ, равную благосклонность, довѣріе и справедливость. Управлять самому, видѣть своими глазами, а не быть какимъ-то Далайламой, которому кадятъ съ утра до вечера, а держатъ въ клѣткѣ. Основательно заняться войскомъ, а не дѣлать изъ него одно зрѣлище, что для него всегда болѣе или менѣе оскорбительно».

Этотъ взглядъ Константина Павловича недурно было бы имѣть всѣмъ правителямъ, но, къ сожалѣнію, роль Далайламы легче и требуетъ меньше заботъ, ума и труда, а равно и знанія, чѣмъ роль одного изъ тѣхъ правителей, имена которыхъ будутъ всегда съ уваженіемъ вспоминаться благодарнымъ человѣчествомъ.

Какъ характерный примѣръ отношенія у насъ къ самоуправленію и проявленію такъ называемыхъ «возмутительныхъ идей», привожу отрывокъ изъ другого письма великаго князя Константина Павловича къ маркизѣ де-Кюбьеръ, въ которомъ онъ сравниваетъ происходящее въ то время во Франціи съ польскимъ сеймомъ.

«Наши захотѣли тоже подражать сценѣ маркиза Шовелена, но, благодаря городскому плац-майору, «старой лисицѣ и старому практику», были разсѣяны имъ однимъ человѣкомъ 20 шалуновъ, якобы либераловъ, которые захотѣли пошутить и исчезли при видѣ этого цербера или бульдога, весьма неудобнаго во время безпорядковъ. Его Величество не даетъ себя смущать всѣмъ этимъ шумомъ и при закрытіи держалъ рѣчь, доказывающую его не-

удовольствіе, что произвело большое впечатлѣніе на людей благомыслящихъ, но не тронуло демагоговъ. Слава Богу, въ этой странѣ все можетъ идти безъ согласія Камеръ».

По понятіямъ великаго князя, «онѣ (камеры) дѣлали лишь глупости, и ихъ при томъ и оставили, а такъ какъ созываютъ ихъ лишь черезъ два года и то лишь на мѣсяцъ, изъ котораго нужно вычесть дни открытія и закрытія, дни выбора комитетовъ и чтенія отчетовъ и затѣмъ четыре или пять воскресеній, два-три праздника,—то всего остается 15 или 18 дней для того, чтобы шумѣть; и можно оставить имъ это маленькое удовольствіе, ибо, какъ только оканчивается Сеймъ, всѣ мои милые соправители возвращаются къ тому опредѣленному положенію, въ которомъ не шутятъ съ бунтовщиками и съ людьми, производящими безпорядки. До сихъ поръ войска хороши, и на нихъ можно разсчитывать. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы имъ было разрѣшено возстановить порядокъ».

Великій князь умеръ въ Витебскѣ 15 іюня 1831 года отъ холеры; какъ говорили тогда, къ воспринятію этой болѣзни его подготовили душевныя огорченія.

Событія, совершавшіяся тогда въ Польшѣ, его очень огорчали. Къ тому же, пользуясь въ общемъ хорошимъ здоровьемъ, онъ не берегъ себя и рисковалъ имъ: окачивался холодной водой, а во время жаровъ растирался льдомъ, любилъ жирныя блюда русской кухни, въ особенности кулебяки, а также фрукты и ягоды. Не оправившись еще вполнѣ отъ простуды, онъ наканунѣ своей смерти ѣздилъ вечеромъ по городу и вернувшись долго разговаривалъ на крыльцѣ съ состоящимъ при немъ контръ-адмираломъ Колзаковымъ и, хотя уже чувствовалъ себя нехорошо, поѣлъ ягодъ со сливками, къ утру у него обнаружились признаки холеры. Единственный въ городѣ врачъ, умѣвшій, какъ утверждали, лѣчить отъ этой болѣзни, полковой лѣкарь Горскій, не былъ допущенъ къ больному врачами Куришемъ и Гюбенталемъ, и въ шесть часовъ вечера того же дня великаго князя не стало.

Къ моимъ воспоминаніямъ дѣтства относится и знакомство съ семьей извѣстнаго художника Ивана Константиновича Айвазовскаго, быстро дѣлавшаго тогда свою блестящую художественную карьеру; это было время полнаго расцвѣта его таланта. Онъ былъ уже богатымъ человѣкомъ, имѣлъ свой домъ въ Ѳеодосіи на берегу моря и къ этому же приблизительно времени относится покупка имъ его прекрасныхъ имѣній Шахъ-Мамая, Субаши, Кренічекъ и дачи въ Судакѣ.

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій родился въ 1817 году; онъ былъ сыномъ бѣднаго армянина, бывшаго негоціанта, разо-

рившагося во время чумы. Первый, кто обратилъ вниманіе на талантливаго мальчика, былъ ѳеодосійскій городской архитекторъ Кохъ. Затѣмъ тогдашній ѳеодосійскій градоначальникъ, бывшій потомъ таврическимъ губернаторомъ, Александръ Ивановичъ Казначеевъ, увидавъ однажды рисующаго Айвазовскаго и пораженный красотой и изяществомъ линій рисунка этого босоногаго и оборваннаго уличнаго мальчика, взялъ его къ себѣ и въ 1830 году помѣстилъ въ симферопольскую гимназію. У Александра Ивановича хранился рисунокъ, сдѣланный Айвазовскимъ и изображающій, какъ его въ первый разъ привели къ Казначееву. На этомъ рисункѣ онъ изобразилъ себя такимъ, какимъ въ дѣйствительности былъ въ то время,—босоногимъ оборванцемъ.

Учась въ гимназіи, Айвазовскій жилъ у Казначеева, воспитывавшаго его вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Въ Симферополѣ онъ сдѣлалъ рисунокъ перомъ, изображающій группу евреевъ въ синагогѣ. Рисунокъ этотъ такъ понравился Нарышкиной, урожденной графинѣ Растопчиной, что она взяла его съ собой въ Петербургъ и черезъ архитектора Тона, при посредствѣ князя Волконскаго, представила этотъ рисунокъ императору Николаю Павловичу, который и повелѣлъ зачислить 16-лѣтняго Айвазовскаго въ Академію Художествъ.

Айвазовскій былъ одинъ изъ рѣдкихъ избранниковъ и баловней судьбы, которые время отъ времени появляются среди общей заурядной массы человѣчества. Сынъ бѣдныхъ родителей, неимѣвшій даже возможности имѣть обувь, онъ достигъ наивысшихъ гражданскихъ чиновъ, (онъ умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника), оставивъ милліонное состояніе, но что въ особенности дѣлало ему честь, такъ это его отношеніе ко всѣмъ своимъ бѣднымъ родственникамъ и соплеменникамъ. Онъ никогда не отворачивался отъ нихъ, а наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ судьба возвышала его и обогащала, онъ прежде всего заботился о доставленіи жизненныхъ удобствъ своимъ бѣднымъ родственникамъ: онъ обезпечилъ свою мать, выдалъ замужъ свою сестру, далъ образованіе двумъ братьямъ, изъ которыхъ одинъ, Григорій Константиновичъ, служилъ потомъ на гражданской службѣ, а другой, избравъ себѣ духовную карьеру, достигъ впослѣдствіи епископскаго сана.

Равнымъ образомъ, Иванъ Константиновичъ до конца жизни остался вѣренъ своему родному городу Ѳеодосіи, и послѣдняя ему очень многимъ обязана. Онъ снабдилъ ее прекрасною питьевою водой изъ обильнѣйшихъ источниковъ своего Субашскаго имѣнія; ему же, главнымъ образомъ, обязана Ѳеодосія тѣмъ, что въ ней устроили торговый портъ и провели къ ней желѣзную до-

рогу. Онъ постоянно заботился о всѣхъ нуждахъ родного города и ѳеодосійцы находили въ его лицѣ очень вліятельнаго и авторитетнаго ходатая и заступника во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Всегда ровный въ обращеніи со всѣми, онъ не проявлялъ никогда, за всѣ годы моего долгаго знакомства съ нимъ, ни малѣйшаго высокомѣрія или надменности, которымъ, къ сожалѣнію, такъ часто поддаются люди, которыхъ судьба побалуетъ успѣхомъ.

Въ то время Иванъ Константиновичъ былъ человѣкомъ во цвѣтѣ лѣтъ: высокій, красивый, онъ очень походилъ тогда на Пушкина и былъ женатъ на очень красивой англичанкѣ, бывшей гувернанткѣ, съ которою познакомился въ семьѣ Суковыхъ (Суковъ завѣдывалъ казенными лѣсами Ѳеодосійскаго уѣзда); отъ этого брака у Айвазовскаго было четыре дочери.

Помню я тоже и мастерскую Айвазовскаго, въ которой мое особое вниманіе привлекалъ манекенъ, одѣтый туркомъ. Сколько времени мы прожили въ Ѳеодосіи, не помню, но, кажется, мы оттуда проѣзжали и въ Керчь, по крайней мѣрѣ, мнѣ припоминается посѣщеніе нами тогдашняго керченскаго градоначальника, князя Херхулидзева, у котораго была молодая и красивая жена, игравшая и бѣгавшая со мной въ столовой вокругъ большого круглаго стола. Много лѣтъ спустя мнѣ пришлось встрѣтиться съ княгиней Херхулидзевой въ Москвѣ; она въ то время уже овдовѣла и увлекалась спиритизмомъ, который довелъ ее до потери разсудка и до преждевременной смерти.

За этотъ нашъ пріѣздъ въ Крымъ, вскорѣ послѣ войны, приходилось еще много слышать о событіяхъ военнаго времени и видѣть многое, что оставалось нѣмымъ памятникомъ пронесшейся надъ Крымомъ грозы: такъ Севастополь стоялъ еще весь въ развалинахъ, цѣлыя улицы и кварталы представляли изъ себя груды мусора и камней, съ кое-гдѣ уцѣлѣвшими одинокими стѣнами или печными трубами.

Наше имѣніе на южномъ берегу Крыма, Мухолатка, было тоже разграблено и разорено, домъ былъ сожженъ, такъ что отъ него остались лишь однѣ стѣны, закопченныя пожаромъ. Въ огромныхъ и прекрасныхъ подвалахъ, въ которыхъ хранились большіе запасы вина, союзниками были прострѣлены и пробиты донья у бочекъ, а вино выпущено на полъ подваловъ, которые потомъ нельзя было высушить въ продолженіи многихъ лѣтъ. Все, что союзники не могли унести, то было ими или испорчено, или совсѣмъ уничтожено. Впрочемъ, узнавъ, что сосѣднее съ Мухолаткой имѣніе бабушки Софьи Сергѣевны Оливъ принадлежитъ французу, они ничего не тронули, а только увели въ плѣнъ служащихъ и находящагося тамъ въ то время учителя дѣтей бабушки,

Дмитрія Васильевича, и двухъ изъ нашихъ людей: кузнеца Людвига Шмидта и столяра Андрея Шпека. Впрочемъ, всѣхъ этихъ лицъ потомъ довольно скоро освободили.

Въ то время разсказывали о нѣкоторыхъ таинственныхъ личностяхъ, появившихся въ Крыму передъ войной и потомъ неизвѣстно куда исчезнувшихъ. Такъ за нѣкоторое время до войны разъѣзжалъ по Крыму иностранецъ художникъ, выдававшій себя за глухонѣмого; онъ очень хорошо рисовалъ ночныя сцены около костровъ, достигая эффекта огненнаго освѣщенія особымъ техническимъ пріемомъ, соединяя гаушъ съ копченіемъ бумаги на огнѣ. Художникъ этотъ объѣхалъ весь Крымъ, живя подолгу у тѣхъ помѣщиковъ, гдѣ собиралось много гостей и можно было многое слышать. Зная, что онъ глухонѣмой, передъ нимъ не стѣснялись, и онъ могъ такимъ образомъ узнавать многое. Только послѣ того, что онъ внезапно исчезъ, когда была объявлена война, всѣ въ одинъ голосъ заговорили о томъ, что это былъ шпіонъ.

Другая такая же подозрительная личность жила въ Георгіевскомъ монастырѣ, около Севастополя. Явившись въ монастырь подъ видомъ монаха, человѣкъ этотъ подъ предлогомъ, что ищетъ уединенія и жизни отшельника, выстроилъ себѣ на крутомъ берегу въ виду моря келью, вдали отъ монастыря, и поселился въ ней. Его часто видѣли бродящимъ въ окрестностяхъ Севастополя и, когда непріятельскія войска осадили городъ, онъ исчезъ такъ же безслѣдно, какъ и художникъ.

Турецкое правительство и духовенство передъ Крымской войной усиленно возбуждало татаръ противъ русскихъ. Пріѣзжіе изъ Турціи проповѣдники подбивали магометанское населеніе къ поголовному возстанію и священной войнѣ. Изъ Константинополя, какъ говорили, было даже привезено въ Крымъ знамя Магомета, которое тайнымъ образомъ развозилось по городамъ и большимъ татарскимъ селеніямъ, гдѣ оно выставлялось въ мечетяхъ для возбужденія правовѣрныхъ къ возстанію, но татары были слишкомъ осторожны, чтобы явно перейти на сторону союзниковъ; гдѣ они могли, тамъ они помогали имъ, служа имъ шпіонами, но явно переходить къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ русскихъ не отваживались.

Пріѣзжая по дѣламъ въ экономіи помѣщиковъ, они говорили потихоньку между собой, какъ будутъ все въ нихъ дѣлить, и дѣлали заблаговременно планы, что кому достанется, если русскихъ выгонятъ изъ Крыма и послѣдній вновь перейдетъ во власть султана. Это сочувствіе татаръ къ союзникамъ, конечно, главнымъ образомъ къ туркамъ, и опасеніе репрессивныхъ мѣръ со стороны

русскаго правительства по заключеніи мира заставило ихъ вскорѣ послѣ окончанія войны массами покидать Крымъ и переселяться въ Турцію. Переселеніе это было настолько значительно, что цѣлыя мѣстности сразу опустѣли: такъ на 18,000 десятинъ земли степного имѣнія моего отца было девять татарскихъ деревень, которыя всѣ выселились.

Нѣкоторыя изъ этихъ деревень были довольно значительныя; въ одной изъ нихъ существовало даже высшее духовное училище, «медрессе», съ помѣщеніемъ, въ которомъ жили учащіеся, пріѣзжавшіе сюда изъ другихъ мѣстностей Крыма. Какъ въ первыхъ моихъ воспоминаніяхъ, мнѣ постоянно представлялись толпящіеся въ экономіи нашей татары, такъ въ описываемое время я припоминаю однѣ только опустѣлыя деревни, гдѣ среди грудъ развалинъ и огромныхъ кучъ пепла и сора бродили голодныя и одичавшія собаки, а въ первобытныхъ вышкахъ деревенскихъ мечетей, долженствующихъ замѣнять собою красивые минареты, гнѣздились совы и скворцы. Чѣмъ-то жуткимъ и несказанно безотраднымъ вѣяло отъ этихъ покинутыхъ деревень, вокругъ которыхъ оставались стоять, какъ безмолвные свидѣтели прошлаго, безчисленные, поставленные стоймя, камни-памятники окружающихъ селенія кладбищъ.

Но скоро и это все совсѣмъ исчезло съ лица земли, и новое пришлое населеніе или окончательно разрушило, или перестроило бывшія деревни, при чемъ камни кладбища пошли на постройки или на стѣны оградъ.

Послѣ ухода татаръ исчезли и тѣ типичные ногайцы, которыхъ приходилось еще видѣть во время нашихъ первыхъ поѣздокъ въ Крымъ. Ногайцы населяли Перекопскій уѣздъ и другіе сѣверные уѣзды Таврической губерніи, какъ, напр., Мелитопольскій и Бердянскій. До покоренія Крыма они составляли нѣсколько самостоятельныхъ ордъ, управляемыхъ независимыми мурзами, имѣвшими свои знамена и чеканившими свою монету. Къ этимъ, когда-то владѣтельнымъ, семьямъ принадлежали мурзы: Ширинскіе, Мансуровы и Карашайскіе. Ногайскія женщины носили большія серебряныя кольца, продѣтыя въ одну изъ ноздрей или въ хрящикъ носа между ноздрями. Кольца эти были настолько велики, что спускались ниже рта.

Уходъ изъ Крыма татаръ произвелъ большой переворотъ въ жизни большинства крупныхъ частныхъ имѣній. Въ нашемъ имѣніи Тамакѣ, хотя и были крестьяне, переселенные изъ имѣній, принадлежащихъ намъ въ Тамбовской губерніи, но они были вскорѣ послѣ войны отпущены на волю и, купивъ себѣ землю около города Карасу-Базара, поселились на ней. Отецъ, остав-

шись съ огромнымъ имѣніемъ, но безъ рукъ для его обработки, задумалъ пригласить изъ сѣверныхъ уѣздовъ Таврической губерніи нѣмцевъ-колонистовъ, которымъ и хотѣлъ сдать въ аренду часть земли, а также вывезти изъ-за границы семьи рабочихъ для производства полевыхъ работъ. Послѣдній проектъ, т.-е. вывозъ рабочихъ и колонистовъ, былъ приведенъ въ исполненіе только года черезъ два или три, такъ какъ въ это время настала пора осуществленія реформы освобожденія крестьянъ. Народъ ждалъ ее съ нетерпѣніемъ со дня на день.

Я помню, какъ при нашемъ возвращеніи изъ Крыма, въ нѣкоторыхъ деревняхъ Малороссіи жители сбѣгались къ дому, гдѣ останавливалась наша карета, и, узнавъ, что ѣдутъ частныя лица, разочарованные заявляли, что думали, что пріѣхала «воля», очевидно, представляя послѣднюю въ образѣ царскаго посланца, разъѣзжающаго по Россіи и объявляющаго народу о давно желанной свободѣ. Въ этотъ нашъ пріѣздъ въ Крымъ мы остались тамъ довольно долго. Сколько мнѣ помнится, зимовали въ Симферополѣ, гдѣ отецъ постоянно бывалъ занятъ, засѣдая въ разныхъ комитетахъ, имѣющихъ отношеніе къ освобожденію крестьянъ.

Во время этого нашего пребыванія въ Крыму пріѣзжалъ къ намъ въ Тамакъ полковникъ фонъ-Дитмаръ, уроженецъ Остзейскаго края. Онъ путешествовалъ по Крыму, интересуясь его древностями и въ особенности раскопками скиѳскихъ кургановъ въ окрестностяхъ Керчи, изъ которыхъ было добыто столько драгоцѣнныхъ образцовъ древняго искусства, украшающихъ въ настоящее время музеи Эрмитажа. Незадолго до описываемаго мною времени былъ разрытъ такъ называемый «золотой курганъ», большинство драгоцѣнностей котораго, благодаря непредусмотрительности завѣдующихъ раскопками, было расхищено въ первую же ночь босяками Керчи, провѣдавшими объ этихъ сокровищахъ. Они, явясь ночью большой толпой, прогнали поставленный къ кургану недостаточный караулъ и похитили всѣ золотые предметы, окружающіе саркофаги царя и царицы. Съ большими трудами и только благодаря обѣщанію полной безнаказанности и уплатѣ по дѣйствительной стоимости за похищенныя вещи удалось получить обратно большую часть украденныхъ сокровищъ.

Полковникъ фонъ-Дитмаръ много разсказывалъ о керченскихъ находкахъ и привезъ съ собою древнія монеты, вазы и слезницы; между послѣдними были очень красивыя изъ разноцвѣтнаго стекла и съ опаловымъ отливомъ. Разсказы полковника меня очень интересовали, и съ тѣхъ поръ зародилась во мнѣ страсть къ археологіи.

Въ дѣтствѣ мнѣ пришлось видѣть немало людей, интересовавшихся науками и искусствами или даже спеціально имъ себя

посвятившихъ. Это, вѣроятно, и способствовало развитію во мнѣ какъ интереса къ нѣкоторымъ отраслямъ знаній, такъ равно и любви къ живописи, скажу даже больше—страсти къ живописи, которая наполнила и украсила собою мою жизнь.

Говоря о полковникѣ фонъ-Дитмарѣ, припоминается мнѣ его разсказъ о посѣщеніи имъ Гарибальди; будучи большимъ поклонникомъ этого великаго патріота, онъ нарочно ѣздилъ въ Италію, чтобы повидать его. При свиданіи Гарибальди далъ ему свой портретъ и автографъ. По возвращеніи въ Россію за этотъ визитъ народному герою Италіи Дитмаръ былъ уволенъ со службы и чуть было не попалъ подъ судъ.

Пріѣзжала къ намъ гостить въ Тамакъ и семья Филиберъ, съ которой мои родные были очень дружны. Мать Анны Петровны Филиберъ, Варвара Петровна Шипилова, происходила изъ семьи Брозиныхъ; у ея прадѣда Брозина было пять сыновей и три дочери. У одного изъ его сыновей, штабъ-доктора Ивана, былъ сынъ Павелъ, любимый флигель-адъютантъ императора Александра I. Будучи очень виднымъ и красивымъ человѣкомъ, онъ пользовался большимъ успѣхомъ у дамъ; имъ увлеклась и Нарышкина, любовница Александра I, и такъ какъ Брозинъ и со своей стороны сталъ отвѣчать ей тѣмъ же, то они рѣшили уѣхать за границу и благополучно выполнили задуманное, за что оба лишены были Александромъ I права въѣзда въ Россію.

Отъѣздъ Нарышкиной сильно подѣйствовалъ на Александра I, который, лишившись ея, еще болѣе предался тому піэтизму, склонность къ которому замѣчалась въ немъ и раньше. Только при Николаѣ I Брозину и Нарышкиной было разрѣшено вернуться въ Россію, гдѣ они поселились въ Одессѣ: Брозинъ въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается гостинница Россія, а Нарышкина рядомъ въ собственномъ домѣ, нынѣ это домъ генералъ-губернатора. Разсказывали, что въ одной изъ комнатъ этого дома была устроена потайная дверь, черезъ которую они сообщались; генеральша Ольга Леонтьевна Штаденъ, тетушка моей жены, разсказывала мнѣ, что, будучи въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, она однажды захотѣла провѣрить истину этого разсказа и дѣйствительно въ той комнатѣ, на которую указывали, въ одномъ мѣстѣ стѣны, соприкасающейся съ сосѣднимъ домомъ, при стукѣ слышался глухой звукъ, какъ бы отъ находящейся въ этомъ мѣстѣ задѣланной снаружи пустоты.

У Брозина съ Нарышкиной было четверо дѣтей [1]).

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о М. А. Нарышкиной можно найти въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», изд. Имп. Рус. Ист. Общ. и въ «Русскихъ Портретахъ XVIII и XIX ст.», изд. вел. кн. Николая Михайловича, т. III, № 105. *В. С.*

Филиберы по происхожденію французы, но во времена гоненій на гугенотовъ, будучи протестантами, покинули Францію и перебрались сначала въ Пруссію, а затѣмъ переѣхали въ Швейцарію. Послѣ покоренія и присоединенія Крыма и Новороссійскаго края къ Россіи и основанія графомъ Ришелье Одессы, много предпріимчивыхъ иностранцевъ стало переселяться въ этотъ новый край, манившій ихъ своей непочатостью и природными богатствами. Въ числѣ ихъ основался въ Одессѣ и Людвигъ Филиберъ, пріѣхавшій туда изъ Петербурга вмѣстѣ съ графомъ Ришелье; впослѣдствіи Филиберъ занялся овцеводствомъ на берегу Азовскаго моря. Кромѣ купленной земли, онъ арендовалъ еще для выпаса своихъ многочисленныхъ стадъ тонкорунныхъ овецъ обширные участки казенной земли, которые въ тѣ времена сдавались въ аренду желающимъ за очень ничтожную плату. Быстро составивъ крупное состояніе, старикъ Людвигъ Филиберъ далъ очень хорошее образованіе какъ своему единственному сыну, Амедею, такъ равно и дочерямъ.

Великая реформа 1861 г. вносила въ жизнь русскаго народа новыя оздоравливающія начала его умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго развитія, но столѣтія рабства и униженія этого долгаго времени, съ одной стороны, забиванія и подавленія свободнаго и благороднаго человѣческаго я, съ другой, предоставленія наилучшихъ условій для развитія самодурства, необузданныхъ чувственныхъ инстинктовъ, безграничной лѣни, привычки къ праздности и расточительности, соединенныхъ съ полнымъ отсутствіемъ серьезной и упорной послѣдовательной работоспособности,—надолго задержали умственное и моральное развитіе Россіи.

Переносясь мысленно за 50 лѣтъ назадъ, я припоминаю, что отецъ мой принималъ живое участіе въ губернскихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Симферополѣ, гдѣ мы тогда зимовали.

Наши крестьяне, переселенные изъ тамбовскаго имѣнія въ Крымъ, были отпущены на волю еще года за три или четыре до общаго освобожденія крестьянъ. Ни отецъ, ни дѣдъ не были крѣпостниками и крестьянъ своихъ не эксплоатировали. Конечно, вѣроятно и у насъ крестьяне платили извѣстный оброкъ и отбывали барщину, но все это совершалось въ размѣрахъ для нихъ не разорительныхъ, и вольнонаемный трудъ практиковался въ нашихъ имѣніяхъ уже съ начала этого столѣтія. Съ 1805 года хозяйство наше въ Тульскихъ имѣніяхъ велось правильно съ точной отчетностью и статистическими данными о количествѣ

урожая, такъ что освобожденіе крестьянъ не произвело никакой перемѣны въ способѣ веденія хозяйства; оно прошло, можно сказать, совершенно незамѣтно, даже ни одинъ дворовый человѣкъ не ушелъ отъ насъ.

Итакъ, до 1861 года я помню, какъ мой отецъ и Петръ Васильевичъ Давыдовъ посѣщали въ Симферополѣ губернскій комитетъ, а затѣмъ воспоминанія мои переносятъ меня въ Моховое, наше Тульское имѣніе, уже послѣ освобожденія, вѣроятно, къ осени 1861 года.

Помнятся сѣрые дождливые дни. Въ столовой передвинутъ большой обѣденный столъ и поставленъ вдоль одной изъ боковыхъ стѣнъ, на столѣ какія-то бумаги и книги, а за столомъ сидитъ отецъ, дѣдъ и Иванъ Ивановичъ Писаревъ, сынъ котораго, извѣстный Дмитрій Ивановичъ, былъ однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ новыхъ идей.

Этотъ Иванъ Ивановичъ былъ тогда избранъ мировымъ посредникомъ. Передъ столомъ толпа мужиковъ, наполнявшихъ всю комнату. Они почесывали затылки, глубокомысленно вздыхали, что-то тоже говорили, а стоящіе сзади позѣвывали, крестя себѣ при этомъ ротъ. Меня все это интересовало, и такъ какъ въ столовую меня не впускали, то я потихоньку заглядывалъ туда черезъ маленькую стеклянную дверь изъ темнаго коридора.

Съ моховскими крестьянами, кажется, все шло гладко и хорошо, но паньковскіе не хотѣли брать надѣловъ и отказывались отъ приходящейся на ихъ долю земли, и Писаревъ заставлялъ ихъ брать надѣлы силою. Для этого онъ ѣздилъ въ Паньково и тамъ подвергалъ тѣлесному наказанію главныхъ виновниковъ, подговаривавшихъ остальныхъ не брать земли. Ихъ сѣкли розгами въ зданіи волостного правленія. Эти порки были первыми, о которыхъ мнѣ пришлось у насъ слышать, и то имъ подверглись уже освобожденные крестьяне и, вѣроятно, по приговору начавшаго уже функціонировать волостного суда. Впослѣдствіи я слышалъ отъ дѣтей тѣхъ крестьянъ, которыхъ тогда сѣкли, ихъ признательность за то, что заставили ихъ родителей взять полагавшійся имъ, согласно положенію, полный душевой надѣлъ. Въ то время многіе крестьяне не хотѣли брать полныхъ душевыхъ надѣловъ, опасаясь выкупныхъ платежей и не понимая, какимъ образомъ будетъ производиться выкупъ, и, конечно, очень прогадали.

Насколько незамѣтно прошла для насъ эмансипація, настолько значительный переворотъ въ хозяйствѣ въ Крыму произвело выселеніе изъ Крыма татаръ.

На землѣ нашего большого крымскаго имѣнія было, какъ

я уже говорилъ, девять татарскихъ деревень, и уходъ такого значительнаго количества рабочихъ рукъ отразился, конечно, весьма неблагопріятно на экономической жизни имѣнія.

Хотя въ своихъ письмахъ графъ М. Н. Муравьевъ (см. «Голосъ Минувшаго 1914 г.») и говорилъ о предположеніи заселять опустѣвшія помѣщичьи земли въ Крыму казенными крестьянами изъ южныхъ губерній или крестьянами, покупаемыми казною у мелкопомѣстныхъ дворянъ, но предположенія эти на дѣлѣ въ Крыму не осуществились. Эти массовыя татарскія эмиграціи побудили отца заселить опустѣлую землю нѣмецкими колонистами. Выше я говорилъ, что въ Тамакѣ были раньше переселены крестьяне изъ нашего тамбовскаго имѣнія, но ихъ было не особенно много.

Когда же пошли слухи о войнѣ и стали ожидать, что театромъ ея будетъ Крымъ, то правительство принялось усиленно заготовлять въ нѣкоторыхъ пунктахъ Крымскаго полуострова боевые припасы, а равно фуражъ и иные предметы. При отсутствіи въ то время желѣзной дороги появился огромный спросъ на извозчиковъ, и заработокъ ихъ былъ весьма значителенъ, такъ какъ попутно они имѣли еще различные иные заработки при работѣ нѣкоторыхъ сооруженій.

Наши крестьяне обратились тогда къ отцу съ просьбою отпустить ихъ на эти заработки, отецъ исполнилъ ихъ желаніе, и они такъ успѣшно работали не только все время, предшествовавшее военнымъ дѣйствіямъ, но и во время самыхъ военныхъ дѣйствій и даже еще нѣкоторое время и по окончаніи войны, что, будучи отпущены моимъ отцомъ послѣ войны на волю, они оказались въ состояніи купить себѣ землю подъ Карасу-Базаромъ и поселились на ней. Въ настоящее время многіе изъ ихъ потомковъ весьма зажиточные хозяева.

Вотъ это освобожденіе и уходъ своихъ крѣпостныхъ совмѣстно съ послѣдовавшимъ почти одновременно уходомъ татаръ и заставили отца моего подумать о нѣмецкихъ колонистахъ. Черезъ кого шли переговоры объ ихъ вывозѣ изъ-за границы, къ сожалѣнію, я не знаю, помню только, что отецъ и самъ ѣздилъ тогда за границу, и что большинство перевезенныхъ нѣмцевъ были баварцы: послѣдніе были вывезены, какъ рабочіе, и одновременно съ ними были переселены менониты, которымъ была отведена и земля, но это предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, и вывезенные изъ-за границы баварцы недолго выжили на чужой сторонѣ въ совершенно для нихъ непривычныхъ жизненныхъ условіяхъ. Не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ всѣ они разбрелись: одни уѣхали обратно къ себѣ на родину, другіе перебрались въ города. Менониты про-

держались нѣсколько долѣе, но они тоже впослѣдствіи перебрались въ сѣверные уѣзды Таврической губерніи, ближе къ своимъ единовѣрцамъ.

За границу отецъ ѣздилъ изъ Москвы зимой; поѣздка его длилась нѣсколько мѣсяцевъ. Мы жили тогда еще во флигелѣ дома Голохвастовыхъ на Тверскомъ бульварѣ. Возвращеніе отца памятно мнѣ потому, что онъ привезъ съ собой много фотографическихъ карточекъ, изображавшихъ различныхъ извѣстныхъ тогда общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Въ Россіи фотографія тогда была еще очень мало распространена, портреты въ то время снимались дагеротипные на стеклѣ, и фотографію на бумагѣ только что начинали вводить.

Возвращаюсь вновь къ моему разсказу о времени освобожденія, чтобы познакомить читателей съ личностью тогдашняго нашего мирового посредника Ивана Ивановича Писарева.

Писаревъ былъ небогатый помѣщикъ, имѣніе котораго, Грунецъ, находилось верстахъ въ 12 или 15 отъ Мохового. Семья его состояла изъ его жены, сына Дмитрія Ивановича и двухъ дочерей: Вѣры и Екатерины. Жена его, маленькая бодрая женщина, получившая хорошее образованіе, сумѣла въ то время, и при томъ при маленькихъ средствахъ, дать образованіе сыну и дочерямъ. Съ этою цѣлью она открыла у себя въ имѣніи пансіонъ для дочерей такихъ же, какъ и она сама, небогатыхъ помѣщиковъ, и, обучая этихъ дѣвицъ, попутно дала образованіе и своимъ дѣтямъ.

Писарева была добродушная, отчасти нѣсколько восторженная женщина, заслуживающая, впрочемъ, полнаго уваженія. Нельзя было того же сказать про ея супруга, Ивана Ивановича. Это былъ типъ провинціальнаго Донъ-Жуана и крѣпостника, при томъ съ весьма растяжимыми понятіями о чести и порядочности. Я помню его уже старикомъ, съ серебристо-бѣлыми, зачесанными назадъ волосами, длинными висящими книзу серебристыми холеными усами и необыкновенно нѣжнымъ и розовымъ цвѣтомъ лица, которому могла бы позавидовать любая барышня, и съ такими же холеными и бѣлыми руками. Говорятъ, что онъ, дорожа своимъ цвѣтомъ лица, всегда ѣздилъ подъ зеленымъ вуалемъ, носилъ всегда перчатки и употреблялъ всякія косметики для сохраненія мягкости кожи. Всегда слащавый и улыбающійся, говорящій мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, онъ тѣмъ не менѣе самымъ исправнымъ образомъ сѣкъ мужиковъ, какъ только къ тому представлялся удобный случай.

Изъ числа дѣятелей по освобожденію крестьянъ мнѣ пришлось видѣть Н. А. Милютина, Юрія Самарина и князя В. А. Черкасскаго.

Милютина я видѣлъ спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Пріѣхалъ тогда въ Россію молодой шотландецъ Мэкензи Уоллесъ, задавшійся цѣлью написать книгу о Россіи. Не зная ни слова по-русски, Мэкензи Уоллесъ началъ съ того, что поселился гдѣ-то въ глуши Новгородской губерніи у сельскаго священника и началъ тамъ на практикѣ изучать русскій языкъ. Онъ прожилъ также довольно долго въ Новгородѣ, гдѣ тогдашній предсѣдатель губернской земской управы, Фирсовъ, далъ ему возможность заниматься въ губернской управѣ. Мэкензи Уоллесъ приходилъ въ управу ежедневно рано утромъ, едва сторожа успѣютъ вымести помѣщеніе, проходилъ въ предсѣдательскій кабинетъ и занимался тамъ до 6 часовъ вечера. Какъ разсказывали, онъ для моціона изъ Новгорода бѣгалъ на лыжахъ въ Петербургъ. Выучившись довольно скоро читать и говорить по-русски, Мэкензи Уоллесъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ, продолжая изучать русскій языкъ, началъ работать надъ своей книгой о Россіи.

Познакомившись съ моимъ отцомъ на вечерахъ у Михаила Никифоровича Каткова, издателя «Московскихъ Вѣдомостей», онъ началъ бывать и у насъ по воскресеньямъ, такъ какъ въ этотъ день у насъ собиралось довольно большое общество. Въ числѣ гостей бывали и князь В. А. Черкасскій и Юрій Самаринъ. Черкасскаго я тоже не разъ встрѣчалъ у Новосильцевыхъ. Онъ тогда уже былъ пожилымъ человѣкомъ, довольно полный, небольшого роста и хромалъ на одну ногу, почему всегда ходилъ съ палкой. Въ обществѣ онъ производилъ впечатлѣніе человѣка молчаливаго.

Самаринъ, какъ мнѣ сохранило мое воспоминаніе его образъ, имѣлъ наружность русскаго мужичка, съ рыжеватою, не особенно длинною, окладистою бородою и тонкими чертами лица.

Когда работа Мэкензи Уоллеса была, очевидно, достаточно уже подвинута, въ одно изъ воскресеній онъ читалъ у насъ свое произведеніе, и на этомъ-то чтеніи присутствовалъ Н. А. Милютинъ. Сѣдой, небольшого роста, въ черномъ сюртукѣ, онъ производилъ впечатлѣніе спокойнаго и серьезнаго человѣка.

Мэкензи Уоллесъ написалъ свою книгу сначала по-русски и читалъ ее у насъ по этому русскому тексту, а затѣмъ, послѣ того, что она была одобрена ближайшими дѣятелями реформы, перевелъ ее на англійскій языкъ. Въ Россіи Мэкензи Уоллесъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и Москву въ январѣ 1912 года въ числѣ англійскихъ гостей, депутатовъ англійскаго парламента.

Н. Шатиловъ.

О смерти А. Я. Охотникова.

Въ «Сборникѣ біографій кавалергардовъ 1801—1826», составленномъ подъ редакціею С. Панчулидзева (Спб. 1906 г.), имѣются слѣдующія свѣдѣнія о смерти Алексѣя Яковлевича Охотникова (1780—1807)—шт.-ротмистра кавалергардскаго полка, вышедшаго въ отставку 14 ноября 1806 г., и о его романѣ съ имп. Елизаветой Алексѣевной.

«За два года до своей смерти Охотниковъ влюбился въ одну даму высшаго свѣта. Любовь эта привела его къ ранней могилѣ. По семейнымъ преданіямъ Охотниковыхъ, любовь эта была высокое и чистое чувство сожалѣнія къ несчастной, покинутой мужемъ, молодой женщинѣ. Изъ другихъ воспоминаній мы видимъ, что свекровь молодой женщины говорила, что ея невѣстка имѣла отъ Охотникова дочь.

По семейному преданію Охотниковыхъ вся эта драматическая исторія произошла слѣдующимъ образомъ:

Мужъ, высокопоставленное лицо, невзирая на красоту, молодость и любовь къ нему своей жены, часто измѣнялъ ей. Ко времени ея сближенія съ Охотниковымъ она была окончательно покинута своимъ мужемъ, который открыто ухаживалъ, даже въ ея присутствіи, за одной дамой того же круга. Про эту связь говорилъ весь Петербургъ. Иные не находили ничего въ томъ удивительнаго, считая забытую жену за слишкомъ серіозную и скучную, и вполнѣ оправдывали легкомысленность мужа; другіе смотрѣли съ сожалѣніемъ на молодую женщину, переносившую съ достоинствомъ это тяжелое и незаслуженное оскорбленіе. Между таковыми былъ и Охотниковъ. Чувство Охотникова возрасло отъ сознанія, что оно никогда не встрѣтитъ взаимности, такъ какъ въ Петербургѣ всѣ говорили о неприступности молодой женщины и любви ея къ своему мужу.

Но, вѣроятно, послѣдняя измѣна переполнила чашу терпѣнія молодой женщины, и, покинутая, одинокая, она невольно замѣтила взгляды молодого офицера. Въ нихъ она прочла глубоко скрытое чувство любви и сожалѣнія къ ней; видя эту симпатію къ ея несчастію, она сама увлеклась. Любовь ихъ продолжалась два года. Наконецъ, наступилъ роковой день: осенью [1]) 1806 года,

---

[1]) Есть основанія предполагать, что покушеніе было совершено въ началѣ октября, вѣроятно, въ ночь съ 4 на 5 октября.—«Сего числа свидѣтельствована мною хранящаяся въ казенномъ ящикѣ въ ввѣренномъ вамъ Кавалергардскомъ полку исправляющаго должность, за болѣзнею полкового казначея штабсъ-ротмистра Охотникова, аудитора титулярнаго совѣтника Иванова полковая денежная сумма, обще съ гг. штабъ- и оберъ-офицерами, и оказалась оная вся въ исправности налицо».. (Рапортъ Де-Прерадовича Уварову, 5 октября 1806 года, Исх. журн., № 68).

при выходѣ изъ театра, Охотниковъ былъ кѣмъ-то раненъ кинжаломъ въ бокъ. «Une voiture, vite», прошепталъ онъ своему другу, поддержавшему его, «je sais d'ou vient le coup; qu'il ne jouisse pas de son triomphe, menez-moi chez moi, ma blessure n'est peut être pas aussi grave: je pourrai vivre»[1]). Подозрѣніе его падало на брата мужа любимой женщины. Послѣднее время тотъ неустанно слѣдилъ за своей невѣсткою и, какъ думалъ Охотниковъ, преслѣдовалъ ее своею любовью.

Если убійство и было дѣло его рукъ, то наврядъ ли мотивомъ была любовь къ невѣсткѣ, а напротивъ—его любовь и преданность къ брату: если онъ и слѣдилъ за своей невѣсткою, то именно изъ-за боязни за честь брата.

Раненаго Охотникова привезли домой безъ чувствъ. Придя въ себя и увидя ужасъ окружающихъ, онъ просилъ не давать дѣлу огласки. Прислуга думала, что произошла дуэль, и, зная строгость закона относительно поединковъ, молчала, боясь повредить своему барину. Позванный знаменитый врачъ съ той же цѣлью опредѣлилъ болѣзнь воспаленіемъ [2]). По осмотру раны, врачъ сказалъ больному, что если рана черезъ три недѣли затянется, то можно будетъ надѣяться на полное выздоровленіе. Перевязавъ рану, врачъ остался ночевать у больного. Ночью докторъ подошелъ къ постели раненаго. Больного на ней не было. Пораженный врачъ поспѣшилъ въ сосѣднюю комнату и тамъ увидѣлъ раненаго, почти безъ чувствъ, полулежавшаго на диванѣ, а на столѣ передъ нимъ лежало только-что оконченное письмо. Охотниковъ, боясь, что вѣсть о его болѣзни убьетъ беременную молодую женщину, хотѣлъ ее самъ успокоить и въ письмѣ умолялъ не вѣрить городскимъ слухамъ. Докторъ, будучи домашнимъ врачомъ молодой женщины и знавшій объ ихъ любви, чтобы успокоить больного и заставить его лечь, обѣщалъ лично передать письмо.

Несмотря на старательный уходъ, рана не заживала, и черезъ три недѣли докторъ убѣдился, что никакой надежды болѣе не оставалось.

Чувствуя близкую кончину, Охотниковъ рѣшилъ привести въ порядокъ свои дѣла: онъ вызвалъ въ Петербургъ своего брата, который до этого и не зналъ даже о его болѣзни. Между тѣмъ, несчастная женщина, знавшая о положеніи своего возлюбленнаго, только и думала о томъ, какъ его повидать. Наконецъ,

---

[1]) «Поскорѣе экипажъ, я знаю, кто нанесъ ударъ; пусть не наслаждается своимъ торжествомъ, отвезите меня домой; можетъ быть рана не такъ опасна: я буду живъ».

[2]) Въ прошеніи объ отставкѣ.

съ помощью своей сестры, ей удалось устроить это свиданіе. Черезъ доктора она предупредила больного о своемъ посѣщеніи. Свиданіе было назначено къ 9 часамъ вечера. Охотниковъ потребовалъ, чтобы его одѣли въ мундиръ и чтобы комнату убрали цвѣтами. Тяжело было молодой женщинѣ видѣть страшную перемѣну въ молодомъ человѣкѣ, но, зная, что всякое волненіе ему вредно, она старалась быть покойной и даже, улыбаясь, говорила о возможномъ счастіи въ будущемъ. Наступила минута разставанія. Понявъ нѣмую просьбу больного, молодая женщина поцѣловала его въ губы. —Я умираю счастливымъ,—проговорилъ онъ,—но дайте мнѣ что-нибудь, что унесу съ собою... Локонъ волосъ упалъ ему на грудь... Молодая женщина вышла изъ комнаты. Умирающій спряталъ локонъ на сердцѣ. Отчаяніе смѣнило возбужденіе и радость свиданія, и Охотниковъ впалъ въ безпамятство. Только къ утру онъ пришелъ въ себя и потребовалъ священника. Принявъ Святыхъ Тайнъ, Охотниковъ призвалъ своего брата и просилъ его положить съ нимъ въ гробъ золотой медальонъ, кольцо, которое онъ носилъ, и локонъ. Потомъ передалъ ему черную лаковую шкатулку съ золотой застежкою и велѣлъ ее передать послѣ его смерти лицу, которое придетъ за ней.

Простившись со всѣми домашними, утомленный больной закрылъ глаза. Докторъ взялъ его за пульсъ; умирающій открылъ глаза и обратился къ брату: «Прощайте, друзья мои, я васъ покидаю». Это были послѣднія его слова; скончался онъ тихо.

Смерть Охотникова едва не стоила жизни несчастной женщинѣ. Не боясь болѣе за него, она открыто предалась своему горю. Гнѣвъ мужа ее уже не страшилъ, и она рѣшилась увидать въ послѣдній разъ останки любимаго человѣка. Въ сопровожденіи своей сестры, въ глубокомъ траурѣ она вечеромъ поѣхала на его квартиру. Предупрежденный заранѣе, ихъ встрѣтилъ братъ покойнаго, который, проводивъ обѣихъ дамъ въ комнату, гдѣ покоился умершій, оставилъ ихъ однѣхъ. Подойдя къ гробу, молодая женщина опустилась на колѣни, долго плакала и молилась. Вставъ и приложившись ко лбу покойнаго, она вышла изъ комнаты.

На другой день ея сестра пріѣхала къ брату Охотникова и просила ей передать шкатулку. Получивъ шкатулку, она обратилась къ нему еще съ просьбою разрѣшить поставить памятникъ на могилѣ покойнаго. «Vous ne refuserez pas de céder vos droits? C'est une amie qui désire faire cette triste offrande à la mémoire du défunt»[1]).

---

[1]) «Вы, вѣдь, не откажетесь уступить ваши права? Другъ желаетъ сдѣлать этотъ грустный даръ памяти покойнаго».

Черезъ шесть мѣсяцевъ на могилѣ стоялъ памятникъ, изображавшій скалу со сломаннымъ грозою дубомъ; у подножія скалы на колѣняхъ женская фигура въ покрывалѣ, держитъ въ рукахъ погребальную урну [1]).

Вотъ разсказъ этой печальной исторіи по семейнымъ преданіямъ Охотниковыхъ.

Подтвержденіе этому разсказу мы находимъ въ разговорахъ свекрови [2]) молодой женщины съ другомъ дома, занесенныхъ послѣднимъ въ свой дневникъ, и въ дневникѣ, веденномъ невѣсткой молодой дамы.

Въ разсказахъ свекрови проглядываетъ затаенное недоброжелательство къ невѣсткѣ и оправданіе сына: «Elle a certainement beaucoup d'esprit, mais elle a le défaut d'être trés journalière et froide comme la glace; elle pourrait certainement être trés heureuse avec son mari, qui fait tout ce qu'elle peut désirer, mais il a le coeur aimant, et elle est trés froide»[3]). Затѣмъ свекровь упрекаетъ свою невѣстку въ ея нелюбви къ свѣту.

Говоря о послѣдней связи своего сына, она снова винитъ невѣстку: «C'est sa propre faute; elle a pu écarter cette liaison et même à présent pourrait encore ramener son mari, si elle voulait s'y prêter; mais elle s'emportait contre lui, lorsqu'il s'approchait pour l'embrasser ou la caresser, elle le rudoyait... Ils ont de grands torts tous les deux, mais mon fils a été forcé de chercher des liaisons ailleurs, que sa femme aurait pu empêcher... son mari lui dit tout, elle sait tout[4])»... На замѣчаніе собесѣдника, что такого рода признанія и заставляютъ молодую женщину поступать такъ сурово съ мужемъ, свекровь отвѣтила: «Oh! cela ne lui fait rien»[5]).

---

[1]) На памятникѣ Охотникова слѣдующая надпись:

1. «Здѣсь погребено тѣло Кавалергардскаго полку Штабсъ-Ротмистра Алексѣя Яковлевича Охотникова, скончавшагося Генваря 30 дня 1807 года на 26 году отъ своего рожденія».

2. «Подъ симъ камнемъ покоится прахъ любезнаго намъ брата Петра Яковлевича Охотникова, скончавшагося 1801 года 25 апрѣля на 26 году отъ рожденія.»

[2]) Въ текстѣ ошибочно сказано—теща. *С. М.*

[3]) «Конечно, она очень умна, но недостатокъ ея въ томъ, что она очень непостоянна и холодна, какъ ледъ; безъ сомнѣнія, она могла бы быть очень счастлива съ своимъ мужемъ, исполняющимъ каждое ея желаніе, но у него любящее сердце, а она очень холодна».

[4]) «Она сама виновата; она могла устранить эту связь и даже сейчасъ могла бы еще вернуть мужа, если бы захотѣла примѣниться къ нему, а она сердилась на него, когда онъ приближался, чтобы поцѣловать или поласкать ее, она бывала груба съ нимъ... Они оба очень виноваты, но мой сынъ былъ вынужденъ искать связей на сторонѣ, которымъ его жена могла бы помѣшать... ея мужъ говоритъ ей все, она все знаетъ»...

[5]) «О, это ей безразлично».

«Oh! mon Dieu», замѣчаетъ по поводу послѣднихъ словъ другъ дома, «je crois que la malheureuse femme avale son chagrin en écoutant ces belles confidences; mais je conçois bien que les caresses d'un homme doivent lui répugner, lorsqu'elle pense, que peut être cinq minutes plus tôt il en a fait de plus tendres à une autre»[1]). Въ другой разъ разговоръ снова коснулся семейныхъ дѣлъ. Послѣ многихъ паузъ и недомолвокъ свекровь, наконецъ, рѣшилась повѣрить своему собесѣднику, что ея невѣстка была невѣрна своему мужу и что послѣдній ребенокъ былъ отъ «красавца Охотникова», смерть котораго едва не свела въ могилу мать. «Je n'ai jamais pus comprendre la conduite de mon fils vis-à-vis de cet enfant, son peu de tendresse envers lui et sa mère. Il m'a confié ce secret qu'à la mort de la petite. Que sa femme lui ayant avoué sa grossesse, avait voulu s'en aller, partir, etc. Mon fils a agi envers elle avec la dernière générosité»[2]).

Далѣе она разсказала, что на могилѣ Охотникова воздвигнутъ дорогой памятникъ, который не могли поставить небогатые родственники: «On croit que c'est ma belle-fille qui l'a fait faire, et qu'elle y va quelquefois»[3]).

Жизнь Охотникова изображена Е. С. Шумигорскимъ въ исторической повѣсти «Романъ принцессы Іевеской» (Ист. Вѣст.», 1915 г. №№ 1, 2). См. также романъ Мережковскаго «Александръ I».

Ред.

---

[1]) «О Боже, я думаю, что несчастная женщина молча переноситъ свое горе, слушая эти милыя признанія, я прекрасно понимаю, что ласки мужчины должны ей быть противны, когда она подумаетъ, что, можетъ быть, за пять минутъ до этого онъ гораздо нѣжнѣй ласкалъ другую».

[2]) «Я никогда не могла понять отношенія моего сына къ этому ребенку, отсутствія въ немъ нѣжности къ нему и къ его матери. Только послѣ смерти дѣвочки, повѣрилъ онъ мнѣ эту тайну. Что его жена, признавшись ему въ своей беременности, хотѣла уйти, уѣхать и т. д. Мой сынъ поступилъ съ ней съ величайшимъ великодушіемъ».

[3]) «Думаютъ, что это моя невѣстка велѣла его поставить, и что она иногда ѣздитъ туда».

Воспоминанія[1].

VII. Этапъ. Новое дѣло.

Изъ Томска я былъ переведенъ въ европейскую Россію, въ Вологду. Когда изъ Петербурга я отправлялся въ ссылку въ Астрахань, князь Суворовъ поручилъ меня полковнику К., который везъ меня въ отдѣльномъ купэ въ то время, какъ жандармъ, назначенный Третьимъ Отдѣленіемъ, помѣщался въ третьемъ классѣ. Когда меня изъ Астрахани везли на слѣдствіе въ Казань, я помѣщался съ профессоромъ Калиновскимъ въ общей дамской каютѣ съ большими удобствами, а сопровождавшіе насъ четыре жандарма помѣщались въ отдѣльной каютѣ. Жандармскому полковнику, спеціально присланному, чтобы насъ арестовать, удалось помѣшать мнѣ ѣхать съ женою только тѣмъ, что онъ всталъ у входа на пароходъ и не пустилъ моей жены. Когда я ѣхалъ изъ Казани въ Сибирь съ женою, я ѣхалъ въ очень удобной помѣщичьей повозкѣ, данной для этой цѣли однимъ казанскимъ помѣщикомъ; жандармамъ дана была инструкція останавливаться въ городахъ въ номерахъ гостиницъ и ѣхать такъ скоро, какъ я самъ того пожелаю. Даже изъ Томска купеческая компанія любезно отдала въ мое распоряженіе съ женою отдѣльную каюту. Но тамъ, гдѣ кончилась Сибирь, кончились и мои привилегіи.

Изъ Тюмени меня погнали по этапу. Я имѣлъ удовольствіе испытать то этапное житье, которое испытывали ссыльные, когда ихъ переводили обратно въ Россію въ видѣ улучшенія ихъ положенія. Съ вечера меня съ женою и груднымъ ребенкомъ помѣстили въ огромную комнату и заперли. Черезъ пять минутъ мы вскочили и зажгли огонь. Безчисленное множество насѣкомыхъ покрывало наши подушки, одѣяла и насъ самихъ, еще большее число ползло къ намъ со всѣхъ сторонъ. Въ испугѣ я сталъ звать сторожа. Сторожъ предложилъ намъ перебраться

---

[1]) См. «Гол. Мин.» 1915 № 2, 3, 4, 6, 7—8.

въ общую. Мы перебрались и были встрѣчены хохотомъ арестантовъ. «Мы видѣли», говорили они, «какъ вы туда входили. Думаемъ, погоди, скоро выскочатъ». Но и тутъ было не легче. «Понятное дѣло», объясняли намъ. «Прошлую ночь здѣсь ночевало двѣсти человѣкъ, каждый свою доску кормилъ, а теперь насъ семеро». Мы бѣгали изъ угла въ уголъ, потому что не только заснуть, но и присѣсть не было никакой возможности. Наши товарищи дѣлали то же самое. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ мы дожидались того времени, когда отопрутъ камеру, и каждая минута намъ казалась часомъ. Вмѣстѣ съ нами заключено было другое семейство,—мужъ, жена и ребенокъ. Отъ мученій они лишились всѣхъ силъ, ребенокъ умиралъ, у него ртомъ шли глисты; мужъ и жена сидѣли въ безсмысленномъ отупѣніи и полусознательномъ состояніи. Видъ этихъ людей производилъ на насъ потрясающее впечатлѣніе. Изнуреніе отъ безпрерывнаго движенія и безсонной ночи сдѣлало наше тѣло еще болѣе чувствительнымъ къ истязаніямъ, которымъ мы подвергались; время до того часа, когда отпирали камеры, казалось намъ вѣчностью. Наконецъ, замокъ загремѣлъ, и дверь отворилась. Какъ безумный я кинулся на заднiй дворъ и раздѣлся до нага. Въ каждой складкѣ моего бѣлья и моего платья паразиты расположились въ два и въ три ряда на дневной отдыхъ; въ теченіе ночи мы испытали настоящее кровопусканіе.

Я ѣхалъ въ собственномъ экипажѣ, который купилъ въ Тюмени; это снисхожденіе намъ было сдѣлано, благодаря тому, что въ нашихъ бумагахъ было сказано, что мы отправляемся не въ видѣ арестантовъ. Это дало намъ возможность отдохнуть въ теченіе дня. На ночь насъ опять заперли въ острогъ. Я заявилъ смотрителю, что на женѣ моей не тяготѣетъ никакихъ политическихъ подозрѣній, что она не находится подъ надзоромъ полиціи и человѣкъ вполнѣ свободный; а потому я просилъ дозволить ей ночевать въ деревнѣ; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что намъ и безъ того даются такія преимущества, которыя другимъ не дозволяются, что мы ѣдемъ въ собственномъ экипажѣ и что онъ для меня болѣе ничего не можетъ сдѣлать. Пришлось провести еще одну ужасную ночь истязаній. На другой день оказалось, что и въ экипажѣ спать не было никакой возможности, такъ какъ онъ успѣлъ наполниться паразитами. Когда насъ заперли въ острогъ на третью ночь, мы почувствовали себя окончательно лишенными силъ и были въ такомъ же состояніи, какъ тѣ супруги съ ребенкомъ, которыхъ мы встрѣтили въ Тюмени. Однакоже насѣкомыя скоро одолѣли нашу апатію, и мы опять пробѣгали всю ночь. Арестанты разсказали намъ, что дальше будетъ

такъ же, и что при такихъ условіяхъ, въ которыхъ мы идемъ теперь по этапу, самый опытный бродяга не въ состояніи заснуть. Когда мы послѣ четвертой ночи взглянули на наше тѣло, оно составляло одинъ сплошной струпъ. Представьте себѣ наши чувства, когда мы увидали нашего несчастнаго младенца въ такомъ ужасномъ положеніи. Мое грубое тѣло лучше выдерживало испытаніе; оно было усѣяно, какъ звѣздами, мелкими язвами отъ укушенія насѣкомыхъ, но и только; у жены и сына язвы сливались и превращались въ большіе, круглые струпья; распухшее тѣло порождало отеки, язвы сливались вмѣстѣ, принимали фантастическія формы и мокли.

Къ физическимъ страданіямъ присоединялись нравственныя: грубое обращеніе солдатъ,—въ особенности отъ женщинъ солдаты самымъ наглымъ образомъ вымогали взятки. На одномъ этапѣ мы встрѣтились съ арестантами, которые пересылались изъ Россіи въ Сибирь. Тутъ была молодая, очень красивая полька, лѣтъ двадцати; она точно такъ же, какъ и моя жена, слѣдовала за своимъ мужемъ. Намъ разсказали случай, который съ нею былъ на предшествовавшемъ этапѣ. Во время пути они промокли до костей отъ дождя, и съ нею сдѣлалось разстройство желудка. На ночь цѣлую толпу мужчинъ и женщинъ заперли въ одну комнату; когда она почувствовала себя дурно, она обратилась къ сторожу, но тотъ не согласился ее выпустить, а поставилъ въ камеру парашку,—никакіе протесты не помогли. На одномъ этапѣ брали взятки за то, чтобы не задерживать арестантовъ. То былъ старый, сырой этапъ, разсадникъ тифовъ и заразныхъ болѣзней; стѣны, нары, все было пропитано заразой, каждый лишній день могъ принести съ собою смерть. Онъ наводилъ ужасъ на заключенныхъ, каждый отдавалъ все, что у него было, лишь бы избавиться отъ затхлаго воздуха этого ада.

Въ мой экипажъ посадили двухъ галичанъ, которыхъ долго держали, предполагая, что они скрываютъ свои средства. Одинъ отдалъ всѣ свои деньги, у другого денегъ не было ни копейки, онъ отдалъ сначала часть своего бѣлья, а затѣмъ послѣднее, что имѣлъ—четверку табаку и два фунта чаю. Въ Перми острогъ оказался до того переполненнымъ, что насъ некуда было помѣстить и намъ дозволили нанять въ городѣ частную квартиру. Дожидаться отправки пришлось довольно долго, и мы успѣли отдохнуть. Изъ Перми въ Нижній насъ отправили на пароходѣ. Жену вмѣстѣ съ родственницами извѣстнаго начальника возстанія Сѣраковскаго отправили въ дамской каютѣ парохода, а меня съ галичанами помѣстили на арестантскую баржу. О гуманности смотрителя, распорядившагося такимъ образомъ, я уже давно слышалъ отъ

поляковъ. Дѣйствительно пребываніе дамъ на арестантской баржѣ было бы для нихъ ужасно. Она была биткомъ набита народомъ до того, что дышать было невозможно; чтобы открыть себѣ возможность дышать, арестанты выбили окно, но отъ этого сквозной вѣтеръ свистѣлъ во всѣхъ направленіяхъ. Насъ помѣстили подъ большими трубами, сдѣланными для вентиляціи, и мы попали такимъ образомъ въ самую тягу. Такое помѣщеніе было бы смертельно для моей жены, страдавшей горловыми болѣзнями. Мужчины и женщины были вмѣстѣ: и день и ночь происходила оргія. Понятно, что въ такой компаніи цинизмъ и откровенность разврата превосходила всякое описаніе; затѣйницей и устроительницей банкетовъ была женщина, осужденная за убійство на каторжныя работы.

Въ Нижнемъ наше положеніе опять измѣнилось, мы все болѣе попадали въ общую категорію: насъ водили пѣшкомъ по улицамъ городовъ вмѣстѣ съ другими арестантами, мнѣ дозволили только нанимать подводу для своихъ вещей. Этапы были меньше, въ нихъ помѣщалось меньше народу, а потому и насѣкомыя были менѣе мучительны. Сонъ, хотя тревожный, сдѣлался возможнымъ, но струпья на тѣлѣ жены и сына не проходили и не заживали. Въ одномъ изъ остроговъ мы дошли до крайнихъ предѣловъ изнуренія и заснули, какъ мертвые; когда мы проснулись, мы увидали, что мой бумажникъ лежитъ раскрытымъ на нарѣ. Оказалось однако же, что арестантъ, воспользовавшійся моимъ крѣпкимъ сномъ, взялъ изъ бумажника только пять рублей. Такимъ образомъ мы убѣдились, что и воръ можетъ быть человѣкъ съ сердцемъ. Вообще же между арестантами мы нашли больше хорошихъ людей, чѣмъ дурныхъ. Они постоянно принимали въ насъ участіе, и когда мы отправлялись изъ острога, они указывали намъ на одного изъ арестантовъ, который долженъ былъ, такъ сказать, быть нашимъ ангеломъ-хранителемъ во время пути. Чаще всего это былъ какой-нибудь сектантъ, но однажды эта роль предназначена была человѣку крайне симпатичному, который былъ осужденъ за неосторожное убійство.

Наконецъ, въ Костромѣ мнѣ разрѣшено было ѣхать на свой счетъ съ жандармами. Такое путешествіе стоитъ очень дорого. Я долженъ былъ заплатить за шесть лошадей въ Вологду и обратно, большія кормовыя жандармамъ и притомъ ѣхать не по тому пути, по которому ѣздятъ путешественники изъ Костромы въ Вологду, а по особому маршруту, который вдвое длиннѣе и гдѣ плата за почтовыхъ лошадей значительно дороже. Такимъ образомъ изъ политическихъ ссыльныхъ выжимаются послѣднія

деньги, которыя у нихъ могли бы оказаться. Для жандармовъ такія командировки очень выгодны; на обратномъ пути они предлагаютъ свою подорожную богатымъ путешественникамъ и превращаются въ ихъ прислугу. Всякій радъ ѣхать даромъ по подорожной, которая не допускаетъ задержки въ лошадяхъ, и жандармамъ платятъ хорошія деньги. Путешествіе изъ Томска въ Вологду, которое заняло бы по европейскимъ желѣзнымъ дорогамъ четыре дня, мы совершили въ три съ половиною мѣсяца; зато же оно и осталось у насъ въ памяти на всю жизнь.

Въ Вологдѣ я задумалъ написать книгу о положеніи рабочаго класса въ Россіи. Неожиданно въ моихъ рукахъ очутился обширный статистическій матеріалъ, до того времени никѣмъ не разрабатывавшійся. Въ каждомъ изъ русскихъ губернскихъ городовъ былъ статистическій комитетъ, который собиралъ статистическія свѣдѣнія по своей губерніи и печаталъ статьи мѣстныхъ наблюдателей надъ народною жизнью. Эти комитеты обмѣнивались своими изданіями, и такимъ образомъ въ каждомъ изъ нихъ собиралась почти неодолимая масса статистическихъ свѣдѣній и статей, описывающихъ мѣстные промыслы и жизнь рабочаго населенія. Кромѣ того, статистическими комитетами получались изданія сельско-хозяйственныхъ и другихъ обществъ, земледѣльческія и другія спеціальныя газеты. Я попытался копнуть этотъ матеріалъ и подвергнуть его нѣкоторой пробѣ. Я прослѣдилъ по ихъ статистическимъ даннымъ вліяніе поземельныхъ надѣловъ и обложеніе земель на смертность сельскаго населенія. Результаты оказались поразительными; чѣмъ меньше были надѣлы и значительнѣе платежи, тѣмъ сильнѣе была смертность. Въ Россіи въ то время существовала еще одна особенность. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя отличались наименѣе плодородной почвой, населеніе занималось ради своего обезпеченія кустарными промыслами. При дурной организаціи труда, допускавшей чудовищную эксплоатацію кустарей, жизнь этихъ бѣдныхъ тружениковъ была самая злополучная. Статистика комитетовъ показывала между ними повсемѣстно громадную смертность. Наоборотъ въ мѣстностяхъ съ прекрасной почвой и рѣдкимъ населеніемъ статистика показывала и благопріятную смертность и быстрое возрастаніе населенія. Въ тѣ времена писавшимъ эту статистику и въ голову не могло придти, что изъ нея кто-нибудь будетъ дѣлать тѣ выводы, которые я задумалъ. Они, не мудрствуя лукаво, вписывали въ графы тѣ цифры, которыя у нихъ получались, и только. Отсюда я убѣдился, что эта статистика вовсе не достойна

того высокомѣрнаго пренебреженія, съ которымъ къ ней относились наши ученые. Къ тому матеріалу, который скопился въ моихъ рукахъ, я присовокупилъ личныя наблюденія, которыя накопилъ во время моей пропаганды среди народа и моихъ странствованій по Россіи и Сибири. Чѣмъ болѣе я вникалъ въ это дѣло, тѣмъ болѣе жизнь русскаго рабочаго народа рисовалась передо мною въ мрачныхъ краскахъ; всѣ оптимистическія увѣренія, что въ Россіи рабочему живется лучше, чѣмъ въ западной Европѣ, что у насъ нѣтъ пролетаріата и т. д., разлетались въ прахъ. У насъ привыкли кричать объ англійскомъ сельскомъ пролетаріатѣ, объ ужасающей бѣдности въ большихъ городахъ. Я убѣждался, что Россія страна повальнаго пауперизма, что всѣ выгоды, доставляемыя народу общиннымъ владѣніемъ землею и самостоятельнымъ хозяйствомъ, вполнѣ уничтожаются тѣмъ грязнымъ тѣломъ и тѣмъ невѣжествомъ, въ которомъ онъ держится. Безучастіе къ страданіямъ рабочихъ людей превосходило все, что можно было встрѣтить въ западной Европѣ. На западѣ не было ни одной страны, гдѣ люди были такъ бѣдны, загнаны и несчастны. Чѣмъ усерднѣе я занимался этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе овладѣвалъ мною энтузіазмъ; наконецъ, я вполнѣ отдался ему. Я жилъ страданіями этого народа, я желалъ на себѣ испытать всю трудность его положенія, чтобы изображать его во всей его реальности. Я помнилъ, какое сильное впечатлѣніе на меня производили описанія страданій ирландскаго народа, и вотъ мнѣ пришлось убѣдиться, что бѣдствія русскаго рабочаго несомнѣнно значительнѣе. Для того, чтобы найти ему подобіе, надо было бы отправиться въ Индію.

Благодаря рекомендаціи Лаврова первая глава этой книги была напечатана и обратила на меня общее вниманіе. Побѣда была легкая, но этимъ дѣло и кончилось. Дальнѣйшее печатаніе стало встрѣчать постоянно возраставшія затрудненія. Редакціи журналовъ осыпали рукопись насмѣшками, издатели находили, что она никуда не годится. Жена моя, хлопотавшая по этому дѣлу въ Петербургѣ, измучилась и пришла въ отчаяніе. Съ большимъ трудомъ можно было помѣстить нѣсколько статей въ радикальномъ тогда журналѣ «Дѣло».

Уже со временъ императора Николая журналы составляли тотъ фокусъ, въ которомъ сосредоточивалась вся читавшаяся обществомъ литература. Такое состояніе прессы было очень удобно для правительства. Редакторы первостепенныхъ журналовъ и газетъ наживали себѣ большія состоянія. Черезъ цензуру они были вполнѣ въ рукахъ правительства и превратились въ чиновниковъ, составлявшихъ то всевидящее око, черезъ ко-

торое правительство слѣдило за литературой. Цензора еще можно было обмануть и обойти; но редактора было гораздо труднѣе ввести въ заблужденіе. Редакторъ былъ гораздо болѣе надежнымъ орудіемъ правительства, чѣмъ цензоръ; цензоры и все цензурное управленіе состояло изъ чиновниковъ; если сенаторы были подкупны, то о цензорахъ и говорить нечего; богатые редакторы съ помощью своихъ связей, обѣдовъ и взятокъ могли всегда вліять на нихъ; они были страшнѣе для цензоровъ, чѣмъ цензоры для нихъ; редакторы жили въ такомъ обществѣ, куда цензоровъ и ногой не пускали, могли услужить и могли отомстить цензору. Правительство не могло полагаться и не полагалось на цензоровъ. Другое дѣло редакторъ; черезъ редакторовъ оно могло направлять общественную мысль, какъ ему было угодно. Оно входило съ редакторами въ сношенія все болѣе близкія, сообщало имъ свои намѣренія, высказывало свои желанія на счетъ тѣхъ воззрѣній, которыя желательно было укоренять въ обществѣ. На западѣ существовало могучее орудіе воздѣйствія на публику—политическій памфлетъ,—въ Россіи памфлетъ замѣнялся редакторомъ журнала, который былъ посредникомъ между вкусами публики и желаніями правительства; онъ долженъ былъ забавлять и восхищать публику, но въ то же время возбуждать въ ней только такія мысли, какія желательны были правительству .....

Надъ писателями редакторъ имѣлъ гораздо болѣе власти, чѣмъ цензоръ; онъ прямо воспитывалъ писателей и дисциплинировалъ ихъ такъ, какъ нужно было правительству, обучалъ ихъ искусству вилять между публикою и правительствомъ, умѣнью угождать вкусу общества и стремленіямъ правительства. Дѣло это и для редактора было не легкое, публикѣ нравились писатели, въ которыхъ горѣло желаніе добра, а заставлять вилять такихъ людей было вовсе не легко; они измучивались отъ этого до смерти. Человѣкъ всѣмъ склоненъ злоупотреблять, и чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ больше въ немъ склонности злоупотреблять своей силой [1]). Правительство, забравъ въ свои руки такое могучее орудіе, не знало предѣловъ своей притязательности; оно желало, чтобы все образованное общество и думало и говорило только такъ, какъ ему требуется. При Николаѣ могъ пользоваться извѣстностью только Бѣлинскій, критикъ стиховъ, повѣстей и романовъ; далѣе серіозная мысль не допускалась; да и Бѣлинскій былъ замученъ такъ, что умеръ отъ

---

[1]) Сказанное здѣсь авторомъ о редакторахъ, конечно, не можетъ относиться ко всѣмъ имъ; такъ, напр., это совершенно непримѣнимо къ Некрасову. *В. С.*

В. В. Берви.

чахотки. Въ началѣ царствованія Александра II допускалось немножко религіознаго свободомыслія, бойкія слова по поводу женскаго труда и женской эманципаціи, борьба съ предразсудками и суевѣріями, не имѣющими политическаго характера. Но даже и въ этихъ предѣлахъ бойкія и увлекательныя статьи приходилось вырывать у цензуры изъ зубовъ. «Современникъ» обязанъ своей славой вліянію своего редактора Некрасова. Некрасовъ велъ въ англійскомъ клубѣ высокую игру и это сблизило его со знатью; знаменитый романъ Чернышевскаго «Что дѣлать?» обязанъ былъ своимъ появленіемъ на страницахъ «Современника» ловкой интригѣ, въ которой участвовало не только цензурное вѣдомство, но даже шефъ жандармовъ. Въ этомъ романѣ ученіе Фурье изложено было въ формѣ фантастическаго сна; между тѣмъ какъ даже при Наполеонѣ I въ 1803 году это ученіе могло появиться въ серіозномъ изложеніи своего автора. Знаменитый бичъ прессы Наполеонъ I былъ несравненно либеральнѣе либеральнаго Александра II. Заговорить о пользѣ конституціоннаго управленія въ Россіи значило совершить государственное преступленіе. Вдругъ правительство вздумало открыть врата свободы. Оно ввело земство, отмѣнило цензуру и дало свободу прессѣ...

Губернское земство, организованное такъ, что въ него могли попадать почти одни крупные землевладѣльцы, завѣдывало только хозяйственной частью. И все-таки его учрежденіе возбудило такія надежды, о которыхъ при Николаѣ никто и не помышлялъ. Публичность его засѣданій, свобода слова заставили многихъ думать, что съ учрежденіемъ земства начнется для Россіи эра конституціонной жизни. Дѣйствительно, вскорѣ петербургское земство начало съ правительствомъ борьбу, которая надѣлала много шуму. Но тотчасъ же обнаружилось безсиліе этого земства—конституціонная идея не имѣла корней въ народѣ. Имѣя въ своихъ рукахъ редакторовъ самыхъ вліятельныхъ періодическихъ изданій, правительство распорядилось такъ искусно, что общество восхищалось соціальными и пренебрегало политическими идеями; не только на конституціонное, но даже на демократическое управленіе смотрѣли свысока—скорѣе со стороны ихъ недостатковъ, чѣмъ со стороны ихъ достоинствъ. Императоръ даже и представить себѣ не могъ размѣровъ безсилія петербургскаго земства; онъ встрѣтилъ борьбу съ опасеніями и удивился, когда она оказалась мыльнымъ пузыремъ. Однакоже этого было достаточно, чтобы охота къ развитію самоуправленія отпала у правительства окончательно. Оно забрало земство въ такіе тиски, что послѣ этого ему о борьбѣ съ правительствомъ и помышлять было не-

возможно. Свобода печати имѣла ту же участь. Достаточно было нѣсколькихъ бойкихъ статей, не имѣвшихъ никакого существеннаго политическаго значенія, чтобы заставить правительство раскаяться въ своемъ либерализмѣ, и печать была существенно стиснута, хотя предварительная цензура не возобновилась. На дѣлѣ воскресло прежнее положеніе. Редакторъ—въ сущности правительственный чиновникъ, получавшій вознагражденіе отъ публики, какъ полицеймейстеръ получалъ вознагражденіе отъ думы. Правительство могло его, какъ полицеймейстера, и назначить и отставить, а кромѣ того оно могло его еще и разорить. Публика опять-таки должна была получать только такія идеи, какія правительство желало, чтобы у ней имѣлись. Памфлетъ былъ невозможенъ, и только серіозная книга получила нѣкоторое расширеніе свободы.

Положеніе сдѣлалось невыносимымъ послѣ каракозовскаго выстрѣла. Когда я переведенъ былъ изъ Вологды въ Тверь, мнѣ сообщили изъ Петербурга, что весьма желательно было бы, чтобы я написалъ книгу о свободѣ рѣчи, что моментъ теперь благопріятный и что редакціи меня поддержатъ. Вопросъ о свободѣ рѣчи былъ единственнымъ вопросомъ, по которому редакторы держали себя самостоятельно относительно правительства, и я не сомнѣвался, что они сдѣлаютъ для меня все, что было обѣщано. Я употребилъ сорокъ дней на то, чтобы написать книгу, и она быстро появилась въ продажѣ. Въ книгѣ моей я доказывалъ, что невозможенъ хорошій законъ о печати, что всякій такой законъ можетъ породить только притѣсненіе, а не правильную судебную дѣятельность. Въ окончательномъ результатѣ у меня выходило, что навязывать въ Россіи юридическія воззрѣнія путемъ законовъ о печати и нелѣпо и несправедливо и что, если правительство хочетъ оставаться въ предѣлахъ здравой и честной юридической философіи, то оно должно вовсе отстранить всѣ спеціальные законы о печати; существующіе законы, карающіе за нарушеніе тишины и спокойствія, совершенно достаточны для охраненія общественнаго порядка.

Мысль о безполезности спеціальныхъ законовъ о печати была высказана десять лѣтъ ранѣе Чернышевскимъ, я прибавилъ къ ней аргументацію, доказывающую нелѣпость такихъ законовъ. Одновременно съ моей книгой вышелъ переводъ брошюры Милля, не помню о свободѣ или о правахъ женщинъ. Сотрудникъ, которому поручена была рецензія этихъ двухъ книгъ одною изъ первостепенныхъ русскихъ газетъ, увлекся до того идеей свободы печати, что отдалъ предпочтеніе моей книгѣ, увѣряя, что у Милля его идеи высказаны теоретически, а у меня всякое мое положеніе

доказано фактами, что гораздо убѣдительнѣе. Такое увлеченіе не было одобрено редакціею, однако всѣ журналы и газеты заговорили о моей книгѣ, нѣкоторые такъ пространно, какъ говорилось только о книгахъ первостепенныхъ. Къ несчастью, увы! законы о печати приняли направленіе прямо противуположное тому, какое у меня предлагалось. Переживъ въ короткое время три изданія, книга моя оказалась въ положеніи критика, который разбираетъ и порицаетъ законодательство былыхъ либеральныхъ временъ, замѣнившихся реакціей, съ которой приходится говорить совсѣмъ другимъ языкомъ.

VIII. Литературная дѣятельность.

Наконецъ, нашелся издатель для моей книги: «Положеніе рабочаго класса». Нѣкто Поляковъ, человѣкъ нигилистическаго направленія, жившій въ кругу людей, оставшихся послѣ Чернышевскаго и раздѣлявшихъ его воззрѣнія, издавалъ книги крайняго направленія. Онъ былъ человѣкомъ идеи и печаталъ исключительно произведенія, цѣнныя по своему содержанію, но встрѣчавшія на пути своемъ большія цензурныя препятствія. Когда появился законъ, по которому книги значительнаго объема могли быть изъяты изъ обращенія только по суду, онъ воспользовался имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Русскихъ сочиненій онъ издавалъ очень мало, потому что въ то время дѣйствительно мало писалось книгъ, достойныхъ такого издателя, а онъ цѣнилъ и себя и свою дѣятельность. Имъ издавались преимущественно переводы самыхъ замѣчательныхъ произведеній, появлявшихся въ цивилизованномъ мірѣ. Онъ ставилъ себѣ цѣлью издавать ихъ безъ всякихъ искаженій, измѣненій и сокращеній и спорилъ упорно изъ-за каждаго слова. Участь его была печальная: когда правительству надоѣла игра въ свободу печати, у него было арестовано изданій на сто тысячъ рублей, и онъ былъ разоренъ. Но въ 1869 году, во время появленія моихъ первыхъ произведеній, онъ еще процвѣталъ, и дѣла его шли хорошо. Въ немъ я нашелъ издателя для своей книги о свободѣ рѣчи, а потомъ и для «Положенія рабочаго класса». Съ перваго дня своего появленія книга эта надѣлала такого шуму и возбудила въ обществѣ такой энтузіазмъ, что я ни въ какихъ отзывахъ о ней періодическихъ изданій не нуждался. Куда дѣвались заявленія редакторовъ и издателей, что эта книга плохая и никуда негодная. Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» провозгласилъ ее произведеніемъ умалишеннаго, но возбудилъ этимъ одинъ только смѣхъ...

Чтобы продолжать свою дѣятельность, я сошелся съ молодежью. Тогда составился кругъ молодыхъ людей сначала съ цѣлью распространенія, а потомъ и изданія книгъ радикальнаго содержанія. Они принялись за дѣло практично и умѣло и скоро пріобрѣли большое значеніе въ Россіи. Въ это время книжное дѣло было организовано слѣдующимъ образомъ. При изданіи «Положенія рабочаго класса» я у такого добросовѣстнаго издателя, какъ Поляковъ, получалъ съ экземпляра 41 коп., всѣ издержки по изданію ему стоили 62 коп. Проведя изданіе сквозь цензуру, онъ его немедленно продавалъ за наличныя деньги книгопродавцу и получалъ 1 руб. 17 коп. Это дѣлалось для того, чтобы можно было немедленно употребить капиталъ на новыя изданія. Книгопродавецъ продавалъ книгу по три рубля за экземпляръ. Ясно, что если организація могла купить изданіе или его часть за наличныя деньги у издателя, то она могла продавать его своимъ членамъ за третью часть цѣны, а собственное изданіе обходилось покупателямъ еще дешевле. Молодые люди, создавшіе организацію, работали въ ней съ полнымъ самоотверженіемъ. Они ворочали большимъ капиталомъ, а сами часто голодали или брали ничтожныя деньги за переводы серіозныхъ книгъ, издававшихся чуть ли не исключительно Поляковымъ. Всю работу изданія и распордажи книгъ они производили окончательно безвозмездно. Поляковъ разсказывалъ мнѣ, что они ведутъ свое дѣло лучше, чѣмъ какой-либо изъ петербургскихъ и московскихъ книгопродавцевъ или издателей, и могли служить для всѣхъ образцомъ аккуратности и исполнительности. У нихъ были агенты во всѣхъ городахъ, даже въ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ былъ какой-нибудь десятокъ интеллигентныхъ молодыхъ людей, и всѣ эти агенты дѣйствовали съ тѣмъ же самымъ самоотверженіемъ, какъ и центральная организація.

Агенты и члены организаціи были одинаково бѣдны, всякій изъ нихъ могъ вполнѣ безнаказанно захватить ввѣренныя ему деньги или книги, такъ какъ правительство игнорировало организацію, но не было ни одного подобнаго случая. Чтобы дать понятіе о бѣдности этихъ людей достаточно сказать, что они питались кониной, фунтъ которой стоилъ тогда въ Петербургѣ только на одну копѣйку дороже чернаго хлѣба. Когда не было денегъ, они ѣли только черный хлѣбъ и огурцы или черный хлѣбъ и жидкій чай. Каждый изъ нихъ могъ разсказать о такихъ временахъ, когда онъ нѣсколько сутокъ проводилъ вовсе безъ пищи, не имѣлъ квартиры и ночевалъ на улицѣ. Всякій могъ сообщить любопытныя наблюденія надъ психическимъ и физическимъ состояніемъ человѣка, умирающаго отъ голода или

холода; всякій ихъ испыталъ. Они соединялись въ такъ называемыя коммуны, гдѣ не только все было общимъ, но куда всякій могъ приходить и находить и пищу, и пріютъ. Въ такомъ положеніи они имѣли мужество работать даромъ только для того, чтобы цѣна распространяемыхъ ими полезныхъ книгъ не увеличивалась. Здѣсь вырабатывались эти суровые и вполнѣ надежные характеры, которые впослѣдствіи надѣлали правительству столько хлопотъ. Люди ввѣряли имъ свои деньги, свою честь, свою будущность, безъ малѣйшаго опасенія быть обманутыми. Богатыя и высоко поставленныя лица, которыхъ они могли погубить однимъ своимъ словомъ, давали имъ большія деньги на революціонное дѣло. Самоотверженные люди ввѣряли имъ все свое состояніе, не имѣя никакой возможности узнать, какъ эти деньги ими употребляются, и были вполнѣ убѣждены, что ни одна копѣйка не получитъ другого назначенія, кромѣ того дѣла, которому она посвящалась. Они употреблялись иногда капиталистами для выполненія такихъ порученій, которымъ они могли сочувствовать, напр., для устройства рабочихъ артелей. Порученія выполнялись ими такъ дешево и хорошо, что капиталисту дѣло стоило вдвое дешевле, чѣмъ если бы оно дѣлалось обыкновеннымъ путемъ.

Прежде, чѣмъ они познакомились со мною, они уже распространили въ большомъ количествѣ экземпляровъ и «Свобода рѣчи» и «Положеніе рабочаго класса». Въ это время я получилъ право жить въ Россіи, гдѣ я желаю, кромѣ Петербурга и петербургской губерніи; это добавленіе сдѣлано было самимъ императоромъ и мнѣ сообщена была копія съ него. Я переѣхалъ на желѣзнодорожную станцію Любань, въ двухъ съ половиною часахъ ѣзды отъ Петербурга. По приглашенію молодежи я секретно пріѣхалъ въ Петербургъ, и на собраніи въ частной квартирѣ мы рѣшили, что они будутъ впредь издавать всѣ мои сочиненія. Такъ какъ первое изданіе «Положеніе рабочаго класса» было уже почти распродано, то они предложили мнѣ сдѣлать второе изданіе. Но у меня было намѣреніе превратить эту книгу въ постоянно возобновляемый новѣйшими данными сборникъ свѣдѣній о положеніи рабочаго класса, а потому, согласившись отдать имъ второе изданіе, я хотѣлъ сначала его передѣлать. А между тѣмъ я отдалъ имъ для напечатанія готовую у меня книгу «Азбуку соціальныхъ наукъ». Я цѣнилъ «Азбуку» выше «Рабочаго класса», такъ какъ я съ нею начиналъ высказывать свое міровоззрѣніе. Готова къ изданію была только первая ея половина, въ которой излагалась слѣдующая соціальная идея. Уже съ перваго возникновенія человѣческаго общества сознаніе своей слабости и безпомощности

по сравненію съ окружающимъ его обществомъ внушило человѣку извѣстнаго рода культъ общественнаго мнѣнія и выработало въ немъ особый инстинктъ, который ставилъ его понятіе о пріятномъ и непріятномъ и его воззрѣніе на свое счастье въ весьма существенную зависимость отъ общественнаго мнѣнія окружающей его среды. Человѣкъ при удовлетвореніи своихъ второстепенныхъ потребностей и желаній до такой степени сообразовался съ мнѣніемъ окружающихъ его людей, что стремленіе вызвать въ нихъ похвалу, а если возможно восторгъ и обожаніе, имѣло гораздо болѣе сильное вліяніе на направленіе его дѣятельности, чѣмъ та потребность, которой онъ удовлетворялъ; мало этого, стремленіе восхищать общество побуждало человѣка къ борьбѣ съ наиболѣе настоятельными требованіями его организма и къ полному самоотверженію. При такомъ психическомъ состояніи обществу стоило бы только восхвалять людей за полезную и порицать за вредную дѣятельность, чтобы всѣ дѣйствія людей направлены были къ взаимному обезпеченію своего счастья. На дѣлѣ же выходило прямо наоборотъ: люди чаще всего возвышались и даже обожались общественнымъ мнѣніемъ за вредную и презирались за полезную дѣятельность. Создать правильное общественное мнѣніе значило разрѣшить соціальную задачу. Въ переданныхъ молодежи двухъ частяхъ книги я прослѣдилъ значеніе и вредное вліяніе общественнаго мнѣнія въ обществахъ дикарей, въ обществахъ неподвижнаго обычая и застоя, въ обществахъ соціальнаго преобладанія теократическаго вліянія и, наконецъ, въ странахъ восточной цивилизаціи (Китай, Японія, Индія, малайская цивилизація на Явѣ и пр.). Молодежь исполнила свое дѣло, какъ нельзя лучше; книга вышла, надѣлала шуму, и все изданіе было распродано прежде, чѣмъ періодическая пресса успѣла дать объ ней свой отзывъ. Правительство схватилось за голову и кинулось арестовать экземпляры въ складъ, который былъ сдѣланъ въ лучшемъ тогда книжномъ магазинѣ Черкесова. Въ магазинѣ былъ сдѣланъ формальный обыскъ, но найдено было только пятьсотъ экземпляровъ, по большей части дефектовъ. Магазинъ былъ закрытъ и вывѣшено объявленіе, что онъ закрывается по распоряженію Третьяго Отдѣленія. Когда по обыкновенію вся фешенебельная публика высыпала на Невскій для прогулки и читала эту надпись, произошелъ громадный скандалъ. Между тѣмъ жандармы продолжали свою дѣятельность, дѣлали обыски въ домахъ, при этомъ по обыкновенію держали себя съ жандармской развязностью, раздѣвали дѣвушекъ и т. д. Безчинство и безобразіе Третьяго Отдѣленія возбудило всеобщее негодованіе, оно ра-

зыскивало книгу, которая продавалась открыто во всѣхъ магазинахъ, не была осуждена судомъ и которую конфисковать оно не имѣло никакого права—такъ, какъ будто это подпольное изданіе преступнаго содержаніе. Дошло до того, что министру юстиціи пришлось обличать управляющаго Третьимъ Отдѣленіемъ Левашова [1]), доказывать, что жандармскіе офицеры берутся за произведеніе арестовъ и обысковъ ни въ законахъ, ни въ юридическихъ наукахъ ничего не понимая, а потому дѣлаютъ непростительные промахи и вызываютъ негодованіе въ обществѣ. Большинство государственныхъ людей и самъ императоръ согласились съ министромъ юстиціи и нашли необходимымъ поставить жандармское управленіе подъ опеку прокуратуры. Вышелъ законъ, который дозволялъ жандармамъ производить аресты и обыски не иначе, какъ въ присутствіи члена прокуратуры, руководившей ими во всемъ, что требовало знанія законовъ и юридическихъ наукъ. Тогда администрація поставлена была въ необходимость доказывать преступность содержанія книги судебнымъ порядкомъ. Она разыскала въ ней преступленіе, достойное лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы, а потому просила прокуратуру составить обвинительный актъ въ этомъ смыслѣ. Но прокуратура не только не согласилась составить такого обвинительнаго акта, а нашла, что книгу ни въ чемъ нельзя обвинить передъ судомъ. Дѣло дошло до обсужденія въ высшихъ сферахъ; тутъ министръ юстиціи доказалъ вполнѣ невозможность обвиненія книги. Поэтому вышелъ новый законъ, дозволявшій изъятіе книгъ изъ обращенія административнымъ порядкомъ, но въ такомъ случаѣ правительство отказывалось отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія писателей, издателей и распространителей. Опять оказалось, что законность насъ губитъ, и жандармы получили полное право на произволъ. Я спрашиваю всякаго цивилизованнаго читателя, какое политическое преступленіе можно совершить въ историческомъ изслѣдованіи заблужденій общественнаго мнѣнія у дикарей и въ теократическихъ и деспотическихъ государствахъ Азіи, Африки и Америки? О Россіи и ея порядкахъ не было сказано въ книгѣ ни единаго слова и не было ни единаго на нее намека.

IX. Старое и новое направленіе передовой молодежи.

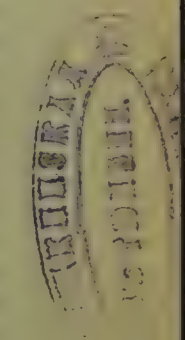
Я уже выше говорилъ о томъ, что главная причина слабости либеральной партіи заключалась въ отсутствіи корней въ народѣ.

---

[1]) Графъ Ник. Вас. Левашевъ съ 1871 по 1874 г. исполнялъ должность помощника шефа жандармовъ и управл. III-мъ Отд. Соб. Е. В. Канцеляріи. *В. С.*

Невозможность опираться на народъ отдавала ее въ распоряженіе правительства со связанными руками. Правительство помыкало ею, какъ хотѣло, наносило ей самыя унизительныя оскорбленія, причиняло ей тяжкія мученія, лишь только она желала проявить хотя тѣнь самостоятельности. Существовалъ одинъ путь для выхода изъ такого положенія. Нужно было создать соціально-политическую программу, которой народъ могъ бы сочувствовать, и распространять ее въ его средѣ. Либералы ни для того, ни для другого дѣла не годились. Они хотѣли бы проповѣдывать народу замѣну власти бюрократіи властью имущаго класса; но народъ ненавидѣлъ такой же жгучей ненавистью имущій классъ, какъ и бюрократію. Что же касается до распространенія политическихъ и соціальныхъ идей въ народѣ, то у нихъ не было ни одного качества, необходимаго для этого въ данныхъ обстоятельствахъ. Одна революціонная партія обладала и тѣми качествами, которыя необходимы, чтобы создать народную программу, и тѣмъ мужествомъ, какое было нужно, чтобы ее распространить. Такіе люди, какъ Петрашевскій и Чернышевскій, не были способны отступить передъ правительственными преслѣдованіями. Они прекрасно понимали необходимость пропаганды для массъ, и все-таки пропаганда эта велась въ слишкомъ ограниченныхъ размѣрахъ. Во время освобожденія крестьянъ, отмѣны откуповъ и т. д. условія для пропаганды были очень благопріятны, но революціонеры почти не пользовались ими. Они такъ мало были знакомы съ истиннымъ настроеніемъ крестьянъ, что почти не замѣтили исторію ограбленія крестьянскихъ земель. Большинство изъ нихъ полагало, что крестьяне довольны реформами и отнесутся враждебно къ революціонной пропагандѣ; что же касается до рабочаго народа въ городахъ, до солдатъ и т. д., то за немногими исключеніями рѣшительно не умѣли за нихъ взяться. Либералы жалко трусили, но иногда говорили такъ, будто они въ состояніи произвести государственный переворотъ. Поляки разсказывали мнѣ случай, гдѣ Чернышевскій вылилъ на пылкихъ поборниковъ либерализма ушатъ холодной воды. Когда готовилось польское возстаніе, представители либерализма, какъ изъ среды русскихъ, такъ и изъ среды поляковъ, сдѣлали собраніе съ цѣлью установить между собою братство. Послѣ роскошнаго обѣда и обильнаго возліянія, они кинулись другъ другу въ объятія; вдругъ среди восторженныхъ братскихъ поцѣлуевъ изъ угла раздается голосъ Чернышевскаго; своимъ высокимъ фальцетомъ онъ произноситъ слова: «не вѣрьте намъ, мы васъ обманемъ!»—Трезвый и рѣшительный вождь революціонной партіи прекрасно понималъ, что революція въ Россіи

въ этотъ моментъ была невозможна; для этого недоставало самаго главнаго—народа. Сохраняя въ своей душѣ такое трезвое сознаніе, онъ все-таки продолжалъ дѣйствовать и ушелъ за свои дѣйствія въ каторжную работу. Ничто не можетъ освѣтить яснѣе величіе этого характера. Революціонная пресса того времени, начиная отъ Герцена и Огарева и кончая Обручевымъ, обращалась къ образованному классу и была непонятна для народа. Слѣдующая серія пропагандистовъ дѣйствовала точно такъ же; Каракозовъ своимъ выстрѣломъ сильно взволновалъ народъ и эманципировалъ его отъ преданія; но революціонеры очень мало воспользовались этимъ настроеніемъ. За каракозовцами слѣдовали нечаевцы; ихъ пропаганда опять-таки ограничивалась интеллигентной молодежью....

Безсиліе либеральнаго общества обличалось все съ большею яркостью; тѣ заявленія, которыя дѣлались нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стали невозможными; о западномъ краѣ и Польшѣ и говорить нечего, они умерли. Никогда не осмѣливавшіеся не только бунтовать, но даже просто манифестировать русскіе дворяне и земскіе либералы могли смотрѣть съ завистью на американскихъ плантаторовъ. Послѣ такого возстанія, съ которымъ возстаніе поляковъ и сравненія не могло выдержать, они сохранили всѣ свои политическія права; попрежнему они были великой силой въ государствѣ, они связаны были только тамъ, гдѣ они въ прежнія времена вредили народу и несчастнымъ неграмъ, ихъ развитію, свободѣ и образованію. Въ Россіи же правительство принуждало и дворянство и земство быть вредными, когда у нихъ возникала несчастная мысль сдѣлать что-нибудь полезное для народа и для своего отечества, двинуть просвѣщеніе, увеличить число школъ, расширить въ нихъ преподаваніе, замѣнить никуда негодныхъ учителей и учительницъ болѣе способными и интеллигентными,—иниціаторы такого дѣла тотчасъ же превращались въ глазахъ правительства въ государственныхъ преступниковъ. Еще болѣе горькая участь постигала ихъ, если они хотѣли изслѣдовать нужды и страданія народа, улучшить распредѣленіе сборовъ и податныхъ тягостей. Страхъ передъ жандармами обратилъ все дворянство и все земство въ заклятыхъ реакціонеровъ. Въ это самое время я былъ въ Твери, на родинѣ Бакунина, еще недавно гремѣвшей своимъ радикализмомъ. Я посѣщалъ земство, гласные размѣщались тамъ по направленіямъ. Вся масса гласныхъ сидѣла на скамьяхъ реакціонеровъ, очень небольшая часть составляла консервативный и либеральный центръ и только нѣсколько человѣкъ сидѣло на лѣвой, въ томъ числѣ Александръ Бакунинъ, единственный

изъ братьевъ Бакуниныхъ, сохранившій право быть избираемымъ. При мнѣ они сдѣлали постановленіе о томъ, чтобы деньги, собранныя для страхованія отъ крестьянъ, употребить на другіе предметы; а когда затѣмъ сгорѣли двѣ деревни, то нечѣмъ было имъ заплатить. Для того, чтобы оградить политическую и соціальную самодѣятельность въ народѣ отъ окончательной погибели, осталась опять-таки одна революціонная партія. Читателю нетрудно себѣ представить, что въ ней происходило послѣ того разгрома, какой произвелъ въ ней Муравьевъ. Онъ не оставилъ въ ней камня на камнѣ; шпіонство было развито до того, что оно проникало всюду, самый секретный шопотъ не могъ отъ него укрыться; самые смирные и робкіе люди получали неожиданныя предостереженія....

Такимъ образомъ мы видимъ, что, начиная отъ Петрашевскаго, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ велась непрерывная революціонная пропаганда, но она вносилась въ народъ въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, что она ни на волосъ не подвигала дѣла; партія движенія въ концѣ имѣла такъ же мало корней въ народѣ, какъ и въ началѣ. Я находилъ, что въ данную минуту наше дѣло должно заключаться въ томъ, чтобы прежде всего и болѣе всего внести новыя идеи въ среду народа. Въ этомъ отношеніи я вполнѣ сошелся въ мысляхъ съ молодежью; книжное дѣло дало имъ возможность создать обширную организацію, и теперь они поглощены были стремленіемъ сосредоточить всѣ эти силы на пропагандѣ въ народѣ.

Ко мнѣ обратились съ просьбою написать брошюру для распространенія въ народѣ. Я согласился, но высказалъ при этомъ слѣдующее свое воззрѣніе.

Существуетъ множество законодательныхъ мѣръ, вытекающихъ изъ принципа права на счастье; онѣ постоянно принимаются, но такъ какъ онѣ не выводятся изъ этого принципа, то онѣ представляются актами чистаго произвола—обстоятельство вредное не только при изданіи закона, но и при его примѣненіи. Съ юридической точки зрѣнія право на счастье можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: никто не можетъ имѣть такое право, котораго осуществленіе составляетъ несчастье и злополучіе для населенія. Отсюда слѣдуетъ, напр., что вода, которою снабжается городъ, не можетъ быть предметомъ собственности. Частные собственники не могутъ лишить воды населеніе цѣлаго города, уморить его отъ жажды и распространить въ немъ заразныя болѣзни отъ нечистоплотности. При освобожденіи крестьянъ изъ неотчуждаемаго права на свободу вытекала только ихъ личная эманципація, а надѣленіе ихъ землею представлялось актомъ

каприза и произвола. Однако же тутъ ни каприза, ни произвола не было; оно вытекало прямо изъ права на счастье; нельзя чрезъ освобожденіе превратить въ злополучныхъ пролетаріевъ цѣлое населеніе, которое даже при крѣпостномъ правѣ было надѣлено землею отъ помѣщиковъ. Этотъ принципъ я распространилъ на вновь возникающія мѣстечки. Нельзя отдать цѣлый городъ во власть одного или двухъ землевладѣльцевъ только на томъ основаніи, что онъ построился на ихъ землѣ. Обязательный выкупъ подъ домами прямо вытекаетъ изъ философскихъ началъ права. Такой выкупъ тѣмъ болѣе необходимъ, что при возникновеніи городовъ онъ можетъ совершаться съ большею легкостью.

Земля, на которой выстроена была Любань, имѣла очень малую цѣнность. Домовладѣльцы могли безъ всякаго затрудненія уплатить землевладѣльцамъ вдвое и втрое болѣе первоначальной ея цѣнности и избавить себя этимъ отъ всѣхъ притѣсненій, которымъ подвергались. Жители рѣшили составить изъ себя общество; чтобы придать болѣе вѣса ихъ рѣшенію, членами приписались одинъ экс-министръ и нѣсколько другихъ вліятельныхъ людей. Для осуществленія цѣли, съ которой общество составилось, выбрали старосту и управленіе. Мотъ-землевладѣлецъ, чтобы навести страхъ на старосту, представилъ въ мировой судъ подложный документъ и достигъ присужденія по нему въ свою пользу взысканія. Я перенесъ дѣло въ съѣздъ и обвинилъ его въ подлогѣ; съѣздъ призналъ мои доводы основательными и передалъ дѣло судебному слѣдователю. Обвиненіе въ подлогѣ помѣщика, который гремѣлъ въ окрестности, произвело большую сенсацію. Молва о моей дѣятельности распространилась въ Петербургѣ; въ Любань пріѣзжала ко мнѣ молодежь учиться пропагандѣ; они увидали, что въ Россіи, гдѣ крестьянское и рабочее населеніе кажется такимъ апатичнымъ и неподвижнымъ, одинъ человѣкъ можетъ взволновать цѣлую мѣстность. Богатые радикалы и радикалки, которые никогда никакой пропаганды не вели, посѣщали меня изъ любопытства.

Въ это время я подмѣтилъ въ народѣ одну черту, которая произвела на меня весьма благопріятное впечатлѣніе. Обыкновенно полагаютъ, что безграмотный и полуграмотный народъ весь погруженъ въ свои матеріальные интересы, что только голодъ и желаніе имѣть лишнюю копѣйку можетъ его побуждать къ дѣятельности. Мои сношенія съ народомъ въ Любани убѣдили меня совсѣмъ въ другомъ. Я понялъ, почему мы видимъ въ исторіи, что народы неподвижно переносили самую тяжкую нужду рабства и крѣпостного права и при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ волновались, вставали какъ одинъ человѣкъ

и низвергали правительства. Крестьяне и рабочіе, съ которыми я говорилъ, были сплошь безграмотные и самые грубые люди, однакоже ихъ гораздо сильнѣе волновали вопросы чести, чѣмъ матеріальные интересы. Къ бѣдности своей они привыкли, къ безпомощному своему положенію они приспособились; они прежде всего и болѣе всего поражали своей неистребимостью. У этого народа обрѣзали землю; онъ бросаетъ свою землю, идетъ за сотни верстъ и нанимается въ работу. Тутъ его обманулъ наниматель, не доплатилъ ему денегъ; онъ опять пускается въ путь искать себѣ счастья—и все это безъ тѣни малодушнаго унынія, бодрый и спокойный, будто ни въ чемъ не бывало. Но борьба его одушевляла, въ этой борьбѣ его вдохновлялъ не денежный вопросъ, а всегда вопросъ чести. Между прочимъ, я велъ борьбу съ начальникомъ любанской станціи, который грубо обращался съ рабочимъ народомъ. Намъ удалось достигнуть увольненія жандарма станціи, который, по приказанію начальника станціи, вытолкалъ изъ зала одного крестьянина. Но мировой судья постоянно старался приговаривать начальника станціи за оскорбленія къ денежнымъ штрафамъ, а народу хотѣлось, чтобы его посадили въ тюрьму. Однажды я во время этой борьбы разсказывалъ рабочему объ англійскихъ ассоціаціяхъ. «Умные люди», сказалъ рабочій, выслушавъ меня, «ну да мы за грошами не гоняемся. А, вотъ, посадите начальника станціи въ тюрьму— послѣдніе штаны продамъ». Рабочаго, крестьянина обидѣли, онъ пострадалъ, но онъ еще готовъ пострадать, чтобы получить нравственное возмездіе за обиду. Такъ они поступали постоянно; я убѣдился, что политическая борьба съ превосходной силой даже и невозможна на другомъ основаніи; только борьба во имя идеи и во имя чести, гдѣ человѣкъ борется во что бы то ни стало, гдѣ онъ готовъ погибнуть или побѣдить, можетъ дать результатъ, достойный вниманія.

Между тѣмъ коммуны, созданныя молодежью въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, расширялись и распространялись. Массовыя движенія учащейся молодежи, сходки, на которыхъ они протестовали или противъ дурного преподаванія профессора, достигшаго каѳедры путемъ интригъ, или противъ обидъ со стороны начальства, или противъ произвольныхъ ссылокъ, повторялись ежегодно и обнимали иногда большое число высшихъ заведеній. Подобное стремленіе проявить свою собственную волю встрѣчалось нерѣдко и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ мужскихъ и женскихъ, гдѣ ихъ жертвами дѣлались дѣвушки и юноши отъ четырнадцати до восемнадцати лѣтъ. Въ особенности сильны бывали эти движенія въ семинаріяхъ, гдѣ изувѣрство

начальства вызывало наиболѣе энергическіе протесты; тутъ случалось, что въ одномъ заведеніи сотни учениковъ подвергались остракизму. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ движенія вытекали изъ стремленія начальства заставлять учениковъ читать только то, что имъ приказываютъ, и думать только такъ, какъ имъ приказываютъ. Были такіе педагоги, которые полагали, что изъ преподаванія исторіи нужно исключить Камбизовъ, Нероновъ и т. д., потому что они заставляютъ учениковъ сомнѣваться въ благодѣтельности деспотизма. Лучшія изъ книгъ, свободно обращавшихся въ публикѣ, считались ядомъ для молодежи; ученикамъ воспрещали ходить въ публичныя библіотеки и брать оттуда книги. Съ самаго нѣжнаго возраста изъ нихъ воспитывали шпіоновъ и предателей; у нихъ дѣлались постоянные обыски. Едва ли когда-нибудь іезуиты доходили до такихъ геркулесовыхъ столбовъ деморализаціи воспитываемаго ими юношества, до какихъ достигли педагоги этого времени; кто въ этихъ заведеніяхъ получалъ призъ за благонравіе, выходилъ человѣкомъ съ искорененнымъ въ конецъ нравственнымъ чувствомъ и съ уничтоженнымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Если въ душѣ юноши было что-нибудь, кромѣ гнуснаго эгоизма и лицемѣрія, то рано или поздно онъ непремѣнно долженъ былъ пострадать. Всякій юноша, въ которомъ оставалась «искра Божія», какъ тогда говорили, направлялся своимъ педагогическимъ начальствомъ по дорогѣ къ коммунамъ, если въ немъ было достаточно энергіи и рѣшимости, чтобы идти этимъ путемъ. Онъ уже успѣлъ испытать на себѣ всю безцеремонную развязность начальства; онъ зналъ, что это начальство никогда не стѣснится погубить человѣка, если онъ откажется вѣрить тому, чему оно вѣритъ, думать такъ, какъ оно приказываетъ ему думать. Вступая въ коммуну, онъ шелъ на свою погибель, онъ сознавалъ, что онъ долженъ отречься отъ всѣхъ притязаній на личное счастье ради сохраненія своего человѣческаго достоинства и своей умственной и нравственной самостоятельности. Въ немъ сначала разгоралось восторженное желаніе развить до безпредѣльности свою способность приносить жертву,—и только тогда онъ шелъ. Кому же могла быть принесена эта безпредѣльная жертва?—Народу, разумѣется; одному только народу,—и онъ стремился слиться съ этимъ народомъ своею душою. Лишь только онъ вступалъ въ коммуну, онъ попадалъ въ среду людей, которые уже пережили всѣ его страданія, всю его тяжкую борьбу, всѣ тѣ пламенныя чувства, которыми онъ горѣлъ,—они пережили и они окрѣпли въ нихъ; ему страстно хотѣлось окрѣпнуть такъ же.

В. Берви.

Священная Дружина.

(Изъ дневника ея члена).

Дневникъ, выдержки изъ котораго печатаются здѣсь, былъ веденъ, нынѣ покойнымъ, генералъ-лейтенантомъ Всеволодомъ Никаноровичемъ Смѣльскимъ. Въ «Священную Дружину» В. Н. Смѣльскій былъ приглашенъ на должность завѣдывающаго петербургскою агентурою, какъ опытный полицейскій служака, состоявшій нѣкоторое время начальникомъ секретнаго отдѣленія петербургскаго градоначальства при Ф. Ф. Треповѣ.

Свою службу онъ началъ, по окончаніи курса въ Лѣсномъ и Межевомъ институтѣ, въ 1851 г., въ чинѣ прапорщика, запаснымъ лѣсничимъ и въ 1856 г., подпоручикомъ, былъ переведенъ въ С.-Петербургскій гренадерскій Фридриха Вильгельма III полкъ. Въ составѣ этого полка въ 1863 г. онъ принималъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія и въ 1864 г., съ 10 января по 21 апрѣля, въ чинѣ капитана, исполнялъ обязанности военнаго начальника Петроковскаго уѣзда; затѣмъ былъ отчисленъ обратно въ полкъ и въ томъ же году переведенъ въ Кексгольмскій гренадерскій императора австрійскаго полкъ. Оттуда, 14 августа того же 1864 г., онъ былъ назначенъ военнымъ начальникомъ Кальварійскаго уѣзда, а въ 1867 г., въ чинѣ маіора,—начальникомъ Вилковышскаго уѣзда Сувалкской губерніи. Въ этой должности онъ пробылъ до 14 октября 1875 г. и 18 ноября того же года былъ зачисленъ въ штатъ с.-петербургской полиціи, гдѣ былъ прикомандированъ къ секретному отдѣленію градоначальства и назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при градоначальникѣ Треповѣ. Въ 1876 г.,

30 октября, въ чинѣ подполковника, онъ получилъ мѣсто помощника управляющаго отдѣленіемъ канцеляріи градоначальства по охраненію общественнаго порядка и спокойствія въ столицѣ, а съ 15 декабря того же года исправлялъ должность управляющаго этимъ отдѣленіемъ. Въ октябрѣ 1877 г. онъ отчислился отъ полиціи и былъ командированъ въ распоряженіе начальника военныхъ сообщеній дѣйствующей арміи, который назначилъ его помощникомъ этапнаго коменданта въ Зимницу. Съ 31 марта 1878 г. В. Н. Смѣльскій состоялъ членомъ-дѣлопроизводителемъ высочайше утвержденной комиссіи для разслѣдованія злоупотребленій въ вольнонаемномъ интендантскомъ транспортѣ дѣйствующей арміи, а 15 марта 1879 г. былъ причисленъ къ штабу мѣстныхъ войскъ петербургскаго военнаго округа, гдѣ, между прочимъ, въ ноябрѣ 1879 г. былъ временнымъ членомъ военнаго суда по дѣламъ о государственныхъ преступникахъ (процессъ Мирскаго), а въ декабрѣ 1880 г.—временнымъ членомъ временныхъ военныхъ судовъ въ Архангельскѣ и Петрозаводскѣ. Въ 1881 г. онъ былъ назначенъ временнымъ членомъ петербургскаго военно-окружнаго суда и тогда же, съ 30 марта 1881 г., въ чинѣ полковника, завѣдывалъ красносельскимъ гвардейскимъ военнымъ госпиталемъ. Здѣсь застало его приглашеніе вступить въ члены Св. Дружины и принять начальство надъ петербургскою ея агентурою.

Приглашеніе это В. Н. Смѣльскій принялъ очень неохотно, такъ какъ, несмотря на свое полицейское прошлое, стыдился званія шпіона и пошелъ въ организацію, соблазнившись, повидимому, сравнительно высокимъ вознагражденіемъ за службу въ ней. Тайный характеръ Св. Дружины и соперничество ея съ явною полиціею казались, однако, ему такими нежелательными и вредными явленіями, что съ самыхъ первыхъ же дней своего вступленія въ Дружину онъ не уставалъ настойчиво говорить объ этомъ вліятельнымъ членамъ Св. Дружины лично, а также подалъ, для сообщенія въ высшія инстанціи, письменное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ необходимость превращенія Дружины изъ тайной организаціи въ явную, на подобіе Краснаго креста. Мнѣніе это, а также горячность, съ которою В. Н. Смѣльскій защищалъ его и высказывалъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не могли не повредить ему въ организаціи, въ которой заправилами слишкомъ многое строилось именно на тайномъ ея характерѣ и на антагонизмѣ съ явною полиціею. Когда же онъ, познакомившись поближе съ агентурою Дружины, не стѣсняясь сталъ выражать свое удивленіе передъ безпорядочностью, несерьезностью и недобросовѣстностью всего этого дѣла

и началъ требовать отъ агентовъ болѣе точныхъ и обстоятельныхъ сообщеній и розысковъ, пѣсня его въ Св. Дружинѣ оказалась спѣтою: неожиданно для себя онъ былъ устраненъ отъ завѣдыванія агентурою, и мѣсто его занялъ кн. А. П. Щербатовъ, человѣкъ болѣе «свой» въ томъ кругѣ лицъ, изъ которыхъ состояла Дружина, и менѣе разборчивый въ томъ, за что платились въ ней деньги.

Дневникъ В. Н. Смѣльскаго является первымъ разсказомъ о Св. Дружинѣ, исходящимъ изъ нѣдръ самой этой организаціи; то, что сообщалось о ней доселѣ [1]), шло или изъ тѣхъ круговъ, для борьбы съ которыми Дружина была основана, или, хотя и изъ близкой къ ней среды бюрократической (дневникъ П. А. Валуева, воспоминанія Ю. Карцева и др.), но отъ людей, не бывшихъ ея членами, знавшихъ о ней по слухамъ и относившихся къ ней недоброжелательно. Авторъ дневника не былъ вліятельнымъ лицомъ въ Св. Дружинѣ и не былъ посвященъ въ то, что происходило на верхахъ ея,—въ совѣтѣ старшинъ и въ центральномъ комитетѣ, но онъ часто встрѣчался съ нѣкоторыми изъ главныхъ дѣятелей Дружины и самъ былъ членомъ Исполнительнаго Комитета ея и начальникомъ Петербургской агентуры, слѣдовательно, имѣлъ возможность знать эту организацію едва ли не съ наиболѣе важной ея стороны—практической; поэтому его подробныя записи о засѣданіяхъ Исполнительнаго Комитета и о дѣятельности въ качествѣ начальника агентуры имѣютъ большое значеніе для освѣщенія темной доселѣ исторіи Св. Дружины и для уясненія истиннаго характера всей этой затѣи, *зловѣщей* по замыслу, но легкомысленно ребяческой по исполненію. Въ частности, первостепенный интересъ представляетъ приводимыя здѣсь (подъ 6 ноября 1881 г.) и до сихъ поръ нигдѣ не опубликованныя: присяга членовъ Св. Дружины и инструкція для II-го отдѣла ея, которая является, въ сущности, уставомъ Дружины и въ которой указаны цѣли ея и средства, какими она должна достигать ихъ, а также подробно изложена ея хитроумная конспиративная организація.

Въ отношеніи вопросовъ, послужившихъ предметомъ разногласія въ существующей литературѣ о Св. Дружинѣ, дневникъ важенъ, между прочимъ, тѣмъ, что онъ разрѣшаетъ споръ [2])

---

[1]) См. въ книгѣ *В. Я. Богучарскаго* — Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ г.г. XIX в., М. 1912, стр. 268—438.

[2]) *Б. А. Кистяковскій*: «Страницы прошлаго. Къ исторіи политич. движеній въ Россіи», М. 1912; «Органъ Земскаго Союза «Вольное Слово» и легенды о немъ» (Русск. Мысль, 1912, XI). *В. Я. Богучарскій*: «Земскій Союзъ или Священная Дружина» (Русск. Мысль, 1912, IX); «Въ заключеніе полемики» (Русск. Мысль, 1913, II). Истина оказалась на сторонѣ В. Я. Богучарскаго.

о томъ, было или нѣтъ «Вольное Слово» подъ редакціей Мальшинскаго органомъ Св. Дружины: изъ записи Смѣльскаго подъ 24 ноября 1881 г. является несомнѣннымъ, что «Вольное Слово» издавалось на средства Дружины и что М. П. Драгомановъ и другія лица, участвовавшія въ немъ, не знали истиннаго характера его и были жертвами именно провокаціи. Чисто-провокаціонная цѣль этого изданія засвидѣтельствована здѣсь самимъ гр. П. П. Шуваловымъ, и потому, съ другой стороны, мнѣніе покойнаго В. Я. Богучарскаго [1]), видѣвшаго въ поддержкѣ Шуваловымъ «Вольнаго Слова» одно изъ доказательствъ существованія у этого наиболѣе дѣятельнаго изъ членовъ Св. Дружины лица мечты добиться при помощи Дружины представительнаго образа правленія въ Россіи, едва ли вѣрно; никакихъ слѣдовъ существованія внутри Св. Дружины праваго и лѣваго крыльевъ въ дневникѣ Смѣльскаго не находится, и всего скорѣе, что если среди членовъ этой организаціи и существовало дѣленіе на партіи, то не по конституціонности или консервативности ихъ политическихъ идеаловъ, а по другимъ, болѣе естественнымъ для этихъ лицъ основаніямъ,—напримѣръ, изъ-за стремленія къ первенству въ Дружинѣ, къ власти въ правительствѣ и т. под.

Ф. И. Покровскій.

Отъ редакціи. Печатая эти важныя для исторіи начала 1880-хъ г.г. записки, редакторы «Голоса Минувшаго» считаютъ нужнымъ напомнить, что по долгу историковъ они печатаютъ документы самыхъ разнообразныхъ направленій. Въ теченіе трехлѣтняго существованія журнала характеръ его достаточно опредѣлился, и редакціи едва ли нужно оговариваться, что она не находитъ нужнымъ отмѣчать всякій разъ несоотвѣтствіе ея собственныхъ взглядовъ со взглядами тѣхъ или другихъ лицъ, записки которыхъ она печатаетъ. *В. С.*

Изъ дневника В. Н. Смѣльскаго.

13 августа 1881 г. ... Встрѣтилъ Гольгардта, чиновника секретнаго отдѣленія канцеляріи градоначальника, который сказалъ мнѣ, что вчерашнимъ повелѣніемъ Государя нынѣшній градоначальникъ Барановъ [2]) назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Архангельскъ; что на его мѣсто, не градоначальникомъ, а оберполиціймейстеромъ, назначенъ генералъ Козловъ [3]) изъ Москвы; что на мѣсто Козлова въ Москву назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ генералъ Янковскій [4]) изъ Бессарабіи; что учреждено

[1]) «Изъ исторіи политич. борьбы», 437—438; «Земскій Союзъ конца 70-хъ и начала 80-хъ г.г. XIX в.» (Юбилейный земскій сборникъ, СПБ. 1914) и вышеуказанныя статьи въ «Русской Мысли».

[2]) Ник. Мих. Былъ градоначальникомъ съ 8 марта 1881 г.

[3]) Ал-дръ Ал-дровичъ, ген.-маіоръ.

[4]) Евг. Осип., ген.-маіоръ.

петербургское генералъ-губернаторство и генералъ-губернаторомъ назначенъ генералъ-маiоръ Черевинъ; что губернаторомъ Петербургской губернiи назначенъ, взамѣнъ сенатора Лутковскаго [1], генералъ-маiоръ Гейнцъ [2], что для наблюденiя за охраною Государя Высочайше учреждена «Дружина», въ составъ которой вошли по своему желанiю многiе изъ аристократовъ, внесшiе на это учрежденiе свои деньги въ размѣрѣ 3 миллiоновъ, и что завѣдывающимъ дѣлами этой дружины назначенъ д. с. с. Путилинъ [3], какъ главный основатель ея, съ жалованьемъ по 12 тыс. въ годъ и съ полученiемъ ежемѣсячно по 300 руб. на разъѣзды. Кромѣ того, Гольгардтъ сказалъ, что нигилисты неспокойны и жаль, что не во-время предпринята такая ломка и демонстрацiи.

1 сентября 1881 г. Къ Смѣльскимъ [4] приходилъ Д. Ф. Стюартъ [5], весьма радушно обошедшiйся со мною и звавшiй меня къ себѣ на дачу, а также Татищевъ [6], довольно любезно говорившiй со мною. Онъ какъ-то омужичился, получилъ видъ купца. Теперь онъ служитъ у графа Игнатьева чиновникомъ по особымъ порученiямъ, былъ въ командировкѣ за границею подъ видомъ изученiя рабочаго вопроса, а между тѣмъ болѣе сыщикомъ нашихъ нигилистовъ. Татищеву дано 6 тысячъ жалованья и выданы 24 тысячи франковъ за поѣздку за границу. По его словамъ, онъ видѣлся въ Парижѣ съ Гамбеттою и былъ у разныхъ лицъ большихъ иностранныхъ городовъ для установленiя соглашенiя относительно выдачи бѣжавшихъ отъ насъ политическихъ преступниковъ, но въ дѣлѣ этомъ, какъ кажется, не сдѣлалъ ничего толковаго.

1 октября 1881 г. ... Встрѣтилъ полковника Алекс. Иван. Левашева, радостно меня встрѣтившаго. Онъ очень просилъ меня къ нему придти, и когда я сталъ настаивать, для чего, то онъ сказалъ: «Я имѣю къ вамъ просьбу. Вы вѣдь знаете, что устроена «охрана»; примите въ ней участiе; обязанность небольшая: охранять Государя, при его проѣздахъ. Я васъ познакомлю съ однимъ генераломъ; онъ къ вамъ прiѣдетъ съ визитомъ и познакомитъ

---

[1] Iос. Вас.

[2] Вѣроятно, Гейнсъ, Ал-дръ Конст., бывшiй одесскiй градоначальникъ.

[3] Ив. Дм., начальникъ сыскной полицiи.

[4] Къ двоюродному брату автора дневника, С. Ел. Смѣльскому.

[5] Баронъ Дм. Ѳед. Стуартъ; былъ въ то время директоромъ Государственнаго и С.-Петербургскаго главныхъ архивовъ и членомъ совѣта министерства иностр. дѣлъ.

[6] Серг. Спир., бывшiй дипломатъ, впослѣдствiи извѣстный консервативный публицистъ. Въ то время былъ чиновникомъ особыхъ порученiй при министрѣ внутрен. дѣлъ гр. Н. П. Игнатьевѣ.

съ обязанностью. Въ этомъ обществѣ лучшіе люди, преимущественно аристократы; состоитъ въ вѣдѣніи графа Воронцова-Дашкова [1]). Васъ зачислятъ совершенно секретно, безъ всякой огласки. Вамъ выдадутъ карточку, при предъявленіи которой каждый полицейскій обязанъ тотчасъ же исполнять всѣ ваши приказанія, не требуя отъ васъ заявленія вашей фамиліи, и никто не будетъ знать, кто вы». Когда же я сталъ говорить, что я въ шпіоны не пойду, что не могу служить двуличнымъ начальникамъ и что желалъ бы знать, кто тотъ генералъ, который можетъ пріѣхать ко мнѣ, то онъ, послѣ долгаго колебанія, сказалъ мнѣ, прося никому не говорить, что онъ, Левашевъ, членъ этого общества; что означеннаго генерала фамилія Федоровъ [2]) (бывшій виленскій полиціймейстеръ); что меня пригласятъ вовсе не для шпіонства, а только для охраны Государя и его семьи, и что ему предоставлено право приглашать въ ихъ общество только самыхъ лучшихъ, честныхъ и умныхъ, практическихъ людей, и что всѣ эти качества есть у меня, а потому онъ и рѣшился сказать мнѣ объ этомъ. На все это я, хотя и сказалъ, что я врагъ всѣхъ вообще зловредныхъ людей, готовъ охранять Царя, но положительнаго отвѣта на его просьбу не далъ, да и не дамъ. Если Федоровъ, извѣстный мнѣ какъ гуляка, картежникъ, не сумѣвшій удержать своихъ дѣтей отъ пьянства, буйства и разныхъ гадостей, завѣдываетъ такимъ важнымъ дѣломъ, то какъ же можно разсчитывать на его добросовѣстность по порученному ему дѣлу!

12 октября 1881 г. Былъ Левашевъ и оставилъ мнѣ визитную карточку съ надписью о прибытіи къ нему сегодня или завтра вечеромъ. Въ 7 часовъ вечера пошелъ я къ Левашеву, принявшему меня радостно; онъ уговорилъ меня вмѣстѣ съ нимъ идти къ генералу-маіору Федорову, на Невскій, въ домъ гр. Менгдена, сказавъ, что Федоровъ помнитъ меня и очень желаетъ свиданія со мною. Какъ я ни отговаривался, Левашевъ настоялъ на своемъ, и мнѣ пришлось съ нимъ идти. Федоровъ начально, хотя и выразилъ мнѣ удовольствіе, что видитъ меня, но суховато; когда же я за чаепитствомъ сталъ ему высказывать о порядкѣ тайнаго прохода черезъ границу изъ Пруссіи въ Россію, то онъ вперилъ глаза свои въ меня, слушалъ все съ большимъ вниманіемъ, особенно, когда я ему сказалъ о задержаніи преступниковъ Саблина

---

[1]) Иллар. Ив., одинъ изъ главныхъ учредителей Св. Дружины, извѣстный въ ней подъ именемъ «Набольшаго».

[2]) Мих. Ив., ген.-маіоръ; состоялъ въ то время для особыхъ порученій при шефѣ жандармовъ.

и Морозова [1]), о полученіи за это не награды, а выговора, а также о томъ, что бывшій управляющій III отдѣленіемъ Шульцъ [2]) дѣйствовалъ нечестно,—онъ ничего болѣе не могъ мнѣ сказать, какъ только то, что онъ съ удовольствіемъ готовъ со мною дѣлиться всякими свѣдѣніями, и тотчасъ же началъ меня просить сообщить ему мой адресъ и подписаться на добровольное служеніе по охранѣ Государя. Начально я отказывался отъ подписи, говоря, что я и такъ буду вѣренъ и что въ подпискѣ сказано: «и обязуюсь исполнять порученія», что невозможно для меня, такъ какъ я несу службу. Но и это не помогло, и онъ, согласясь не вписывать вышеозначенныя слова, просилъ меня дать подписку въ томъ, что я соглашаюсь лишь на содѣйствіе по охранѣ, и согласился въ томъ, что всѣ дѣйствія мои должны ограничиваться лишь совѣтами изъ моей практики, никакихъ другихъ же обязанностей я не обязанъ исполнять, и меня не потревожатъ съ настоящей моей служебной обязанности. Послѣ разныхъ уговоровъ я далъ подписку такого содержанія: «я, полковникъ Всеволодъ Никаноровичъ Смѣльскій, согласенъ добровольно принять на себя охрану Священной Особы Государя Императора отъ всякихъ злодѣйскихъ покушеній. Полковникъ Смѣльскій. 12 октября 1881 года». Болѣе въ моей подпискѣ, какъ мнѣ кажется, я не приписалъ ни одного слова.

Федоровъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, что Треповъ [3]) дѣйствовалъ хорошо, что Фурсовъ [4]) и бывшій градоначальникъ Федоровъ [5]) не соотвѣтствовали своимъ должностямъ, что Шульцъ и сенаторъ Фуксъ [6]) зловредны по своимъ дѣйствіямъ.

---

[1]) Ник. Алексѣев. Саблинъ и Ник. Александр. Морозовъ уѣхали за границу въ 1874 г., Въ мартѣ 1875 г. они возвратились въ Россію и были задержаны въ пограничномъ селеніи Кибарты; этому аресту и содѣйствовалъ авторъ дневника.

[2]) Алекс-дръ Франц., управлялъ III Отдѣленіемъ въ 1873—1879 г.г.

[3]) Ѳед. Ѳедор., бывшій с.-петербургскій градоначальникъ.

[4]) Вас. Вас., бывшій незадолго передъ этимъ начальникомъ сыскного отдѣленія. Подъ 14 октября 1881 г. о немъ записано В. Н. Смѣльскимъ слѣдующее: «встрѣтилъ я чиновника секретнаго Отдѣленія канцеляріи обе[р]ъ-полиціймейстера, и онъ мнѣ сказалъ, что Фурсовъ удаленъ отъ должности, живетъ теперь въ Москвѣ, преданъ суду болѣе изъ-за того, что съ прокуратурой и даже графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ имѣлъ постоянныя пререканія». 25—30 ноября 1881 г. Фурсовъ былъ судимъ Петербургскою Судебною Палатою, вмѣстѣ съ ген.-маіор. Мровинскимъ и приставомъ Теглевымъ, по обвиненію въ бездѣйствіи власти за необнаруженіе при обыскѣ сырной лавки Кобозева-Богдановича подкопа и былъ приговоренъ къ лишенію правъ и къ ссылкѣ въ Архангельскую губернію. Въ слѣдующемъ году, однако, онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ отдѣленіемъ канцеляріи градоначальства по охраненію общественнаго порядка и спокойствія въ столицѣ.

[5]) Ал-дръ Вл., полковн., былъ градоначальникомъ въ 1881 г.

[6]) Эд. Як.; съ 1873 по 1879 г.г. былъ прокуроромъ петербургской Судебной Палаты.

Михаилъ Ивановичъ Федоровъ говоритъ, что, когда его сдѣлали начальникомъ по охранѣ дворцовъ, то начально шло все ладно, но когда онъ сталъ всѣхъ чиновъ собственно придворнаго штата болѣе или менѣе подгонять къ себѣ, то это стало многихъ озлоблять, пошли интриги. Прошло лѣто, проходя по Царскосельскому дворцу, встрѣтилъ его въ одной изъ комнатъ покойный Государь и, обратясь къ нему, сказалъ: «ты болтливъ». Это встревожило и удивило его, и онъ не зналъ, что отвѣчать; и Государь продолжалъ: «ты находишь дурно, что подъ моимъ кабинетомъ мастерская (въ Зимнемъ дворцѣ); хочешь перевести ее оттуда,—это правильно; я раздѣляю это мнѣніе. Но къ чему было объ этомъ говорить извѣстному сплетнику?» (фамиліи не назвалъ). Федоровъ пришелъ въ тупикъ отъ этого обстоятельства; идетъ къ министру двора гр. Адлербергу [1]), говоритъ сказанное ему Государемъ и проситъ объ отчисленіи его отъ должности. Адлербергъ недоумѣваетъ, говоритъ, что ничего подобнаго не слышалъ отъ Государя, хотя еще за часъ до этого былъ у него, и проситъ Федорова повременить просьбою объ отчисленіи. Проходитъ послѣ этого нѣсколько дней, Адлербергъ молчитъ и между тѣмъ то и дѣло то Рылѣевъ [2]), то дежурные офицеры по дворцамъ говорятъ Федорову о волѣ Государя тамъ-то снять часового, тамъ-то измѣнить установленный Федоровымъ порядокъ такимъ-то образомъ. Словомъ, всѣ его распоряженія день за днемъ отмѣняются, а между тѣмъ, по его убѣжденію, только этими мѣрами и можно было обезопасить положеніе Государя въ бытность его въ Царскосельскомъ дворцѣ. Федоровъ начинаетъ бояться за неуспѣхъ охраны, заболѣваетъ отъ страха дурныхъ послѣдствій, пишетъ письмо къ гр. Адлербергу съ просьбою отчислить его отъ должности по болѣзни. Дня три спустя Федоровъ получаетъ записку о прибытіи къ гр. Адлербергу въ 10 часовъ вечера. Идетъ къ нему, и онъ говоритъ, что письмо его докладывалъ Государю, и Его Величество согласился на увольненіе его отъ должности съ сожалѣніемъ и повелѣлъ причислить его чиновникомъ особыхъ порученій къ шефу жандармовъ. При этомъ Адлербергъ сказалъ, что онъ, Федоровъ, будетъ получать содержаніе по 5 тысячъ рублей въ годъ. Съ грустью оставилъ свой постъ Федоровъ и, когда прибылъ къ гр. Лорису-Меликову [3]), то узналъ, что ему Лорисъ назначилъ не 5, а лишь 3 тысячи рублей въ годъ. Теперь онъ имѣетъ ту же должность по названію, но содержаніе, повидимому, получаетъ большее.

---

[1]) Алекс-ръ Влад.
[2]) Ал-дръ Мих., комендантъ императорской главной квартиры.
[3]) М. Т., былъ тогда министромъ внутр. дѣлъ.

Федоровъ убѣждалъ меня поступить на службу по полиціи, говоря, что я буду получать содержаніе далеко большее, чѣмъ то, которое я нынѣ получаю (я ему сказалъ, что нынѣ получаю); но я наотрѣзъ сказалъ, что не пойду въ полицейскую службу, такъ какъ въ этой службѣ я немало понесъ оскорбленій, совѣтами же всегда готовъ служить. Говорилъ я ему также и о томъ, чтобы онъ употребилъ свое вліяніе на болѣе сильный надзоръ за прусскою границею, гдѣ, по моему мнѣнію, несравненно болѣе проходятъ, чѣмъ черезъ австрійскую границу; на румынскую и турецкую границы тоже обращалъ его особенное вниманіе. Равно сказалъ, что сами по себѣ наши революціонеры ничего не сдѣлаютъ, не имѣя поддержки изъ бель-этажей, а за сими послѣдними куда какъ слабъ надзоръ. Федоровъ, прощаясь съ нами, сердечно жалъ мнѣ руку и проводилъ насъ до самыхъ выходныхъ дверей и сказалъ, что онъ непремѣнно зайдетъ ко мнѣ и притомъ утромъ, такъ какъ лишь въ эту пору онъ найдетъ меня дома.

Отъ Федорова Левашевъ повезъ меня къ себѣ на квартиру, угощалъ меня чаемъ и ликеромъ и выслушалъ отъ меня такую фразу: «Вы мой злодѣй: снова втравили въ ненавистную для меня службу, при нашей правительственной неурядицѣ, со стороны многихъ служащихъ лицъ, а не со стороны закона».

Говоря о неспособности Фурсова и бывшаго градоначальника Федорова, Мих. Ив. Федоровъ разсказывалъ, что на масленицѣ этого года кухмистеръ, живущій на углу Бассейной и Знаменской улицы, придя къ мѣстному участковому приставу, заявилъ, что къ нему приходили трое сомнительныхъ молодыхъ людей и наняли на тотъ день всѣ залы его помѣщенія, сказавъ, что ужинать будетъ много лицъ, по крайней мѣрѣ 100. Приставъ, выслушалъ это, распорядился дать ему полицейскихъ для прислуги въ одеждѣ лакеевъ; кухмистеръ соглашается. Наступаетъ вечеръ, начали собираться; набралось болѣе 100 молодыхъ людей: штатскихъ, военныхъ и дамъ. Приставу сообщаютъ постепенно о ходѣ сборища; сообщаютъ, что нѣкоторая молодежь проситъ кухмистера дать особую комнату для разговоровъ и что таковая дана имъ въ квартирѣ кухмистера. За досчатою стѣной этой комнаты помѣщаются два полицейскіе, слышатъ, что кричатъ о необходимости убійства Царя и другихъ. Приставъ мчится къ Фурсову, такъ какъ градоначальникъ принималъ лишь въ указанные часы, и на пути заѣзжаетъ въ жандармскій дивизіонъ съ предупрежденіемъ о необходимости командировать поболѣе жандармовъ для ареста; но жандармскій начальникъ отказываетъ въ этомъ, говоря, что безъ бумаги градоначальника не можетъ этого

сдѣлать. Когда приставъ пріѣхалъ къ Фурсову, ему объявляютъ, что Фурсовъ очень занятъ, не можетъ его принять, и ¼ часа спустя хотя и принялъ, вслѣдствіе особаго настоянія, но съ гнѣвомъ говоритъ: «Что вы безпокоитесь? слѣдите и виновныхъ задержите». Когда же приставъ сказалъ, чтобы онъ, Фурсовъ, доложилъ градоначальнику о необходимости свиданія пристава съ нимъ, то Фурсовъ, разсердясь, пошелъ къ градоначальнику и, возвратясь, проговорилъ: «я вамъ говорилъ, что онъ очень занятъ, не можетъ васъ принять,—такъ и вышло: онъ приказалъ вамъ строго выслѣдить, гдѣ живутъ собравшіеся, и арестовать ихъ на мѣстахъ жительства. Въ помощь я вамъ дамъ двоихъ агентовъ». Поѣхалъ приставъ, понуривъ голову, и, конечно, при всемъ желаніи никакъ не могъ исполнить даннаго ему приказанія: арестовалъ нѣсколькихъ, но далеко не всѣхъ. А между тѣмъ тутъ какъ разъ и были всѣ главные заправилы революціоннаго заговора...

14 октября 1881 г. Въ 2 часа ночи пришелъ Сергѣй [1]); я проснулся. Сергѣй давай меня разспрашивать, гдѣ я былъ, и, узнавъ о приглашеніи меня въ охрану, сказалъ, что это хорошо, что теперь многихъ вербуютъ, что всѣ офицеры Семеновскаго полка вписались въ члены охраны, что многіе изъ аристократовъ тоже туда записались, что Алекс. Алекс. Базилевскій [2]) тоже членъ и по дѣламъ охраны вполнѣ секретно поѣхалъ въ Ниццу, Римъ и Неаполь на счетъ суммъ охраны. Разсказываютъ, что члены охраны—изъ аристократовъ, преимущественно изъ такихъ, которые обѣднѣли и тянутъ большія суммы изъ охранной казны на поѣздки за границу, повидимому безполезныя, такъ какъ они ловятъ такихъ лицъ, ими подозрѣваемыхъ въ неблагонадежности, которыя состоятъ членами охраны. Татищева тоже просили въ охрану, но онъ отъ этого отказался. По слухамъ, капиталъ охраны состоитъ изъ 3 милліоновъ рублей, къ нимъ причислены тѣ 20 милліоновъ, которые оказались излишними по Министерству Двора. Въ числѣ членовъ охраны есть такіе, которые поклялись розыскать революціонеровъ князя Кропоткина[3]), Гартмана[4]) и убить ихъ. По мнѣнію Сергѣя, я

---

[1]) С. Елеаз. Смѣльскій, двоюродный братъ автора дневника; въ то время—полковникъ, состоялъ при начальникѣ главнаго штаба.

[2]) Состоялъ въ родствѣ со Смѣльскимъ.

[3]) Петръ Алексѣев. Послѣ побѣга за-границу (въ 1876 г.) авторъ дневника былъ командированъ въ Пруссію для розыска его.

[4]) Левъ Ник., бѣжавшій за границу послѣ покушенія на цареубійство, 19 ноября 1879 г., на 3-ьей верстѣ Московско-Курской жел. дор. Арестованный французскимъ правительствомъ въ Парижѣ 23 янв. (4 февр.) 1880 г., онъ получилъ затѣмъ, стараніями П. Л. Лаврова, дозволеніе выѣхать изъ предѣловъ третьей республики.

напрасно не подписалъ всей подписки, предложенной мнѣ Федоровымъ, и что онъ, Сергѣй, находитъ, что выборъ меня въ члены вполнѣ основательный, что я не буду такимъ безполезнымъ членомъ, какъ нѣкоторые. По слухамъ, дѣла охраны ведутся неумѣло, трата денегъ идетъ непомѣрная, а проку отъ этого нѣтъ, за границей же смотрятъ на членовъ, какъ на бывшихъ опричниковъ Іоанна Грознаго.

20 октября 1881 г. Усѣвшись бриться, слышу звонокъ, входъ кого-то и слова: «Дома полковникъ?»—«Дома».—«Доложите: сенаторъ Шмидтъ» [1]). Слыша это и понявъ, кто это и зачѣмъ пришелъ, тороплюсь бриться, дивлюсь приходу его, полагаю, что это результатъ свиданія моего съ М. И. Федоровымъ. Кое-какъ окончилъ бритье, иду къ нему кое-какъ одѣтый (въ ночной рубашкѣ и грязноватомъ кителѣ)—некогда было переодѣваться, не хотѣлъ его задерживать. Войдя въ столовую, онъ, подходя ко мнѣ франтомъ (въ сюртукѣ), началъ: «Вы узнаете меня, давно вамъ знакомаго?»—«Узнаю», отвѣтилъ я. Прошу его садиться, извиняюсь что по тѣснотѣ квартиры мнѣ нѣтъ возможности дать ему болѣе лучшее, болѣе удобное мѣсто. Послѣ нѣкоторой паузы и общихъ разговоровъ Шмидтъ проговорилъ: «Я къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою».—«Готовъ служить вамъ, чѣмъ могу», сказалъ я.—«Вамъ не безызвѣстно, конечно, что существуетъ учрежденіе, хотя и не легальное, но на твердой почвѣ, по охранѣ Государя Императора»?—«Слышалъ объ этомъ», отвѣтилъ я.—«Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ, какъ члену этого общества, быть съ вами откровеннымъ по дѣламъ этого общества, но съ тѣмъ, что все, вами отъ меня слышанное, остается между нами въ секретѣ. Въ нашемъ обществѣ все люди высшаго круга, есть агенты, но они наемные. Мы дѣйствуемъ вовсе не такъ, какъ быть можетъ дошли до васъ слухи, т.-е. зубъ за зубъ, вѣрнѣе—кровь за кровь, за кинжалъ кинжалъ. Если были голоса двухъ-трехъ объ этомъ, то они не приняты нашимъ обществомъ. Напротивъ, мы дѣйствуемъ, примѣняясь къ закону: лишь выслѣживаемъ нарушителей общаго спокойствія, злодѣевъ политическихъ; мы ихъ и не задерживаемъ, а даемъ лишь возможность, пособіе къ розыску, открытію и поимкѣ ихъ правительственными офиціальными лицами. Ведемъ дѣла вполнѣ секретно. Охрана введена не во всей Россіи,—лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ ея и подраздѣлена на округа. Петербургъ съ прилегающими къ нему нѣкоторыми губерніями ввѣренъ особому округу, которымъ вѣдаетъ Деми-

---

[1]) Никита Кондр.; въ 1880 году былъ управляющимъ III Отдѣленіемъ.

довъ Санъ-Донато [1]), и товарищемъ у него Безобразовъ[2]), кавалергардтъ, и вотъ къ Демидову-то я и просилъ бы васъ поступить въ помощники, въ главнаго руководителя, съ оставленіемъ Безобразова или безъ него, какъ вы пожелаете. Безобразовъ (сынъ бывшаго предводителя дворянства), хотя и молодъ, но умный и уже свыкся, приноровился къ подобнымъ занятіямъ. Согласитесь на предлагаемыя вамъ занятія. Еще лѣтомъ вы мною и другими высшими лицами были намѣчены на эту должность хотя и частную, но хорошо оплатную и извѣстную Императору. Демидовъ очень желаетъ быть съ вами; онъ не разъ просилъ меня побывать у васъ, и вотъ поэтому я и рѣшился пріѣхать къ вамъ сегодня. Намъ извѣстно, что лѣтомъ вы были заняты Красносельскимъ госпиталемъ, а теперь съ наступленіемъ зимы, какъ мнѣ кажется, у васъ уже нѣтъ особыхъ занятій. Поработайте у насъ хотя до весны, въ то время, когда Императоръ будетъ жить здѣсь въ Петербургѣ». Говорилъ и еще что-то лестное для меня, но я уже забылъ. Въ отвѣтъ на это я сказалъ: «Мнѣ тяжко припомнить все то, что я перенесъ отъ предмѣстника вашего по управленію III отдѣленіемъ, г. Шульца, я оскорбленъ III отдѣленіемъ: за добросовѣстные труды я не благодарность, а чуть не выговоры получилъ. Сенаторъ Фуксъ, тоже когда-то просившій меня помогать ему въ политическихъ дѣлахъ, тоже подъ вліяніемъ Шульца протестовалъ противу моихъ легальныхъ дѣйствій и потому, когда мнѣ привелось отъ генерала Федорова, не такъ давно, слышать приглашеніе на службу по этимъ дѣламъ, то я напрямикъ отказался отъ этого: я не могу служить при неправильномъ, несправедливомъ взглядѣ лицъ, стоящихъ во главѣ подобныхъ учрежденій. Я не могу ставить всякую лыку въ вину и не могу различать виновность по степени положенія обвиненнаго. Если вашъ Шульцъ виновенъ, то и онъ долженъ подвергнуться той же отвѣтственности, коей за подобные преступленія или проступки подвергаются прочія лица изъ какого бы то ни было сословія. Только правдивость и можетъ служить къ искорененію зла и къ водворенію порядка. Тѣмъ не менѣе, въ виду личнаго вашего ко мнѣ пріѣзда, т.-е. лица, управлявшаго столь важнымъ отдѣленіемъ, я готовъ идти на службу къ вамъ, на совершенно частномъ правѣ, и окончательное слово по этому дѣлу могу дать только тогда, когда начальникъ мой, генералъ-адъютантъ Розенбахъ[3]), не бу-

[1]) Князь Пав. Павл., одинъ изъ учредителей Свящ. Дружины; въ то время состоялъ при министрѣ внутр. дѣлъ.

[2]) Ал-дръ Мих.; впослѣдствіи завѣдывалъ хозяйствомъ императорской охоты.

[3]) Ник. Отт., въ то время начальникъ штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа; впослѣдствіи—Туркестанскій генералъ-губернаторъ.

детъ противу этого, не скажетъ, что этимъ я буду отклоняться отъ прямой служебной моей обязанности, не смѣститъ меня съ настоящей моей должности и не лишитъ меня права, дарованнаго мнѣ покойнымъ Императоромъ по ходатайству гр. Гейдена[1]), состоять при штабѣ округа, съ сохраненіемъ жалованія и квартирныхъ по чину, иначе мнѣ будетъ тяжко содержать мою семью, сына и дочь. Объясняться лично объ этомъ дѣлѣ съ Розенбахомъ или генераломъ Бобриковымъ[2]) я тоже не могу: они такъ внимательны, добры ко мнѣ, что ни за что не рѣшусь говорить съ ними объ этомъ. Они знаютъ, что я получаю скудное содержаніе, и для того, чтобы хотя чѣмъ нибудь увеличивать оное, даютъ мнѣ командировки, съ выдачею подъемныхъ денегъ, какъ это и нынѣ ими сдѣлано: я на-дняхъ ѣду въ Петрозаводскъ и Архангельскъ временнымъ членомъ временнаго суда, учреждаемаго въ означенныхъ городахъ».— «Да развѣ нельзя отклонить эту командировку? сказалъ Шмидтъ. Вы ничего не потеряете у насъ; вы больше получите, чѣмъ тѣ подъемныя, которыя вамъ дадутъ за командировку въ Архангельскъ. Позвольте, я переговорю съ Розенбахомъ».—«Согласенъ, но только такъ, чтобы не поставить генерала Розенбаха въ такое положеніе, чтобы онъ вынужденно согласился на отмѣну командированія меня и на разрѣшеніе заниматься у васъ»—«Конечно—сказалъ Шмидтъ,—иначе я не рѣшился бы входить съ нимъ въ подобные разговоры; я хоть и товарищъ съ нимъ по выпуску изъ школы подпрапорщиковъ, но лично не буду толковать съ нимъ объ этомъ, и попрошу другое, болѣе близкое къ нему лицо».—«Все это такъ,— проговорилъ я,—но не черезчуръ ли вы много разсчитываете на мою практичность? я радъ вамъ честно помогать, но, пожалуйста, не думайте, что я уже какой-либо особый дѣлецъ, экспертъ въ подобныхъ дѣлахъ. Вѣдь вы хотите возложить на меня громадное дѣло, отвѣтственное совѣстью».—«Не я одинъ, а многіе,— сказалъ онъ,—знаютъ ваши способности, практичность, и я увѣренъ, что вы принесете большую пользу вашими знаніями, опытностью, умомъ. Итакъ позвольте мнѣ начать хлопотать объ васъ; сегодня же я побываю у нѣкоторыхъ лицъ и для полученія отвѣта прошу васъ пожаловать ко мнѣ послѣ завтра, въ Ивановскую улицу, въ домъ № 2, къ 10 часамъ».

По уходѣ Шмидта я возблагодарилъ Господа Создателя за все, мнѣ ниспосылаемое, и просилъ Создателя ниспослать мнѣ силу

---

[1]) Ѳед Логг., бывшій начальникъ главн. штаба, а затѣмъ Финляндскій генералъ-губернаторъ.

[2]) Ник. Ив., въ то время—помощникъ начальника штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа; впослѣдствіи Финляндскій генералъ-губернаторъ.

и крѣпость къ честному выполненію предстоящихъ мнѣ обязанностей, если мнѣ придется вѣдаться съ ними. Шмидтъ просилъ меня сегодня же ѣхать съ нимъ на знакомство съ Демидовымъ, но я отклонилъ это, сказавъ: «чтоже мнѣ теперь знакомиться, когда еще ничего не знаю относительно взгляда Розенбаха на предстоящее мнѣ занятіе? Долго я не могъ успокоиться послѣ разговоровъ съ Шмидтомъ: меня душилъ какой-то кошмаръ.

21 октября 1881 г. Съ приходомъ Сергѣя [1]) пошли у насъ толки о разговорѣ моемъ со Шмидтомъ, и Сергѣй сказалъ, что, если я сочувствую идеѣ охраны, то можно поступить въ нее; что этимъ я не только ничего не потеряю, но могу многое выиграть; что мнѣ навѣрное дадутъ хорошее содержаніе. Когда же я сказалъ, что я буду лишь руководить дѣломъ, не принимая никаго личнаго участія, и буду протестовать противу всѣхъ незаконныхъ дѣйствій охраны, самопроизвола, то Сергѣй проговорилъ: «Ну, тогда ты долго тамъ не останешься».—«Тѣмъ лучше,—отвѣтилъ я. Я не сочувствую анархистамъ, но и не могу быть ни шпіономъ, ни клевретомъ, ни лицомъ, играющимъ закономъ въ видахъ личнаго денежнаго интереса».

22 октября 1881 г. Напившись чаю, въ новомъ сюртукѣ, при эполетахъ, пошелъ я къ Никитѣ Кондратьевичу Шмидту, который по моемъ приходѣ отрекомендовалъ меня бывшему у него въ то время кавалергардскаго полка штабсъ-ротмистру Безобразову, сказавъ, что это будущій товарищъ мой, что онъ принадлежитъ къ ихъ обществу. Повторяя все сказанное имъ мнѣ у меня и увѣряя, что никакихъ подлостей въ ихъ обществѣ не дѣлается и не дѣлалось, Шмидтъ сказалъ: «объ васъ пріятель Розенбаха хотѣлъ лично говорить съ нимъ, Розенбахомъ, и уже сказалъ, что Розенбахъ не только ничего не будетъ имѣть противу вступленія моего въ общество охраны, но даже будетъ радъ и оставитъ меня при нынѣшней моей должности». «Въ запискѣ къ Розенбаху,проговорилъ Шмидтъ, сказано, что общество проситъ его дозволить вступленіе мое въ общество, какъ лица, самому обществу крайне необходимаго, и что онъ, Розенбахъ, безъ всякаго моего почина отклонитъ командированіе мое въ Архангельскъ. Наше общество состоитъ изъ лицъ, добровольно и отъ убѣжденія зачислившихся въ собраты. При обществѣ имѣется агентура трехъ родовъ: физическая, въ составъ которой входятъ лица, находящіяся во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжаетъ Императоръ и его семейство, внутренняя, т.-е. входящая въ кругъ соціалистовъ революціонеровъ мнимо преданными имъ, и бригадная, изслѣ-

---

[1]) С. Елеаз. Смѣльскаго.

дывающая секретно повсемѣстно всѣ дѣянія революціонеровъ. Попечителемъ города Петербурга и его окрестностей состоитъ Демидовъ князь Санъ-Донато, помощникъ его штабъ-ротмистръ Безобразовъ; дѣлами попечительства начально занимался д. с. с. Путилинъ съ помощникомъ его Назаровымъ [1]), затѣмъ по уходѣ Путилина дѣлами вѣдалъ Назаровъ, а въ настоящее время лишь Безобразовъ». На спросъ, почему оставилъ Путилинъ свои обязанности, Шмидтъ сначала сказалъ, что Путилинъ оказался неумѣлымъ, а, потомъ, въ виду моего настоянія и намека, сознался, что Путилинъ лишь деньги загребалъ, Назаровъ же удаленъ, какъ и надо было ожидать, за непомѣрное хапанье общественныхъ денегъ.

Изъ словъ Шмидта такъ и видно, что дѣла ихъ общества плохи, а денегъ убили много совершенно безплодно. По словамъ Шмидта, дѣла и сборъ свѣдѣній за границею вѣдаются другимъ отдѣломъ, членами котораго состоятъ Демидовъ и Безобразовъ. На замѣчаніе мое, что посылка за границу лицъ для ловли и ареста тамъ анархистовъ чистѣйшая, безплодная трата денегъ, и когда я разсказалъ подробно объ охранѣ пограничною стражею границы и назвалъ эту стражу не полицейскою, а промышленною, Шмидтъ и Безобразовъ, слушая съ глубокимъ вниманіемъ и сочувственно сказанную мною рѣчь, довольно длинную, сказали мнѣ, что объ охранѣ границы уже началось дѣло, все, мною сказанное, весьма поучительно, но это не относится къ Демидовскому округу и въ недальнемъ будущемъ обсудится министромъ внутреннихъ дѣлъ, который энергиченъ и скоро преподастъ на сей предметъ болѣе точныя правила.

По выходѣ Шмидта изъ комнаты на нѣкоторое время Безобразовъ сказалъ мнѣ на мои разспросы, что нигилисты и анархисты сильно дѣйствуютъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ неизбѣжна какая-либо катастрофа,—словомъ, не угасли ихъ дѣянія, напротивъ, усиливаются и, чего добраго (такъ я думаю), на тѣ же суммы, на которыя содержится Демидовская охрана. Шмидтъ, снова возвратясь въ кабинетъ, сказалъ мнѣ: «Если не завтра, то въ субботу, Безобразовъ сообщитъ вамъ о Розенбаховскомъ взглядѣ. Я увѣренъ, что онъ съ охотою исполнитъ просьбу общества. Повторяю: вы не думайте, что наше общество, хотя и нелегальное и уже подвергавшееся не разъ посмѣянію прессою, поступаетъ противузаконно и тѣмъ болѣе самоправно. Я, какъ и вы, не изъ числа тѣхъ, чтобы подвергаться въ будущемъ посмѣянію исторіи. Исто-

---

[1]) Вас. Тм., состоялъ чиновникомъ для порученій при начальникѣ сыскной полиціи.

рія не будетъ имѣть малѣйшихъ поводовъ къ посрамленію дѣяній общества». Затѣмъ онъ мнѣ сказалъ, что уѣзжаетъ изъ Петербурга на 5 дней, что онъ увѣренъ въ окончательномъ полученіи моего согласія на вступленіе въ общество, что мнѣ дадутъ жалованье по 6 тысячъ руб. въ годъ и 1200 руб. на разъѣзды по Петербургу и пригородамъ, на прочія же поѣздки, за черту Петербурга и пригорода, будутъ мнѣ давать еще особыя деньги. «Вы,—сказалъ Шмидтъ,—человѣкъ образованный, умный, практическій (извините, что я такъ откровенно говорю), и потому ваше сомнѣніе въ возможности исполнить возлагаемое на васъ порученіе вы напрасно высказываете». При уходѣ спросилъ я было Безобразова, гдѣ онъ живетъ, а онъ на это отвѣтилъ: «Я самъ буду у васъ».

28 октября 1881 г. Приходилъ вѣстовой изъ гвардейскаго штаба и оставилъ мнѣ свидѣтельство на полученіе прогоновъ черезъ Петрозаводскъ въ Архангельскъ и обратно, и такъ какъ свидѣльство это подписано сегодня, то уже ясно, что что-то случилось относительно поступленія моего на службу въ охрану, чему я очень радъ. Вѣроятно, Розенбахъ не согласился на просьбу Шмидта, а, можетъ быть, Шмидтъ и Безобразовъ и сами отклонили сдѣланное ими мнѣ предложеніе. Имъ, вѣроятно, не понравилось, что не очень-то лестно отозвался о нѣмцахъ, назвавъ пограничныхъ пруссаковъ алчными до денегъ и готовыми все сдѣлать за деньги; равно не понравилось имъ и замѣчаніе мое, что поиски нашихъ революціонеровъ за границею напрасная мечта и непроизводительная трата денегъ. Когда я говорилъ о поискахъ за границею, то Безобразовъ кривилъ рожу, а относительно нѣмцевъ при моемъ уходѣ замѣтилъ: «Однако вы нелестно отзываетесь о нѣмцахъ. Я съ нѣмцами въ роднѣ». На это я сказалъ: «нѣмцы есть и у меня родные, да и я говорилъ то не про нашихъ, а про иностранныхъ нѣмцевъ». Мнѣ кажется, Безобразовъ, пользуясь отсутствіемъ Шмидта, самъ похлопоталъ, чтобы меня не допустили до управленія ихъ дѣлами. Безобразову, какъ мнѣ показалось, не понравилось и то, что я дурно отозвался о дѣяніяхъ Шульца, бывшаго управляющимъ III отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи. Богъ съ ними, съ этими 7 тысячами рублями! не нужны они мнѣ: они не чисты, такъ какъ, служа въ охранѣ, нельзя будетъ въ точности исполнять законъ,—не допустятъ до этого,—и, стало быть, будешь лишь скорбѣть и въ трудѣ.

31 октября 1881 г. ... Подошелъ ко мнѣ штабный адъютантъ ст. сов. Ченцовъ и сказалъ: «Сейчасъ я получилъ приказаніе сообщить вамъ, что вы не будете командированы въ Архангельскъ».—«Это почему?» сказалъ я.—«Развѣ вы (не знаете)?—сказалъ Ченцовъ. Васъ Воронцовъ-Дашковъ проситъ не откомандировы-

вать».—«Ну это жаль,—проговорилъ я. Мнѣ пріятнѣе въ Архангельскъ ѣхать, я хотѣлъ этого, и что нужно отъ меня Воронцову, я не понимаю». Нѣсколько спустя снова подходитъ ко мнѣ Ченцовъ и проситъ меня къ генералу Бобрикову. Иду. Бобриковъ весьма радушно меня встрѣтилъ и послѣ словъ объ отмѣнѣ командировки моей и, слыша отъ меня, что я недоволенъ ходатайствомъ за меня гр. Воронцова-Дашкова, проговорилъ: «Не бойтесь, вы справитесь; теперь критическая минута, всѣмъ надо идти; мы всѣ знаемъ вашу дѣятельность, вамъ будетъ хорошо. Я радъ, что выборъ палъ на васъ, а не на кого другого». Когда же я сказалъ, что стѣсняюсь предлагаемою мнѣ должностью и, наконецъ, что исторія впослѣдствіи скажетъ? Бобриковъ проговорилъ: «У васъ все будетъ хорошо; отъ должности вашей у насъ вы не отчислитесь, останетесь попрежнему нашимъ, и вамъ дадутъ хорошее жалованье». Взялъ меня за руку, пожалъ, и затѣмъ я разстался съ нимъ.

2 ноября 1881 г. Въ 11 часовъ пришелъ ко мнѣ кавалергардскаго полка штабсъ-ротмистръ Александръ Михайловичъ Безобразовъ. Онъ началъ съ того, что на дняхъ разрѣшится вопросъ, могу ли я участвовать въ ихъ обществѣ. Онъ сказалъ: «Одно изъ важныхъ лицъ (видимо, гр. Воронцовъ-Дашковъ), будучи заваленъ массою дѣлъ, не имѣлъ время для переговоровъ о Васъ въ теченіе всей прошлой недѣли, послѣ же онъ непремѣнно окончитъ это дѣло, хотя и безъ того можно сказать, что къ поступленію вашему къ намъ не можетъ быть никакого препятствія». Кто это важное лицо, Безобразовъ намѣренно укрылъ, полагая, что я не догадаюсь. Говоря о дѣяніяхъ Путилина, Назарова и Фурсова, Безобразовъ вполнѣ согласился съ моимъ мнѣніемъ и находилъ не только не полезными, но вредными людьми; о Назаровѣ онъ еще нѣсколько лучшаго мнѣнія, чѣмъ о Путилинѣ и въ особенности о Фурсовѣ. Поминалъ Безобразовъ о Младовскомъ[1]), сподвижникѣ Путилина, и находилъ его плутомъ изъ плутовъ. Вообще Безобразовъ, говоря объ агентурѣ, отозвался, что всѣ агенты плохи, слабѣе агентовъ нигилистовъ; что дѣла ихъ идутъ слабо; что нѣтъ людей, не изъ чего ихъ выбирать, и между тѣмъ гроза виситъ и должна скоро разрѣшиться. Безобразовъ ждетъ покушенія на жизнь Императора и горюетъ, что не имѣетъ силъ къ отклоненію столь тяжкаго удара для Россіи. Безобразовъ говоритъ недурно, очень нервный, до глубины души преданъ взятому имъ на себя дѣлу и дошелъ до такого положенія, что никому не вѣритъ. Онъ сказалъ: «Я даже шапкѣ своей не вѣрю». Я его успо-

[1]) Вѣроятно, Ник. Гавр. Молодовскій, бывшій чиновникомъ для порученій при начальникѣ сыскной полиціи.

канвалъ, говоря, что многое сообщается преувеличенно и что Россія еще жива и будетъ жить: еще не родился тотъ, который разрушитъ ее, еще есть здоровыя натуры, которыя не допустятъ распаденія ея. Есть и люди; напрасно говорятъ, что нѣтъ у насъ людей: они около насъ, но мы не умѣемъ оцѣнивать людей, мы еще громимъ всѣхъ и каждаго съ плеча, не допускаемъ, что могутъ быть люди изъ мелкоты, изъ народа, изъ служащей меньшей братіи. «Покамѣстъ,—сказалъ Безобразовъ,—я еще не знаю лучшихъ людей, кромѣ Никиты Кондратовича Шмидта. Это дѣйствительно честный, практическій, дѣловой человѣкъ». Говоря про Шульца, Безобразовъ сказалъ, что Шульцъ дѣйствительно былъ зловреденъ, и въ его управленіи служила одна изъ главныхъ революціонерокъ, П, и еще кто-то. «У насъ,—говорилъ онъ,—много было живыхъ дивныхъ созданій въ прошломъ царствованіи. Создатели ихъ были великіе люди, но всѣ ихъ затѣи не докончены какъ слѣдуетъ, окончены второпяхъ. Ихъ можно сравнить съ постройкою дивнаго зданія: архитекторъ прочно, основательно началъ и велъ ихъ, но подъ конецъ заторопился, и въ куполѣ, когда нужно его сводить, второпяхъ натыкалъ кирпичъ, когда надо было положить тамъ камень. Строеніе окончилось, вышло красивымъ, но изъ дыры, задѣланной кирпичемъ, стали вываливаться кирпичи, а затѣмъ разрушилось и самое строеніе. Въ такомъ видѣ были всѣ реформы прошлаго царствованія».

Смотря на дворъ дома, гдѣ я живу, Безобразовъ проговорилъ: «Однако, сколько тутъ шляющагося люда, и по одеждѣ и по пріемамъ, несомнѣнно, изъ нигилистовъ!»—«Вы не ошибаетесь,—сказалъ я. Я тоже замѣчаю, что вообще на нашей новой улицѣ масса нигилистовъ и прочаго ненадежнаго добра». — «Теперь, — продолжалъ онъ, — недовольство растетъ сильно, что дѣлать, что предпринять?»—«Поменьше,— проговорилъ я,—задаваться этою мыслью и слѣдить за нарушителями закона». Про Козлова (оберъ-полиціймейстера) Безобразовъ отзывается хорошо, но замѣтилъ, что Козловъ окруженъ не людьми, а сволочью; что полиція день-ото-дня ухудшается; полиціймейстеры лишь шикуютъ своею ѣздою, а толку нѣтъ отъ нихъ; въ адресно-паспортномъ отдѣленіи плутуютъ, грабятъ народъ бѣдный. Говорилъ также, что недавно у одного кухмистера былъ вечеръ, устроенный молодежью съ разрѣшенія полиціи и съ правомъ входа на вечеръ 4 агентовъ полиціи, и что же—агенты перепились и не только ничего не разузнали, но даже сами выгоняли полицейскихъ, говоря что они безъ ихъ приказа не въ правѣ входить на балъ. Безобразовъ много говорилъ, просидѣлъ у меня часа два и былъ удивленъ, когда я ему показалъ печатную па-

сквиль на князя Санъ-Донато, напечатанную въ фельстонѣ «Новаго Времени» отъ 25 октября[1]). Безобразовъ не зналъ объ этомъ, а между тѣмъ у него есть лицо, спеціально слѣдящее за газетами. Вотъ оно и видно, что лицо это плохо исполняетъ свою обязанность.

5 ноября 1881 г. Около 12 час. дня пришелъ ко мнѣ штабсъ-ротмистръ Безобразовъ и просилъ меня сегодня въ 8 часовъ вечера быть у князя Санъ-Донато. Безобразовъ сказалъ мнѣ, что Назаровъ еще есть въ ихъ компаніи и завѣдываетъ извѣстительнымъ отдѣломъ, что наблюдательный отрядъ, который, повидимому, хотятъ отдать въ мое распоряженіе, и въ которомъ бригадирами: Молотовъ, бывшій полицейскій чиновникъ и когда-то состоявшій подъ моимъ начальствомъ; Пахомовъ и еще какіе-то два; говорилъ, что князь Санъ-Донато плохой попечитель и руководитель и, вѣроятно, скоро будетъ удаленъ отъ этой должности, причемъ далъ намекъ, что онъ замѣнится Треповымъ. Заявилъ мнѣ, что мнѣ необходимо имѣть особую квартиру для моей канцеляріи и совершенно особую лично для меня и моей семьи и, когда я сказалъ, что нынѣшняя моя квартира въ неудобномъ пунктѣ и что, если придется ее бросить, то понадобится уплатить деньги мѣсяца за два излишнихъ,—Безобразовъ сказалъ: «ну, конечно, это пустяшный расходъ, на все это найдутся деньги». Говорилъ, что на содержаніе ихъ общества, по волѣ Государя, на этотъ годъ отпущенъ 1 милліонъ изъ числа тѣхъ милліоновъ, которые оказались при ревизіи суммъ министерства Двора, что въ расходахъ не встрѣтится недостачи въ деньгахъ. Спрашивалъ меня, какъ я понимаю генерала Мих. Ив. Федорова, и я ему сказалъ, что онъ большой игрокъ въ карты, любитъ выпить, жену имѣетъ польку, но самъ годенъ къ службѣ, и если что у него неладно, то это сынъ его, ... Безобразовъ какъ бы обрадовался такому выясненію моему и сказалъ, что сынъ Ф... дѣйствительно крайне дуренъ, а между тѣмъ совмѣстно съ отцомъ наблюдаетъ за тремя

---

[1]) Въ фельстонѣ Незнакомца «Недѣльные очерки и картинки» говорилось, между прочимъ, о Веселитскомъ—Божидоровичѣ, «который хотѣлъ вступить на престолъ гдѣ-то на Балканскомъ полуостровѣ и для этого переодѣлся въ особые штаны и куртку съ кинжалами, потомъ подружился съ почтеннымъ буржуа г. Демидовымъ, поднявшимъ гдѣ-то на дорогѣ княжество Санъ-Донато, много чудившимъ на своемъ вѣку и, наконецъ, (наконецъ ли?—сомнительно) выдумавшимъ издавать газету «Россія». Около этой «Россіи», пока она олицетворялась такимъ тузомъ, какъ князь Санъ-Донато, у котораго денегъ куры не клюютъ и который никакъ не сумѣетъ дать имъ такое направленіе, чтобъ блестѣть въ симпатичномъ ореолѣ, и вертѣлся г. Божидоровичъ. Но дѣло не сладилось; тогда онъ уѣхалъ въ Женеву и сталъ издавать журналъ не то соціалистическій, не то буржуазный!».

улицами и немало уже нагадилъ. Говорилъ, что дѣятельность охраны началась съ апрѣля нынѣшняго года, агентура учредилась съ конца іюля, что ихъ общество покамѣстъ еще ничего путнаго не сдѣлало, но тѣмъ не менѣе нигилисты, зная, что это общество день-ото-дня стало увеличиваться числомъ членовъ, стали побаиваться, усилили осторожность, знаютъ составъ общества, много пишутъ объ этомъ въ своихъ заграничныхъ изданіяхъ. По словамъ Безобразова, охрана еще не имѣетъ надлежащей организаціи и вотъ въ этомъ-то она и нуждается.

Безобразовъ просидѣлъ у меня до 2 часовъ, и, уходя, сказалъ: «у васъ всегда засидишься, много интересныхъ разговоровъ». Я высказалъ, что если охрана будетъ помощницею полиціи, то, быть можетъ, будетъ отъ нея толкъ, иначе она возстановитъ противу себя всѣхъ и вся. На это онъ сказалъ: «Вы вполнѣ вѣрно проводите идею. Полиція уже не разъ сѣтовала на агентовъ охраны. Козловъ не противъ охраны, такъ какъ изъ-за нея онъ получилъ должность оберъ-полицеймейстера, Плеве сильно протестуетъ противу охраны. Гр. Игнатьевъ[1]) также противу дѣйствій охраны». Безобразовъ, на мой спросъ, сказалъ, что Игнатьевъ по всей вѣроятности будетъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Про Баранова[2]) Безобразовъ сказалъ, что это болванъ, врунъ и очень запугивалъ Государя

Въ 7 часовъ, надѣвъ сюртукъ съ эполетами, отправился я къ князю Санъ-Донато... Къ князю пришелъ въ $7^3/_4$ часа, и швейцаръ его сказалъ: «Князь кушаютъ, нельзя докладывать». Это меня нѣсколько взорвало, и я проговорилъ: «Нельзя доложить, такъ скажи, что былъ полковникъ Смѣльскій, но потомъ, взглянувъ на часы (было безъ 10 минутъ восемь) и вспоминая слова швейцара, что обѣдъ минутъ черезъ 20 кончится, я проговорилъ: «Виноватъ! еще нѣтъ 8, а мнѣ сказано въ 8». Швейцаръ, услыхавъ, что «сказано пріѣхать», засуетился и пробормоталъ: «можно доложить», но я повернулся и пошелъ уходить. Швейцаръ, сбросивъ спѣсь, сталъ вѣжливо спрашивать: «изволите снова пожаловать?»—«Да, зайду»—отвѣтилъ я и пошелъ блуждать подъ дождемъ. Ходилъ минутъ 20 и, снова придя, усыхалъ отъ швейцара, что сейчасъ обѣдъ кончится; пригласилъ меня снять пальто и крикнулъ разукрашенной эксельбантами челяди доложить князю по окончаніи обѣда: «Полковникъ Смѣльскій пожаловалъ». Минуты три я былъ на лѣстницѣ, бархатнымъ ковромъ во всю ширину покрытой. Заслышался топотъ нѣсколькихъ людей, и

---

[1]) Ник. Павл., въ то время (съ мая 1881 г. по 30 мая 1882 г.)—министръ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Бывшій градоначальникъ.

эксельбанты—хамскіе, одинъ за другимъ, стали приглашать меня наверхъ, и одинъ изъ нихъ, идя впереди меня, провелъ меня черезъ нѣсколько парадно и старинно отдѣланныхъ комнатъ въ кабинетѣ князя, гдѣ увидалъ я А. М. Безобразова, и у письменнаго стола, большого, съ массою ящиковъ, стоящаго посреди очень большой мрачной комнаты, со стула встала фигура довольно молодая, съ невзрачною и неумною физіономіею,—это былъ Демидовъ, которому началъ было Безобразовъ рекомендовать меня, но князь самъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и проговорилъ: «Очень радъ знакомству съ вами и надѣюсь, что вы надолго не оставите насъ въ нашемъ дѣлѣ. Прошу васъ руководить нами». Въ отвѣтъ на это я сказалъ: «готовъ служить, насколько могу». Усадивъ меня въ кресло, предложилъ папиросу, началъ было бесѣдовать со мною, но помѣшалъ лакей, поднесшій ему на блюдѣ три письма. Князь принялъ, лакей ушелъ, и Демидовъ, начиная вскрывать письма, проговорилъ: «это, вѣроятно, извѣщенія; я часто ихъ получаю, ежедневно». Вскрывъ одно письмо и мелькомъ пробѣжавъ его (печатное) и отдавая его Безобразову, проговорилъ: «Это отъ такого-то (фамилію я забылъ). Прочтите, что онъ пишетъ». Другое письмо оказалось съ фотографическою карточкою Ткачева[1]) и его жены. Карточку эту посмотрѣлъ и на спросъ Демидова сказалъ, что это копія съ фотографіи, и портретъ, сколько припоминаю, кажется похожъ».

Демидовъ, куря сигару, сталъ просить меня указать, что и какъ надо дѣлать. «Мы новички, — сказалъ онъ, — готовы все дѣлать съ полнымъ усердіемъ; научите насъ, вы практикъ, знающій дѣло».—«Не считайте меня,—проговорилъ я,—такимъ практическимъ; не знаю, кто рекомендовалъ меня, и не добиваюсь этого; я очень благодаренъ тѣмъ, кто считаетъ меня такимъ опытнымъ, но я далекъ отъ этой мысли и не считаю себя столь опытнымъ. Я готовъ всею душою помогать вамъ; но тѣмъ не менѣе ничего посовѣтовать вамъ не могу, не знаю, въ чемъ заключается ваше дѣло и что у васъ есть».—«У насъ,—сказалъ Демидовъ,—ничего нѣтъ. Былъ Путилинъ, разговаривалъ много, но ничего путнаго нѣтъ какъ нѣтъ. Что же касается того, что есть, то, Александръ Михайловичъ, будьте добры, разскажите». Безобразовъ повторилъ мнѣ то же, что сегодня мнѣ разсказывалъ. На это я сказалъ, что этого всего мало, и персоналъ агентуры очень малъ. «Вотъ оно»,—сказалъ Демидовъ,—«я тоже говорилъ это». Тутъ я напомнилъ имъ, что Наполеонъ взошелъ

---

[2]) Петръ Никит., «нечаевецъ». Въ 1873 г. совершилъ побѣгъ изъ Великихъ Лукъ и умеръ въ Парижѣ 25 дек. 1886 г.

на престолъ дѣйствіями полиціи, царствовалъ бы еще долѣе изъ-за полиціи, если бы не Седанскій погромъ, не при такой, а при огромнѣйшей полиціи. Потсдамъ, крошка, охраняется теперь не 30—40 полицейскими, а 600! Что могутъ сдѣлать 4 бригадира въ Петербургѣ съ его огромными пригородами? Тутъ не 4, не 8, а больше нужно.—«Такъ, такъ,—заговорилъ Демидовъ.—Не 12, не правда ли?» Сказалъ, что теперь необходимо навести панику на революціонеровъ, и это легко: стоитъ только одной изъ редакцій предложить напечатать о томъ, что до ея свѣдѣнія дошли слухи, что нѣкоторые изъ революціонеровъ сами стали отдаваться правительству и что это отрадное явленіе даетъ возможность приняться правительству теперь же за введеніе разныхъ реформъ. Напечатай объ этомъ лишь одна газета, и пойдетъ пресса на всѣ лады писать подъ тотъ же камертонъ, и тѣмъ довести революціонеровъ до паники, а тогда полиція лишь не зѣвай.

Проектъ этотъ очень понравился Демидову; онъ съ радостною улыбкою взглянулъ на Безобразова и сказалъ: «это хорошо, правильно». На замѣчаніе же мое, что всѣ редакторы чего не напечатаютъ за деньги, и въ особенности мелкихъ газетъ, Демидовъ проговорилъ: «это совершенная правда». Демидовъ охотно слушалъ меня и при этомъ сталъ просить меня указать день для болѣе продолжительной бесѣды со мною, такъ какъ сегодня онъ былъ занятъ съ 8 утра до 6 вечера и очень усталъ нравственно и нуждается въ развлеченіи. По соглашенію съ нимъ, рѣшили поговорить съ нимъ завтра между 3 и 6 часами дня. Демидовъ, повидимому, во всемъ соглашается со мною, и я на него произвелъ отрезвляющее дѣйствіе; онъ упрашивалъ меня учить его; что ничего не пожалѣетъ для устройства организаціи по моему плану, и при этомъ выразилъ, что ему извѣстна моя дѣятельность, а также и то, что я уже давно бросилъ подобныя дѣла. При уходѣ моемъ съ Безобразовымъ Демидовъ провожалъ насъ черезъ всѣ комнаты до выхода. Идя съ Безобразовымъ, онъ мнѣ передалъ, что Шмидтъ проситъ меня завтра утромъ побывать у него, такъ какъ онъ хочетъ включить меня въ свой кружокъ 5 братій и скажетъ мнѣ, гдѣ и какъ нанять мнѣ квартиру. Безобразовъ завтра вечеромъ, начиная съ 7 час. вечера, будетъ принимать у себя доклады отъ бригадныхъ и просилъ меня присутствовать при докладахъ, дабы посвятить меня въ дѣятельность организаціи.

Разставшись съ нимъ, пошелъ я домой и, раздумывая все мною слышанное, пришелъ къ заключенію, что все это ерунда безполезная: не проще ли занятія эти, т.-е. секретныхъ агентовъ, если не всѣхъ, то половину, отдать въ распоряженіе участковыхъ приста-

вовъ, которые, какъ легальные, скорѣе извлекутъ изъ нихъ пользу, а своихъ средствъ на содержаніе агентовъ не имѣютъ. Нельзя учреждать полицію надъ полиціею: опять будетъ тотъ же антагонизмъ, какой былъ при существованіи зловреднаго III отдѣленія, ненавистнаго для всего народа, а что тягостно, отвратительно для народа, то и не должно быть, такъ какъ безъ содѣйствія народа ни до чего не добьется никакая охрана, да къ тому еще изъ аристократовъ. Демидовъ сознался мнѣ, что у него есть человѣкъ 8 агентовъ, не только ничего не дѣлающихъ, кромѣ вреда, но еще и требующихъ отъ него денегъ, и онъ имъ даетъ, лишь бы они не болтали въ народѣ о дѣяніяхъ охраны. Точно деньги замазываютъ имъ ротъ! Давай имъ деньги иль не давай,—все то же; если они ранѣе болтали, то уже ничѣмъ не укротишь. Слыша это, Демидовъ сказалъ: «Вы совершенно правы; я прекращу выдачу имъ денегъ и выгоню вовсе отъ себя». Какъ бы только мнѣ избавиться отъ этихъ безобразничествъ? Я скажу завтра Шмидту, что совѣты я готовъ давать и болѣе ничего. Охранять Государя я готовъ, но завѣдывать организаціей нахожу гнуснымъ для себя, такъ какъ тутъ ничего нѣтъ честнаго, такъ какъ всѣ тайные агенты преимущественно подлецы, выдумщики для эксплуатаціи денегъ, благо ихъ много.

6 ноября 1881 г. Шмидтъ принялъ меня радушно и высказалъ, что онъ будетъ радъ, если я вступлю въ его пятерку, что объ этомъ онъ уже сообщилъ высшей инстанціи, назвавъ ее «верхъ», безъ поясненія, что это за «верхъ». Онъ сказалъ, что я даже буду членомъ совѣщательнаго присутствія по охраненію особы Его Величества. При этомъ далъ мнѣ проектъ присяги и инструкцію [1]), установленную для Священной Дружины, въ члены которой меня принимаютъ. Я было началъ высказывать свое мнѣніе о томъ, что мало бригадировъ и агентовъ; но онъ перебилъ меня и сказалъ: «это вы говорите оттого, что еще не вполнѣ знакомы съ устройствомъ организаціи. Не весь городъ относится къ вѣдѣнію бригадировъ: 7 главныхъ улицъ охраняются особою организаціею; стало быть, бригадиры лишь для прочихъ частей города». Присяга, ужасная: даже дѣти и жены присягающихъ поименованы въ ней! Ну, къ чему это? При чемъ тутъ жены и особенно малютки? Это уже мусировка,—явно, не по сердцу для многихъ. Это какой-то іезуитизмъ. А пунктъ о томъ, что лица, провинившіяся противу этой присяги, должны быть казнены властію представителей охраны, до того безбоженъ, что, по словамъ Шмидта, уже исключенъ изъ инструкціи. Если нужно охранять Госу-

---

[1]) См. ниже, подъ этимъ же числомъ.

даря, что, конечно, необходимо, дабы не допустить Россію до паденія, то § этотъ смысла не имѣетъ, такъ какъ я полагаю, что никто изъ членовъ охраны и не рѣшится быть шпіономъ: охранять и быть шпіономъ—двѣ несогласимыя идеи. Да и что такое охрана? Она ни въ какомъ случаѣ не должна быть болѣе того, какъ помощницею полиціи, а не дѣйствующимъ учрежденіемъ самостоятельно. Вводить антогонизмъ между полиціею и охраною, да еще въ въ такое критическое время, болѣе чѣмъ зловредно. Императора надо сохранить и установить порядокъ, нарушенный революціонерами, необходимо и для того, чтобы дать возможность правительству провести всѣ требуемыя народомъ реформы къ улучшенію быта, что, конечно, немыслимо дѣлать теперь, когда есть зачастую совершенно безсмысленное дѣяніе революціонеровъ. Силою ничего не достигается, и подобная борьба не приноситъ добра,—напротивъ, тормозитъ дѣло. Я высказалъ ему свое мнѣніе о необходимости отпечатанія въ одной изъ газетъ о томъ, что нѣкоторые революціонеры стали сами отдаваться въ руки правительства и что это отрадное явленіе успокаиваетъ правительство, и оно уже приступило къ введенію реформъ, необходимыхъ къ улучшенію народнаго быта. Я говорилъ, что этою мѣрою, которая несомнѣнно будетъ во всѣхъ газетахъ разъясняема на разные лады на пользу правительства, принесетъ благодѣльные плоды, пошатнетъ революціонеровъ, заставитъ пріостановиться своими дѣйствіями, и если, въ продолженіе ихъ застоя, они и народъ увидятъ, что дѣйствительно начали вводиться то та, то другая благотворная реформа, то на столько улягутся страсти революціонеровъ, что они, если не совсѣмъ, то лишь ничтожною частью будутъ продолжать агитацію, безвредную для жизни монарха.

Шмидтъ внимательно слушалъ эту замѣтку и выразилъ одобреніе ея. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что революціонеры, фракціи террористовъ и умѣренныхъ, не желающихъ крови, нынѣ слились въ одну фракцію террористовъ и что въ составѣ ея преимущественно люди изъ интеллегенціи, и община эта здѣсь въ Петербургѣ очень значительна. Что въ весьма скоромъ времени прибудетъ въ Петербургъ изъ-за границы не малое число отважныхъ террористовъ, что покушеніе на жизнь Императора затѣвается въ большомъ размѣрѣ, и что нѣкоторые изъ террористовъ хотятъ совершить это въ день предстоящей коронаціи. Словомъ, грозитъ Россіи опасность, и изъ-за чего?—Изъ-за неумѣлости и подлости многихъ служащихъ, обкрадывающихъ казну и препятствующихъ правильному ходу народной жизни. Если уничтожено рабство, помѣще-

чество, то уже немыслимо одному остаться на правахъ помѣщика: необходимо было, нѣсколько спустя по изданіи указа объ уничтоженіи крѣпостного права, объявить о конституціи. Была еще пора на объявленіе конституціи послѣ злодѣйскаго покушенія и въ день вступленія на престолъ Александра III, но и ее обошли. Что то теперь будетъ, одному Богу извѣстно...

Въ 7 часовъ поѣхалъ къ Безобразову. У него уже были собравшимися бригадиры. Съ моимъ приходомъ они начали каждый отдѣльно дѣлать доклады о всемъ, сдѣланномъ имъ и ихъ агентами. Бригадиръ II участка П... мужчина здоровый, съ плутоватыми глазами. Ему Безобразовъ предложилъ доложить о всемъ, сдѣланномъ по его участку со дня начатія имъ дѣйствій. Началось чтеніе какихъ-то записокъ съ изложеніемъ въ нихъ какихъ-то несвязныхъ, мало понятныхъ свѣдѣній о томъ, что такой-то подозрительный былъ тамъ-то, живетъ тутъ-то, занимается чтеніемъ революціонныхъ книгъ и брошюръ, говоритъ противу правительства. И все-то въ родѣ этого. Когда бригадиръ ушелъ, то я спросилъ Безобразова: «Къ чему все это и куда отправляется?» «Это собираніе, намѣчиваніе лицъ неблагонадежныхъ, и когда свѣдѣнія эти провѣряются, то они сообщаются въ верхъ, который и рѣшаетъ, сообщить ли ихъ полиціи или нѣтъ».—«Не полагаю, чтобы это было полезно,—сказалъ я,—Что можно ожидать отъ этихъ свѣдѣній, когда агентъ, имѣя участокъ съ 50-тысячнымъ населеніемъ, съ массою домовъ, расположенныхъ въ одномъ, въ двухъ и болѣе полицейскихъ участкахъ, можетъ сдѣлать? Если онъ будетъ слѣдить лишь только за тѣми немногими, которыхъ онъ знаетъ, какъ неблагонадежныхъ, то и тутъ онъ мало что будетъ узнавать объ нихъ: гдѣ ему обойти весь участокъ? Это внѣ силъ человѣческихъ, и тутъ еще, по вашему объясненію, онъ не имѣетъ права знать прочихъ агентовъ своей бригады, стало быть не будетъ имѣть никакой общности въ дѣйствіяхъ по наблюденію. Вы даже воспрещаете знакомство бригадира съ агентами другой бригады въ тѣхъ видахъ, что они, по вашему распоряженію, провѣряютъ одинъ другого. Какъ не быть знакомымъ одному агенту съ другимъ, когда они изъ одного гнѣзда взяты,—изъ числа бывшихъ агентовъ секретнаго отдѣленія городской полиціи или изъ упраздненнаго III отдѣленія? Если они говорятъ, что незнакомы, то это ложь, лишь бы изъ-за этого не быть удаленными изъ агентуры. Нѣтъ, этотъ порядокъ безполезенъ, дорого стоитъ и непроизводителенъ».

По уходѣ П. пришелъ другой бригадиръ, Д., очень бойкій, смышленый; потомъ П., бывшій агентъ III отдѣленія (Шмидта), и, наконецъ, явился четвертый бригадиръ, М..., давно знаемый

мною и служившій подъ моимъ начальствомъ. М. грубъ, малоразвитый человѣкъ. Всѣ эти трое дѣлали доклады совершенно въ такомъ же родѣ, какъ и П., т.-е. ровно ничего путнаго не объяснили и тоже имѣютъ агентовъ весьма понемногу. Ну, что толку въ этихъ субъектахъ, получающихъ (бригадиры) жалованье по 260 руб. въ мѣсяцъ? Вотъ поистинѣ безразсудная трата денегъ.

По уходѣ бригадировъ остался я бесѣдовать съ Безобразовымъ и сказалъ: если бригадиры говорятъ, что неоткуда имъ набрать агентовъ, стало быть, вы имъ должны указать лицъ. Но кого же вы настолько знаете, что можете рекомендовать въ агенты? Вы должны объ нихъ предварительно наводить справки въ полиціи, а между тѣмъ требуете, чтобы агенты не были извѣстны полиціи. Все это не прямо ли показываетъ несостоятельность организаціи агентовъ охраною, и что агенты должны быть избираемы и находиться при полиціи? Участковый приставъ съ своею наружною полиціею, при всемъ искреннемъ стараніи, въ невозможности наблюдать за тайными дѣйствіями населенія участка: для этого они должны имѣть особыхъ секретныхъ людей, т-е. агентовъ, а средства на ихъ содержаніе, на возблагодареніе лицъ, секретно сообщающихъ имъ свѣдѣнія о дѣяніяхъ революціонеровъ, не имѣютъ и не могутъ имѣть, такъ какъ правительство не въ силахъ удѣлять имъ на это денегъ. На свои средства личныя ни одинъ полицейскій тоже не можетъ содержать агентовъ, такъ какъ имѣетъ лишь ограниченное содержаніе; а между тѣмъ кому, какъ не мѣстной полиціи, знать, кто изъ жителей ихъ участкавъ и благонадежны и въ возможности сообщить имъ секретныя свѣдѣнія? Мало того, агенты охраны, получая содержаніе, почти равное участковому приставу или его помощнику, и состоя при высшихъ лицахъ, держатъ себя зачастую крайне дерзко относительно всѣхъ вообще чиновъ полиціи, считаютъ ихъ какъ бы подчиненными себѣ, задаютъ тонъ. Это самое возбуждаетъ противу нихъ негодованіе полиціи и не только нежеланіе помогать имъ, но еще и по возможности препятствовать ихъ всякаго рода розыскамъ. А будь они подчинены участку, имъ избираемы, и лишь относительно полученія содержанія въ зависимости отъ охраны, то это совершенно измѣнило бы ходъ ихъ дѣйствій, и они приносили бы несравненно больше пользы: не будетъ антагонизма между ними и полиціею, и, несомнѣнно, дѣло раскрытія дѣяній крамольниковъ шло бы несравненно лучше. По моему мнѣнію, при охранѣ должны состоять 10—15 агентовъ для особо важныхъ изслѣдованій и для немедленнаго пополненія убыли агентовъ изъ участковъ, а также и для наблюденія секретнаго за дѣйствіями агентовъ полиціи.

При разсказахъ Безобразова узналъ я, что при охранѣ имѣются

еще особые агенты: по литературной части Бороздинъ[1]), для особо важныхъ изслѣдованій Климовъ[2]), живущій нынѣ въ Гатчинѣ, и еще человѣкъ 6, находящіеся въ разныхъ командировкахъ и получающіе содержаніе ежемѣсячно отъ 100 до 300 рублей. Кромѣ того, есть человѣкъ 7 агентовъ завѣдомо зловредныхъ и получающихъ содержаніе лишь изъ-за того, чтобы не болтали въ публикѣ о дѣйствіяхъ охраны, а именно: Англинъ[3]), Вороновичъ[4]); прочихъ фамилій не знаю. Вотъ такъ диво! платить деньги, чтобы не болтали, точно этой мѣрою и въ самомъ дѣлѣ можно заставить ихъ молчать.

Безобразовъ, по его словамъ, завѣдуетъ нынѣ агентурами Петербурга и по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, кассою охраны, состоитъ членомъ исполнительнаго комитета и еще чѣмъ-то занимается, а между тѣмъ имѣетъ время и на прогулки и на долгое сидѣніе у меня и у другихъ лицъ. По-моему, онъ мало что можетъ сдѣлать при подобномъ положеніи. Занятія по организаціи онъ ведетъ въ своей квартирѣ, съ секретаремъ своимъ Цвѣтковымъ[5]) (бывшій чиновникъ III отдѣленія, я его не видѣлъ). Помѣщаться въ частной квартирѣ такому учрежденію, по-моему, болѣе чѣмъ несообразно. Безобразову такъ и хочется свалить свои обязанности по Петербургу на меня, но я сказалъ, что до пріисканія удобнаго помѣщенія для себя и особаго для канцеля-

---

[1]) О немъ см. ниже, подъ 30 ноября 1881 г.

[2]) П. Климовъ, редакторъ анархическо-террористической «Правды», издававшейся въ Женевѣ съ 8 авг. 1882 г. по 13 февр. 1883 г. (всего вышло 20 нумеровъ).

[3]) Англинъ былъ заграничнымъ агентомъ русской полиціи. О немъ газета «Правда», издававшаяся въ Женевѣ агентомъ Св. Дружины Климовымъ, сообщала (№ 4, 20 сент. 1888 г., «Русская полиція въ Парижѣ». Изъ «Intransigeant») слѣдующее: «Другой агентъ, Англинъ, также располагаетъ большими шансами сойтись съ личностями, за которыми порученъ ему надзоръ. Со своими изысканными манерами, природнымъ изяществомъ и большими знаніями, онъ легко можетъ обманывать довѣріе. Кто не былъ въ дружбѣ съ этимъ молодымъ ученымъ? Къ несчастію для Англина, «Фрицъ слесарь» призналъ его однажды на собраніи и въ присутствіи всѣхъ уличилъ въ предательствѣ русскихъ патріотовъ въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ. Однако, этотъ случай не сломилъ карьеры интереснаго шпіона. Онъ только перемѣнилъ службу. Лагранжъ употребляетъ его теперь для перевода всякихъ документовъ, писанныхъ по-русски, содержаніемъ которыхъ интересуется шефъ».

[4]) Вл. Кіевлянинъ, сынъ крупнаго домовладѣльца. Окончилъ курсъ Нѣжинскаго юридическаго лицея и служилъ нѣкоторое время судебнымъ слѣдователемъ. Скомпрометированный по одному дѣлу, ушелъ изъ судебнаго вѣдомства и поступилъ на службу въ департаментъ полиціи; исполнялъ обязанности агента политическаго сыска во Франціи и Швейцаріи, но вскорѣ былъ устраненъ отъ этой должности. Есть свѣдѣніе, что въ Св. Дружинѣ онъ былъ главою инспекціи, учрежденной на югѣ Россіи, съ центромъ въ Кіевѣ (*В. Я. Богучарскій*. «Изъ исторіи политической борьбы», 313—315).

[5]) Влад. Ник. Повидимому, онъ давалъ показанія на судѣ въ процессѣ 20 народовольцевъ въ 1882 г., какъ бывшій сослуживецъ Клѣточникова.

ріи я не могу приняться за дѣло. Безобразовъ, соглашаясь съ этимъ, сказалъ, что онъ отдастъ приказанія бригадирамъ разыскать для меня и канцеляріи удобныя помѣщенія невдалекѣ отъ квартиры Шмидта.

Между прочимъ, Безобразовъ разсказывалъ мнѣ, что агентъ Климовъ (бывшій исправникъ) былъ командированъ въ Парижъ и такъ ловко себя велъ, что близко познакомился съ бѣжавшимъ отъ насъ и живущимъ тамъ кн. Кропоткинымъ и даже сдружился съ нимъ. Кропоткинъ полюбилъ его. Климовъ разсказывалъ, что Кропоткинъ до-нельзя деспотично обходится съ нашими революціонерами, и, когда пришлось ему столкнутся съ нимъ, Климовымъ, то обошелся съ нимъ дерзковато, спросилъ, чего онъ живетъ въ Парижѣ, на что получилъ въ отвѣтъ: «Я бѣдный чиновникъ, изнылъ отъ преслѣдованія начальства и пріѣхалъ сюда пожить, отдохнуть, подышать свободою, чего лишены, всѣ русскіе у себя на родинѣ». Посыпались вопросы, къ какой фракціи онъ принадлежитъ, и Климовъ на нихъ отвѣтилъ: «Я двѣнадцать лѣтъ не былъ у священника,—почему я долженъ передъ вами исповѣдываться?» Этотъ отвѣтъ такъ понравился Кропоткину, что онъ схватилъ Климова за руку и полюбилъ его... Но что же изъ этого для правительства? Какая въ этомъ польза? А между тѣмъ, командировка Климова стоитъ большихъ денегъ и, пріѣхавъ оттуда, только и сообщилъ, что подружился съ Кропоткинымъ, что Кропоткинъ сильно негодуетъ на правительство. Свѣдѣнія Климова, по словамъ Безобразова, были провѣряемы особымъ агентомъ и оказались вполнѣ вѣрными. Стало быть, опять были брошены немалыя деньги и опять безплодно. Ну какая польза отъ этихъ временныхъ наблюденій...

Князь Санъ-Донато, между прочимъ, говорилъ мнѣ, что есть у него донесеніе о томъ, что между народомъ ходитъ молва, будто бы тѣнь покойнаго императора Александра II не разъ появлялась въ алтарѣ Казанскаго собора; Александръ II отворялъ царскія врата, усердно молился и невѣдомо куда исчезалъ; что басню эту распустили между народомъ соборные священники. Еще говорилъ Демидовъ, что Качка [1]), бывшая въ ссылкѣ въ Сибири, приходила къ нему подъ видомъ ходатайства объ опредѣленіи ея въ консерваторію, что онъ, не зная, что съ нею дѣлать, направилъ ее къ своей женѣ, сказавъ, что онъ, какъ вполнѣ частное лицо, ни въ чѣмъ не соприкасающееся къ администраціи, ничего не можетъ ей сдѣлать. Впослѣдствіи раскрылось, что она

---

[1]) Въ «Воспоминаніяхъ чайковца» С. С. Синегуба («Былое» 1906, VIII, 45) упоминается, въ числѣ петербургскихъ друзей- екатеринбуржцевъ «дѣвушка Качка».

была подослана для разузнанія его дѣйствій по охранѣ. Нынѣ эта Качка, по словамъ князя, въ Парижѣ

У Демидова я былъ сегодня отъ 3 до 5 час. дня. Онъ очень внимательно слушалъ мое мнѣніе о необходимости имѣть агентовъ охраны при полицейскихъ участкахъ, дабы избѣгнуть антагонизма, столь крайне вреднаго при нынѣшнемъ критическомъ положеніи дѣлъ по раскрытію затѣй крамольниковъ. Демидовъ совершенно солидаренъ со мною по этому вопросу и просилъ меня заготовить во вопросу этому краткую записку на 12 час. будущаго воскресенья. Демидовъ много разспрашивалъ о моемъ прошломъ служеніи, о поимкѣ 50 рубл. кред. билета[1]), Саблина и Морозова, о полученіи мною чуть не выговора за задержаніе Саблина и Морозова, о причинѣ поступленія моего къ Ѳ. Ѳ. Трепову, объ дѣйствіяхъ моихъ у Трепова и объ оставленіи мною службы у него вслѣдствіе бумаги Шульца и Фукса, объ отъѣздѣ моемъ на службу въ армію. Демидовъ все это слушалъ сердечно. Въ особенности его тронуло, когда я сказалъ: «Если мнѣ, вступя на службу по охранѣ, придется погибнуть, я вамъ отдаю моихъ дѣтей. Средствъ у меня мало; я не имѣю долговъ—это правда, изъ-за этого меня считаютъ лицомъ съ средствами».

Присяга братьевъ II отдѣла.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа, я (такой то), вступая отнынѣ въ С. Д., посвящаю себя всецѣло охранѣ Государя и искорененію крамолы, позорящей русское имя. Обязуюсь подчиняться моему старшему брату (такому-то) и собщать ему всѣ свѣдѣнія, относящіяся до революціонной организаціи и пропаганды, лично мною собранныя или сообщенныя мнѣ младшими моими братіями. Обязуюсь хранить въ тайнѣ и не разоблачать имени старшаго брата моего и всѣми силами содѣйствовать распространенію и преумноженію С. Д. послѣдовательнымъ рядомъ пятерокъ. За *мои и моей пятерки* [2]) дѣйствія я признаю себя отвѣтчикомъ предъ Богомъ и людьми. Въ случаѣ, если какое-нибудь распоряженіе, переданное мнѣ черезъ старшаго брата моего, идетъ вразрѣзъ съ велѣніями моей совѣсти, я обязуюсь чистосердечно

[1]) Съ фальшивыми кредитными билетами была задержана 10 іюня 1872 г. въ Вержболовѣ дворянка Жозефина Добровольская. Она везла билеты въ Вильно, по порученію кн. Маріи Огинской (прусской подданной, жившей ранѣе въ Вильнѣ), изъ Парижа. За производство разслѣдованія по этому дѣлу В. Н. Смѣльскій получилъ изъ министерства финансовъ 2000 руб. въ награду.

[2]) *Примѣчаніе автора дневника*: Это что за ахинея? Дивлюсь, кто только могъ составить такую срунду? Неужели Шмидтъ? Если онъ, то, вѣроятно, въ болѣзненномъ состояніи.

сознаться въ томъ старшему моему брату, который воленъ тогда отрѣшить меня отъ С. Д. Но и тогда все мнѣ извѣстное я сохраню въ полной и непроницаемой тайнѣ.

Въ чемъ клянусь на Пресвятомъ Крестѣ и Евангеліи, жизнью (или памятью) родителей, жены и дѣтей и собственною моею честью. Аминь.

«Настоящая присяга есть лишь подтвержденіе присяги, данной Государю Императору. Зачисляясь въ С. Д., вновь поступившій братъ становится въ ряды ближайшихъ и вѣрнѣйшихъ тѣлохранителей Государя, готовыхъ ежечасно жертвовать своею жизнью для безопасности Его Величества и на Благо Россіи».

Форма присяжной росписки для препровожденія въ складъ С(овѣта) П(ервыхъ) С(таршинъ):

«Присягу братьевъ II отд. я произнесъ въ присутствіи старшаго брата моего (имя, фамилія, адресъ)».

Подпись: Имя, фамилія, адресъ,
братъ (кличка, номеръ).

(На оборотѣ старшій братъ помѣщаетъ краткую характеристику вновь поступившаго: Умъ, воля, политическое убѣжденіе, лѣта, занятія, состояніе).

Извлеченіе изъ инструкціи С. Д. для II отдѣла [1]).

§ 1. *Цѣль* С. Д. ясно выражена въ присягѣ.

§ 2. *Главныя Основанія С. Д.*:

a) Существованіе и цѣль С. Д. есть тайна для всѣхъ, непринадлежащихъ къ ней.

b) Разоблаченіе этой тайны влечетъ за собою наказанія согласно § 7.

c) Братья, ни подъ какимъ видомъ, не должны знать другъ друга, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ § 3. п. c. f.

d) Необходимо полное и безпрекословное подчиненіе старшему брату и распоряженіямъ свыше *въ дѣлахъ, касающихся пользы С. Д.*

Примѣчаніе Въ случаѣ невозможности исполнить возложенное порученіе, вслѣдствіи служебныхъ и т. п. обязанностей, братья могутъ объ этомъ заявить своему старшему брату, который сообщитъ объ этомъ вверхъ.

---

[1]) Гектографированные листки, писанные, повидимому, А. М. Безобразовымъ.

§ 3. *Организація* С. Д.

a) Совѣтъ Первыхъ Старшинъ (С. П. С.) руководитъ всѣми дѣлами С. Д.

b) С. Д. состоитъ изъ двухъ отдѣловъ:

I Отдѣлъ имѣетъ спеціальное назначеніе и состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ С. П. С.

II Отдѣлъ состоитъ изъ послѣдовательнаго ряда развѣтвляющихся пятерокъ и имѣетъ назначеніе собирать свѣдѣнія о революціонной партіи въ Россіи, изслѣдовать (по мѣрѣ силъ и возможности) подробности этихъ свѣдѣній и сообщать ихъ вверхъ по линіи.

c) Члены пятерки знаютъ лишь своего старшаго брата, своихъ братьевъ сверстниковъ и младшихъ братьевъ своего развѣтвленія.

Примѣчаніе. Исключеніе составляютъ лишь тѣ случаи, когда братья разныхъ пятерокъ участвуютъ въ общемъ предпріятіи или, по распоряженію свыше, входятъ въ составъ одного изъ исполнительныхъ комитетовъ.

d) Всѣ свѣдѣнія и заявленія по разнымъ вопросамъ передаются вверхъ чрезъ старшихъ братьевъ. Въ случаѣ крайней спѣшности или перерыва линіи, эти свѣдѣнія доставляются на станцію С. Д. по порядку, изложенному въ слѣдующемъ пунктѣ.

e) Братья, живущіе внѣ мѣстопребыванія старшихъ своихъ братьевъ, посылаютъ свѣдѣнія и заявленія на станцію С. Д. по заранѣе опредѣленному адресу. Обязательно обозначить точный свой адресъ, число отправленія и подпись, т.-е. № и кличку. Секретныя части сообщеній должны быть шифрованы, для чего братьямъ выдается шифръ. Сообщенія помѣщаются въ двухъ конвертахъ: на наружномъ пишется адресъ станціи, на внутреннемъ С. П. С.

f) Въ случаѣ долговременной отлучки старшаго брата, на его мѣсто назначается одинъ изъ младшихъ братьевъ его пятерки, который долженъ быть утвержденъ начальникомъ кружка. Въ случаѣ же кратковременнаго отсутствія старшаго брата, младшіе его братья сносятся прямо съ С. П. С. чрезъ станцію, согласно пункта c.

h) Кандидаты утверждаются: въ С.-Петербургѣ С. П. С., въ провинціи начальниками мѣстныхъ кружковъ. Присяжные о (нихъ) списки посылаются вверхъ по линіи въ С. П. С. (по почтѣ—шифрованными, въ случаѣ нежданой оказіи—писаными).

g) Начальники мѣстныхъ кружковъ (внѣ Петербурга) рѣшаютъ вопросъ о какомъ-нибудь предпріятіи при содѣйствіи Кружковыхъ Совѣтовъ (К. С.), составленныхъ изъ младшихъ братьевъ ихъ пятерки.

i) Каждый братъ долженъ составить распоряженіе на случай своей смерти, чтобы ввѣренныя ему дѣла С. Д. не могли попасть въ постороннія руки.

§ 4. *Составъ С. Д.*

a) Братья дѣлятся на различныя степени. Всѣмъ имъ присваивается извѣстный номеръ или же (начиная съ 7 степени) особая кличка съ №.

Братья 1-й ст. (члены С. П. С.) подписываются №№ отъ 1 до 5.

Братья 2-й ст. (I отдѣла) отъ № 6 до 105.

Братья 3-й ст. (II отдѣла) отъ № 106 до 110.

Братьямъ 4-й ст. присваивается отъ № 111 до 135.

Братьямъ 5-й ст. отъ № 136 до 260.

Братья 6-й ст. именуются начальниками кружковъ. Имъ присваиваются №№ отъ 261 до 845. Обязанности начальниковъ кружковъ состоятъ въ непосредственномъ наблюденіи за исполненіемъ членами ихъ кружка правилъ С. Д.; они контролируютъ посылаемыя вверхъ свѣдѣнія и, въ случаѣ недостаточной точности, требуютъ дополнительныхъ свѣдѣній (свѣдѣнія при этомъ отнюдь не должны задерживаться). Начальники кружковъ ведутъ организаціонные списки, согласно утвержденному образцу. Каждому кружку присвоено особое названіе или кличка. Начальникъ кружка подписывается своимъ номеромъ, прибавляя къ сему справа: начальникъ кружка такой-то. Напримѣръ: братъ № 280, начальникъ кружка «Ведетъ», или братъ № 730 начальникъ кружка «Успѣхъ».

Отъ начальниковъ кружковъ въ каждомъ кружкѣ идетъ своя отдѣльная нумерація, начиная съ № 1 до 3905, обнимая собою 7, 8, 9, 10 и 11 степени, т.-е. въ каждомъ кружкѣ:

7	степ.	заключаетъ	въ	себѣ	№№	отъ	1	до	5	включительно.
8	»	»	»	»	»	»	6	»	30	»
9	»	»	»	»	»	»	31	»	155	»
10	»	»	»	»	»	»	156	»	780	»
11	»	»	»	»	»	»	781	»	3905	»

Съ 12 по 16 степень идетъ вторая серія номеровъ, т.-е. братья 11-й степени суть родоначальники братьевъ 2-й серіи; каждое развѣтвленіе, исходящее отъ названныхъ братьевъ 11-й степени,

получаетъ номерацію вновь отъ № 1 до 3905. Но, во избѣжаніе тождественныхъ номеровъ, братьямъ 2-й серіи прибавляется къ ихъ кличкѣ и номеру еще № ихъ родоначальника 11-й степени. Напримѣръ: младшій братъ Ура № 781 будетъ назваться № 781/1; младшій братъ Ура № 3905 будетъ Ура № 3905/1. Слѣдовательно: младшіе братья 12-й степени (2-я серія отъ ура 781) подписываются: Ура №781/1 до Ура № 781/5; 13-й степ. (2-я серія отъ Ура 871) Ура № 781/6 до 781/30;

14-я степ. (2-я серія отъ Ура 781) подписываются: Ура №781/31 до Ура № 781/155;

15-я степ. (2-я серія отъ Ура 781): Ура № 781/156 до Ура №781;780;

16-я степ. (2-я серія отъ Ура 781): Ура № 781/781 до Ура № 781/3905.

Съ 17-й степени начинается 3-я серія братьевъ. Братья 16-й степени суть родоначальники братьевъ этой серіи; развѣтвленія, исходящія отъ братьевъ 16-й степени, получаютъ вновь номерацію отъ 1 до 3905, съ прибавленіемъ клички и номеровъ ихъ родоначальниковъ 16-й степени. Такъ напримѣръ:

17-я степень (3-я серія отъ Ура № 781/155) подписывается: Ура № 781/155. 1 до Ура № 781/155)155): Ура № 781/155 . 6 до Ура № 781/155 . 30;

19-я степ. (3-я серія отъ Ура № 781/155): Ура №781/155 . 31 до Ура № 781/155 . 155;

20-я степ. (3-я серія отъ Ура № 781/155):
Ура № 78 1/155 .156 до Ура № 781/155 . 156;

27-я степ. (3-я серія отъ Ура № 781/155): Ура №781/155 . 781 Ура № 781/155 . 3905, и т. д. для 4-й, 5-й и прочихъ серій, по той же же степени.

§ 5. *Агенты.*

Всѣмъ братьямъ разрѣшается имѣть агентовъ для собиранія свѣдѣній о нигилистахъ, но въ такомъ случаѣ они становятся полными отвѣтчиками за дѣйствія своихъ агентовъ. Само собою разумѣется, что агенты не должны знать о существованіи С. Д. и не могутъ быть посвящены въ ея тайны.

§ 6. *Средства.*

С. Д. необходимы денежныя средства для вознагражденія и расходовъ лицъ, командированныхъ для ея цѣлей. Всякія пожертвованія братьевъ будутъ приняты съ благодарностью и поступятъ въ С. П. С., откуда будутъ выдаваться квитанціи.

Въ С. П. С. находится центральная касса, гдѣ ведется приходорасходная книга.

Въ помощь центральной кассѣ, С. П. С. учреждаетъ мѣсячныя расходныя кассы, въ провинціи, по своему усмотрѣнію и при особой инструкціи.

С. П. С. имѣетъ право посылать лицъ контролировать мѣстныя кассы.

§ 7. *Судъ и наказаніе за проступки.*

1) По распоряженію С. П. С., въ случаѣ проступка одного изъ братьевъ, назначается судъ изъ 3-хъ лицъ.

2) Наказанія, которымъ подвергаются виновные, суть:

а) выговоръ, сообщенный отъ С. П. С. въ запечатанномъ конвертѣ прямо на имя виновнаго;

в) выговоръ, переданный открыто внизъ по линіи;

с) денежные штрафы въ пользу центральной кассы;

d) исключеніе изъ Св. Дружины;

е) въ случаѣ проступка важнаго, гдѣ обнаруживается явное посягательство на учрежденіе С. Д., съ участіемъ злой воли и мыслью служить крамолѣ, судомъ произносится смертный приговоръ, который приводится въ исполненіе по распоряженію С. П. С.

§ 8. *Вступленіе въ С. Д.*

Братъ, желающій принять новаго члена, представляетъ кандидата на утвержденіе, согласно § III п. 7, и, только получивъ согласіе свыше, имѣетъ право предложить кандидату поступить въ С. Д. Въ случаѣ отказа, онъ обязанъ взять съ него честное слово держать все, ему сказанное, въ тайнѣ и объ отказѣ сообщить вверхъ. Въ случаѣ согласія кандидата поступить, братъ приводитъ его къ присягѣ, беретъ съ него присяжную росписку *по установленной формѣ*, и тогда только передаетъ ему знакъ С. Д.

§ 9. Для того, чтобы, въ случаѣ необходимости, братья могли узнать другъ друга, установлены извѣстные знаки, которые передаются словесно старшими братьями младшимъ, по принесеніи послѣдними присяги.

§ 10. *Отношеніе къ полиціи.*

Братъ, узнавшій что-либо о нигилистахъ, долженъ немедленно сообщить о томъ вверхъ по линіи.

Если дѣло не терпитъ отлагательства, то онъ долженъ передать о замѣченномъ мѣстной полиціи, не разоблачая себя, какъ члена С. Д.

На случай важныхъ командировокъ, братьямъ выдаются отъ С. П. С. особыя карточки или знаки, по которымъ полиція можетъ ихъ узнать и съ которыми они могутъ прямо обращаться къ

ея содѣйствію. Въ случаѣ недоразумѣній съ полиціею, братья должны сообщить о томъ вверхъ.

Утверждено С. П. С. для сообщенія братьямъ II-го отдѣла 7-ой и низшихъ степеней.

Съ подлиннымъ вѣрно: братъ № 109.

1 іюня 1881 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О войнѣ и мирѣ шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

Помѣщаемое ниже письмо довольно ярко изображаетъ настроенія извѣстной части русского общества наканунѣ ликвидаціи севастопольской кампаніи. Письмо отправлено изъ Москвы за двѣ недѣли до начала парижскаго конгресса. Едва ли не большинство прогрессивно мыслящихъ людей того времени жило единственной мечтой окончанія злосчастной войны, вскрывшей всѣ общественные недуги крѣпостной Россіи и такъ остро поставившей вопросъ о необходимости внутреннихъ преобразованій. Тѣ, которые относили себя къ числу «патріотовъ», не понимали одного—важности момента, наступившаго со смертью Николая I. Не понималъ его и авторъ письма[1]), не могшій разобраться въ вопросѣ о продолженіи войны въ 1856 г., т.-е. о ненужномъ болѣе кровопролитіи.

Едва ли письмо нуждается въ комментаріяхъ. Здѣсь каждый самъ сдѣлаетъ тѣ выводы и сопоставленія, которыя напрашиваются. Характерна именно та путаница, которую порождаетъ въ общественныхъ представленіяхъ война; то упрощенное дѣленіе общества на патріотовъ и анти-патріотовъ, которое проводится шестьдесятъ лѣтъ назадъ и которое напоминаетъ намъ нѣчто аналогичное, наблюдаемое въ переживаемый моментъ стихійныхъ теченій, когда не взвѣшиваются достаточно pro и contra, когда общественнымъ теченіямъ склонны придавать упрощенную формулу дѣленія на двѣ партіи: національную и антинаціональную, что въ свое время такъ возмущало Н. К. Михайловскаго, рѣшительно протестовавшаго противъ «обобщенія бродящихъ въ обществѣ дрянныхъ тенденцій» [2]).

Для автора письма всѣ тѣ, кто не съ нимъ, или дѣйствуютъ по своекорыстнымъ расчетамъ или—зараженные «англодурьемъ и галлобѣсіемъ пустосвисты». Въ то время нѣмцы были въ числѣ

---

[1]) Оригиналъ письма находится въ собраніи А. А. Титова и написанъ рукой проф. О. М. Бодянскаго.

[2]) Литер. замѣтки 1880 г. май. Собр. соч. т. IV, стр. 906.

друзей, и «русско-мекленбургская наука» славянофильствующихъ въ значительной степени сходилась съ «казеннымъ міросозерцаніемъ» въ оцѣнкѣ текущей дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія помѣщаемое ниже письмо имѣетъ несомнѣнный интересъ современности.

С. Мельгуновъ.

* * *

25 генваря 1856 г. Москва.

Ты желаешь знать, что думаетъ или говоритъ о нашей политикѣ мудрѣйшій и правдивѣйшій мужъ на Руси [1]). Онъ давно уже высказалъ свое мнѣніе въ одной изъ своихъ проповѣдей желаніемъ *мироносной войны* или *побѣдоноснаго мира*, т.-е. войны, которая доставила бы намъ *честный и славный миръ*, или мира, который бы показалъ въ насъ міру *побѣдителей великодушныхъ* [2]).

Грустенъ былъ нашъ духовный пастырь—патріотъ, когда узналъ объ униженномъ объявленіи русскаго правительства, что будто бы народъ, составляющій около 70 милл. душъ и занимающій огромныя пространства на земномъ шарѣ, испугался коалиціи, т.-е., соединенія разноплеменныхъ полчищъ, и, забывъ чувство народнаго достоинства, готовъ на отрѣзаніе своихъ земель—лишь бы Европа похвалила его за сговорчивость.

Таковъ прямой смыслъ сочиненія Нессельрода. Такъ понимаетъ его всякій русскій человѣкъ. Разумѣется, Филаретъ не скажетъ этого никому. Но въ одной изъ сердечныхъ бесѣдъ нашихъ (ты знаешь, моя душа ему открыта и что онъ благоволитъ и снисходитъ мнѣ) онъ *согласился* со мной, что пристойнѣе было бы объявить о предстоящихъ переговорахъ такъ или почти такъ:

«Россія доказала свѣту двухлѣтней борьбой съ сильнымъ непріятелемъ, что она могуча и богата всѣми богатствами, духовными и вещественными, что она готова всегда на всѣ жертвы и подвиги во имя церкви и царя, что честь и слава ей дороже злата и жизни.

Нынѣ воюющіе съ нею желаютъ мира. Она готова, какъ государство искренно христіанское, прекратить богопротивное кровопролитіе, хотя бы это повлекло за собою и нѣкоторыя пожертвованія. Условія, на которыхъ можетъ быть заключенъ миръ, предложатся и обсудятся на съѣздѣ уполномоченныхъ лицъ отъ договаривающихся сторонъ».

Вотъ все, что можно было намъ объявить, чтобъ не уронить себя во мнѣніи народномъ.

Вообще Москва, да и вся Россія, раздѣлилась на два стана: на

---

[1]) Т. е. митр. Филаретъ.
[2]) Мнѣніе весьма характерное для политичнаго Филарета.

мирный и на *воинственный*. Въ *первый* входятъ тѣ изъ помѣщиковъ, которымъ жаль денегъ и рекрутовъ, тѣ изъ купцовъ, которымъ не хочется жертвовать ни гроша на воинскія надобности, тѣ изъ служащихъ дворянъ, отъ писца до министра, которымъ достоинство правительства, народная честь и слава русскаго имени нипочемъ,—лишь бы имъ было тепло, свѣтло, сытно и спокойно. Далѣе: бездомные, развратные мѣщане, выгнанные изъ службы негодяи и зараженные англодурьемъ и галлобѣсіемъ пустосвисты. Во *второй станъ* (за войну до честнаго мира) входятъ всѣ чисто русскіе люди отъ крестьянина до монаха.

Да и чего бояться? Войска у насъ милліонъ, если не $1^1/_2$ подъ ружьемъ. Финансы не истощены: нѣтъ ажіо на монету и бумажки въ ходу. Торговля, особенно внутренняя, процвѣтаетъ; нѣтъ банкрутства и фабрики закиданы работой. Карсъ—не то, что приморскіе грабежи союзниковъ... За что же отдать Прутъ и Дунай? Отдать съ землей, не только *православныхъ* , но и *русскихъ*. Въ Бессарабіи всѣ купцы русскіе; отдать не только коренныхъ молдаванъ, но и *переселившихся подъ сѣнь русскаго орла* болгаръ!.. Грустно и стыдно!... Петръ Великій не пожертвовалъ и однимъ человѣкомъ (Кантемиромъ). Проклятая Австрія! Погрози только ей войной—этотъ мозаикъ распадется: Венгрія, славяне, итальянцы, все и всѣ отложатся.

Не въ самомъ же дѣлѣ непріятель придетъ въ СПБ? Да вѣдь Россія не въ ПБ., а ПБ. въ Россіи. Москва стоитъ СПБ. Что же было послѣ? Великій Наполеонъ погибъ. Погибнетъ и маленькій Наполеонъ. Пусть бы отдалились союзныя войска отъ своихъ кораблей—закипитъ война народная и побѣгутъ они безъ оглядки, какъ въ 1812 г. Вездѣ и всегда народная война — гибель пришельцамъ.

Доказательство, что въ Европѣ, при всемъ желаніи мира, не смѣли надѣяться на уступки съ нашей стороны, это изумленіе, съ которымъ вездѣ принято наше смиреніе. А между тѣмъ всѣ выгоды съ первой минуты ей, Европѣ, а не намъ: тамъ фонды поднялись, тамъ не страшенъ ужъ голодъ, тамъ воскресла торговля.

Постыдный миръ убьетъ духъ въ войскахъ, убьетъ довѣріе къ правительству въ простомъ народѣ, убьетъ въ Россіи вѣру въ провидѣніе и общественную молитву. Народъ станетъ считать пожертвованныя имъ деньги, станетъ считать выбитыхъ изъ среды своей людей безполезно, станетъ роптать—а Богъ знаетъ, къ чему поведетъ этотъ ропотъ, поддержанный людьми неблагонамѣренными.

Ты не разобрала бы моихъ каракуль, я просилъ мою жену ихъ переписать.

Серебряный сонъ Саломеи.

Драматическій романъ въ пяти дѣйствіяхъ.

ЮЛІЯ СЛОВАЦКАГО.

Переводъ В. М. Фишера.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагаемая въ русскомъ переводѣ драма Юлія Словацкаго «Серебряный сонъ Саломеи», совершенно неизвѣстная въ Россіи, рисуетъ кровавую эпоху украинскихъ мятежей, наступившую послѣ паденія Бара. Польскому поэту удалось довольно безпристрастно нарисовать историческій фонъ: онъ не скрываетъ недостатковъ польской шляхты, проникнутой благородными принципами рыцарства, духомъ аристократической культуры съ классическимъ оттѣнкомъ, однако слабовольной, слишкомъ преданной личнымъ чувствамъ и интересамъ. Съ другой стороны «буйная чернь» Украйны, съ ея лирниками, думами, высоко поэтизирована Словацкимъ. Кромѣ того, названная драма является выраженіемъ того мистическаго міровоззрѣнія поэта, которое имъ овладѣло въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія (см. мою статью въ «Голосѣ Минувшаго», сентябрь, 1915 г.). «Міръ согласенъ съ духами»,—говоритъ княжна въ концѣ I дѣйствія, и на всемъ протяженіи драмы чувствуется это вліяніе духовъ. Отсюда—пророчества, вѣщіе сны, видѣнія, двигающіе драму. Все время ощущается дѣйствіе высшихъ силъ на дѣла и судьбы людей. Своеобразнымъ міровоззрѣніемъ поэта объясняются и художественныя особенности драмы: глубокій лиризмъ, яркая образность и импрессіонизмъ. Поэтъ, безсильный драматизировать всѣ свои яркія видѣнія, даетъ мѣсто обширнымъ монологамъ, похожимъ на цѣлыя поэмы; стараясь индивидуализировать манеру говорящаго лица, въ уста шляхты влагая латинскія слова, въ уста украинцевъ—украинскія выраженія, поэтъ, тѣмъ не менѣе, заставляетъ всѣхъ говорить однимъ и тѣмъ же образнымъ языкомъ—языкомъ Словацкаго. Серебряный колоритъ лежитъ на всей драмѣ—серебряные сны, серебряный старецъ, серебряныя стрѣлы луны, серебряный перстень, серебряное Рождество, серебряныя лиры... Имя Саломея—имя матери поэта, которой посвящена драма. Объ отношеніяхъ его къ матери см. указанную статью. *В. Ф.*

Дѣйствіе первое.

Комната при дворѣ командира полка. Командиръ *Стемпковскій* и его сынъ *Леонъ* у столика съ бумагами; *Семенко,* дворовый казакъ, сидитъ у порога на скамьѣ, закутанный въ бурку.

Командиръ. Леонъ, вечерня отошла,—
Садись-ка, сударь, за дѣла.
Отъ короля что пишутъ,—перечти.

Леонъ. Велятъ указы разсылать въ Подолью
И противъ хлоповъ съ русскими итти.

Командиръ. Придется возразить имъ съ болью,
Что я не русскій; что сойти
Готовъ скорѣе я въ могилу,
Чѣмъ ввѣренную мнѣ, какъ командиру, силу
Съ казацкой, съ царскою теперь, соединить;
А съ ней меня король желаетъ подружить.
Меня въ шуты, должно быть, записали
За послушанье. Что тамъ далѣ?

Леонъ. Докладъ Грущинскаго.

Командиръ. Читай!
Онъ—человѣкъ высокой чести.
Мы въ школѣ съ нимъ учились вмѣстѣ,
И мнѣ онъ служитъ. Такъ и знай,—
Онъ сильный человѣкъ и крупный!
Такихъ ужъ нѣтъ! А если есть,
То имъ ужъ болѣ недоступны
Завѣты наши—долгъ и честь.
Не конь, не сабля золотая,
Теперь лишь карты тѣшатъ ихъ,
Волнуетъ чаша круговая.
Грущинскій бѣлъ, какъ лунь, а лихъ!
Какъ дорогъ мнѣ Францискъ святой
На перстнѣ дѣдовскомъ моемъ,
Гдѣ кровавикъ алѣетъ мой,—
(Цѣлуетъ перстень).
Такъ дорожу я этимъ старикомъ.
Что пишетъ?

Леонъ *(читая письмо).* «Я съ друзьями ждемъ
Теперь у Чернаго Кургана

И здѣсь почтительнѣйше пана
Привѣтствуемъ. Дѣла идутъ
Пока прекрасно. Передъ нами
Еще большой и важный трудъ.
Всего не выпишешь. Лѣсами
На гайдамаковъ иногда
Мы натыкались. Какъ всегда,
Рубились важно. Сотникъ Нытай
Зарубленъ. Но съ одной добычей
Не справились: Тименко самъ
Въ одной попался схваткѣ намъ,
Но ускользнулъ; его въ сраженьи
Въ крови, въ жупанѣ золотомъ,
Я видѣлъ самъ, но въ боевомъ
Огнѣ онъ скрылся,—вотъ отвага!—
Какъ саламандра. (Tanquam drago!).
De ceteris я не пишу.
О черни хлопской лишь скажу,
Что бѣшена и кровожадна,
Разнуздана, темна, пьяна;
Во власти у поповъ она,
Въ своихъ набѣгахъ безпощадна.
Сегодня, кстати, я попалъ,
При блескѣ утренней Авроры,
Въ пустынный хуторъ Вернигоры;
О вѣщемъ кто же не слыхалъ?
Надъ нимъ дубы колышутъ стройно
Свои сивиллины листы.
Но громкой славы—знаешь ты?—
Его искусство недостойно.
Его угрюмая нора
(Ея къ Трофоніевой ямѣ
Не приравнять) пестрѣетъ въ хламѣ
И утвари, и серебра,
И старыхъ лиръ; и вѣтра стоны
Еще въ нихъ могутъ вызвать звоны.
Мечъ Дорошенки въ хламѣ томъ;
Я видѣлъ мѣдныя подковы,
Позолоченыя огнемъ...
Сидитъ одинъ старикъ суровый
И бѣднымъ хлопскимъ языкомъ
Передаетъ свои видѣнья,
Горящія огнемъ смятенья...

Но вѣрить ли, что онъ вѣщунъ?
Наплелъ прославленный болтунъ
Мнѣ много вздору: что распоротъ
Женой кафтанъ мой; что за воротъ
Двумя хоругвями въ степяхъ
Я буду пойманъ второпяхъ;
Что буду цѣлъ въ могилѣ—только
Безъ головы... Все это—бредъ;
Онъ не смутилъ меня нисколько.
Оплотъ мой—крестъ, Христовъ завѣтъ.
Приказа жду я осторожно;
Но повели мнѣ, панъ вельможный,—
И кровь опять вскипитъ волной,
И я рискну людьми, собой...».

Командиръ. Служака добрый!

Леонъ *(читая письмо)*. «Я кончаю.
Слугою вѣрнымъ остаюсь,
Твои колѣни обнимаю.
Съ путей кровавыхъ тороплюсь
Послать свое благословенье
Покорной дочери своей;
Она на вашемъ иждивеньи,
И нѣтъ причины, безъ сомнѣнья,
Мнѣ безпокоиться о ней».

Командиръ. Ему отрядъ вооруженный
Пошлю. Ты жъ напиши пока,
Чтобъ ожидалъ онъ неуклонно
Хоругви Савы-казака.
Тогда пойдемъ навѣрняка.
Пусть избѣгаетъ схватки новой.
Прибавь сюда же, что здорова
Его Салюся, что его
Мы любимъ всѣ, что ничего
Мы въ предсказаніи дурного
Не усмотрѣли, хоть оно
И любопытно: быть зарытымъ
Безъ головы, какъ суждено,—
Еще не значитъ быть убитымъ;
Но это значитъ: будетъ онъ
Землей по шею заваленъ,

Мы жъ за уши его потянемъ
И вытащимъ, спасемъ его!
И Вернигору самого
Мы торжествующе обманемъ!
Объ этой вѣщей болтовнѣ
И дамъ оповѣстить пойду я.
Въ любви открылся ты княжнѣ?

Леонъ. Не смѣлъ, отецъ!

Командиръ. Ну, глупъ, скажу я!
Придется молвить за тебя...

Леонъ. Отецъ!...

Командиръ. Куда ты годенъ! Я,—
Клянусь Францискомъ, все устрою
И обручу тебя съ княжною.
(Цѣлуетъ перстень и уходитъ).

Леонъ. Семенко, сядь и напиши
Отвѣтъ Грущинскому.
Выходитъ.

Семенко. Исполню аккуратно.
(Скидываетъ бурку, садится за столъ и пишетъ).
Ляхъ—прямо золотой души!...
Эхъ, чортъ и папа, вѣроятно,
На воспитаніе мое
Давали деньги. Эхъ, житье!...
Ой, старику я напишу
Да такъ шляхтишкѣ удружу,
Такъ больно старичишку раню,
Задамъ ему такую баню,
Какой по-нынѣ не знавалъ!
Попомнитъ дѣдъ въ кровавыхъ ранахъ,
Какъ онъ въ степи меня бивалъ,
Ища сокровища въ курганахъ!
У, жалкій скряга! Обдиралъ
Онъ мужиковъ и сѣкъ имъ спины,
А въ ящикъ золото сбиралъ
Салюсѣ, дочечкѣ единой!
Бывало молвитъ: что денекъ,

То дочкѣ яхонтъ драгоцѣнный
Иль аксамитный поясокъ,
Иль шнуръ жемчужинъ бѣлопѣнный,—
Чтобы въ алмазахъ, въ жемчугахъ,
Дочурка, говоритъ, сіяла
И послѣ въ графахъ и князьяхъ,
Какъ курица, перебирала.
Вотъ, въ лѣтъ шестнадцать егоза
И выбрала дружка милова;
При лунномъ свѣтѣ, безъ ксендза,
Съ нимъ обвѣнчалась,—и готово!
Старикъ въ походахъ и бояхъ
За вѣтромъ носится въ степяхъ,
А дочку соблазняетъ дома
Молокососъ... А я... а я...
Я гибну!
Эхъ, стаканчикъ рома!

(Наливаетъ рюмку рому и пьетъ.)

Одно словечко отъ нея,—
И въ адъ бы кинулся, не глянувъ,
И вырізавъ бы двіръ и пановъ [1])
Хоть мой отецъ—грущинскій попъ,
По воспитанью я не хлопъ,
А гетманъ. Часто на курганы
Я шелъ, бывало, при лунѣ
И грезилъ: рыцарскіе станы
И бои рисовались мнѣ;
Русалки, мѣсячные лики;
Островскій замокъ; булава
Малороссійскаго владыки
И мечъ въ альковѣ; кружева,
Рубины, блескъ, и самъ я рядомъ
Съ великой гетманшей своей
При яркомъ заревѣ мечей,
Съ душою вѣрной, съ нѣжнымъ взглядомъ.
А нынче—что я? Казачокъ
Дворовый,—смѣлъ, удалъ, легокъ
Въ бою и въ чаркѣ. Только, ляхи!
Недолго буду вамъ служить.
Казакъ панамъ нагонитъ страхи!

---

[1]) Въ подлинникѣ тоже по-украински.

Васъ съ королемъ разъединить
Удастся мнѣ; я скоро двину
На васъ, паны, всю Украину!

(Вбѣгаетъ панна *Саломея* Грущинская).

Саломея. Семенко!

Семенко. Сердце все дрожитъ
Отъ голоска ея. Що, панна?

Саломея. Тоска такая неустанно
Меня терзаетъ и томитъ.
И вѣчно сны... Хоть Благодатной
Молитву на ночь я твержу,
Все той же грезой непонятной
Томлюсь,—ума не приложу!
Отецъ къ тому жъ еще не впору
Наговорилъ про Вернигору
И сонъ согналъ съ усталыхъ вѣкъ.
Скажи, что онъ за человѣкъ?
Его ты зналъ? Откуда странный
Вѣщанья даръ?

Семенко. Изъ духа, панна.

Саломея. О немъ я въ дѣтствѣ слышала порой.
Скажи, онъ въ церковь ходитъ ли? съ мольбой
Онъ обращается ли къ Дѣвѣ Пресвятой?

Семенко. Чортъ знаетъ!

Саломея. Чортъ?... Ты поблѣднѣлъ!
Боюсь... Ты раненъ, заболѣлъ?...
Ахъ!

(*Семенко* внезапно тушитъ свѣчу. *Саломея* въ испугѣ убѣгаетъ).

Семенко. Испугалась, улетѣла птичка!
Нѣтъ, въ руки мнѣ не дастся бѣлоличка,
Покамѣстъ кровью я не охмелѣлъ!

(Садится опять на скамьѣ и притворяется дремлющимъ. Входятъ *Командиръ* и *княжна,* находящаяся у него на попеченіи).

Командиръ. Довольно стрѣлъ серебряныхъ луны,
Моя княжна! Мои услышавъ рѣчи,
Вы покраснѣть по-дѣвичьи должны:
Въ любви-то къ вамъ мой сынъ зашелъ далече,
И если вы не тронетесь, клянусь,
Красавица! онъ высохнетъ, боюсь.

Княжна. Вашъ сынъ, мой панъ, зоветъ меня луной;
Ну, а луна не сушитъ и не грѣетъ.

Командиръ. Такъ юноша мой бѣдный ошалѣетъ.
Безжалостно онъ выставленъ тобой
Подъ бѣлыя серебряныя стрѣлы.

Княжна. Меня зоветъ онъ красной, а не бѣлой.

Командиръ. Возможно, остроумная моя
Красавица! Вѣдь на твоей Украйнѣ
Луна красна. Но затрудняюсь крайне
Словесно состязаться съ вами я.
Коль сынъ на бѣлой женится лунѣ...

Княжна *(перерывая)*. Луна затмится, думается мнѣ.

Командиръ. Ну что жъ? Потемки любящимъ не шутки.
Возьми жъ мой перстень!

Княжна. Брошу въ соръ его!

Командиръ. Сударыня! Изъ перстня моего,
Пожалуйста, не дѣлайте вы шутки!
Святой Францискъ здѣсь выписанъ рѣзцомъ;
Мнѣ этотъ перстень дѣдомъ былъ дарованъ;
Онъ такъ уже устами исцѣлованъ,
Что ликъ святого стерся ужъ на немъ.
И то же будетъ съ вашими устами,
Гдѣ розы перевиты съ жемчугами.

Княжна. Такъ я его другому передамъ.

Командиръ. О, чтобъ тебя! Не этого прошу я.
Скажи, когда Гимена свѣточъ вамъ
Зажгу и первый тостъ провозглашу я?

Княжна. Когда сойдетъ, простясь съ кровавикомъ,
Святой Францискъ, чтобъ насъ вѣнчать
въ костелѣ.

Командиръ. Нѣтъ, буду ждать до завтра—и не долѣ,
А завтра станешь ты предъ алтаремъ:
Не даромъ я начальникъ здѣсь, и болѣ
Не потерплю дѣвичьихъ своеволій.
Но удивляюсь, панна: дурь твоя
Мнѣ такъ мила, какъ голосъ соловья.

Княжна. Такъ дѣлайте мнѣ сами предложенье!
Вы вдовы; я бъ вамъ перстень отдала.

Командиръ. Не дѣвушка, а прямо навожденье!
Такъ сыну ты меня бы предпочла?

Княжна. Не знаю,—я обдумаю рѣшенье.
Звучитъ весеннихъ жаворонковъ хоръ
Въ моей душѣ, а сердце своенравно.

Командиръ. Обдумай же капризница,—уборъ,
Не жениха,—женихъ обдуманъ славно.
(Уходитъ).

Княжна. Вотъ и съ шляхтскимъ перстнемъ я осталась!
И видѣнье оправдалось
Въ мірѣ, съ духами согласномъ.
Этотъ перстень съ камнемъ краснымъ
О разводѣ говоритъ.
Кровь—руда на немъ горитъ.
Каплю крови, что упала
Съ покрывала Деяниры,
Возвѣщали мнѣ, бывало,
И серебряныя лиры.
Этотъ перстень, точно жало,
Въѣстся въ тѣло; какъ огонь,
До костей прожжетъ ладонь
И спадетъ съ руки сожженной.
Раскачайся, старый сонъ!
Лирникъ съ лирой среброзвонной
Сѣдинами убѣленъ...
Ахъ, я вижу, засыпая:

Сельской улицей скача,
Мчится рыцарь, озаряя
Хаты молніей меча...
Хаты рдѣютъ и пылаютъ,
Точно красные цвѣты;
Дѣдъ на свадьбу поспѣшаетъ
Черезъ темные сады...
Даръ серебряный онъ прячетъ...
А за дѣдомъ—мертвый скачетъ...

Боже! Какъ же я глупа!
Грежу жарко и тоскую,
А межъ тѣмъ я такъ слѣпа:
Глупость сдѣлала такую,
Что меня нельзя ужъ взять
Ни грозой, ни лаской нѣжной;
Ни невѣстой бѣлоснѣжной,
Ни женою мнѣ не стать.

(Замѣчая Семенко).

Господи! Расчухался казакъ!
Я погибла, если онъ—со слухомъ,
Если онъ узнаетъ, что не такъ
Весела и радостна я духомъ.
Если онъ про дурь мою разскажетъ...
Семенко!

Семенко *(притворяясь, что просыпается).*
Что княжна прикажетъ?

Княжна. Заснувшаго на розѣ свѣтлячка,
Звѣзды, цвѣточка, рыбки, мотылька,
Мышенка, крокодила; мужика
И господина; скорби и забавы.
Служилъ ли ты подъ знаменами Савы?

Семенко. Нѣтъ, не служилъ, но знаю казака.

Княжна. Похожъ онъ на верблюда иль овцу?
На казака иль шляхтича? Онъ—туча
Иль молнія! И кто онъ по лицу—
Мужикъ иль князь?

Семенко. Онъ—то же, что и я.

Княжна. Нѣтъ, это невозможно: отъ тебя
Поповичемъ несетъ.

Семенко *(въ сторону)*. Ахъ, ты, проклята! [1])

Княжна. Прости мнѣ откровенность. На меня-то
Не разсердится безъ причинъ.
Но ставлю этотъ перстень я
За то, что ты—поповскій сынъ.

Семенко. А если чортовъ сынъ?

Княжна. Онъ съѣстъ меня!
(Убѣгаетъ).

Семенко. Будешь стоить сто грошей,
Какъ своимъ позволю людямъ
Погулять повеселѣй
Въ этомъ замкѣ, гдѣ мы будемъ
Важно съ косами плясать
Да по кладбищамъ шнырять,
И чертей въ себѣ разбудимъ!
(Уходитъ).

Перемѣна I.

Дубовый лѣсъ, освѣщенный луной... Между деревьями горятъ огни, польскіе солдаты варятъ пищу или чистятъ коней. Входятъ на сцену: старый *Грущинскій* и нѣкій воинъ *Пафнутій*.

Грущинскій *(къ воинамъ)*. Господа, расположитесь
На почлегъ въ тѣни вѣтвей.
Вмѣстѣ съ мѣсяцемъ ложитесь,
Берегите лошадей.
Отъ росы храните ваши
Палаши; сварите каши;
Гимнъ повстанческій пропойте
И молитвой успокойте
Бури дня въ груди своей.
Тсс! Пускай все будетъ тихо,—

---

[1]) Въ подлинникѣ тоже по-украински.

Вѣдь, въ лѣсу не дремлетъ лихо:
Зазѣваетесь едва,—
И на пикѣ голова.
Тутъ война безъ сожалѣнья:
Бьются вороны съ орлами.

(Входитъ на сцену).

Добрый воинъ мой, Пафнутій!
Сядемъ здѣсь въ сторонкѣ съ вами,
Побесѣдуемъ другъ съ другомъ.

(Садятся).

Пафнутій. Старый другъ къ твоимъ услугамъ.

Грущинскій. О своей душевной смутѣ
Выскажусь въ довѣрьи близкомъ
Предъ тобой, какъ предъ ксендзомъ
(Право, въ голосѣ твоемъ
Слышно Dominus vobiscum).
Другъ мой, прошлою весной
Я за воинской трубой
На призывъ конфедератскій
Не пошелъ. Такъ мы порой,
Старцы, лѣнимся дурацки,
А потомъ жалѣемъ. Баръ,
Сударь, палъ! Какой ударъ!
Ввѣрились Христу—и пали!

Пафнутій. На колѣняхъ отмолите
То, что вы теперь сказали!

Грущинскій. Грудь моя—пурпурный храмъ
Покаянья. Распоролось
Сердце въ ней, трещитъ по швамъ—
Сердце пламенное ляха!
Это сердце, въ мукѣ страха,
Выглянуло къ небесамъ,
Предаваяся бичамъ.
Въ немъ звучитъ молящій голосъ:
Пронеслась бы чаша мимо!
Кто живетъ невозмутимо,
Созерцая бурный токъ
Божьихъ дѣлъ, въ семьѣ родимой,

Кто въ глуши спокойно гложетъ
Кость свою,—съ того, быть можетъ,
Міръ не взыщетъ,—взыщетъ Богъ!
Я сказалъ тебѣ покуда
Про неслыханное чудо,
Испугавшее мою
Въ домѣ малую семью...

Пафнутій. Въ вашу дверь Христосъ стучался?

Грущинскій. Трижды! Трижды!

Пафнутій. Это—зовъ.
Пренебречь имъ невозможно.

Грущинскій. На коня я и взобрался,
Хоть въ семьѣ моей тревожно
И беременна жена.
Домъ—глухая сторона.
Уѣзжая, сѣлъ я въ бричку.
Дѣти вышли подъ капличку
Провожать меня. Глядимъ,
Видимъ—радужная арка
Осіяла домъ нашъ ярко.
Дѣти смотрятъ—вижу: имъ
Стало страшно. Восклицаютъ,
Что надъ домомъ замѣчаютъ
Чудо—яркую свѣчу,
Точно сердце. Я молчу,
Но и самъ стою, смущенный
Какъ ребенокъ: говорятъ,
Что надъ хатой обреченной,
Надъ покойниковъ домами
Огоньки-то тѣ горятъ.

Пафнутій. Богъ-то милостивъ надъ нами!

Грущинскій. То-то я и уповаю,
Духъ надеждой подкрѣпляю.
Если жъ сгину какъ-нибудь,
Если духамъ не задуть
Той свѣчи надъ милымъ домомъ,
Гдѣ въ кругу семьи жилось

Мнѣ такъ сладко,—въ этомъ хламѣ,
Что отецъ еще принесъ
Отъ турчина,—подъ знакомымъ
Старымъ дубомъ, гдѣ съ гостями
Я, бывало, кофе пилъ,
Небу докучалъ мольбами
И приданое копилъ
Дочерямъ... такъ если прахомъ
Все пойдетъ,—не позабудь
О Салюсѣ!.. Лаской, страхомъ
Ею правь, отцомъ ей будь!
Потому-что (есть примѣры)
Вдругъ крылатыя химеры
Колесницей золотой
Подкатятъ къ ней съ пѣсней сладкой,
Дѣтку—сдѣлаютъ украдкой
Щебетуньей молодой,
Крылышки Амуръ ей скоситъ,
А потомъ прогонитъ, броситъ,
Какъ разбитый старый жбанъ...
Дѣтка съ кровью—помни, панъ!
Глазки—точно селениты,
Столько въ нихъ насмѣшки скрытой,
Такъ бѣла моя Салюся,
И таковъ роскошный станъ,
Что боюсь я, охъ, боюся!

Пафнутій. Будь спокоенъ.

Грущинскій. Ей скажи ты,
Что, хоть мертвъ, всегда я съ нею,
Херувимской пальмой вѣю,
А забудетъ путь прямой,—
Зазвучитъ изъ адской пасти
Вопіющій голосъ мой!

Пафнутій. Не пророчь такихъ несчастій!

Грущинскій. Видишь—съ лютнями въ рукахъ
Итальянцы при дворахъ
Есть нарядные такіе,
Точно черти расписные,
А испорченные—страхъ!

Вотъ они повсюду рыщутъ,
Манятъ жаломъ, пташекъ ищутъ.
Есть—и бабьимъ ремесломъ
Занятыя тамъ матроны;
Эти—сбросили роброны,
И одѣтыя потомъ
По-нѣмецки, точно павы,
Учатъ пакостямъ дѣтей.
Я какъ вижу этихъ змѣй
Въ кичкахъ страусовыхъ... Право,
Пыткѣ бъ ихъ подвергъ кровавой!
Шельмы подлыя! Бабищи
Сатаны!

(Входитъ полковой казакъ).

Казакъ пришелъ.
Что ты?

Казакъ. Со двора посолъ.

Грущинскій. Почему твои глазищи
Такъ горятъ—на нихъ туманъ?
Былъ въ шинкѣ?

Казакъ. Я вітромъ пьянъ.

(Отходитъ въ сторону. Грущинскій оборачивается къ огню и читаетъ письмо).

Пафнутій. Вы блѣднѣете, читая?!

Грущинскій. Здѣсь—полковника печать,
Но письмо? Въ немъ брань такая!
Иль писалъ онъ, умирая?
Гей, огня еще подать!

Пафнутій. Успокойся!

Грущинскій. Песъ дворовый
Тѣхъ не вынесъ бы обидъ!
Трусомъ онъ меня честитъ!
Раны чистыя Христовы
Во свидѣтели зову!
Сонъ ли это на яву?
Говоритъ онъ, что я трушу,

Что лѣнюсь я—чортъ ихъ душу!—
Что вступилъ я въ заговоръ
Съ мужиками, что... позоръ!
Я не человѣкомъ буду,—
Человѣчкомъ, коль забуду,
Коль прощу!

Пафнутій. Тутъ что-то есть.
Дай-ка, самъ хочу прочесть.
(Беретъ письмо).
Почеркъ, стиль—его слуги!

Грущинскій. На печать смотри! Струи
Ахероновой здѣсь кровь!
Ей въ отвѣтъ я хмурю бровь
И вселенною трясу!
Трусъ!.. Вотъ людямъ и служи,
Подъ шатромъ ночуй въ лѣсу,—
И тебя смѣшаютъ съ грязью!
Вотъ какіе это люди—
Новой вѣры и души!
Въ этотъ яръ итти велѣли;
Мы въ землянкахъ и засѣли...

Пафнутій. Вотъ ты имъ и отпиши
Все, какъ есть,—а я оказью
Отвезу.

Грущинскій. Чтобъ я писалъ?!
Я бъ, въ измѣнѣ всей отчизнѣ
Обвиненный, защищалъ
Честь свою не кровью жизни,
А чернилами съ перомъ
Изъ гусинаго хвоста?!
Нѣтъ, мой сударь! Клевета
Будетъ кровью залита!
Брызнетъ мозгъ подъ топоромъ
На ихъ головы. Потомъ—
Дай, Господь, здоровья, имъ!
Я—трусъ! На коней, господа!.. Спѣшимъ!
(Выбѣгаетъ и видно, какъ подниMaетъ лагерь).

Пафнутій (*одинъ*). О, Боже! Исполняется вѣщанье!
И клонится къ паденію тотъ домъ.
И стукъ Христа у двери—наказанье

За промедленье въ подвигѣ святомъ.
Всѣмъ, медлящимъ принять святую муку,
Приходится внимать Господню стуку.
Старикъ лѣнивъ былъ, нынѣ—распаленъ;
И хоть письмо подложно, несомнѣнно,—
Изъ-за него въ могилу ляжетъ онъ,—
За то, что подвигъ презрѣнъ имъ священный.
Но судъ Господень неисповѣдимъ;
Что бъ ни было, я грудью буду съ нимъ.

(Уходитъ).

Перемѣна II.

Ночь—садъ надъ прудомъ, луна свѣтитъ. Входитъ *Леонъ* въ глубокой задумчивости.

Леонъ. Вотъ и съ ней послѣднее свиданье...
Жду ее въ послѣднiй разъ.
Тратимъ сердца достоянье...
Всякой сладко, возгордясь,
Въ немъ царить, но съ пьедестала
Разъ упасть лишь стоитъ ей,
Чтобы сердцу ясно стало,
Что замокъ всего вѣрнѣй.

На погибшую малютку
Смотритъ, какъ на незабудку,
Свысока моя княжна
И съ меня очей не сводитъ,
Смѣхомъ, рѣчью въ душу входитъ,
Точно я—пастухъ, она—
Мной любимая пастушка.

Салли—вѣрная простушка,
Но подъ этой простотой
Укрывается порой
Столько тонкаго коварства
Въ оболочкѣ голубиной,
Столько жажды блеска, царства,
И глубокаго умѣнья
Измышлять тебѣ мученья,
Что и вѣрность ихъ—пучина,
Гдѣ засѣла чертовщина.

Имъ извѣстно, наконецъ,
Что ихъ вѣрность—какъ свинецъ,
Отягчить способный крылья
Серафима. Безъ усилья
Вѣрностью онѣ своей
То обманутъ, то наскучатъ,
То, лишивъ насъ силы всей,
Состраданію научатъ,
Разузнавъ у матерей,
Что приданое ихъ—слезы,
Что безъ запаха нѣтъ розы.
Стонамъ сердца твоего
Съ любопытствомъ жаднымъ внемлютъ,
Ловятъ легкіе обѣты,
Вѣчно чутки, и не дремлютъ,
Не пропустятъ ничего.
Послѣ—грусть, слеза во взорѣ,
Память тонкая,—и вскорѣ
Ты, какъ въ книгу, вписанъ въ нихъ:
Жесты всѣ твои, привѣты
Изваяніями стали
И застыли въ сердцѣ ихъ.
Чары всѣ твои—увяли;
Сынъ звѣзды, небесъ жилецъ,—
Ты для женщины глупецъ,
Золъ, ничтоженъ, сумасброденъ
И для ней одной и годенъ.

(Входитъ *Саломея*).

Саломея. Какъ ты чувствуешь себя
Нынче?

Леонъ. Какъ всегда,—сгораю.

Саломея. То-то я и замѣчаю.
Ты вчера разсѣянъ былъ,
О любви совсѣмъ забылъ.

Леонъ. Это были огоньки.
Нынче пламя,—жаръ тоски!

Саломея. Дай мнѣ руку,—я тебя
Поласкаю, успокою
И заговорю, шутя.

Леонъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣжное дитя!
Шла бы ты... Господь съ тобою!...
Чортъ возьми!... Къ чему обманы?...
Такъ нельзя!... Иль мы цыганы?...

Саломея. Что же станется со мною?
Ты скажи, что дѣлать мнѣ?

Леонъ. Что? пройдетъ любовь твоя.
Все уладится—увидишь...
Не бѣда—ты замужъ выйдешь;
Какъ не сгину на войнѣ,
Я гостить къ тебѣ пріѣду,
Ты же, милая, меня
Примешь, будешь мнѣ сестрою...

Саломея. Рѣчь твоя, какъ острый ножъ.
Я молилась за тебя
Горячо.

Леонъ (*въ сторону*). Бѣда со мною!

Саломея. Ты, конечно, не поймешь,
Но молиться за того,
Кто насъ губитъ...

Леонъ. Торжество!
Радость ангеловъ крылатыхъ,
А для насъ, для насъ, проклятыхъ,—
Крестъ и мука. Если бъ черти
Это знали,—то-то бъ пѣли!

Саломея. Даже жертвы вѣчной смерти
Больше жалости бъ имѣли!

Леонъ. Мы не ангелы, повѣрь!
Да!—ни я, ни ты, малютка!

Саломея. Если бъ звѣздочка видала,
Какъ несчастна я теперь,
Съ неба тихо бъ зарыдала!

Леонъ. Просто прелесть! Съ незабудкой
Говоритъ, къ звѣздамъ взываетъ!...

Саломея. Знаешь, что со мной бываетъ?
Я больна...

Леонъ. Но отчего?
Что съ тобою?

Саломея. Ничего...

Леонъ. Взоръ потупленъ, слезка таетъ...

Саломея. Ахъ, пускай слеза смываетъ
Совѣсть... Ты суровъ со мною,
Все же я тебѣ открою
То, о чемъ донынѣ знали
Только звѣзды да цвѣты.
Вотъ, послушай... Если жъ ты
Будешь строгъ къ моей печали,
Значитъ, Богъ меня тобою
Покаралъ. На-дняхъ мнѣ снится,
Что велитъ моя мнѣ мать
Къ твоему отцу бѣжать
Изъ Грущинецъ и добиться
Для нея же лошадей,
Потому что страшенъ ей
Человѣчекъ бородатый.
И сказала мнѣ у хаты:
«Если Саленька забудетъ
Эту просьбу,—плохо будетъ:
Вырѣжутъ меня съ дѣтьми».
Я проснулась—какъ мнѣ быть?
Какъ-то стыдно предъ людьми
О видѣньяхъ говорить
Дѣвушкѣ. Лежу,—и снова
Думаю: а если мать
Навѣститъ насъ здѣсь и станетъ
Въ очи мнѣ смотрѣть и ждать?
Кровь мнѣ щеки зарумянитъ,
Все скажу ей. Мать сурово
На меня, быть можетъ, взглянетъ
И подвергнетъ пыткѣ новой:
Розу мнѣ съ груди сорветъ,
Грубо косы заплететъ,
Дастъ работу и на слезы

Будетъ холодно смотрѣть.
Я жъ не буду пѣсенъ пѣть,
И нельзя мнѣ будетъ болѣ
Выбѣгать въ тиши ночной
И въ бесѣдкѣ у березы
Тайно видѣться съ тобой.
И, пожалуй, поневолѣ
Увезутъ меня—о, страхъ!—
Отдадутъ за гречкосѣя!
Такъ я думала, нѣмѣя,
И спала, какъ на мечахъ.
Вѣщуны Украйны этакъ
Грезятъ все о мертвецахъ.

Стыдно было кучи дѣтокъ
Мнѣ—и бабушки слѣпой.
Здѣсь, средь пышныхъ туалетовъ
И навощенныхъ паркетовъ
Мнѣ, паненкѣ молодой,
На колесикахъ старушку
Приходилось бы возить,
Поправляя ей подушку
При тебѣ! и говорить
Съ ней по-хлопски—потому,
Что по-польски не умѣетъ...
Надо мною тяготѣютъ
Эти сны, но никому
Я о нихъ еще ни звука...
Скорбь, предчувствія и мука...
Только къ Дѣвѣ Пресвятой
Обращаюсь я съ мольбами,
Съ непонятною тоской
И съ горячими слезами.

Но, быть можетъ, мнѣ и мать
Не придется повидать,
Потому что утромъ нынѣ
Снилась мнѣ она въ пустынѣ,
Послѣ—здѣсь, и вся въ свинцѣ—
И въ свинцовой юбкѣ, словно
Вся жемчужная. Въ лицѣ,
Изможденномъ и безкровномъ,—
Та жъ свинцовость. Здѣсь вотъ шла

По дорожкѣ у березы.
Я же, прячась въ листьяхъ розы,
Вся дрожала и была,
Какъ дитя, что испугалось
Дѣда. Въ розѣ я скрывалась;
Только высунусь,—гляжу:
Мать идетъ, идетъ, блѣдна...
Я—въ шипы, и вся дрожу,
Изъ шиповъ слѣжу за нею,
Зябну въ розѣ и блѣднѣю...
Такъ блѣдна и холодна,
Вся исколота шипами,
Точно въ клѣткѣ соловей,
Билась я среди вѣтвей,
Все за ней слѣдя глазами...
Что же скажешь ты?

Леонъ. Салынка!
Значитъ, будешь ты богата.
Сонъ серебряный—къ богатству.
А что въ розѣ, какъ росинка,
Ты скрывалась,—вѣруй свято,
Что и въ жизни будутъ розы.

Саломея. И шипы...

Леонъ. Шипы и розы.

Саломея. Ты меня опуталъ сѣткой
Золотой и хочешь, видно,
Такъ и бросить. Но не думай,
Что я дамъ тебѣ жениться!

Леонъ. Какъ?

Саломея. Тебя я осрамлю.
Хоть самой мнѣ будетъ стыдно,
Хоть и тяжко осрамиться,
Но тебя я погублю!

Леонъ *(въ сторону)*. Что я слышу? Зло и мѣтко!
Надо съ ней пока безъ шума
Все уладить.

Саломея. Изъ однѣхъ
Устъ—двѣ жалобы услышишь!

Леонъ (*въ сторону*). Что съ ней дѣлать?

Саломея. Изъ однѣхъ
Устъ—два голоса услышишь!

Леонъ. Рвать бы волосы отъ муки
И кусать въ досадѣ руки!

Саломея. Княжеское обрученье
Я сорву, сорву безумно.
У меня на то внушенье,
Сила духовъ, что въ бесѣдку
Прилетѣли и такъ шумно
Бьются крыльями о сѣтку,
Точно голуби въ крови;
О листву сухую трутся
Духи бѣлые въ крови!

(Уходитъ).

Леонъ (*одинъ*). Ошалѣла? Иль видѣнья
Алыя предъ нею вьются?
Иль безуміемъ притворнымъ
Въ этомъ страстномъ изступленьи
Хочетъ совѣсть отягчать?
Вотъ оно—всѣхъ дѣвъ искусство—
Размягчить, расплавить чувство,
А потомъ и сердце—чернымъ
Клювомъ ворона клевать,
Рвать его, терзать до боли
И лишить послѣдней воли.

(Входитъ *Семенко*).

Семенко (*въ сторону*). Я въ бесѣдкѣ все слыхалъ.

Леонъ. Ахъ, Семенко! Подойди же!

Семенко. Ясный панъ!
Леонъ. Сюда, поближе!
Самъ Господь тебя послалъ!

Семенко *(въ сторону).* Чортъ, скажи!

Леонъ. Ушла сейчасъ
Дочь Грущинскаго отсюда.
Ты отплясывалъ не разъ
Съ ней мазурку, сочинялъ
Думки въ честь ея, не худо,
У окна ея игралъ,
На бандурѣ, напѣвая.
И теперь вотъ запылалъ
Какъ дѣвица...

Семенко. Та ль, другая...
Я не шляхтичъ, я слуга, вѣдь,
Казачекъ, царекъ степной.
Все равно мнѣ—позабавить
Сердце той или другой.
Если жъ выше мѣтитъ полька,
Милъ ей птенчикъ золотой,—
Не мѣшаю я нисколько.
Тьфу! Не съ тою, такъ съ другой!

Леонъ. Знаю, знаю; но дѣвица
Изъ шляхетской мелкоты,
Рода бѣднаго, какъ ты;
По тебѣ она и птица.
Захоти и овладѣй!
Попытайся лишь...

Семенко. Чортъ съ ней!
Для чего ползти мнѣ въ панство?
Мнѣ не въ тягость и подданство.
Службою и паничемъ
Я доволенъ...

Леонъ. Что же? въ томъ
Ты откажешь мнѣ, неужто?
Говорилъ съ ней о тебѣ я;
«Нѣтъ», сказала, но слабѣе
Чѣмъ я думалъ,—потому что
Я и самъ ее любилъ;
Но когда бъ на ней женился,
Я бъ предъ шляхтой осрамился

И себя бы погубилъ.
Вотъ я съ ней шалилъ,—извѣстно!
Но воспитана она
Свято, набожно и честно;
Будетъ чудная жена!
Самъ съ ней сдѣлаешься паномъ.

Семенко. Сдѣлайте жъ меня, паничъ,
Паномъ!

Леонъ. Сдѣлаю! Достичь
Этого не всякій можетъ.
Я вамъ хуторъ надъ лиманомъ
Дамъ,—а тамъ и Богъ поможетъ,
Дастъ вамъ дѣтокъ, наконецъ,
И разгнѣванный отецъ
Размягчится,—все возможно...

Семенко *(падая къ ногамъ съ притворнымъ плачемъ).*
Богъ нехай вамъ!..

Леонъ. Осторожно!
Надо дѣйствовать съ оглядкой,
Лишь понравься ей, украдкой;
Искра—знаю я ее!
Пусть поплачетъ, но привыкнетъ
И полюбитъ, и приникнетъ;
Будетъ вамъ въ степяхъ житье!
Степь, вѣдь,—рай, въ любви съ паненкой!
Что же, глупый мой Семенко!
Все же холоденъ къ любви ты?

Семенко. Я, паничъ, какъ съ толку сбитый!

Леонъ. Будь умнѣе!

Семенко *(опять бросаясь къ ногамъ).*
Твой слуга я!

Леонъ *(поднимая его и беря подъ руку).*
Что же?—Та или другая?..

(Уходятъ).

Дѣйствіе второе.

Лунная ночь въ саду. Входитъ *княжна* и горничная *Ануся.*

Княжна. Въ бесѣдкѣ этой сядемъ. Я боюся
Одна въ саду бродить среди кустовъ.

Ануся. Паненкѣ страшно?

Княжна. МилаяАнуся,
Что нынче въ модѣ пѣнье соловьевъ?

Ануся. Нѣтъ, панна, нынче въ модѣ—клавикорды.

Княжна. Ты глупая! И въ запахѣ цвѣтовъ,
И всюду—есть могучіе аккорды.
Кровавики-то въ модѣ въ наши дни?

Ануся. Horrendum! Это—камень шляхты мелкой.

Княжна. Такъ этотъ кровавикъ перемѣни
На перстень мнѣ съ простѣйшею отдѣлкой;
Серебряный мужицкій перстенекъ
Достань мнѣ за него и въ паркъ снеси хоть.

Ануся. Вамъ съ ярмарки доставить перстенекъ?
Откуда у княжны такая прихоть?

Княжна. Мнѣ и самой та прихоть невдомекъ;
Не вѣдаю ни сновъ я, ни видѣній,
Хоть часто я дремлю, зѣвая въ лѣни,
Ловя, какъ говорится, пташекъ ртомъ.
А перстенекъ серебряный... быть можетъ,
Я потому подумала о немъ,
Что со степнымъ слюбилась казакомъ;
Быть можетъ, перстень мой съ кровавикомъ
Мнѣ надоѣлъ, иль крови цвѣтъ тревожитъ...
Ахъ, потеряй его ты гдѣ-нибудь
Иль съ кашей съѣшь, а мнѣ простой добудь!

Анyся. Мое вы любопытство обострили.

Княжна. Такъ ножницы изъ любопытства ты
Себѣ для прялки сдѣлай.
(*Ануся* уходитъ съ перстнемъ).

Княжна. Розы были
Мои любимые цвѣты...
И мальвъ люблю я пирамиды...
Однако, если бъ изъ опаловъ,
Алмазовъ, перловъ и кораллловъ
Вѣнки бы я плести могла,
Какъ на волнахъ океаниды,—
Изъ сѣры пламенно горящей
Я павилику бы свила
И въ волосы бъ ее вплела;
Тогда бы только настоящей,
Мечтѣ подобной, я была.
Ужъ то-то бъ шляхта дивовалась!
Асбестомъ я бы ей казалась;
Въ контрактѣ брачномъ подписать
Меня бъ заставили условье,
Что я не думаю сжигать
Ихъ деревенекъ. На здоровье!
Откуда грезы тѣ?—какъ знать?
Я только знаю,—ихъ заботы
Мнѣ чужды,—чувствую сама,
Что эти всѣ мои остроты—
Лишь отблески горящаго ума.

(Возвращается *Ануся* безъ перстня).

Ануся. Ахъ, панна! Въѣхалъ къ намъ во дворъ
Украинецъ во весь опоръ;
И грѣетъ сердце, грѣетъ очи
Его осанка, яркій взоръ.
Я видѣла—во мракѣ ночи
Аллеей онъ летѣлъ, какъ громъ,
При блескѣ факеловъ живомъ;
Съ нимъ дѣды-лирники скакали
И, точно призраки, сверкали,
И блескъ подъ липами, въ огнѣ,
Струился отъ его жупана,
Какъ отъ святого Іоанна,
О коемъ вы читали мнѣ.

Княжна. А перстень мой?

Ануся. Вашъ перстень, панна?
Потерянъ. Онъ.

Княжна. Молись же, Анна,
И духи свѣтлые вернутъ
Его тебѣ.

Ануся. А какъ зовутъ
Къ намъ прибывающаго пана?

Княжна. Свой родъ ведетъ онъ отъ кургана,
Зовется бурей,—и при немъ
Прозваніе «народа слава».
Ануся, панъ пріѣзжій—Сава.

Ануся. Такъ онъ насъ вырѣжетъ живьемъ!

Княжна. Ахъ, спрячься, милая, въ кустахъ,—
Ты у него уже въ рукахъ,—
Идетъ, вотъ видишь, съ командиромъ
И говоритъ съ нимъ о рѣзнѣ.

(Входятъ *командиръ* и *Сава*).

Командиръ. Тебя хорошенькой княжнѣ
Представлю я. А ты, Киприда,
Иль Геба, нацѣди вина
Въ бокалъ серебряный. Княжна,
Панъ Сава, вождь отряда, прибылъ.
Тебѣ жъ скажу я, кто бъ ты ни былъ,
Что съ ней не сладишь,—такъ горда
И, точно алебастръ, тверда.
Не трать ни просьбъ, ни убѣжденій,
Не говори съ ней о любви,
Иль встрѣтишь бездну затрудненій,
Мигрень, боль сердца, жаръ въ крови,—
Ну, словомъ, жизнь ты проклянешь.
Къ тому жъ обручена недавно
Она съ моимъ Леономъ.

Княжна. Ложь!

Командиръ. Какъ ложь? Съ ума сошла ты явно!
Опомнись? А Францискъ святой?

Княжна. Вашъ перстень въ адъ заброшенъ мной.
Кто возвратитъ его мнѣ,—тотъ
Меня женою назоветъ.

(Уходитъ съ * Анусей*).

Командиръ. Вотъ видишь, какова дѣвица!
За сына моего
Выходитъ замужъ,—и таится.
Что жъ ты на это? Ничего?

Сава. Ясновельможный панъ! Я поздравляю васъ...

Командиръ. Постой, нальемъ! Нельзя, чтобъ этакъ сухо...

Сава. Но у меня на этотъ разъ
На сердцѣ такъ темно и глухо,
Что, право, не до чаши мнѣ...

Командиръ. Клянусь святымъ Францискомъ, при винѣ
Ты перестанешь хмурить брови...

Сава. Я видѣлъ нынче столько крови,
Я видѣлъ столько мертвыхъ тѣлъ
И на такіе ужасы глядѣлъ,
Что мѣсяцъ съ отвращеньемъ буду
Глядѣть на пищу, видя всюду
Тѣхъ синихъ парней топоры,
Творящихъ страшныя злодѣйства...

Командиръ. Ты видѣлъ разгромленные дворы?

Сава. Грущинскаго...

Командиръ. Ахъ, что ты?!

Сава. Все семейство
Погибло, перерѣзанное тамъ...
Конечно, кто-то мужиковъ подстроилъ...
Теперь они бѣгутъ отъ войска по степямъ.

Командиръ. Грущинскій дочь-то у меня устроилъ...

Сава. Она одна осталась изъ семьи...

Командиръ. Какъ? вся семья погибла?

Сава. Всѣ они
Безжалостно и звѣрски перебиты.

Командиръ. Возможно ль?.. Ахъ!.. А дочка?.. Отъ нея
Должно быть это, ради Бога, скрыто!..

Сава. Никто не скажетъ. Людямъ я
Тревогу сѣять запретилъ.

Командиръ. Ахъ, и домъ ты видѣлъ цѣлый?
Бѣдный отецъ!

Сава. При закатѣ
Видя, что конь мой бѣлый
Спотыкается, люди жъ устали,
Я на холмѣ у Грущинецъ
Лагерь разбить повелѣлъ.
Самъ же на домъ я смотрѣлъ.
Розово стѣны сіяли;
Липы, поля яровыя,
Рдѣли въ солнечномъ златѣ.
А воробьи молодые
Тучами въ небѣ летѣли
И разсыпали въ садахъ
Свѣжія, звонкія трели.
Море колосьевъ въ поляхъ,
Рѣки, межи и деревья...
Чувствовалъ въ сердцѣ напѣвъ я
Дѣтскихъ, серебряныхъ сновъ.
Казалось, хоръ воробьевъ
Молитвой Ave Maria
Охраняетъ этотъ кровъ.
Лагеремъ тамъ мы стояли.
Кони повстанцевъ щипали
Вечеромъ травы степныя.
Нѣсколькихъ взявъ молодцовъ,
Шелъ я съ развѣдкой въ домъ ляха.

Нѣтъ, не извѣдалъ я страха
Въ битвахъ, на пушки—драконы
Бросаясь, точно гроза,
Въ стремительномъ вихрѣ боя,
И изъ русскихъ плѣнныхъ строя
Тутъ же живыя колонны
И блѣдныхъ въ плѣнъ уводя!
Какъ ни блѣднѣли ихъ лики,

Какъ ни сверкали глаза,—
Но ужасъ болѣе дикій
Чувствовалъ я, входя
Въ эти пустынныя стѣны,
Гдѣ замеръ сдавленный голосъ,
Въ ужасѣ дыбомъ всталъ волосъ!

Тихій, уединенный,
Домикъ стоялъ надъ полями,
Луковицъ убранъ вѣнками;
Въ немъ—образа и сосуды,
Миски, тарелки и блюда
На деревянныхъ стѣнахъ,—
Точно волшебные лики
Русалочьихъ лунъ въ волнахъ...
Все—кровью забрызгалъ дикій
Разбой, пройдясь съ топоромъ!
Голые трупы кругомъ—
И на полу, и на ложѣ,
Мокромъ отъ крови; вокругъ—
Снѣгомъ летающій пухъ...
Дѣтокъ порубленныхъ тоже
Трупы лежатъ на рогожкѣ;
Пани сама—видъ суровый!—
Позеленѣвшія ножки
Дѣтокъ своихъ безголовыхъ
Держитъ холодной рукой,
Раной убита одной,
И какою раной убита!
Святыня чрева вскрыта
И (горе) вмѣсто плода,
(Мѣсяцы степи, внемлите!
Слово мое подтвердите!)
Втиснутъ щенокъ туда!!!
И матери польской чрево
Осквернено въ день гнѣва
И подъ ножомъ мужика
Могилой стало щенка!!!..

Страна ты моя родная,
Отчизна ты золотая,
Гибнущая въ матеряхъ,
Въ зародышахъ и плодахъ!

Жертвую жизнью своею,
Жертвую—видитъ Господь!—
Все отдаю—не жалѣю—
И душу, и кровь, и плоть!
Казацкая кровь, которой
Стыжусь я, вытечетъ вся
И въ черныя змѣи скоро
Превратится, ужасъ неся!
И окурганятся степи,
Спадутъ ослѣпленья цѣпи,
Православной віры не станетъ,
И, на курганѣ, въ меня,
Всеразрушителя, грянетъ
Громъ и перуны огня!

Жертва—и духа, и тѣла,—
Страшная жертва моя!
Буря во мнѣ заревѣла,
Крови вскипаетъ струя!
Мѣсяцы ужъ золотятся
Въ сумрачномъ духѣ моемъ;
Тамъ мысли бурно клубятся,
Мысли о тайномъ быломъ.
Не передъ шляхтой за чарой
Этотъ обѣтъ я давалъ,—
Но въ тишинѣ присягалъ
Я передъ бабушкой старой;
Которую тамъ видалъ;
За занавѣской алькова
Она застыла сурово,
Какъ фурія, какъ гроза!
Давно лишенная слуха
И зрѣнья, сидѣла глухо
На ужасъ рѣзни, на злодѣйства,
На кровь родного семейства
Тараща дико глаза!
Точно предъ нею шмыгали
Русыя дѣтокъ головки
Въ крови,—и ее пугали
И тѣшили ихъ уловки...

Предъ нею и предъ часами,
Что—точно лунный кругъ,

Дискъ, заколдованный вдругъ,—
Остановились сами,
Въ ужасѣ полночь пробивъ;
Передъ часами застывъ,
Остановившими стрѣлки,
Въ грозный часъ, когда Богъ
Привелъ на этотъ порогъ
Ужасы звѣрской раздѣлки,
Сонмы кровавыхъ тревогъ,—
Передъ часами и этой
Окровавленной подушкой,
И передъ мертвой старушкой,
Въ каменный ужасъ одѣтой,—
Я, какъ серебряный духъ,
Всталъ и поклялся вслухъ!!!
Что польскихъ рыцарей мечъ
Заставитъ кровью истечь
Казачество! Будетъ стонъ
И плачъ украинскихъ женъ!
Бросаю клятвы и чары
На мечъ свой и на коня!
Я буду оружіемъ кары,
Косой, косящей поля!
Раненой буду орлицей
О двухъ клювахъ, о двухъ сердцахъ,
За все воздамъ я сторицей:
Во мнѣ—чортъ, казакъ и ляхъ!

Командиръ. Пылъ свой страшный укроти же!
Не забудь, что Божій судъ
И къ словамъ суровъ! Твои же—
Херувимовъ ужаснутъ!

Сава. Какъ? Убійство это было...

Командиръ. У меня—и мечъ, и сила!
Мечъ—и право для борьбы!

Сава. Тамъ, гдѣ страшная рѣка
Крови стынетъ, тамъ нашелъ
Я бандуру казака,
А на ней—твои гербы.

Командиръ. Вотъ къ чему ты рѣчи велъ!
Такъ бросаешь подозрѣнье
Ты на этотъ старый домъ?

Сава. Нѣтъ, но липъ старинныхъ тѣни
Или даже дома сѣни
Могутъ дать пріютъ врагу,
Скрыть измѣнника-слугу.

Командиръ. Горе же тому злодѣю!
Только бъ мнѣ узнать о немъ,
Поразилъ его бы шею
Командирскимъ я жезломъ!

Сава. Слухи есть, что по дворамъ
Кроется Тименко самъ,
Точно волкъ въ овечьей шкурѣ
И невидимой рукою
Сѣя ужасъ Валтасара,
Тонъ дастъ мятежной дури,
Правитъ черною толпою
И пугаетъ шляхту яро.

Командиръ. Эти огненные знаки,
Что кровавыми руками
Пишетъ чернь съ юристомъ—чортомъ,
Мы блестящими мечами
Такъ сотремъ, что будетъ всякій
Знать, какъ страшно и остро
Наше гнѣвное перо!
Сава, гдѣ жъ кровавая бандура?

Сава. Лирникъ мой, Байда, тебѣ покажетъ.

Командиръ. Я возьмусь за дѣло, не откажетъ
Дипломатъ варшавскій мнѣ въ умѣньѣ...
Самъ себѣ найди здѣсь развлеченье,—
Занимать тебя не въ силахъ я.
(Уходитъ).

Сава *(одинъ)*. Какъ труба, грозою рѣчь моя
Прозвучала вслухъ.
Въ шляхтичѣ я этомъ поднялъ духъ.
(Выходитъ изъ-за бесѣдки *княжна*).

Княжна. Двѣ звѣзды съ рѣсницъ моихъ сбѣжали,
Про рѣзню разсказъ услыша твой...

Сава. А къ какой ты пристегнёшь ихъ шали?

Княжна. Что, мой хлопъ?

Сава. Что, бѣлый мѣсяцъ мой?

Княжна. Что жъ, когда объявимъ свадьбу нашу?

Сава. Нынче, дорогая...

Княжна. Выпивъ чашу
Запаховъ Украйны, я готова
Присягнуть, что я жена твоя!

Сава. Дъяволъ самъ не дастъ на это слова.

Княжна. Я была глупа и сумасбродна,
Выйдя тайно замужъ за тебя.

Сава. Нѣтъ, ты поступила благородно.
А таишься съ этимъ ты, какъ Ева.

Княжна. А ты радъ бы потрясти и древо?
Да? Вѣдь ты страдаешь отъ незнанья:
Отъ меня какихъ ты ждешь плодовъ?

Сава. Кислыхъ яблокъ.

Княжна. Я—въ огнѣ цвѣтовъ,
Вѣчно—въ блескѣ расцвѣтанья.
Жди отъ дерева плодовъ!
Розъ, нарциссовъ, астръ не мало...
Но что въ мысляхъ миновало.
То не дастъ уже ростковъ!
Ахъ, сглупила тяжко я,
Тайно выйдя за тебя!

Сава *(въ сторону)*. Гнѣвъ, какъ буря, накипѣлъ
У меня...

Княжна. Ужъ мой удѣлъ—
Ошибаться, заблуждаться
И изъ дебрей выбираться.

Сава. Гей, острожская княжна,
Панна иль моя жена!
Здѣсь пока ты можешь вздорить,
Быть кокеткою надменной,
Радугами затѣненной,—
Я пока не буду спорить:
Честь дороже; подъ ножемъ
Тайны брака не открою.
Но хотя передъ судомъ,
Сдавъ наемнымъ глоткамъ дѣло,
Правъ законныхъ надъ тобою
Не могу я доказать
(Потому что ты успѣла
Актъ нашъ брачный разорвать);
Хоть и знаю, что мнѣ надо,
Душу хлопа изъ себя
Вытравляя для тебя,
Родовитаго шляхетства
Несомнѣнныя права
Вытряхнуть изъ рукава,—
Но прошу—не будь святою,
Брось смѣшливое кокетство,
Не дразни меня красою,
И не будь моей досадой,
Вожделѣнія грѣхомъ,
Розой, астрой, василькомъ!
Оцѣнивъ, что жду я долго,
Въ счетъ любовной суммы долга
Дай сегодня мнѣ задатокъ!

Княжна. Что, любезный кредиторъ?

Сава. У меня всего достатокъ:
Въ океанѣ свѣта тонетъ
Перловъ и коралловъ соръ;
Перла только одного нѣтъ.

Княжна. Только пѣна для тебя,—
Для тебя, супруга тѣни.

Сава. Только разъ ты на меня
Искрой брызнула небесной,
Какъ въ жидовской люлькѣ тѣсной
Чуть дыша примчался я,
Межъ двумя вися конями,
Пуль преслѣдуемъ дождями.
Я былъ точно стягъ кровавый,
Съ лозунгомъ громовымъ Савы.
Какъ мальчишка въ синякахъ,
Къ вамъ на дворъ я прилетѣлъ,
Сидя въ люлькѣ, весь въ рубцахъ:
Блѣденъ,—я два дня не ѣлъ,
Съ желтымъ голодомъ въ устахъ;
Страшенъ,—весь въ кровавыхъ ранахъ;
Грязенъ,—спалъ я на курганахъ;
Глупъ,—о свѣтѣ не знавалъ;
И кружилось въ головѣ-то;
Такъ смѣшенъ былъ въ люлькѣ этой;
Гордъ—здоровье презиралъ...
Ты же—искренность ребенка;
Ты же—ласковость котенка;
Помню—ты варила мнѣ
Въ замкѣ у старушки-тетки
Кашу утромъ на огнѣ;
Алымъ утромъ образъ кроткій
Помню въ свѣтлой тишинѣ
Надъ постелью... Но судьбѣ
Это было неугодно...
Обманулся я въ тебѣ...

Княжна. Обманулись оба разомъ.

Сава. Гдѣ жъ конецъ твоимъ проказамъ?

Княжна. Я подумаю свободно
И отвѣчу сумасбродно.
Вотъ, послушай: до тѣхъ поръ
Буду скользкой и холодной,
До тѣхъ поръ звучать безплодно
Будетъ мужній твой укоръ;
До тѣхъ поръ мнѣ быть черницы
Цѣломудреннѣй, пока
Ты изъ духа огненной десницы

Не доставишь мнѣ кровавика,—
Перстня съ образомъ Франциска.
Съ нимъ ты въѣдешь на конѣ
И помолвкой новой мнѣ
Дашь разводъ. Но утро близко.
Соловьи распѣлись. Будь здоровъ!
(Уходитъ).

Сава. Ну, прощай, Сивилла. Вѣчно
Крутитъ, тянетъ безконечно.
Ждешь, то вѣря, то не вѣря.
Хлопъ я,—вотъ въ чемъ вся бѣда!
А бумагъ моихъ потеря,
Выводящихъ родъ мой славный
Изъ шляхетскаго гнѣзда,—
Вотъ гдѣ вся помѣха, явно!
Нѣтъ, въ Украйну я пущусь,
Всѣ курганы перерою,
Всѣ хранилища открою,
А съ бумагами вернусь!
(Уходитъ).

Входитъ *Леонъ*.

Леонъ *(одинъ)*. Отецъ мой гнѣвенъ, нахмуренъ,
Ничего не говоритъ,
Сидитъ въ своемъ кабинетѣ,
По порядку допросъ чинитъ.
Боюсь, не она ли это
Нажаловалась?... Но вотъ
Съ письмомъ моимъ подходитъ...
Ея видъ мнѣ сердце рветъ.

(Прячется за бесѣдку. Вбѣгаетъ *Саломея* въ бѣломъ, въ розмариновомъ вѣнкѣ, въ вѣнчальномъ платьѣ).

Саломея. Ахъ, какъ колышется прудъ
Отъ соловьинаго стона!
Отъ розъ и травъ въ это лоно
Какъ благовонья текутъ!
Ахъ, ахъ, какъ весело мнѣ!
Ахъ, ахъ, какъ весело мнѣ!

Леонъ *(въ сторону)*. Несчастную блаженство опьяняетъ!

Саломея. Этотъ листокъ положу я
На грудь, въ свой бѣлый корсетъ,
Гдѣ алая роза пылаетъ
И, точно лампа, бросаетъ
На меня лучистый свѣтъ.
И шею такъ озаряетъ
Подъ платьемъ скрытый цвѣтокъ,
Какъ дно саксонской чашки,
Изъ которой пьетъ голубокъ,
Сіяніемъ самъ озаренъ.
Ахъ, на мнѣ женится нынче Леонъ!
Ахъ, на мнѣ тайно женится онъ!

Леонъ *(въ сторону)*. О, какъ слова ея тяжки!

Саломея. Еще не время. Но станетъ
Надъ тополью звѣздочка та,—
И часъ вѣнчанья настанетъ.
Блеснетъ зари красота,—
И, выйдя изъ церкви, стану
На этомъ мѣстѣ я
И вспомню сердечную рану,
Свой дѣвичій стыдъ тая...
Хоть вѣрило сердце обману,
Отъ радости плакать я стану...

Леонъ *(въ сторону)*. Шельма я!

Саломея. Боже ты мой!
Что жъ эта ночь такъ безгласна?
Что жъ этихъ звѣздочекъ рой?
Зачѣмъ одна вздыхаетъ страстно,
Другая свѣтитъ, чуть маня,
А третья лаетъ, какъ собака,
Съ лазури ластъ на меня?
Четвертая... та въ бездну мрака
Упала съ яркой вышины,
Взоръ надъ Грущинцами смежила,
И я едва не завопила!
Ахъ, грустно съ этой стороны!
Ахъ, надъ Грущинцами уныло!

Леонъ *(въ сторону)*. Каждое слово ея разрываетъ!

Саломея. Или въ домѣ кто-то умираетъ?
Прилетѣлъ ли за душой
Чей-то ангелъ золотой?
Я полна тревогой и тоской!

Леонъ *(въ сторону)*. Соловко, перестань томить!

Саломея. Въ тревогу вслушалась свою я.
Но что же я? И что могу я?
Что будетъ,—будетъ; такъ и быть!
Ахъ, какъ грустно, ахъ, какъ душно,
Ахъ, какъ грустно, ахъ, какъ скучно!
Святой хранитель! Не забудь,
Что нынче свадьба! Въ добрый путь!

(Выбѣгаетъ по направленію къ деревнѣ).

Леонъ *(выходя изъ-за бесѣдки)*. Свадьба,—вотъ оно какъ!
Съ Семенкомъ призрачный бракъ,
Пьянымъ ксендзомъ освященный,
Безъ свѣчъ, въ тиши совершенный!
И этотъ мужикъ презрѣнный
Будетъ имѣть надъ ней
Всѣ права любви моей!
И не алмазъ драгоцѣнный,
А перлъ изъ чистѣйшихъ росъ!
Не радугу,—шелкъ ея косъ!
Не огненный, рдяный рубинъ,
А уста ея, слаще малинъ!
Не гитары звонъ серебристый,
А голосъ дѣвушки чистой,
Что клятву вѣрности дастъ
И сдержитъ ее—не предастъ!
У меня же камень на шеѣ;
У меня—не волосы,—змѣи;
Глаза—бѣсовскія бѣльма,
Голосъ, твердящій мнѣ «шельма!»
Въ сердцѣ—рана, въ ранѣ—ножъ,
И лицо, лишенное крови,
Которое ты при словѣ
«Шельма»—тотчасъ обернешь,
Какъ подсолнечникъ!

(Входитъ командиръ).

Командиръ *(издали)*. Панъ Леонъ!

Леонъ. Отецъ зоветъ.

Командиръ. Панъ Леонъ!

Леонъ. Я здѣсь, въ бесѣдкѣ. Суровъ
И грому подобенъ сей зовъ!
Что, отецъ?

Командиръ. Народъ возмущенъ!
Мой попъ—во главѣ возстанья;
Въ церкви, при общемъ собраньи,
Вчера освящали ножи!
Вотъ праздникъ! Слышалъ, Леонъ?
А Грущинцы...

Леонъ. Что же? Скажи!

Командиръ. Грущинскихъ вырѣзанъ домъ!

Леонъ. Грущинскихъ?

Командиръ. Нашихъ сосѣдей.
А знаешь, кто правитъ клубкомъ
Этихъ гадовъ? И кто—Тименко?
Угадай! Твой казакъ Семенко!
И онъ узнанъ по этой кровавой
Бандурѣ...

(Вынимаетъ изъ-подъ контуша казацкую бандуру).

Леонъ. Господи Боже!

Командиръ. Вчера въ саду Анусю онъ настигъ;
Она несла мой перстень—кровавикъ;
Его изъ рукъ онъ вырвалъ, угрожая
Отрѣзать ей и палецъ, если крикъ
Она подниметъ. Перстень мой святой
Теперь въ рукахъ такого негодяя!
И будетъ онъ предъ мелкой шляхтой всей
Имъ дѣйствовать...

Леонъ. Когда бъ сейчасъ..

Командиръ. Злодѣй!

Леонъ *(въ сторону)*. На цѣлую ночь выѣхавъ, догнать
Его я могъ, но долженъ былъ бы я
Открыть и всю интригу этой свадьбы...

Командиръ. Что жъ думаешь?

Леонъ. Отецъ... *(въ сторону)*.

Сковалъ себя
Я по рукамъ, вступилъ въ союзъ съ чертями!

Командиръ. Со стороны смотрѣлъ я на тебя,—
Такъ странно ты задумчивъ временами...

Леонъ. Два эскадрона дай-ка мнѣ, отецъ!

Командиръ. А свадьба-то? Когда же подъ вѣнецъ?

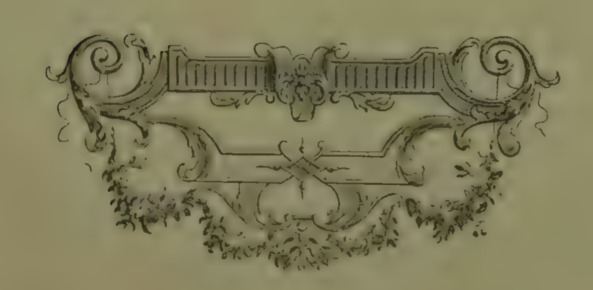
Леонъ. Въ костелѣ ждите завтра. Я прибуду
Съ кровавикомъ.

Командиръ. Ступай.

(Леонъ уходитъ).

Командиръ. И я за нимъ,
За жаворонкомъ пламеннымъ своимъ,
Я—птица старая... Но всюду
Десница вышняя Творца
Хранитъ пусть моего единаго птенца!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Критика и библіографія.

Арсеньевъ К. К. За четверть вѣка. 1871—94. Сборникъ статей. Петроградъ. 1915. VIII+615 стр. Цѣна 3 руб.

Книга К. К. Арсеньева составилась изъ напечатанныхъ имъ въ «Вѣстникѣ Европы» внутреннихъ обозрѣній и общественныхъ хроникъ за 1871—1894 г. Это лѣтопись политическихъ и общественныхъ событій, но написанная не безстрастнымъ языкомъ оторваннаго отъ жизни лѣтописца, а политическимъ дѣятелемъ, все время волнующимся и рвущимся, съ неослабѣвающею съ годами силою, въ политическую борьбу. Среди шестидесяти статей сборника нѣтъ ни одной, гдѣ бы автору представилась возможность говорить хотя бы о самыхъ скромныхъ побѣдахъ тѣхъ, въ рядахъ которыхъ онъ стоялъ. Его лѣтопись—одинъ сплошной мартирологъ разбитыхъ надеждъ широкихъ круговъ русскаго общества и прогрессивныхъ начинаній. И неудивительно: вѣдь это лѣтопись 1871—1894 г.г. Но если въ сборникѣ нѣтъ ни одной статьи о побѣдахъ прогрессивныхъ теченій, то нѣтъ также ни одной статьи, которая говорила бы объ апатіи, усталости, потерѣ вѣры, объ отступленіи хотя бы на одинъ шагъ съ тѣхъ передовыхъ позицій, на которыхъ стоялъ авторъ разсматриваемыхъ нами статей. Тогдашнія политическія условія русской дѣйствительности вырывали у ихъ противниковъ ихъ почти единственное оружіе—печатное слово: сильнымъ правотою защищаемаго дѣла приходилось въ этой борьбѣ пользоваться оружіемъ слабыхъ—маскировать свои мысли, гримировать свое слово и даже прибѣгать къ молчанію, какъ средству борьбы, тамъ, гдѣ цензурныя условія лишали всякой возможности дать должную оцѣнку

событія, и все же даже за молчаніе подпадать подъ административныя кары.

Двадцать пять лѣтъ реакціи—періодъ болѣе чѣмъ достаточный, чтобы дать автору внутреннихъ обозрѣній самый разнообразный матеріалъ для его ежемѣсячныхъ статей въ журналѣ. Самыя заглавія большинства статей говорятъ о важности затронутыхъ обозрѣвателемъ вопросовъ. Сборникъ начинается со статьи «Судъ и административная расправа», далѣе идетъ одна изъ самыхъ обширныхъ статей сборника, посвященная политическому процессу 1869—71 г.г., нѣсколько статей посвящены вопросу объ отношеніи правительства къ народностямъ Россіи (еврейскій вопросъ, финляндскій), къ различнымъ классамъ населенія (въ частности къ дворянству), полемикѣ со словянофилами, высшему и, вообще, народному образованію, печати, земству и пр. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда само заглавіе, казалось бы, говоритъ объ узости темы, избранной авторомъ, читатель всегда можетъ быть увѣренъ, что авторъ подойдетъ къ ней съ широкими обобщеніями, сумѣетъ заглянуть глубоко внутрь и вскрыть въ частномъ случаѣ нѣчто важное, общее. Въ рядѣ статей К. К. Арсеньевъ возвращается къ темѣ, разработкѣ которой посвящена его спеціальная статья о судѣ и административной расправѣ. Объ этой расправѣ ему даетъ возможность говорить и преслѣдованіе за политическія и религіозныя убѣжденія, когда «воръ и мошенникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, свободно пользуется всѣми законными средствами защиты и часто приговаривается судомъ лишь къ кратковременному задержанію подъ стражею, а человѣкъ, подозрѣваемый въ политической неблагонадежности, высылается безъ суда, безъ истребованій объясненій, иногда даже безъ предваренія объ ожидающей его участи...» (стр. 7). Объ этихъ же административныхъ карахъ онъ говоритъ и тогда, когда указываетъ на незаконность примѣненія губернаторами тѣлесныхъ наказаній, оправдывавшихъ ихъ чрезвычайными обстоятельствами (2 п. 340 стр. Улож. о нак., стр. 359—362 у Арсеньева). Ни авторъ, ни кто другой тогда, конечно, не могли предвидѣть, что этими чрезвычайными обстоятельствами и ссылкою на законныя права администраціи позднѣе, въ 1906 г., варшавскій генералъ-губернаторъ будетъ обосновывать законность разстрѣла безъ суда, по его приказу, дѣтей 15 лѣтъ и что Сенатъ съ нимъ согласится и признаетъ такую казнь безъ суда законною. Вообще, многое изъ того, что пришлось отмѣчать К. К. Арсеньеву, какъ отрицательныя явленія въ періодъ 1871—1894 г.г., было лишь первыми ихъ ростками, расцвѣтшими полнымъ цвѣтомъ лишь много позднѣе, частью лишь въ XX вѣкѣ. Таковы финлянд-

скій и еврейскій вопросы, еврейскіе погромы и пр. Онъ писалъ по этому поводу въ 1882 и 1883 г.: «Отказъ въ равноправности всегда отзывается не только на тѣхъ, противъ кого онъ направленъ, но и на тѣхъ, отъ кого онъ исходитъ; оставаясь на почвѣ стѣсненій еврейскій вопросъ служитъ источникомъ затрудненій не только для евреевъ, но и для правительства, для общества, для народа» (стр. 128).

Отношеніе правительства къ сословіямъ и классамъ за разсматриваемый періодъ въ четверть вѣка выясняется авторомъ въ спеціально посвященныхъ этому вопросу статьяхъ (Дворянскій Банкъ, Дворянскія притязанія) и мимоходомъ въ другихъ статьяхъ. Онъ не оставляетъ безъ вниманія отдѣльныхъ фактовъ и удачно пользуется ими, чтобы прибавить новый штрихъ къ уже извѣстной его читателямъ картинѣ сословныхъ отношеній или сдѣлать еще ярче уже имѣвшуюся на этой картинѣ черту. Въ этомъ отношеніи должна быть отмѣчена его статья «о новой теоріи необходимой обороны», написанная имъ по поводу убійства помѣщикомъ изъ револьвера бранившагося пьянаго рабочаго (стр. 403—405). Сюда же относится статья «кухаркины дѣти» по поводу стѣсненія доступа дѣтямъ непривилегированныхъ сословій въ средне-учебныя заведенія. Намъ кажется, что, несмотря на все видимое стараніе автора сохранить спокойный тонъ въ этой статьѣ, и теперь трудно читать ее безъ глубокаго возмущенія передъ несправедливостью къ тѣмъ, виною которыхъ была «бѣдность и невысокое соціальное положеніе». Автору приходилось возражать на министерскій циркуляръ: «... мы никакъ не можемъ допустить, чтобы худшіе въ нравственномъ отношеніи ученики гимназій выходили исключительно изъ семействъ прачекъ, кучеровъ, и тому подобныхъ людей»... «Шумъ и безпорядокъ въ тѣсной лакейской или кухнѣ—не болѣе серьезное препятствіе для занятій, чѣмъ безпрестанные выѣзды, масса посѣтителей, карточные столы, танцы, театральныя представленія» (стр. 343).

Статья «Сословное прожектерство», какъ бы въ видѣ контраста, описываетъ отношеніе правительства къ дворянству и узко-сословныя сремленія послѣдняго. Въ этой статьѣ отмѣчается довольно яркій фактъ недовольства дворянъ Роменскаго уѣзда и своеобразнаго ихъ протеста противъ дѣйствій администраціи, ставшей въ данномъ случаѣ на защиту крестьянъ. Назначенная по Высочайшему повелѣнію ревизія выяснила, что одинъ крупный землевладѣлецъ-дворянинъ этого уѣзда эксплоатировалъ крестьянъ при дачѣ имъ денегъ въ займы и «буквально держалъ въ кабалѣ крестьянъ пяти волостей въ теченіе слишкомъ

двадцати лѣтъ». Когда дѣятельность этого помѣщика-дворянина была пресѣчена, дворяне выдали ему одобрительное свидѣтельство, съ перечисленіемъ его заслугъ обществу (161 стр.) Невольно бросается въ глаза, что потребовалось пройти двумъ десяткамъ лѣтъ, прежде чѣмъ преступная дѣятельность помѣщика была пресѣчена.

«Вѣстникъ Европы» являлся, по выраженію полемистовъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей», «правовѣрнымъ бонзой либераловъ». За его статьями изъ внутренняго обозрѣнія и общественной хроники названная газета и ея политическіе единомышленники зорко слѣдили и не упускали случаевъ печатать на своихъ страницахъ соотвѣтствующія «Донесенія». Автору внутреннихъ обозрѣній и общественной хроники «Вѣстника Европы» приходилось отражать эти нападенія: «тяжело, до отвращенія тяжело отражать нападенія», писалъ онъ, «намѣренно пробирающіяся окольными путями, переносящія общій, жизненный вопросъ на почву личностей и полицейскихъ придирокъ...» (стр. 98). Эти полемическія статьи принадлежатъ къ числу наиболѣе интересныхъ въ сборникѣ, можетъ быть, потому, что тяжкія условія цензуры давали себя чувствовать здѣсь нѣсколько слабѣе.

Передъ читателемъ сборника статей К. К. Арсеньева проходятъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ четверть вѣка, и чѣмъ мѣсяцъ и годъ дальше отъ эпохи великихъ реформъ, тѣмъ они темнѣе и тяжелѣе. Но тѣмъ ярче вырисовывается картина постепенно сгущавшихся сумерекъ и самой борьбы реакціонныхъ и либеральныхъ политическихъ теченій. Отъ наблюдательнаго и глубоко вдумчиваго обозрѣвателя русской жизни и не ускользнуло зарожденіе новой политической силы—рабочаго движенія. Въ статьѣ «Судъ присяжныхъ и рабочій вопросъ», напечатанной въ 1886 г., онъ останавливается на оправданіи владимірскимъ судомъ присяжныхъ засѣдателей рабочихъ по дѣлу о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ. Реакціонная печать называла тогда этотъ приговоръ «сто одинмъ салютаціоннымъ выстрѣломъ въ честь показавшагося на Руси рабочаго вопроса». К. К. Арсеньевъ, однако, отмѣчаетъ, что только крайняя близорукость могла связать рожденіе рабочаго вопроса съ владимірскимъ процессомъ: на самомъ дѣлѣ онъ уже давно вышелъ изъ колыбели. Останавливаясь на условіяхъ, вызвавшихъ его, авторъ приводитъ факты изъ судебнаго разбирательства: они краснорѣчиво свидѣтельствовали о положеніи рабочихъ на этой огромной фабрикѣ (такъ, напримѣръ, было установлено осмотромъ расчетныхъ книжекъ въ 1881 г., что штрафы рабочихъ, вмѣстѣ съ различными вычетами: за освѣщеніе, баню, уголь, истопника, поглощали 20—25% за-

работка рабочихъ). Не вина автора, что это новое тогда явленіе въ русской политической и общественной жизни не могло найти не только освѣщенія, но даже и простого описанія: вопросъ о стачкахъ принадлежалъ къ числу тѣхъ запретныхъ, которыхъ печать совершенно не могла касаться. Такимъ образомъ, лѣтопись 1871—1894 гг. не могла быть исчерпывающе полною. Кромѣ того, статьи К. К. Арсеньева о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости, а также нѣкоторыя о печати, вошли въ два другіе сборника его статей: «Законодательство о печати» (1903 г.) и «Свобода совѣсти и вѣротерпимости» (1904 г.). Цѣльность впечатлѣнія, получаемаго отъ чтенія новаго сборника «За четверть вѣка», отъ этого не страдаетъ: отношеніе къ печати и свободѣ совѣсти, конечно, было въ полномъ согласіи съ общею политикою правительства и новыхъ какихъ-либо характерныхъ чертъ не даетъ. Всѣ же три названные сборника статей К. К. Арсеньева, давая полную (поскольку позволяли цензурныя условія) картину русской жизни, обрисовываютъ передъ нами несокрушимую вѣру ихъ автора въ торжество и близкую или, можетъ быть, еще далекую побѣду защищаемаго имъ дѣла.

Мих. Гернетъ.

«Украинскій вопросъ». Составлено сотрудниками журнала «Украинская Жизнь», издан. 2, «Задруга», Москва, 1915, ц. 1 р.

Нельзя не признать характернымъ показателемъ значенія книги «Украинскій вопросъ» то обстоятельство, что въ годъ съ небольшимъ первое изданіе этой книги разошлось безъ остатка, несмотря на тяжелое военное время, отвлекающее отъ внутреннихъ вопросовъ и въ общемъ весьма неблагопріятное для книжнаго рынка.

Если нѣкоторую роль тутъ могло сыграть занятіе нашими войсками Галиціи и связанное съ этимъ усиленное вниманіе къ украинскому вопросу, то эту роль не слѣдуетъ преувеличивать: навстрѣчу общественному интересу шли *газеты* и, если публика все же обращалась къ *книгѣ* и предъявила особый спросъ на нее, то причины здѣсь были связаны и съ самой книгой.

И книга, дѣйствительно, заслуживала вниманія. Она появилась въ тотъ моментъ, когда по поводу украинскаго вопроса произошла, можетъ быть, небывалая до сихъ поръ мобилизація силъ русскаго воинствующаго націонализма, который въ рядѣ газетныхъ и иныхъ статей и даже объемистыхъ книгъ (среди нихъ особенно получила своего рода «извѣстность» книга г. С. Щеголева) пошелъ въ походъ противъ всего украинскаго, требуя репрессій и новыхъ скорпіоновъ во имя грядущей грозной опасности для русской го-

сударственности и русской культуры. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ походъ нашелъ поддержку и въ части русской либеральной печати: противъ украинства съ настойчивостью въ цѣломъ рядѣ статей выступилъ бывшій еще недавно виднымъ дѣятелемъ россійскаго освобожденія П. Б. Струве; онъ неустанно указывалъ на опасность для «общественной культуры» отъ развитія отдѣльной культуры украинской, даже при отсутствіи идей политическаго сепаратизма, и звалъ общество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство на борьбу съ украинской идеей, которая должна была вестись «безъ всякихъ сантиментальностей и поблажекъ».

Такъ какъ при этомъ походѣ неизмѣнно игнорировались данныя историческія, лингвистическія и этнографическія, а широкая масса русскаго общества легко могла по своему плохому знанію національныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и украинскаго, поддаться гипнозу, особенно когда объ украинской опасности ей стали говорить люди, еще недавно бывшіе поборниками свободы, то возникала настоятельная необходимость въ объективномъ и научномъ освѣщеніи украинскаго вопроса, которое всѣмъ безпристрастнымъ людямъ, чуждымъ предвзятости и шовинизма, показало бы, что такое украинское движеніе, каково его прошлое и каковы его судьбы.

Такую задачу и поставила себѣ группа лицъ, близко стоящихъ къ вопросу по своей работѣ и объединившихся вокругъ редакціи журнала «Украинская Жизнь». Она выпустила небольшую книгу «Украинскій вопросъ», нынѣ вышедшую вторымъ изданіемъ.

Но небольшой объемъ книги, разсчитанной и по изложенію, и по цѣнѣ на широкій кругъ читателей, не отразился на полнотѣ ея содержанія. Популярность изложенія въ ней сдѣлана не въ ущербъ научности и доказательности.

Въ книгѣ прежде всего имѣется достаточно цѣнный историческій матеріалъ. Мы имѣемъ здѣсь краткую, но выпуклую и строго фактическую картину украинскаго прошлаго. Здѣсь и историческія основы особенностей украинскаго языка, и обрисовка національнаго украинскаго движенія какъ въ XVII—XVIII вѣкахъ, такъ и позже, вплоть до нашихъ дней, и исторія тѣхъ многообразныхъ терній и гоненій, которыя пережилъ за это время украинскій народъ, и исторія его культуры и въ частности литературы и пр., и т. п.

Мы укажемъ здѣсь, стѣсненные рамками небольшой журнальной замѣтки, лишь нѣкоторыя отдѣльныя данныя, по нашему мнѣнію, особенно важныя для читателей, мало знакомыхъ съ украинскимъ вопросомъ и желающихъ добросовѣстно въ немъ разобраться.

Такъ, характерно, что наказы временъ Екатерины II, несмотря на огромное давленіе малороссійскаго генералъ-губернатора, ясно указываютъ на глубокое самосознаніе Украины, говорятъ о ней какъ о самобытной культурно-исторической единицѣ и требуютъ безусловнаго сохраненія своихъ коренныхъ особенностей, такъ что самой императрицѣ приходилосъ съ раздраженіемъ отмѣчать въ современныхъ ей украинцахъ «развратное мнѣніе, по коему поставляютъ себя народомъ, отъ здѣшняго совсѣмъ отличнымъ».

И это «развратное мнѣніе» оказалось необыкновеннно стойкимъ и живучимъ. Послѣ ряда талантливыхъ предшественниковъ, «въ критическій моментъ напряженія творческой національной работы является Шевченко, этотъ истинный геній своего народа, въ которомъ какъ бы сконцентрированы были творческія силы народа и который поставилъ національное дѣло своей родины на твердую, незыблемую почву». Затѣмъ, несмотря на всѣ препятствія, происходитъ дальнѣйшій ростъ украинской литературы, развивается украинскій театръ, возникаютъ и бодро работаютъ культурно-просвѣтительныя учрежденія, и въ Галиціи украинскій языкъ твердо завоевываетъ почву для науки и преподаванія; тамъ къ сѣти народныхъ школъ присоединяется рядъ гимназій, по многимъ каѳедрамъ читаются по-украински лекціи и возникаетъ успѣшно подвигавшаяся до текущей войны борьба за отдѣльный и полный украинскій университетъ.

Разбираемая книга подробно и послѣдовательно рисуетъ намъ ростъ національныхъ пріобрѣтеній украинства въ области художественной и научной литературы, прессы, театра, музыки и художества,—и въ общемъ получается внушительный итогъ, при оцѣнкѣ котораго необходимо учитывать особыя обстоятельства.

Эти особыя обстоятельства состояли въ почти непрерывномъ рядѣ мѣропріятій, направленныхъ на подавленіе самобытнаго развитія украинской жизни. Пользуясь выраженіемъ Лѣскова, мы скажемъ, что это не была «жизнь», это было «житіе». Начиная съ Алексѣя Михайловича и Петра I и вплоть до нашихъ дней, съ небольшими просвѣтами, проводился правительственный курсъ, направленный въ сторону принудительной и рѣшительной нивелировки и соединенный съ отрицаніемъ украинскаго бытія. «Никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ», провозгласилъ въ 1863 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, а въ 1876 г. вышелъ указъ, который по существу былъ смертнымъ приговоромъ украинской культурѣ и санкціонировалъ рядъ мѣръ, предназначенныхъ къ тому, чтобы уничтожить литературу на языкѣ, который, хотя и объявленъ былъ несуще-

ствующимъ, но, очевидно, жилъ и развивался. Поневолѣ центръ культурнаго украинскаго развитія перешелъ въ Галицію, гдѣ тяжелая борьба съ полонизаціей, протекая въ рамкахъ конституціоннаго строя, все же оставляла возможность серьезныхъ культурныхъ пріобрѣтеній.

И при обыкновенномъ строѣ, послѣ недолгаго просвѣта, курсъ не измѣнился. Циркуляръ покойнаго Столыпина отъ 20 января 1910 г. приравнялъ украинцевъ къ другимъ «инородцамъ», и съ тѣхъ поръ снова посыпались скорпіоны, доходящіе до полнаго уничтоженія украинскихъ «Просвіт» и аналогичныхъ имъ учрежденій, до запрещеній чествовать память великаго украинскаго поэта и до всяческихъ эксцессовъ административной практики.

И при всѣхъ этихъ условіяхъ украинская національность не погибла и не утратила самосознанія. Въ первыхъ двухъ государственныхъ думахъ, въ рядѣ земскихъ собраній и въ разнообразныхъ организаціяхъ какъ культурнаго, такъ и экономическаго характера, проявилась неумирающая идея,—находясь въ неразрывной связи съ братскимъ великорусскимъ народомъ, хранить и отстаивать свое культурно-національное самоопредѣленіе. Въ защиту правъ украинскаго народа выступали и Академія наукъ, и многія учрежденія и лица, ничего общаго не имѣющія съ Малороссіей, но умѣющія цѣнить справедливость и чужую индивидуальность и свободу.

Книга «Украинскій вопросъ», чуждаясь полемики и не отрицая ряда эксцессовъ, вызванныхъ преслѣдованіями, подчеркиваетъ, что украинское движеніе по существу своему всегда было факторомъ *прогрессивно-демократическимъ*. Она дышетъ вѣрой въ торжество началъ права и свободы, съ которымъ неизбѣжно наступитъ и прекращеніе всякаго національнаго гнета.

Мы желаемъ этой хорошей книгѣ дальнѣйшаго усиленнаго распространенія.

Проф. М. П. Чубинскій.

«Щитъ». Литературный сборникъ подъ редакціей Леонида Андреева, Максима Горькаго и Ѳедора Сологуба. 205 стр. Ц. 1 руб.

Сборникъ «Щитъ» посвященъ еврейскому вопросу: это—литературное оружіе для защиты русскихъ евреевъ отъ непрестанно падающаго на нихъ головы и вновь нависающаго надъ ними Домоклова меча; въ немъ нашелъ себѣ отраженіе тотъ моментъ въ исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи, когда война дала новую пищу для злобныхъ инсинуацій нашихъ антисемитовъ.

Въ сборникѣ помѣщенъ цѣлый рядъ краткихъ, но содержательныхъ статей. Чтобы не обидѣть ихъ авторовъ, редакція

сборника размѣстила статьи въ алфавитномъ порядкѣ, а между тѣмъ въ содержаніи статей легко улавливается извѣстная система. Ф. Кокошкинъ и Д. Овсянико-Куликовскій изслѣдуютъ корни антисемитизма, породившіе антисемитизмъ и поддерживающіе его историческіе и психологическіе факторы; М. Ковалевскій и П. Милюковъ дали справки изъ исторіи отношенія русской законодательной власти къ еврейскому вопросу; кн. П. Долгоруковъ, Е. Кускова и С. Елпатьевскій рисуютъ трагическія картины сегодняшняго дня: ужасы, порожденные войною и эвакуаціей занятаго непріятелемъ края, а К. Арсеньевъ задается вопросомъ о результатахъ, къ которымъ должно привести преслѣдованіе евреевъ. Прошлое, настоящее и даже возможное будущее еврейскаго вопроса обрисовываются, такимъ образомъ, отрывочными, но вполнѣ отчетливыми, а мѣстами и яркими штрихами.

Центральное мѣсто въ сборникѣ занимаютъ и опредѣляютъ его индивидуальность объединенныя одною общею мыслью статьи Л. Андреева, М. Бернацкаго, Б. Бехтерева, М. Горькаго, П. Малянтовича и Д. Мережковскаго. Общая имъ мысль заключается въ самой постановкѣ еврейскаго вопроса, какъ русскаго, т.-е. какъ такого вопроса, справедливаго рѣшенія котораго требуютъ не менѣе интересы и достоинство русскихъ людей, чѣмъ интересы и достоинство самихъ евреевъ. Евреи должны получить равноправіе для того, чтобы мы, русскіе, могли уважать себя, чтобы намъ нестыдно было показать глаза въ Европѣ; безъ этого мы сами—«евреи Европы», ибо намъ приходится доказывать за рубежомъ нашего отечества, что мы тоже имѣемъ право на признаніе нашего равенства съ культурными народами Запада—таковъ смыслъ статьи Л. Андреева, которой открывается сборникъ и которая какъ бы даетъ тонъ для ряда слѣдующихъ статей. «Позорное для русской культуры положеніе евреевъ на Руси,—развиваетъ ту же мысль М. Горькій,—это... результатъ нашей небрежности къ самимъ себѣ... Мы не могли бы допустить этого, если бы у насъ было развито чувство уваженія къ самимъ себѣ». Различными аргументами пользуются перечисленные авторы, но всѣ они повторяютъ одно и то же: то, что подразумѣвается подъ еврейскимъ вопросомъ, есть «подлинный русскій вопросъ—русскій вопросъ о евреяхъ...., а борьба за еврейское равноправіе для русскаго человѣка есть свое дѣло, подлинное національное дѣло первѣйшей важности» (П. Н. Малянтовичъ).

Не всѣ названныя статьи одинаково ярки и краснорѣчивы, но всѣ одинаково убѣдительно доказываютъ, что «только на почвѣ уравненія евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ Имперіи

возможно *наше* мирное, культурное развитіе, осуществимы тѣ широкіе идеалы, которые выдвинуты практической борьбой съ германскимъ имперіализмомъ» (М. Бернацкій).

Особое мѣсто занимаютъ статьи—замѣтки С. Булгакова, выступившаго съ проповѣдью сіонизма, какъ единственнаго средства для «духовнаго» рѣшенія еврейскаго вопроса, и Вяч. Иванова, занявшаго, какъ онъ выражается, «точку зрѣнія религіозной мысли».

Редакторы сборника включили въ него «неизданное письмо» Вл. Соловьева «о національзмѣ». Письмо это состоитъ всего изъ двухъ абзацовъ. Изъ нихъ первый составляетъ почти дословное воспроизведеніе одного пассажа въ статьѣ Соловьева «Нравственность и политика» (см. собр. сочин., 2 изд., т. V, стр. 11). Напротивъ, второй абзацъ представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ матеріалъ для характеристики воззрѣнія покойнаго философа:здѣсь Соловьевъ съ вполнѣ конкретной опредѣленностью формулируетъ свой взглядъ на обязанности Россіи по отношенію къ населяющимъ ее народностямъ, требуя «автономіи Польши, равноправности евреевъ и свободнаго развитія всѣхъ національныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ Россійской имперіи». Въ своихъ затрагивающихъ польскій вопросъ статьяхъ, печатавшихся въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, Соловьевъ уже по цензурнымъ условіямъ того времени едва ли могъ говорить объ автономіи Польши; въ силу ли этихъ условій, или независимо отъ нихъ, Соловьевъ устранялъ вопросъ о «внѣшнемъ примиреніи» Россіи съ Польшей «на государственной почвѣ» и пропагандировалъ ихъ примиреніе на почвѣ религіозной.

Внутренняя цѣнность сборника, разумѣется, ничего не выиграла отъ того, что въ немъ къ ряду хорошихъ публицистическихъ статей прибавлено нѣсколько откровенно плохихъ разсказовъ. Конечно, была ошибочной самая мысль въ сборникѣ, преслѣдующемъ опредѣленную практическую, общественно-педагогическую цѣль, отвести мѣсто для беллетристики. Сфера вліянія изящной литературы ограничивается областью чувства, а, какъ справедливо замѣчаетъ въ томъ же сборникѣ проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, «не чувствами и не аффектами должны опредѣляться наши отношенія къ вопросамъ первостепенной общественной и политической важности». Кромѣ того, какъ бы ни была прекрасна тенденція, ей не мѣсто въ художественномъ произведеніи. Только великій Толстой могъ позволить себѣ вкладывать въ свои беллетристическія произведенія поученіе безъ ущерба для ихъ художественной цѣнности. Недаромъ наиболѣе чуткіе изъ современныхъ беллетристовъ, В. Короленко, Л. Ан-

древъ и М. Горькій дали сборнику не разсказы, а публицистическія статьи или страницы изъ своихъ воспоминаній. Тѣ же авторы, которые встали на ложный путь поученія въ беллетристической формѣ, подарили сборнику разсказы, которые не убѣждаютъ и не волнуютъ; слишкомъ преобладаетъ въ нихъ тенденціозность надъ психологической правдой и надъ знаніемъ быта. Отсутствіе послѣдняго (т.-е. знанія еврейскихъ среды и быта) не менѣе ясно отъ того, что авторы заставляютъ героевъ своихъ разсказовъ не только говорить, но даже думать *про себя* (у Арцыбашева) такъ, какъ говорятъ въ еврейскихъ анекдотахъ, а вздыхая, не просто восклицать: «О, Боже мой, Боже», а непремѣнно: «О, Адонай, Адонай». Особенно досадно было встрѣтить въ сборникѣ, быть можетъ, не плохой для юмористическаго журнала, но совсѣмъ не соотвѣтствующій серьезной цѣли «Щита» анекдотъ Тэффи.

Есть въ сборникѣ и стихотворенія, но лишь два—три изъ нихъ хочется, прочтя, повторить еще разъ. Неожиданнымъ намъ показалось начало стихотворенія Бунина: «Софія, проснувшись, заплетала ловкой, голубой рукою пряди черныхъ косъ»: выраженіе «голубая рука» мало похоже на обычно незатѣйливый языкъ Бунинскихъ стихотвореній.

Н. Полянскій.

Франческо Руффини. Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. I. Переводъ съ итальянскаго А. Н. Ильинскаго подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. В. Н. Сперанскаго. СПБ., 1914. Стр. 145+VIII. Цѣна 1 р. 25 к.

Книга туринскаго профессора Руффини, первый выпускъ которой появился теперь въ русскомъ переводѣ, принадлежитъ къ классическимъ произведеніямъ своего рода. Среди необозримаго моря литературы, посвященной историческимъ судьбамъ религіозной свободы, ей принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Авторъ изучилъ колоссальную литературу въ изслѣдуемой имъ области, но, несмотря на свою большую ученость, сохранилъ способность писать не только живо и просто, но даже увлекательно. Нигдѣ не впадая въ банальный тонъ, сохраняя строгую научность въ изложеніи, авторъ удачно избѣгаетъ въ то же время и ученаго педантизма и умѣетъ заинтересовать и простого читателя изъ широкой публики. Въ началѣ книги онъ строго отграничиваетъ понятіе религіозной свободы отъ смежныхъ съ нимъ понятій свободы мысли и церковной свободы и точно опредѣляетъ понятія терпимости, свободы совѣсти, свободы культовъ и ихъ равноправія; благодаря этой точности терминологіи книга проф. Руф-

фини избѣгаетъ той расплывчатости содержанія и неопредѣленности рамокъ, которыя часто встрѣчаются въ трудахъ, содержаніе которыхъ тѣсно связываетъ исторію мысли и государства съ исторіей религіи и церкви. Выяснивъ предварительно, почему классической древности было чуждо самое понятіе религіозной свободы, авторъ изслѣдуетъ какъ зарожденіе религіозной нетерпимости, такъ и отстаиваніе свободы совѣсти у первыхъ отцовъ церкви и послѣднихъ языческихъ писателей въ средніе вѣка, въ эпоху реформаціи и гуманизма (особенно подробно останавливаясь на итальянскихъ антитринитаріяхъ) и затѣмъ переходитъ къ голландскому періоду (XVI—XVIII стол.), когда главные борцы за религіозную свободу или были голландскими уроженцами (арминіанизмъ), или находили себѣ временное убѣжище въ Голландіи въ качествѣ эмигрантовъ (Локкъ, Бейль и др.). Борьбой за терпимость въ Голландіи въ теченіе XVIII вѣка заканчивается первый выпускъ капитальной книги Руффини. Остается пожелать, чтобы за переводомъ перваго выпуска возможно скорѣе послѣдовало бы и продолженіе. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ.

В. Перцевъ.

«Судебная Реформа», подъ ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянскаго, при ближайшемъ участіи М. Н. Гернета, А. Э. Вормса, Н. К. Муравьева и А. Н. Паренаго. Книгоизд. «Объединеніе», М. 1915, т. I, с. XIII+380+1; т. II, с. 309+1; съ портр. и фототип. Цѣна за 5 томовъ по подпискѣ 20 руб.

Книгоиздательство «Объединеніе» широко задумало свое изданіе, посвященное судебной реформѣ 1864 г. и разсчитанное на 5 большихъ томовъ, и сумѣло объединить вокругъ редакторовъ, извѣстныхъ не только въ судебномъ мірѣ, цѣлый рядъ сотрудниковъ съ большими именами. По идеѣ редакціи, изданіе должно дать полную картину не только того, что явилось въ 1864 г. на смѣну суда дореформеннаго, но и того, чѣмъ былъ судъ въ Россіи до эпохи 60-хъ гг., и того, чѣмъ былъ новый судъ въ теченіе 50 лѣтъ своего существованія. Сообразно съ этимъ первый томъ изданія посвященъ общимъ принципамъ права, выясненію разницы между судомъ и расправой, исторіи суда въ древней и новой Руси, дореформенному суду и обозрѣнію проектовъ преобразованія суда до 1861 г. и въ періодъ 1861—64 гг. Второй томъ посвященъ исторіи суда послѣ судебной реформы и мѣстному суду (мировому, крестьянскому, судебно-административнымъ учрежденіямъ). Въ третьемъ томѣ обѣщаны статьи объ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, включая сюда адвокатуру и нотаріатъ, а также исторію сената. Въ четвертомъ томѣ, особенно интересномъ,

обѣщаны исторія особыхъ процессовъ (политическихъ, аграрно-рабочихъ, литературныхъ, религіозныхъ) и исторія особыхъ видовъ суда (коммерческаго, духовнаго, военнаго). Пятый томъ будетъ посвященъ административному производству, столь обширному у насъ по кругу дѣлъ и территоріальной распространенности (чрезвычайныя положенія, административная юстиція), а также судебнымъ проектамъ новаго времени и біографіямъ. Такимъ образомъ, программа изданія чрезвычайно интересна и для историка русскаго права, и для историка русской общественности, и для юриста. Разсчитанное на широкіе круги интеллигентной публики изданіе это, поскольку можно судить по первымъ двумъ томамъ, вполнѣ отвѣчаетъ и литературнымъ, и научно историческимъ требованіямъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Съ большимъ интересомъ читается введеніе къ I тому редактора изданія, Н. В. Давыдова, который правильно указываетъ, что законъ 19-го февраля 1861 г., освободившій крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и законъ 20 ноября 1864 г., давшій Россіи новый судъ, были краеугольными камнями для всѣхъ реформъ 60-хъ гг. Закономѣрность, равноправность, безсословность и неподкупность—вотъ тѣ начала, которыя призваны были внести въ жизнь безправной Россіи первые представители магистратуры, прокуратуры и адвокатуры. Дальнѣйшая судьба Судебныхъ Уставовъ 1864 г. живо отразила на себѣ всѣ перипетіи борьбы на Руси законности и произвола. Справедливо указываетъ редакторъ на общее сознаніе, проникающее русское общество, относительно необходимости пересмотра всего, что накопилось въ области судоустройства и судопроизводства за послѣднія 50 лѣтъ. Одновременно растетъ въ обществѣ интересъ къ законодательнымъ работамъ, и все большія массы населенія начинаютъ понимать, какую громадную роль въ жизни каждаго играетъ надлежащимъ образомъ организованный судъ.

Первый томъ открывается статьей В. М. Гессена «О судебной власти», очеркомъ о значеніи независимаго суда, основаннымъ не только на общихъ положеніяхъ юридической мысли, но и на законодательныхъ мотивахъ акта 20 ноября 1864 г. Авторъ справедливо указываетъ, что въ настоящее время необходимо не только возстановленіе судебныхъ уставовъ, создавшихъ впервые у насъ независимый судъ, но и приведеніе ихъ въ соотвѣтствіе съ восторжествовавшей въ Россіи de jure, съ 1905 г., идеей правового государства. Почти десять съ половиною листовъ заняты изслѣдованіемъ г. Сыромятникова по «исторіи суда въ древней и новой Россіи» (до изданія Свода Законовъ). Это изслѣдованіе выходитъ уже за предѣлы популяризаціи научныхъ знаній и для

научнаго этюда объемъ статьи оказался слишкомъ небольшимъ. Гораздо популярнѣе статья Ю. В. Готье, посвященная исторіи вопроса объ отдѣленіи судебной власти отъ административной. Можно отъ души пожалѣть, что авторъ не использовалъ матеріалъ по исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи, которое, занимаясь, дѣйствительно, больше всего вопросами о народномъ представительствѣ и ограниченіи абсолютизма, посвящало свое вниманіе и суду, какъ основѣ правового порядка. Интересный историческій и бытовой матеріалъ для характеристики дореформеннаго суда собралъ г. Бочкаревъ. Пробѣломъ I тома является очеркъ, который излагалъ бы догматически судоустройство и судопроизводство предъ 1864 г. Г-нъ В. Плетневъ, посвятивъ большую статью работамъ по составленію проектовъ судебнаго преобразованія до 1861 г., далъ интересный очеркъ развитія идей преобразованія суда въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ, но и онъ также не обратилъ должнаго вниманія и использовалъ лишь частично исторію вопроса о судѣ въ конституціонныхъ заявленіяхъ XIX в. Вообще, офиціальный матеріалъ и его разработка, какъ будто, болѣе привлекали къ себѣ вниманіе авторовъ статей, нежели матеріалъ общественнаго движенія. Вл. Д. Набоковъ сумѣлъ интересно изложить сухой и далеко не всѣми юристами-практиками изученный матеріалъ работъ по составленію Судебныхъ Уставовъ. Въ «соображеніяхъ» отдѣльныхъ лицъ и учрежденій по поводу проекта Судебныхъ Уставовъ отразились различныя тенденціи, умѣло вскрытыя г. Набоковымъ. Тотъ же авторъ далъ и общую характеристику судебной реформы. Наконецъ, г. Тельбергъ впервые, сколько мы знаемъ, прослѣдилъ вліяніе судебной реформы на науку права. Это вліяніе было громадно. Точнѣе говоря, она создала, въ сущности, науку права на Руси. Таково содержаніе статей I тома, неодинаковыхъ по достоинству и объему. Это естественно при коллективномъ трудѣ. Но, что является столь цѣннымъ въ изданіяхъ подобнаго рода, сотрудники его единодушны въ своемъ отношеніи къ суду, къ вопросу о тѣсной связи суда съ даннымъ порядкомъ вещей и въ отношеніи къ тому, что нужно было прежде и что нужно теперь русскому суду.

Преслѣдуя цѣли популяризаціи опредѣленныхъ общественно-правовыхъ идей, редакторы изданія, естественно, помѣстили во главѣ II тома статью проф. П. И. Люблинскаго «о судѣ и правахъ личности»; онъ выясняетъ значеніе государственнаго, личнаго и общественнаго элементовъ въ сферѣ суда и показываетъ, почему судъ по уставамъ 1864 г., сдѣлавши кое-

что во области огражденія личной свободы, такъ мало сдѣлалъ въ области огражденія свободы гражданской и политической. Проф. Люблинскій выставляетъ требованіе привести учрежденія въ соотвѣтствіе съ правосознаніемъ народа, дабы въ этихъ учрежденіяхъ могли воспитываться независимые и твердые судьи. Слѣдующіе за симъ два очерка пр. Жижиленко и В. С. Малченко очень интересны; первый изъ нихъ далъ очеркъ движенія уголовно-профессіональнаго, а второй—гражданско-процессуальнаго законодательства послѣ 1864 года. Чрезвычайно обстоятельны статьи гг. А. Вормса и А. Паренаго о крестьянскихъ судахъ и судебно - административныхъ учрежденіяхъ (по закону 1889 года). Эта обстоятельность тѣмъ болѣе цѣнна, что русское общество изо всѣхъ судебныхъ учрежденій, пожалуй, меньше всего знало тѣ именно судебно-административныя учрежденія, которыя предназначены были обслуживать подавляющее большинство населенія имперіи. Только въ 1912 г., въ связи съ реформою мѣстнаго суда (кстати сказать, неудовлетворительно задуманной и проведенной), общество подошло ближе къ вопросамъ суда и управленія въ средѣ многомилліоннаго сельскаго населенія. Авторы включили и эту реформу въ свои статьи, которыя пріобрѣтаютъ такимъ образомъ и интересъ современный, не только историческій. Еще болѣе обстоятельна большая и содержательная статья Н. Н. Полянскаго о мировомъ судѣ. Авторъ использовалъ богатѣйшій матеріалъ законодательный и историческій и далъ научный очеркъ, вполнѣ законченный и цѣнный. Эту статью съ одинаковымъ вниманіемъ прочтутъ и историки, и юристы, и читатели изъ широкихъ слоевъ общества. Гг. А. Мелкихъ и В. Челищевъ въ своей статьѣ «Изъ исторіи мирового суда въ Москвѣ» собрали историческій матеріалъ, касающійся взаимоотношеній суда и администраціи, да еще въ такомъ городѣ, какъ Москва, гдѣ патріархально-самовластное отношеніе къ обывателю вошло въ плоть и кровь администраціи, гдѣ во главѣ управленія нерѣдко стояли лица, умѣвшія охранять свою «независимость» даже отъ высшихъ учрежденій имперіи. Оберъ-полиціймейстеръ ген.-м. Араповъ гласно высказывалъ сожалѣніе, что полиціи для преслѣдованія обывателя нужно обращаться къ мировымъ судьямъ. Приговоры не въ пользу полиціи огорчали ген.-м. Арапова. «Конечно, писалъ онъ,—протесты полиціи на приговоры мировыхъ судей не въ силахъ, при публичности сего суда, убѣдить каждаго, что онъ не имѣетъ права обращаться къ мировому судьѣ съ жалобой на чиновъ полиціи»... Позже бывали и не такія исторіи.

Подводя итоги, нельзя не пожелать успѣха изданію и скорѣйшаго выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ томовъ. *Сергѣй Сватиковъ.*

Ю. В. Готье. Очеркъ исторіи землевладѣнія въ Россіи. Сергіевъ-Посадъ. 1915, 207 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что его «очеркъ составился изъ лекцій, читанныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ». Считаю необходимымъ пояснить, что это лекціи не того типа, какой представляетъ «Курсъ» Ключевскаго, и авторъ не даромъ говоритъ, что его книга «предназначается главнымъ образомъ для слушателей автора». Слова эти очевидно означаютъ, что главная цѣль автора—дать его слушателямъ сжатое пособіе для подготовки къ экзаменамъ.

Смотря на книгу проф. Готье, какъ на пособіе для его слушателей, мы не можемъ не признать, что авторъ въ общемъ удовлетворительно разрѣшаетъ свою задачу. Поставивъ своею цѣлью представить общій очеркъ исторіи землевладѣнія въ Россіи до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, авторъ даетъ, хотя и не всегда, ясное и сжатое изложеніе главнѣйшихъ результатовъ современной науки. Нельзя не одобрить и то, что онъ снабжаетъ каждую главу своей книги обстоятельною библіографіею, для его цѣли въ сущности достаточною и составленною довольно объективно. Слѣдовало бы только пожелать иной разъ большей точности въ терминахъ и выраженіяхъ, а это необходимое требованіе авторъ, конечно, нарушаетъ, когда напр., разсматривая эволюцію у насъ общиннаго землевладѣнія и сказавъ нѣсколько словъ о «долевомъ, сябринномъ или складническомъ землевладѣніи», утверждаетъ: «еще позднѣе поземельныя права общины расширяются: она является *собственникомъ* и распорядителемъ всей совокупности принадлежащихъ отдѣльнымъ ея членамъ земельныхъ угодій» (стр. 82). Авторъ, конечно, хорошо знаетъ, что община крестьянъ помѣщичьихъ, церковныхъ учрежденій и дворцовыхъ, гдѣ прежде всего, по его собственнымъ словамъ, появилась община новѣйшаго типа (съ передѣлами пахотной земли) не была *собственницею* земли, которую населяли ея члены; это просто обмолвка; относительно же крестьянъ черносошныхъ слѣдовало бы сдѣлать обстоятельныя поясненія. Слѣдуетъ избѣгать также и объясненій, которыя ничего не объясняютъ: такъ, наприм., едва ли слушатели автора поймутъ, что такое въ XVII—XVIII былъ *гакъ* или *гакенъ* въ Лифляндіи, когда прочтутъ, что это «очень сложная и искусственная единица исчисленія повинностей, лежавшихъ на крестьянинѣ въ соотвѣтствіи съ занятой имъ землею» (200 стр.).

Слѣдуетъ, конечно, избѣгать также ошибокъ и противорѣчій. Между тѣмъ на стр. 106, приведя указъ 1721 г., разрѣшавшій не только шляхетству, но и купечеству покупать

деревни къ заводамъ съ дозволенія бергъ- и мануфактуръ-коллегіи съ условіемъ, чтобы эти деревни составляли неотъемлемую принадлежность этихъ заводовъ, авторъ далѣе говоритъ, что въ Московской губерніи, «занимавшей тогда весь центръ страны», и въ области уральскихъ горныхъ заводовъ, «*приписка* крестьянъ къ заводамъ способствовала значительному сокращенію числа незакрѣпощенныхъ крестьянъ. Въ сѣверномъ Пріуральѣ законъ 1721 года привелъ даже *къ полному исчезновенію черныхъ крестьянъ въ этой искони свободной крестьянской мѣстности*» (стр. 106). Читатель очень удивится, что законъ 1721 г. могъ имѣть такія огромныя послѣдствія для пріуральскихъ черносошныхъ крестьянъ, когда узнаетъ, что «за фабрикантами и заводчиками въ деревняхъ ихъ людей и крестьянъ» *во всей Россіи* по 5 ревизіи (1790-е годы) было 28.000 д. м. п. (стр. 107) [1]). Далѣе на стр. 125 авторъ говоритъ: «крѣпостное право въ своемъ территоріальномъ распространеніи на сѣверъ и востокъ остановилось, не заходя далѣе Вологды, Тотьмы и теченія Ветлуги...(?); правда, позднѣе, при Петрѣ, много крестьянскаго люда въ Пріуральѣ *было приписано* къ заводамъ, *но все же значительная часть русскаго сѣвера сохранила свою старинную свободу*». Три приведенныя мѣста, при ихъ сопоставленіи, представляютъ путаницу: авторъ смѣшиваетъ крестьянъ, которыхъ разрѣшено было въ 1721 г. *покупать* къ заводамъ и фабрикамъ съ тѣмъ, чтобы они были ихъ неотъемлемою принадлежностью, и которые составили главную составную часть такъ называемыхъ *поссессіонныхъ* крестьянъ (терминъ, установившійся со времени имп. Павла и Александра I) съ черносошными (государственными) крестьянами, которыхъ еще ранѣе 1721 г. начали *приписывать* къ заводамъ для отработки на нихъ податей рубкою и возкою дровъ, возкою руды... Какъ ни тяжело было матеріальное положеніе этихъ крестьянъ, эти *крестьяне* (а не мастеровые), численность которыхъ была гораздо больше числа поссессіонныхъ, не становились ни поссессіонными, ни тѣмъ болѣе крѣпостными и назывались *приписными* [2]). Крестьяне, приписанные къ уральскимъ горнымъ заводамъ (о которыхъ говоритъ авторъ въ двухъ приведенныхъ мѣстахъ), въ 1803 г. были отъ нихъ отчислены и возвратились и по названію въ общую массу государственныхъ черносошныхъ крестьянъ, при чемъ изъ нихъ только небольшая часть, посредствомъ своего рода рекрутскаго набора, были набраны для обращенія въ заводскихъ мастеровыхъ. Кре-

---

[1]) Въ дѣйствительности поссессіонныхъ крестьянъ и рабочихъ было уже въ 1780 г. во всей Россіи болѣе 76.000 душъ мужского пола.

[2]) По 5-й ревизіи (1790-хъ г.г.) во всей Россіи 312.218 душъ мужского пола.

стьяне поссессіонные были гораздо ближе къ крѣпостнымъ, чѣмъ приписные, но все же между поссессіонными и крѣпостными были и существенныя различія, объяснять которыя считаю излишнимъ, такъ какъ авторъ найдетъ всѣ эти разъясненія въ одномъ изъ спеціальныхъ изслѣдованій о крестьянахъ во второй половинѣ XVIII в., которое онъ хорошо знаетъ и которымъ пользуется во многихъ мѣстахъ.

Авторъ хорошо понимаетъ всю важность въ исторіи русскаго землевладѣнія вопроса о пожалованіи населенныхъ имѣній. Къ пожалованію вотчинъ въ XVII в. онъ относится сравнительно съ бо́льшимъ вниманіемъ, о пожалованіи же населенныхъ имѣній въ XVIII в. онъ говоритъ всего на полъ-страницѣ, при чемъ его свѣдѣнія не всегда точны и неполны. Авторъ сообщаетъ, что Петръ В. роздалъ «*всего* приблизительно 175.000 ревизскихъ душъ», но это неточно: слѣдуетъ пояснить, что это было роздано *изъ однѣхъ дворцовыхъ волостей*, а были и многія другія пожалованія въ Малороссіи.

Авторъ не указываетъ общей цифры пожалованныхъ со времени смерти Петра В. до Екатерины II, а между тѣмъ онъ могъ бы найти въ нашей исторической литературѣ указанія, что въ это время было пожаловано по *именнымъ* указамъ не менѣе 500.000 д. обоего пола, или около 250.000 д. м. п. изъ отписныхъ или конфискованныхъ имѣній, имѣній выморочныхъ, дворцовыхъ, государевыхъ, въ Малороссіи—изъ свободныхъ войсковыхъ деревень, въ Остзейскомъ краѣ—изъ коронныхъ мызъ. Эта цифра есть результатъ подсчета по отдѣльнымъ именнымъ указамъ сенатскаго архива, но есть основаніе думать, что она ниже дѣйствительной. Результатъ новѣйшаго подсчета пожалованій при Екатеринѣ II, при чемъ приняты во вниманіе матеріалы не только сенатскаго, но и государственнаго архива,—850.000 д. обоего пола, т.-е. около 425.000 душъ м. п. (проф. Готье говоритъ: «*до* 400.000»); относительно времени Павла авторъ приводитъ почему то количество пожалованныхъ этимъ государемъ лишь во время коронаціи (стр. 111), тогда какъ имѣется уже подсчетъ за все царствованіе, который далъ: около 600.000 душъ об. пола, или около 300.000 душъ мужского пола [1]).

По вопросу объ общинномъ землевладѣніи, хотя автору хорошо извѣстны, судя по его библіографическимъ указаніямъ, мнѣнія тѣхъ многочисленныхъ писателей, которые (начиная съ

---

[1]) Болѣе детальныя свѣдѣнія по этому предмету авторъ можетъ найти въ моихъ статьяхъ о пожалованіи населенныхъ имѣній въ царствованіи Екатерины II («Журн. для всѣхъ» 1906. № 1 и 2) и въ царствованіе Павла I («Русск. Мысль» 1882 г. № 12).

П. А. Соколовскаго) признаютъ существованіе волостной общины, какъ предшествующей въ однихъ мѣстахъ и сосуществующей въ другихъ общинѣ съ земельными передѣлами, но онъ не съ достаточнымъ вниманіемъ отнесся къ этому мнѣнію, какъ и къ новѣйшимъ наблюденіямъ А. А. Кауфмана и выводамъ г. Качоровскаго. Первое появленіе современнаго типа общины (съ передѣлами земли) авторъ относитъ къ первой половинѣ XVII ст. (стр. 82—83), между тѣмъ какъ можно найти указанія относительно и передѣловъ въ болѣе раннее время, напр., на дворцовыхъ земляхъ вел. кн. Симеона Бекбулатовича въ Тверскомъ у. (1580 г.). Доводя свои сжатыя указанія относительно общиннаго землевладѣнія до послѣдняго времени, авторъ обнаруживаетъ весьма недостаточное знакомство съ предметомъ, когда утверждаетъ, что «однимъ изъ послѣдствій крестьянской реформы 1861 г. было *почти полное исчезновеніе* земельныхъ передѣловъ въ крестьянскихъ общинахъ; вмѣсто нихъ вошло въ силу распоряженіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ со стороны міра душевыми надѣлами безъ измѣненія ихъ величины»; упомянувъ о законѣ 1893 г., отдавшемъ общину подъ надзоръ земскихъ начальниковъ, авторъ говоритъ еще рѣшительнѣе объ «*исчезновеніи обычая земельныхъ передѣловъ*». Оба эти утвержденія въ такой категорической формѣ совершенно невѣрны, и авторъ можетъ найти безконечное количество опроверженій своихъ словъ въ трудѣ (составленномъ на основаніи изслѣдованій земскихъ статистиковъ) В. В. Качоровскаго и въ книгѣ Н. А. Карѣева «Трудъ» (1897 г.)[1]. Невѣрное утвержденіе автора о совершенномъ исчезновеніи земельныхъ передѣловъ тѣмъ болѣе непростительно, что оно служитъ какъ бы оправданіемъ указа 9 ноября 1906 г.[2]). Если бы мнѣніе автора о томъ, что передѣлы ***совершенно прекратились***[3]), было справедливо, если бы это было общимъ явленіемъ въ Европейской Россіи, то новѣйшее аграрное законодательство не встрѣтило бы такого протеста и среди самихъ крестьянъ (случаи волненій на этой почвѣ безпрестанно описываются въ газетахъ), но также

---

[1]) Тамъ онъ найдетъ также доказательство того, что эволюція общинныхъ передѣловъ не ограничивалась только переходомъ отъ передѣловъ по тягламъ къ передѣламъ по душамъ (при чемъ онъ разумѣетъ—*ревизскія души*), но выражалась и въ появленіи мѣстами передѣловъ по *наличнымъ* душамъ и, наконецъ, по *ѣдокамъ* вообще, т.-е. не исключая и женщинъ.

[2]) Нельзя не замѣтить, что автору слѣдовало бы говорить не объ указѣ только 9 ноября 1906 г., но и о дальнѣйшемъ утвержденіи его Государственною Думою въ формѣ закона 14 іюня 1910 г.

[2]) При чемъ слѣдовало бы тутъ же пояснить, что дѣло идетъ только объ Европейской Россіи (о появленіи уравнительныхъ передѣловъ въ Сибири, во многихъ мѣстахъ «въ очень недавнее время» авторъ упоминаетъ въ особой главѣ, стр. 197).

и въ печати, при чемъ та насильственность, которою отличается это законодательство, вызвало порицаніе даже со стороны соціалъ-демократовъ, не сочувствующихъ общинному землевладѣнію.

Какъ же относится самъ авторъ къ этому новѣйшему законодательству? Мы понимаемъ, что можно принадлежать къ тому незначительному меньшинству писателей и ученыхъ, которые одобряютъ это новѣйшее законодательство, производящее великое насиліе надъ русскимъ крестьянскимъ міромъ, въ сущности подрывающее въ будущемъ возможность передѣловъ, быстро увеличивающее количество безземельныхъ и готовящее намъ серіозныя потрясенія, но нужно по крайней мѣрѣ обосновать это мнѣніе какими либо доказательствами, авторъ же оцѣниваетъ законъ 9 ноября 1906 г. лишь такими словами: онъ «положилъ начало разрушенію старишнаго вида коллективнаго землевладѣнія. Этимъ онъ сдѣлалъ русское землевладѣніе болѣе свободнымъ, чѣмъ ранѣе, и далъ толчекъ по пути къ дальнѣйшему развитію въ Россіи землевладѣнія личнаго, индивидуальнаго. Въ этомъ нельзя не видѣть полной аналогіи съ процессомъ исторіи землевладѣнія въ другихъ европейскихъ странахъ и подтвержденія общей схемы развитія землевладѣнія, которая была намѣчена въ началѣ настоящаго очерка» (стр. 190). А въ началѣ очерка сказано, что въ «государствахъ новѣйшаго времени... продолжаетъ преобладать собственность индивидуальная; собственность коллективная сохраняется далеко не вездѣ, являясь чаще всего пережитками прежняго времени. Такова общая схема эволюціи землевладѣнія въ міровой исторіи» (стр. 6). Судя по этимъ словамъ, авторъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ могъ бы посовѣтовать крестьянамъ не только не возмущаться чинимымъ надъ ними насиліемъ на основаніи закона, проведеннаго ради классовыхъ интересовъ частныхъ землевладѣльцевъ и болѣе богатыхъ крестьянъ, а напротивъ кричать «да здравствуетъ эволюція», подобно тому, какъ какой-то остроумецъ посовѣтовалъ свободному отъ сѣдока извозчику кричать «да здравствуетъ свобода». Но факты, приводимые авторомъ относительно другой эпохи, показываютъ, что крестьяне реагируютъ на правительственное насиліе въ аграрныхъ дѣлахъ совершенно иначе: разсказывая о принудительномъ размежеваніи крестьянскихъ земель въ господарскихъ имѣніяхъ литовско-русскаго государства въ XVI в. и разбиваніи ихъ на равные участки опредѣленной величины (такъ называемыя *уволоки*), авторъ покидаетъ то ученое равнодушіе, которое онъ обнаруживаетъ къ интересамъ современнаго крестьянства, и находитъ для оцѣнки дѣйствій правительства

литовско-русскаго государства настоящія слова: «такая реформа», говоритъ онъ, «была фактически цѣлой *революціей*, такъ какъ размежеваніе разбивало вѣками установившійся земельный строй. Размежеваніе вызывало недовольство, попытки остаться при старомъ строѣ: «Боже избави, чтобы мы-то допустили, чтобъ распредѣлять землю по волокамъ»..., говорили крестьяне». Въ восточной окраинѣ великаго княжества Литовскаго земельная реформа не имѣла большого успѣха, и авторъ объясняетъ это тѣмъ, что здѣсь была сильнѣе волостная община, и слабое развитіе подворнаго владѣнія отразилось въ этомъ краѣ, по словамъ проф. Готье, даже на крестьянской реформѣ въ царствованіе Александра II. Напротивъ, «въ южнорусскихъ земляхъ, отошедшихъ по Люблинской уніи въ составъ Польскаго королевства, «волочная помѣра», продолжаетъ авторъ, «вводилась въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій съ бо̀льшой энергіей и при упорномъ сопротивленіи мѣстнаго крестьянства». Здѣсь авторъ не скрываетъ того, къ чему это привело: «Казачьи возстанія и особенно полное разореніе правобережной Украйны во время войнъ второй половины XVII вѣка совершенно нарушили землевладѣльческій строй этого края» (стр. 22—25). Такимъ образомъ авторъ называетъ аграрное законодательство литовско-русскаго государства XVI в. не эволюціей, а «фактически цѣлой революціей», и признаетъ, что въ южно-русскихъ земляхъ эта революція сверху привела къ казацкимъ возстаніямъ, т.-е. къ революціи снизу.

Автору слѣдовало бы задуматься надъ этимъ историческимъ прецедентомъ. Равнодушное отношеніе къ современному аграрному законодательству особенно вредно въ аудиторіи Межевого Института; вѣдь именно слушателямъ автора сплошь и рядомъ придется быть орудіями насилія надъ крестьянскою массою во имя интересовъ болѣе богатаго меньшинства. Боюсь, какъ бы эти слушатели не стали дѣйствовать съ бо̀льшею безсердечностью во славу мнимой «эволюціи».

В. Семевскій.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Архивъ Раевскихъ.** Т. V. П. 2) **Бемъ, А.** Къ исторіи изученія Толстого Изд. Рус. Биб. О-ва. П. 3) **Біо-библіографическіе матерьялы** Собр. въ 1913—14 г. Э. А. Вольтеромъ. Библ. Сб. Т. I, в. 2. Изд. Рус. Библ. О-ва. П. 4) **Бородинъ, Н.** Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты и Россія. Изд. к-ва «Огни». П. Ц. 2 р. 50 к. 5) **Бречкевичъ, М.** Полабскіе славяне. Казань. Ц. 20 к. 6) **Войтинскій, В. и Горнштейнъ, А.**

Евреи въ Иркутскѣ. Изд. Хоз. Прав. Ирк. Евр. Молит. Дома и Ирк. Отд. О. Р. Просв. м. евр. въ Россіи. П. Ц. 2 р. 50 к. 7) **Гнѣдичъ, П.** Матерьялы по народной словесности. Полтав. губ. Ромен. у. Повѣствованія казаковъ. П. 8) **Даниловъ, Н.** Матеріалы для полн. собр. сочиненій П. Козлова. П. 9) **Евлаховъ, А.** проф. Бюрократическая наука. Ростовъ-на-Дону. 10) **Елпатьевскій, С.** Разсказы о прошломъ. Т. 3. Изд. 2-ое. Кн-во писателей въ М. Ц. 1 р. 25 к. 11) **Крыловъ, М.** Очерки изъ жизни славянъ на Днѣпрѣ. Подъ ред. проф. А. Кизеветтера. М. Ц. 40 к. Изд. Кутнинъ и К-о. 12) **Масперо, Г.** Египетъ. К-во М. и С. Сабашниковыхъ. М. Ц. 1 р. 25 к. 13) **Могилянскій, М.** О культурномъ творчествѣ. П. Ц. 20 к. 14) **Отчетъ о дѣйствіяхъ Имп. Вольно-Экономич. о-ва.** за 1914 г. П. 15) **Отчетъ** ун-та им. А. Шанявскаго за 1914—15 ак. г. 16) **Павловскій, И.** Описаніе Архивовъ Полтав. губ. Изд. Пол. У. Арх. Ком. 17) **Плетневъ, А.** Собраніе сочиненій. Т. III. Ц. 1 р. 25 к. 18) **Пушкинъ и его современники** Матер. и изслѣд. Вып. XXI—XXII. Изд. Им. Ак. Наукъ. П. 19) **Русскіе Пропилеи.** Т. 3. И. С. Тургеневъ. Соб. и приг. М. Гершензонъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. Ц. 3 р. 50 к. 20) **Симоновъ, И.** Грановскій—учитель. Къ 100-лѣтію со дня рожд. П. Ц. 25 к. 21) **Его же.** Изъ исторіи журнала для чтенія воспит. воен. уч. завед. П. Ц. 35 к. 22) **Смирновъ, П.** Челобитныя дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ въ первой половинѣ XVII в. Изд. Им. Об. Ист. и Др. Рос. при Моск. У. М. 23) **Списокъ госпиталей,** сост. на учетѣ Всерос. Зем. Союза. Изд. 2-ое М. 24) **Толстовская библіографія** за 1913 г. Подъ ред. А. Бема. Изд. Толст. Музея в. П. Ц. 50 к. 25) **Фортунатовъ, А.** Справка по библіографіи Петровка.

Новый трудъ Г. В. Плеханова по русской исторіи.

Г. В. Плехановъ предпринялъ составленіе «Исторіи русской общественной мысли» съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. Недавно появившійся въ печати первый томъ этого труда [1]) обнимаетъ собою весь древній періодъ нашей исторіи до начала XVIII столѣтія. Нечего и говорить о томъ, съ какимъ большимъ интересомъ подойдетъ къ этому тому всякій, кто привыкъ посвящать свое вниманіе изученію русской исторіи. Вѣдь въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было цѣльной спеціальной работы по исторіи русскаго общественнаго сознанія. Для тѣхъ эпохъ, которыхъ касается первый томъ сочиненія Г. В. Плеханова, мы имѣемъ рядъ очень основательныхъ монографій, посвященныхъ или отдѣльнымъ теченіямъ и моментамъ въ развитіи древне-русской общественной мысли или даже отдѣльнымъ представителямъ того или иного теченія или момента. Но по части сводныхъ обзоровъ эволюціи древне-русской общественной мысли наша историческая литература очень бѣдна. Конечно, относящіяся сюда явленія затрагиваются въ общихъ трудахъ по исторіи русской литературы при обозрѣніи соотвѣтствующихъ произведеній русской письменности; но вѣдь для историка литературы, на какой бы онъ ни стоялъ точкѣ зрѣнія на задачи своего предмета, изученіе исторіи политическаго сознанія общества всегда явится лишь одною изъ частностей въ кругу интересующихъ его вопросовъ, и вотъ почему даже въ такомъ обстоятельномъ трудѣ, какова «Исторія русской литературы» Пыпина, мы найдемъ лишь рядъ отдѣльныхъ наблюденій и замѣчаній, касающихся эволюціи политическихъ общественныхъ воззрѣній въ до-Петровской Руси, но систематическаго построенія хода ихъ развитія искать тамъ было бы напрасно. Весьма интересный опытъ такого построенія данъ П. Н. Милюковымъ во второй части его «Очерковъ по исторіи русской куль-

---

[1]) Исторія русской общественной мысли, т. I. Изданіе Т-ва «Міръ». Москва. 1915 г.

туры», но вѣдь и это не болѣе, какъ эскизъ, не возмѣщающій отсутствія въ нашей литературѣ спеціальнаго труда по исторіи русской общественной мысли до-Петровской эпохи.

Уже въ виду такого состоянія нашей спеціальной литературы опытъ, предпринятый Г. В. Плехановымъ, получаетъ всѣ права на вниманіе читателей. Вниманіе это не можетъ, конечно, не усугубиться въ связи съ личностью автора этого опыта. Никакія разногласія съ общественно-политическими воззрѣніями Г. В. Плеханова не могутъ ни въ чьихъ глазахъ заслонить ни яркаго литературнаго таланта, ни сильнаго и своеобразнаго ума и разносторонней эрудиціи этого замѣчательнаго писателя и крупнаго политическаго дѣятеля. Отъ той или иной книги, написанной Плехановымъ, можно не получить полнаго удовлетворенія, можно рѣшительно разойтись съ ея положеніями и выводами, но совершенно невозможно не найти въ ней пищи для плодотворнаго возбужденія мысли. Плехановъ можетъ написать книгу не совсѣмъ удачную, но онъ не можетъ написать книги не интересной и не заслуживающей вниманія.

Новый трудъ Плеханова не составляетъ исключенія изъ этого правила. Скажемъ сразу: какъ научно-историческій опытъ исторіи русской общественной мысли до-Петровской эпохи, книга Плеханова насъ не удовлетворяетъ. Но какъ собраніе содержательныхъ, тонкихъ и остроумныхъ разсужденій и замѣчаній по вопросамъ, такъ или иначе касающимся указаннаго предмета, книга эта, на нашъ взглядъ, должна быть отнесена къ числу весьма интересныхъ новинокъ нашей исторической литературы.

Г. Плехановъ начинаетъ съ заявленія о томъ, что, согласно раздѣляемому имъ основному догмату историческаго матеріализма,—не бытіе опредѣлятеся сознаніемъ, а сознаніе бытіемъ,—онъ считаетъ нужнымъ предпослать исторіи русской общественной мысли очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній. Такому вступительному очерку и посвящена почти половина разсматриваемаго тома. Мы приступили къ чтенію этого очерка съ особеннымъ интересомъ. Имѣя въ виду теоретическія предпосылки автора книги, мы ожидали найти здѣсь внимательнѣйшее и детальное разсмотрѣніе возникновенія и послѣдовательнаго измѣненія классоваго строенія древнерусскаго общества вплоть до начала XVIII столѣтія. Мы полагали, что авторомъ будетъ привлеченъ для цѣлей такого разсмотрѣнія весь матеріалъ нашихъ историческихъ источниковъ—и лѣтописныхъ и актовыхъ и законодательныхъ—и, при помощи всѣхъ этихъ данныхъ, будетъ, такъ сказать, распутанъ по отдѣльнымъ ниточкамъ сложный клубокъ общественныхъ отношеній въ до-Петровской Руси и

прослѣжены направленіе каждой изъ этихъ ниточекъ и ихъ взаимныя извилистыя сплетенія. Опираясь на такое изслѣдованіе, авторъ получилъ бы возможность затѣмъ съ полной отчетливостью представить отраженіе интересовъ и стремленій различныхъ классовъ русскаго общества въ произведеніяхъ публицистической литературы соотвѣтствующихъ эпохъ. Конечно, такое изслѣдованіе потребовало бы громаднаго кропотливаго спеціальнаго труда. Но что же дѣлать, noblesse oblige; историку-матеріалисту, объясняющему «сознаніе бытіемъ», отъ такого труда отказываться не приходится, какъ бы ни была громоздка такая задача.

Между тѣмъ г. Плехановъ наполнилъ первую часть своего перваго тома разсужденіями самаго общаго характера, очень интересными, но все же не дающими конкретнаго представленія о всей сложности классоваго строенія древне-русскаго общества. Въ сущности, вся эта первая часть представляетъ собою иллюстрируемый нѣкоторыми историческими примѣрами общій трактатъ о степени и характерѣ своеобразія русскаго историческаго процесса. Конечно, мы вполнѣ признаемъ всю важность этого вопроса; мы полагаемъ также, что поднятіе этого вопроса очень своевременно въ виду тѣхъ одностороннихъ и запутанныхъ отвѣтовъ на него, которые даются различными изслѣдователями. Мы съ удовольствіемъ констатируемъ, что г. Плехановъ, при разсмотрѣніи этого вопроса, намѣчаетъ линію, представляющуюся намъ наиболѣе правильной и наиболѣе свободной отъ увлеченія въ ту или иную сторону.

Чуть ли не за все время существованія русской исторіографіи въ ней боролись по указанному вопросу два прямо противоположныя теченія. Одни историки настаивали на полномъ своеобразіи русскаго историческаго процесса. Другіе хотѣли видѣть въ исторіи Россіи не что иное, какъ воспроизведеніе тѣхъ же самыхъ явленій, которыя наполнили историческую жизнь западно-европейскихъ странъ. Первые исходили изъ того положенія, что русскую жизнь нельзя мѣрить европейскимъ аршиномъ; вторые утверждали, что Россія страна европейская и ничто европейское не должно быть ей чуждо.

Мысль о рѣзкомъ своеобразіи русскаго историческаго процесса отличалась необычайной живучестью въ общественномъ сознаніи. Эта мысль пережила не одну смѣну философско-политическихъ идеологій, властвовавшихъ поочередно надъ умами русской интеллигенціи, и при каждой изъ такихъ смѣнъ теорія своеобразія русскаго историческаго развитія лишь перестраивалась въ своей аргументаціи и въ своей формулировкѣ. Славянофилы обосновывали эту теорію на гегеліанскомъ ученіи о раскрытіи въ исто-

рической жизни различныхъ народовъ отдѣльныхъ сторонъ міроваго разума; основоположники народничества выводили ту же теорію изъ своей вѣры въ возможность для Россіи непосредственно перейти отъ первобытныхъ общественныхъ формъ прямо въ золотой вѣкъ соціализма, минуя посредствующіе этапы капиталистической культуры; наконецъ, крупнѣйшіе представители научно-реалистической школы новаго времени подчеркивали своеобразіе русскаго историческаго процесса на основаніи своихъ наблюденій надъ цѣлымъ рядомъ особенностей нашего историческаго прошлаго, проистекавшихъ изъ своеобразнаго сочетанія историческихъ факторовъ; при этомъ историки порою переоцѣнивали значеніе такого своеобразія, не всегда отличая различія количественныя отъ различій качественныхъ.

Какъ бы то ни было, указанія на своеобразность русскаго историческаго процесса были весьма многообразны и настойчивы, и значеніе ихъ оказывалось тѣмъ болѣе внушительнымъ, что какъ мы только что видѣли онѣ сохраняли свою силу подъ покровомъ самыхъ разнородныхъ историческихъ міросозерцаній.

Въ послѣднее время все сильнѣе стала обнаруживаться реакція противъ недавнихъ увлеченій теоріей своеобразія русскаго историческаго развитія. Думается, что немалую роль сыграли въ появленіи этой реакціи обнаруживавшіеся въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка успѣхи русскаго капитализма со всѣми присущими капиталистическому развитію послѣдствіями: вѣдь эти успѣхи русскаго капитализма такъ рѣзко противорѣчили былымъ народническимъ ожиданіямъ и упованіямъ, а слѣдовательно въ связи съ этими успѣхами не могъ не поколебаться и былой авторитетъ теоріи своеобразія русскаго историческаго развитія [1]). Одновременно съ этимъ и въ спеціальной литературѣ, посвященной изученію отдаленнаго отъ насъ историческаго прошлаго,

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ необходимымъ оговорить, что Н. К. Михайловскій, самый видный идеологъ позднѣйшаго такъ называемаго критическаго народничества, еще въ 1878 году въ «Литературныхъ замѣткахъ»... писалъ: «Пора бы намъ перестать толковать объ отличіи историческихъ путей, коими слѣдуетъ наше отечество отъ тѣхъ, которыми шла и идетъ Европа». (Соч. т. IV. стр. 572). Касаясь развертываемой В. В. (въ книгѣ «Судьбы капитализма въ Россіи») перспективы «оригинальнаго, пожалуй, самобытнаго пути развитія русской жизни», Н. К. Михайловскій говорилъ въ 1883 г. въ тѣхъ же «Отечественныхъ Запискахъ»:... «для истиннаго пониманія его (т. е. В. В.) оригинальнаго тезиса о невозможности у насъ капиталистическаго строя, въ противоположность Европѣ, гдѣ онъ имѣетъ свои raisons d'être; для правильнаго пониманія этого тезиса надо имѣть въ виду, что капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, какъ обыкновенно думаютъ, а у насъ не такъ уже отсутствуетъ, чтобы *даже для отдаленнаго будущаго можно было бы противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ*». («Письма посторонняго». Соч. т. V. стр. 782). Уже приведенныя цитаты показываютъ, что въ обобщеніи народнической идеологіи приходится быть осторожнымъ. — *Ред.*

были выдвинуты нѣкоторыя новыя построенія, позволявшія проводить аналогію между русскимъ и западно-европейскимъ историческимъ процессомъ гораздо дальше, нежели это допускалось въ историческихъ трудахъ прежняго времени. Я разумѣю новыя изысканія по исторіи русскаго феодализма Павлова-Сильванскаго и его послѣдователей.

Такъ, въ цѣпи русскаго историческаго развитія сразу оказались налицо два звена, на предполагаемомъ отсутствіи которыхъ въ значительнѣйшей мѣрѣ основывали свои заключенія сторонники теоріи своеобразія русскаго историческаго процесса. Зародыши русскаго феодализма въ прошломъ и русскій капитализмъ въ настоящемъ составили краснорѣчивѣйшее свидѣтельство тѣснаго единства русскаго культурнаго развитія съ западно-европейскимъ.

И вотъ, если еще не такъ давно чувствовалась необходимость противостоять чрезмѣрнымъ литературнымъ увлеченіямъ теоріей своеобразія русской исторіи, то въ послѣднее время приходится уже наблюдать чрезмѣрныя увлеченія прямо противоположнаго свойства. Въ текущей исторической литературѣ становится до извѣстной степени какъ будто признакомъ «хорошаго тона» стремленіе выдвигать на первый планъ элементы сходства русскаго и западно-европейскаго историческихъ процессовъ, а наиболѣе нетерпѣливые по части быстрыхъ обобщеній писатели готовы даже понимать это сходство въ смыслѣ полнаго тождества. И мы готовы спросить: не пора ли уже направить напоминанія о необходимости изслѣдовательской осторожности по новому адресу, не пора ли напомнить, что въ интересахъ соблюденія исторической перспективы элементъ своеобразія во всякой мѣстной (въ томъ числѣ и русской) исторіи столь же мало долженъ быть игнорируемъ, какъ и элементъ единства основныхъ линій историческаго развитія различныхъ народовъ?

Г. В. Плехановъ, очевидно, также признаетъ необходимость и своевременность этого напоминанія и чрезъ всю вступительную часть перваго тома его труда красной нитью проходитъ стремленіе намѣтить средне-пропорціональную линію между элементами своеобразія русскаго историческаго процесса и элементами его сходства съ историческимъ развитіемъ западно-европейскихъ странъ.

Мы совершенно примыкаемъ къ тому положенію Плеханова, что пора отказаться отъ мысли о необходимости выбирать между теоріей чистаго своеобразія и теоріей чистой тождественности русскаго историческаго процесса сравнительно съ западно-европейскимъ. Единственно плодотворной задачей научно-историческаго

изученія является изслѣдованіе *относительнаго своеобразія* русскаго историческаго процесса. Это относительное своеобразіе заключается въ томъ, что основныя явленія нашей исторіи сходны качественно съ соотвѣтствующими процессами западно-европейской исторической жизни, но отличаются отъ нихъ *количественно*. Мы, съ своей стороны, предложили бы такую формулировку для этой совершенно правильной на нашъ взглядъ мысли Плеханова: содержаніе нашей исторіи слагается изъ тѣхъ же основныхъ процессовъ, которые наполняютъ исторію и другихъ странъ европейской культуры, но у насъ тѣ же процессы развертываются болѣе медленнымъ темпомъ и получаютъ менѣе заостренныя формы своего внѣшняго выраженія, благодаря особенностямъ той мѣстной географической и исторической обстановки, среди которой они разыгрываются: въ этомъ именно и состоитъ количественное относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса.

Плехановъ нѣсколько иначе формулируетъ свое пониманіе этого относительнаго своеобразія. Онъ слишкомъ усиленно упираетъ на смѣшеніе въ составѣ русской культуры европейскихъ и азіатскихъ началъ. Онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе промежуточному положенію Россіи между Европой и Азіей, и, кажется, готовъ видѣть главнѣйшее выраженіе относительнаго своеобразія русской исторіи именно въ томъ, что Россія всегда была «слишкомъ европеизирована сравнительно съ Азіей и недостаточно европеизирована сравнительно съ Европой» (с. 130). Г. Плехановъ оперируетъ при этомъ противопоставленіемъ двухъ типовъ государственнаго развитія—европейскаго, приводящаго къ правомѣрнымъ формамъ государственной жизни, и азіатскаго (очевидно терминъ «Азія» употребляется тутъ не въ географическомъ, а въ какомъ либо другомъ смыслѣ, ибо подъ «азіатскій» типъ Плехановымъ подводится и древній Египетъ), приводящаго къ установленію деспотіи. Въ русской жизни, по теоріи Плеханова, всегда зрѣли зачатки культуры европейскаго типа, но мѣстныя условія, обрекавшія Россію на экономическую отсталость, давали тѣмъ самымъ перевѣсъ азіатскимъ стихіямъ въ составѣ русскаго историческаго развитія, и русское государство отливалось въ форму слабо европеизированной восточной деспотіи. Эта постоянная борьба европейскихъ и азіатскихъ началъ, при которой первыя никогда совершенно не исчезали, а вторыя всегда рѣшительно преобладали, и обусловливала собою, по мнѣнію Плеханова, относительное своеобразіе русскаго историческаго процесса.

Схема эта подкупаетъ своей ясностью, простотой, законченностью. Но намъ думается, что въ этой выпуклой законченности ея и заключается ея недостатокъ. Многое въ этой схемѣ насъ не

удовлетворястъ. Г. Плехановъ предлагаетъ свести очень сложный историческій вопросъ къ математически прямолинейной формулѣ: Россія=Европа+Азія; слѣдовательно, за вычетомъ изъ Россіи всего европейскаго, весь остатокъ цѣликомъ объясняется изъ русской азіатчины. Все ясно и осязательно-наглядно.

Однако, историческіе процессы всегда сложны и извилисты. Для разъясненія ихъ всего менѣе пригодны законченно-отчеканенныя математическія формулы. И мы полагаемъ, что при внимательнѣйшемъ анализѣ фактовъ неизбѣжно оказалось бы: 1) что лишь въ чрезвычайно условномъ смыслѣ можно говорить о какихъ-то опредѣленно законченныхъ типахъ историческаго развитія—европейскомъ, азіатскомъ и т. п.; 2) что элементы своеобразія русскаго историческаго развитія опредѣлялись въ извѣстной мѣрѣ условіями, одинаково несходными ни съ европейскими, ни съ азіатскими культурами, ибо вѣдь нѣтъ никакой ни логической, ни исторической обязательности въ томъ, чтобы все, что «не Европа», непремѣнно было бы «Азіей». Мы думаемъ, что московское государство XVI—XVII вв. существенно отличалось не только отъ феодальныхъ монархій западной Европы, но и отъ древне-восточныхъ деспотій, какъ, впрочемъ, и сами эти древневосточныя деспотіи существенно отличались другъ отъ друга, вовсе не представляя собою безусловно одноформеннаго шаблона, и, наконецъ, 3) что въ исторіи самихъ древне-восточныхъ деспотій современная историческая наука открываетъ процессы, знакомые западно-европейскому историческому прошлому, откуда и вытекаетъ, что даже и въ тѣхъ элементахъ нашей древней исторіи, въ которыхъ Плехановъ усматриваетъ антиевропейскую «азіатчину», можетъ отыскаться на повѣрку гораздо больше «европейскаго», нежели ему представляется.

Разумѣется, я и не думаю отрицать крупной роли азіатскихъ стихій въ нашемъ историческомъ прошломъ. Я хочу только указать на рискованность слишкомъ схематическаго противопоставленія европейскихъ и азіатскихъ стихій. Многія «несходства» въ явленіяхъ нашего прошлаго съ современными этимъ явленіямъ процессами по ту сторону нашего западнаго рубежа, объясняются не столько преобладаніемъ «азіатчины» [1]) въ древне-русской жизни, сколько медленностью прохожденія нами общеевропейскаго пути: гдѣ Плехановъ иногда видитъ въ Россіи «Азію», тамъ передъ нами порою на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ запоздалое повтореніе европейскихъ задовъ, да при томъ еще повтореніе усѣчен-

[1]) Ставлю здѣсь этотъ терминъ не въ географическомъ, а въ томъ переносномъ смыслѣ, въ которомъ его употребляетъ и Плехановъ.

ное и болѣе тускло выраженное въ силу болѣе медленнаго темпа нашего экономическаго и соціальнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія Россія есть въ гораздо большей мѣрѣ «запаздывающая Европа», нежели «европеизующаяся Азія», какъ думаетъ Плехановъ.

Итакъ, мы очень высоко цѣнимъ ту заслугу Плеханова, что онъ выдвигаетъ правильную мысль объ «относительномъ своеобразіи» русскаго историческаго процесса, но мы полагаемъ, что вопросъ объ этомъ «относительномъ своеобразіи» болѣе сложенъ, чѣмъ представляется нашему автору и что для разъясненія этого вопроса требуется болѣе извилистый и болѣе дробный анализъ фактовъ нашего историческаго прошлаго, нежели тотъ, который мы находимъ во вступительномъ очеркѣ разсматриваемаго тома.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ очеркѣ г. Плехановъ удѣляетъ не мало мѣста полемикѣ съ нѣкоторыми обобщающими замѣчаніями Соловьева, Ключевскаго и нѣкоторыхъ другихъ историковъ, при чемъ полемика эта носитъ нерѣдко характеръ гораздо болѣе словесный, нежели реальный, и притомъ грѣшитъ еще тѣмъ, что критикъ, возражая названнымъ историкамъ, не всегда отличаетъ ихъ основныя обобщенія отъ попутно сдѣланныхъ ими бѣглыхъ замѣчаній. Въ положительной же части своего изложенія г. Плехановъ опять таки беретъ историческіе процессы древне-русской жизни въ самыхъ общихъ и широкихъ ихъ очертаніяхъ, не вдаваясь въ детальный ихъ анализъ; ходитъ больше по опушкѣ дремучаго лѣса историческихъ фактовъ, не заглядывая въ его чащу, и порою предпочитаетъ дедуцированіе своихъ положеній изъ нѣкоторыхъ общихъ предпосылокъ обслѣдованію фактовъ во всей ихъ конкретности. Могутъ сказать, что для вступительнаго очерка достаточно и этого. Но вѣдь самъ авторъ смотритъ на это вступленіе, не какъ на простое изложеніе нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній, а какъ на основаніе всего дальнѣйшаго содержанія своего труда согласно тезису: «сознаніе опредѣляется бытіемъ». Вотъ почему этому «бытію» и можно было бы удѣлить здѣсь больше вниманія, не только въ формѣ общей характеристики главнѣйшихъ его очертаній, но и въ формѣ болѣе дробнаго разсмотрѣнія всѣхъ составныхъ его элементовъ. Несомнѣнно, отъ этого не могла бы не выиграть и спеціальная часть разбираемаго труда посвященная исторіи «сознанія».

Въ этой спеціальной части четыре главы отведены «движенію общественной мысли» въ московскомъ государствѣ до начала смутнаго времени. Каждая изъ этихъ главъ посвящена какой-либо отдѣльной сторонѣ этого движенія общественной мысли. Такъ въ первой главѣ разсматривается «движеніе общественной

мысли подъ вліяніемъ борьбы духовной власти съ свѣтской». Въ этой главѣ, впрочемъ, главное мѣсто отведено Никону т.-е. XVII вѣку, при чемъ авторъ пользуется извѣстнымъ изслѣдованіемъ проф. Каптерева. На XV—XVI вв. авторъ останавливается мало, хотя матеріала для освѣщенія даннаго вопроса тамъ нашлось бы довольно много.

Во второй главѣ рѣчь идетъ о «движеніи общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ боярствомъ». Вся эта глава исчерпывается характеристикой произведеній Пересвѣтова. Авторъ пользуется изслѣдованіемъ г. Ржиги и при этомъ проводитъ интересное сопоставленіе между воззрѣніями Пересвѣтова и Жана Бодэна, показывая, какъ различались идеологіи этихъ двухъ теоретиковъ монархизма въ зависимости отъ того, что первый изъ нихъ выражалъ стремленіе землевладѣльческаго дворянства, а второй—стремленія и понятія третьяго сословія.

Третья глава трактуетъ о «движеніи общественой мысли подъ вліяніемъ борьбы дворянства съ духовенствомъ». Содержаніе этой главы сводится къ разсмотрѣнію «Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ». Четвертая глава посвящена «движенію общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы царя съ боярствомъ». Здѣсь разбирается полемика Ивана IV съ Курбскимъ.

Такое разсѣченіе движенія общественной мысли по четыремъ рубрикамъ имѣетъ конечно свои методологическія удобства. Но, съ другой стороны, оно неизбѣжно вредитъ цѣльности изображенія всего движенія въ совокупности. Вѣдь въ дѣйствительности всѣ эти вопросы тѣсно переплетались между собой и обусловливали другъ друга. Полезно прослѣдить поочередно развитіе каждаго изъ нихъ, но затѣмъ необходило разсмотрѣть также и ихъ послѣдовательно развивающееся взаимодѣйствіе. Намъ думается, что на эту вторую задачу г. Плехановъ обратилъ недостаточное вниманіе и потому данное имъ изображеніе идейной борьбы на Руси XV—XVI вв. не передаетъ всей ея дѣйствительной пестроты и сложности. При томъ же, г. Плехановъ далеко не использовалъ всего матеріала, относящагося до затронутыхъ имъ вопросовъ. Читатель ничего не узнаетъ изъ его книги объ исторіи зарожденія и развитія теоріи о трехъ Римахъ и о вліяніи этой теоріи на постановку ряда политическихъ вопросовъ въ московской публицистикѣ. Идеологія «заволжцевъ» совсѣмъ куда-то пропала подъ перомъ г. Плеханова. О такой характерной фигурѣ въ исторіи движенія общественной мысли той эпохи, какъ Вассіанъ Патрикѣевъ, не сказано ничего. Не прослѣживая во всей подробности филіаціи политическихъ идей въ русскомъ обществѣ XV—XVI ст., г. Плехановъ не даетъ также

полной картины того, какъ реагировала тогдашняя общественная мысль на обсужденіе выдвигавшихся на очередь государственныхъ реформъ. Онъ останавливается на разсужденіяхъ Пересвѣтова, сюда относящихся; но вѣдь не только Пересвѣтовъ занимался съ перомъ въ рукахъ такими разсужденіями. Г. Плеханову, напр., повидимому, неизвѣстно любопытное разсужденіе о назрѣвшихъ реформахъ, относящееся къ XVI ст. и подробно разобранное проф. Богословскимъ въ «Трудахъ московской археографической комиссіи». Ограничимся этими бѣглыми указаніями на допущенные авторомъ пробѣлы, хотя ихъ можно было бы значительно умножить.

Дѣло не ограничивается фактическими пробѣлами. Недостаточно подробное разсмотрѣніе г. Плехановымъ исторіи «бытія» отражается на недостаточно всестороннемъ разъясненіи нѣкоторыхъ важныхъ явленій въ исторіи «сознанія». Такъ, напримѣръ, для исторической интерпретаціи переписки Ивана IV съ Курбскимъ совершенно необходимо подробное и отчетливое изученіе исторіи переработки общественно-политическаго строя сѣверовосточныхъ удѣльныхъ княжествъ въ государственный строй Московской Руси. Не остановившись въ своей книгѣ на такомъ изученіи, г. Плехановъ лишилъ себя возможности вскрыть подлинную историческую подкладку многихъ заявленій, требованій и споровъ, вокругъ которыхъ вращалась публицистическая полемика XV—XVI ст. Можетъ быть, и г. Плехановъ при свѣтѣ такого изученія отвелъ бы въ объясненіи идей Курбскаго меньшую роль впечатлѣніямъ, полученнымъ этимъ княземъ въ Литвѣ, и нашелъ бы, наоборотъ, больше основаній для того, чтобы возвести возникновеніе этихъ идей къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ въ самой Руси возникновеніе московскаго государства.

Остальная часть книги посвящена эволюціи общественной мысли во время Смуты въ XVII столѣтіи. Врядъ ли можно присоединиться къ выдвигаемому г. Плехановымъ тезису о томъ, что событія смутнаго времени не внесли никакихъ существенныхъ измѣненій въ общественное міровоззрѣніе русскихъ людей. Литературныя произведенія, вызванныя событіями смутнаго времени, свидѣтельствуютъ о противномъ. Г. Плехановъ слишкомъ бѣгло коснулся этихъ произведеній, чѣмъ и объясняется его ошибочный выводъ. Напрасно, нашъ авторъ не посчитался, наприм., съ прекрасной статьей А. И. Яковлева: «Безумное молчаніе», помѣщенной въ Сборникѣ въ честь В. О. Ключевскаго, гдѣ весьма тонко очерчена эволюція общественныхъ взглядовъ, отразившаяся въ запискахъ современниковъ о Смутѣ.

Главы, посвященныя XVII столѣтію, почти исключительно трактуютъ о «западничествѣ» москвичей того вѣка. Здѣсь авторъ вполнѣ основательно, хотя, быть можетъ, и съ излишней пространностью, показываетъ справедливость давно выдвинутаго въ литературѣ указанія на связь возникновенія этого западничества съ военно-финансовыми нуждами московскаго государства. Плехановъ усердно полемизируетъ при этомъ съ М. Н. Покровскимъ, выступившимъ съ весьма неудачной критикой этого укрѣпившагося въ нашей литературѣ положенія. Въ этомъ полемическомъ экскурсѣ побѣда достается Плеханову слишкомъ легко, и, можетъ быть, именно поэтому и не было особенной надобности удѣлять разбору сужденій М. Н. Покровскаго по данному вопросу такъ много мѣста. Томъ заканчивается краткими характеристиками Хворостинина, Ордина-Нащокина, Котошихина и Крижанича, какъ первыхъ «западниковъ и просвѣтителей».

Не умѣемъ отвѣтить на невольно представляющійся вопросъ: почему въ исторіи движенія общественной мысли въ Россіи XVII в. авторъ ни словомъ не коснулся умственнаго броженія, связаннаго съ расколомъ?

Таковъ новый трудъ Г. В. Плеханова. Кончу тѣмъ, съ чего началъ. Разсмотрѣнная книга, какъ и все, выходящее изъ-подъ пера Плеханова, вызываетъ живой интересъ обиліемъ соображеній мѣткихъ, остроумныхъ, тонкихъ и блестяще выраженыхъ. Но съ появленіемъ этой книги задачу составленія исторіи русской общественной мысли въ до-Петровской Руси нельзя считать разрѣшенной. Впрочемъ, для разрѣшенія этой задачи и вообще требуется еще не мало предварительнаго кропотливаго монографическаго изученія цѣлаго ряда относящихся сюда отдѣльныхъ вопросовъ.

А. Кизеветтеръ.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

